

Джеффри Робинсон

Ж Е Н Щ И Н А - М И Ф

БРИЖИТ БАРДО

две
жизни

Джеффри
Робинсон

**БРИЖИТ
БАРДО**

Две жизни

JEFFREY ROBINSON

BARDOT – TWO LIWES

LONDON . SYDNEY . NEW YORK . TOKYO . SINGAPORE . TORONTO

Джеффри Робинсон

ЖЕНЩИНА - МИФ

БРИЖИТ БАРДО

Две жизни

Смоленск "Русич"
1997

УДК 820(73)-31 + 778.5(44)
ББК 84(7США) + 85.374(4 Фр)
Р 58

Серия основана в 1995 году

Перевод с английского:
А. Бушуева, Т. Бушуевой
Художник А. Барило

Публикуется впервые с разрешения автора
и его литературного агента. Любые другие публикации
настоящего произведения являются противоправными
и преследуются по закону.

Робинсон Джеффри

Р 58 Брижит Бардо. Две жизни/Пер. с англ.
А. Бушуева, Т.Бушуевой. - Смоленск: Русич, 1997. -
480 с. - («Женщина-миф»)
ISBN 5-88590-749-8

Книга Джеффри Робинсона - подробный интимный рассказ о «двух жизнях» Брижит Бардо - легенды мирового кино, знаменитой женщины и актрисы, ставшей символом Франции второй половины XX века. После шумного успеха во всем мире, в возрасте 39 лет, она решила начать новую жизнь. Отгородившись от суетного мира славы, обожания и преследований поклонников и репортеров, Бардо посвятила себя делу охраны животных.

Книга написана на основе многочисленных интервью с самой актрисой и ее близкими.

ББК 84(7США) + 85.374(4 Фр)

ISBN 5-88590-749-8

«Bardot — Two Lives» by Jeffrey Robinson
© Jeffrey Robinson, 1994
© Перевод. А. Бушуев, Т. Бушуева, 1997
© Разработка серии. «Русич», 1997
© Оформление. А. Барило, 1997

*Эта книга посвящается Селин Челси,
еще одной суперзвезде, которая изме-
нила мир.*

Il était une fois une rose
un bras qui tenait cette rose
et au bout du bras, Jeffrey.

C'est ainsi que le 10 Décembre
1994 à St Tropez, j'ai découvert
l'holoke qui en écrivant ce
livre a pris un terrible risque !

Ce jour là, entourée de chiens
abandonnés que j'essayais en
vain de faire adopter pour
le Noël des Quihoux, j'ai fait
la connaissance de ce Jeffrey
Robinson que je redoutais et
dont je me suis fait une idée de
la peste - Encore un bonholoke
qui écrit sur moi, encore un
projet en perspective, encore
un fouilleur de vie privée, un
salisseur, un opportuniste....

Et puis en l'écrivant, il
m'a apprivoisée, il m'a fait
rire, il voulait adopter tous

II les chiens, les chats.... à avoir
un charme magique et un
humour irrésistibles.

Il me racoutait mon
frère père "le bon" comme
s'il l'avait toujours connu, le
me racoutait mon enfance,
ma vie, j'étais fascinée par
la vérité et la sensibilité de
ses propos.

Je lui faisais tout confiance
puisque je le connaissais pour être
encore mieux que je le me
connaissais moi-même et je le
remerciais d'avoir la sagesse
d'abandonner une partie de
ses arts en faveur de la
Fondation pour la protection
des oiseaux.

Et tout de suite, je vous
renvoie à la page suivante....

Mr. Fuchs ardent
ST TROPEY - MARQUÉ.

Однажды жила-была роза.
И рука, что держала эту розу.
А на ее конце — Джеффри.

Именно так 10 декабря 1993 года я познакомилась в Сен-Тропезе с человеком, который, взявшись писать эту книгу, взвалил на себя громадную ответственность.

В тот день, в окружении бездомных псов, которых я тщетно пыталась пристроить к кому-нибудь на «Звериное Рождество», я познакомилась с Джеффри Робинсоном, которого до этого опасалась, избегала словно чумы — очередной тип, вознамерившийся писать обо мне, очередная тяжба, очередной посторонний человек, сующий нос в мою жизнь, сплетник, приспособленец.

Но затем, выслушав его, я сдалась. Он сумел рассмешить меня. Он предложил взять себе моих собак, моих кошек... он обладал редкостным обаянием и располагающим чувством юмора.

Он рассказал мне ряд историй про моего деда — Бума, словно знал его всю жизнь, он рассказал мне о моем детстве, о моей жизни. Я была заворожена правдивостью и тонкостью его замечаний.

Я доверяю ему, потому что он знает меня даже лучше, чем я сама. Я благодарна ему за его щедрость — готовность пожертвовать часть гонорара моему фонду ради дела защиты животных.

Я снова встречу с вами, уже на следующей странице.

Брижит Бардо.
Сен-Тропез, март 1994 года.

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ –
БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ

Я такая же женщина, как и все. У меня два уха, два глаза, нос и рот. У меня есть чувства и мысли, и помимо все прочего я еще жена и мать. Но моя жизнь становится невыносима. Моя душа больше не принадлежит мне. Слава для меня подобна чудовищу, это что-то вроде ученика чародея. Я не могу жить так, как мне того хочется. Я просто существую в подполье. Я хочу, чтобы в моем доме было чем дышать. Я не могу открыть окошко, потому что напротив на крыше сидит фотограф с телеобъективом. В моей жизни совсем мало того, что я могла бы назвать по-настоящему моим.

Брижит Бардо, 1960 год.

ЖИЗНЬ В ОСАДЕ

На провансальском диалекте юго-восточной Франции слово «мадраг» означает тяжелую веревочную сеть, которую натягивают поперек открытых заливов для ловли крупной рыбы — главным образом, тунца или акулы. В те дни. Средиземное море было еще достаточно чистым, и крупная рыба подходила к самому берегу. Вот почему и устанавливались специальные сети — случалось, они служили по десять, а то и пятнадцать лет кряду. Крепились они при помощи огромных стеклянных шаров-поплавков зеленого цвета, качавшихся на поверхности. Когда в сеть попадалась рыба, под ее тяжестью ближайший шар уходил под воду — сигнал владельцу сети, живущему на берегу, подгрести в лодке и забрать добычу. Со временем дом владельца сети тоже стал называться «мадраг». В наши дни по всему побережью разбросаны десятки вилл с этим названием, напоминая нам о некогда живших здесь рыбаках.

До 1958 года это было самое заурядное название, которому никто не придавал особого значения, пока Брижит Бардо не приобрела для себя небольшой дом в заливе Канебьер, на мысу, что выступал в море по соседству с крошечной и в ту пору мало кому известной рыбацкой деревушкой Сен-Тропез.

И почти мгновенно ее вилла «Мадраг» стала самой знаменитой на побережье. А поскольку теперь она принадлежала ей, то автоматически затмила

такие знаменитые места, как Елисейский дворец или Версаль. Ее «Мадраг» теперь меньше всего напоминал рыбацкую хижину. Бардо построила здесь симпатичный дом, а позднее появились и другие постройки — небольшой павильон, так называемый «Малый Мадраг», и еще один, совсем крошечный однокомнатный флигель для гостей, который она окрестила «миниавтобус». И все равно, как бы мы ни напрягали свое воображение, эту виллу никак не назовешь шикарной. Ей явно недостает роскоши Беверли-Хиллз. Но ведь и Брижит Бардо меньше всего мечтала видеть себя среди звезд Голливуда.

«Мадраг» представляет собой компактный двухэтажный, типичный для Прованса дом у самой кромки воды. Здесь есть просторная гостиная в светлых тонах, главным украшением которой является огромный угловой диван, обтянутый белой искусственной кожей. К гостиной примыкает столовая с потрясающим обеденным столом красного дерева, за которым легко могут разместиться двенадцать человек. Напротив находится просторная спальня, а позади нее — ванная комната с шикарной овальной ванной в полу. Кухня расположена в дальней части дома. Здесь же, внизу, имеется также и комната для гостей.

Отделка дома вряд ли отличается экстравагантностью. Но ведь, сказать по правде, сама Бардо никогда не отличалась экстравагантным вкусом. И даже если в прошлом случалось так, что она позволяла себе некоторые прихоти — например, какое-то время Бардо разъезжала на белом «роллс-ройсе», за рулем которого сидел высокий чернокожий красавец-шофер в белоснежной, под стать машине, форме, — в наши дни подобные излишества остались далеко позади.

«Мадраг» дышит чистотой и порядком — за чем следит живущая тут же в доме экономка, —

а также кажется каким-то пустым. Все те произведения искусства, что когда-то имелись здесь, и те несколько вещей, что остались на память о ее карьере в кино, были давно проданы, а деньги пошли на дело защиты животных. Правда, в доме все еще имеется несколько десятков развешанных по стенам фотографий. Некоторые фото, аккуратно вставленные в подобранные по цвету рамки, украшают собой комоды и столики. Во многих из них можно увидеть животных — котов, собак, лошадей — как покойных, так и ныне здравствующих. Среди остальных снимков в глаза бросаются несколько сильно увеличенных портретов — черно-белых и цветных — самой хозяйки дома.

На этих фотографиях она не просто поражает красотой — например, на фото 1968 года, где она, задрапированная в трехцветный флаг, изображает символ Франции — Марианну. Они сами по себе столь великолепны, что жизнь в окружении их не имеет ничего общего с нарциссизмом. Это торжество красоты как таковой.

Из столовой, гостиной и спальни в огромные окна виден залив. Первое, что приходит вам в голову, когда вы стоите посреди ее дома и смотрите в эти окна, — насколько беззащитна Бардо со стороны моря. Поэтому стоит ли удивляться, что начиная с первого дня, как только она сюда переехала, «Мадраг» находится на осадном положении.

Еще в те времена, когда словечко «выслеживание» не успело превратиться в расхожий термин, коим ныне принято обозначать опасность, которой подвергаются знаменитости со стороны назойливых поклонников, ее выслеживали и преследовали самым нещадным образом. Случалось, из воды на сушу выходили пловцы — чем-то это уже напоминало высадку союзников, что когда-то имела место в нескольких милях отсюда, —

которые затем нахально располагались на ее пляже. Ими двигало желание сфотографировать ее, поговорить с ней, попытаться прикоснуться к ней, стащить ее пляжные полотенца, а порой и бросить в лицо оскорбление.

Иногда любопытные приезжали сюда на машинах или в туристических автобусах, парковались прямо перед ее воротами, пытались подглядывать через забор, нажимали на дверной звонок в надежде, что она откроет им ворота, а не дождавшись, случалось, просто брали штурмом это препятствие и разгуливали вокруг ее дома — кто знает, а вдруг хозяйка снизойдет до встречи с ними.

А еще они приплывали в лодках — каждый год, буквально тысячами, такая армада, — бросали якорь в двадцати метрах от берега и терпеливо дожидались возможности сфотографировать ее, позвать к себе или же просто поглазеть.

Прогулочные катера тоже не были исключением. Двухчасовая экскурсия по заливу Сен-Троpez сопровождается переводом на шесть языков, и все удовольствие обходится в 40 франков. Подобно автобусам, которые совершают набеги на Беверли-Хиллз и шумят — во всю мощь громкоговорителей рядом с домами звезд, — эти незваные гости непременно делали остановку возле ее дома. «Ну и наконец, дамы и господа, в завершение нашей программы — «Мадраг», самая знаменитая вилла во Франции, поскольку именно здесь живет Брижит Бардо! А если вам повезет, дамы и господа, вы сможете увидеть звезду собственной персоной, да еще в купальном костюме на ее частном пляже!» И гид в микрофон принимался рассказывать пассажирам все, что те желали услышать о ней, а громкоговорители звучали во всю мощь, так что все до последнего слова было слышно на берегу.

В разгар сезона подобные спектакли разыгрывались по шесть раз на дню. И пока гид произносил свою заранее заготовленную речь, туристы, расталкивая друг друга, пытались пробиться к борту крошечного катера, протискивались к перилам, таращась вовсю в видоискатели фотоаппаратов и бинокли в надежде лицезреть ее, словно она некая добродушная горилла в клетке зоопарка, что радостно скачет от лианы к лиане всякий раз, как только заявится толпа зевак с бананами.

Бесцеремонные туристы бились за удобное место у борта, а катер кренился, едва не черпая бортом воду. Случалось, что столько народу одновременно наваливалось на перила, грозя перевернуть суденышко, что гид бывал вынужден умолять пассажиров:

— Господа, прошу вас, успокойтесь, мы задержимся у дома Брижит ровно настолько, чтобы все сумели сделать снимки. Прошу вас, отойдите от перил, не толкайтесь, уступайте место следующим, прошу вас, не сбивайтесь в кучу, отойдите от борта. Дом Брижит никуда от вас не уйдет, да и мы тоже. Прошу вас, отступите назад.

И так до бесконечности. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Толпы зевак, туристы и папарацци* являлись сюда за фотографиями, любители и профессионалы — в особенности профессионалы — орда за ордой, со всех концов света. Они слетались в Сен-Троpez как стая саранчи, занимали удобные позиции перед ее воротами или на пляже, залезали на деревья или стоящие неподалеку телефонные столбы, либо качались на волнах, днями, а то и неделями дожидаясь ее появления.

* Папарацци (*итал.*) — фотографы бульварных изданий (здесь и далее прим. пер.).

Бардо не раз подвергалась опасным и отвратительным нападкам.

Не раз лужайку возле дома Брижит оккупировали совершенно не знакомые ей люди, а как-то раз один из этих незваных гостей оказался в ее постели.

Однажды ночью в августе 1964 года, когда Брижит принимала у себя гостей, на берег из резиновой лодки, словно десант, высадилась банда воров. Грабители совершили набег на дом и унесли с собой все драгоценности и деньги. Бардо время от времени находила у себя в лодочном домике микрофоны, а из соседних кустов ее тайком снимали на кинокамеру. Какие-то незнакомцы появлялись у ее ворот с букетами цветов, прочем все они, как правило, полагали, что совершают нечто оригинальное, заявляя, что прибыли к ней с подарком от местного флориста*. Другие приносили с собой вино или шампанское в наивном заблуждении, что никто до них не додумывался до подобной галантности.

Как-то раз к ней заявился молодой человек с тортом и шампанским. Незнакомец самоуверенно заявил, что намерен провести с ней ночь.

Бывало, к ней пробирались любители поплескаться ночью у нее в бассейне или же заняться любовью прямо на ее пляже (а заодно снять это на пленку), или же попользоваться ее душем, или же вломиться в «Малый Мадраг», дабы воспользоваться уборной, или же просто голышом попасться ей на глаза.

Как-то раз в пять утра к ней в спальню забрел некий любитель спиртного. Бесцеремонно устроившись на софе, он основательно приложился к ее запасам виски, а затем разбудил хозяйку истошными воплями: «Брижит, Брижит, эй ты, сука, ну-ка давай, проваливай отсюда!»

* Флорист — владелец цветочного магазина.

Телефон в ее доме трезвонил без умолку с утра до вечера, а бывало, и всю ночь напролет, — несмотря на то, что она регулярно меняла свой, не внесенный ни в какие справочники номер. Люди на другом конце провода делали извращенные предложения, угрожали ей, бормотали непристойности. Бывало, в день в ее доме раздавалось до двухсот звонков.

А еще к ней по почте приходили самые несуразные вещи — например, однажды пришло заляпанное кровью письмо. Его автор, некая особа, поясняла, что перерезала на запястьях вены и угрожала убить себя, если Брижит в срочном порядке не вышлет ей денег. Но эту попытку вымогательства еще можно назвать любительской. Куда более серьезная попытка была предпринята против Брижит в 1961 году. Так называемая «Секретная Армия» — подпольная организация ОАС — поставила себе целью свергнуть Шарля де Голля за якобы проявленное им малодушие и уход Франции из Северной Африки. Вскоре после этого Бардо получила письмо с угрозой: если актриса откажется пожертвовать оасовцам 50 миллионов (старых) франков (приблизительно 3.600 фунтов), ее вилла взлетит на воздух. Без каких-либо колебаний Бардо передала письмо полиции, которая тотчас взяла ее дом под наблюдение. Спустя несколько дней, после того как содержание письма стало достоянием гласности, полиции удалось установить личность автора. Им оказался один аферист, который рассылал подобные записки другим знаменитым французам и использовал их деньги, но не в помощь ОАС, а для того, чтобы приобрести для себя отель в Швейцарии.

Еще через несколько лет Брижит начала получать письма от одного заключенного, а поскольку он показался ей человеком довольно милым, она написала ему ответ. Этот парень просил ее совета,

как ему научиться играть на гитаре. Полагая, что может сотворить благо для этой заблудшей души, Брижит отправилась в музыкальный магазин, где купила ему самоучитель игры на гитаре, чтобы бедняга смог самостоятельно освоить простейшие аккорды. Тогда эта просьба показалась ей совершенно невинной. Однако «гитарист» воспринял ситуацию в совершенно ином ключе и в один прекрасный день, когда его переводили в другую тюрьму, совершил побег. На следующие утро ни свет ни заря, спасаясь от полиции, он уже стучал в ворота «Мадрага», требуя, чтобы Брижит спрятала его у себя в чулане.

В другой раз полиция арестовала перед ее домом какого-то типа с автоматом «Узи» в руках. А еще однажды какой-то ненормальный перебросил через забор чемодан, в котором оказался игрушечный пистолет. Как-то раз поздним вечером под окнами ее дома был замечен какой-то подозрительный незнакомец, и лишь подоспевшие жандармы сумели выдворить его прочь. Однако на следующую ночь наглец уже снова был тут как тут — на этот раз он попробовал вскарабкаться на крышу. При аресте у него обнаружили нож.

А еще как-то к ней в дом вломился некий полоумный субъект, который с кулаками набросился на сторожа и сломал ему нос. А еще один на протяжении нескольких лет то и дело пытался проникнуть в «Мадраг», уверенный, что его примут здесь с распростертыми объятиями. Жандармам то и дело приходилось выпроваживать наглеца, а Брижит, отчаявшись, даже предложила оплатить ему обратный проезд. В течение нескольких лет какой-то американец, словно по расписанию, стал появляться перед ее домом, в надежде, что ему будет предложено погостить. У него даже хватило наглости заявить своим друзьям в Штатах, что лето он про-

ведет в гостях у Брижит. Он даже перевел свою корреспонденцию на ее адрес.

Однажды, когда Брижит с друзьями загорала на пляже, над ними пролетел вертолет с эмблемой Французской национальной полиции. Заметив внизу обнаженную блондинку, пилот описал небольшой круг и вернулся, чтобы взглянуть еще раз. Поняв, что на него не обращают внимания, пилот сделал третий заход. Затем четвертый. Пятый. С каждым разом он становился все наглее, опускался все ниже, пытаясь привлечь к себе внимание. Неожиданно он оказался слишком низко и, не сумев описать очередную дугу, рухнул в море.

В другой раз, когда Брижит с друзьями проводила время на пляже, она заметила в море, в десятке метров от берега, ящик оранжевого цвета. Надо сказать, что плавающий в море мусор теперь мало кого удивляет, и поэтому никто из присутствующих на пляже не увидел в этом ничего подозрительного. Однако спустя час этот оранжевый ящик покачивался на волнах все там же, где и раньше. Одному из друзей Брижит показалось подозрительным, что его не отнесло течением, и он решил проверить, в чем тут дело. Под ящиком оказался мужчина в водолажном костюме, а в руках у него — камера с телеобъективом.

Однажды вечером, когда Брижит с друзьями устраивала на пляже небольшой пикник, ей показалось, будто в кустах за домом раздался подозрительный шорох. Старый друг Брижит, французский актер Андре Пуссе, заслуживший себе репутацию сильного парня не только на экране, но и участием во время войны в движении Сопротивления, тотчас поднялся и пошел взглянуть, что там в кустах. Пуссе, крадучись, выследил темную фигуру, выждал удобный момент, после чего сгреб в охапку незваного гостя и прижал его к стене.

«Какого черта тебе здесь надо? — прорычал он.

— Но я ведь же сделал ничего плохого! — незнакомец окаменел от ужаса — Пуссе держал его мертвой хваткой, — у меня дурного и в мыслях не было. Прощу, вас. Я никого не хотел обидеть!

— Тогда какого черта тебе здесь нужно?

— Я просто пришел за бельем, — парень был ни жив, ни мертв. — За ее бельем. Ну, вы сами понимаете, всякое такое.

— Что — всякое такое? — Пуссе и не думал отпускать беднягу.

— Ну, вон то, — и парень попытался указать на бельевую веревку. — Ну, вон там. Вот это.

Пуссе повернул голову.

— Ее нижнее белье?

— Да-да, это все, за чем я пришел, — пытался объяснять парень. — Я прихожу сюда и краду ее белье. Затем я режу его на небольшие квадратики, приклеиваю их на открытки и продаю открытки туристам.»

Временами единственным способом уберечь себя от любопытных взглядов было либо весь день сидеть взаперти, либо отгораживать пляж простынями. Бардо то и дело жаловалась фотоаппаратам: «Я словно пленница».

И пока она жаловалась — иногда пытаюсь урезонить их, а иногда набрасывалась на них с криком, — те как ни в чем не бывало продолжали снимать.

Кстати, Брижит никак не могла взять в толк, зачем им это надо.

«Я каждый день выгляжу совершенно одинаково. Каждый день я хожу в одном и том же купальнике. И каждый день сюда налетают фотогра-

фы, чтобы нащелкать новые снимки. Вчерашние их уже не устраивают. Точно такая же фотография, но сделанная неделю назад, им, видите ли, уже не подходит».

Ничуть не лучше, а порой и хуже бывало, когда она выезжала за ворота «Мадрага». Отправиться с ней в ресторан означало, что вся округа соберется там, чтобы поглазеть на знаменитую актрису. В лучшем случае, толпа будет терпеливо дожидаться у входа, когда же она наконец пройдет мимо. И тогда зеваки двинутся вслед за ней по улице.

Та же самая картина имела место, когда Брижит отправлялась в клуб. Ее появление там неизменно расценивалось как самое главное событие вечера, в то время как на улице еще больше народу толпилось в надежде взглянуть на нее, когда она будет выходить.

Брижит уже давно дала себе зарок нигде не появляться без провожатых. И если ей требовалось куда-то пойти или съездить, а попутчик так и не находился, ей ничего не оставлось, как отказаться от этой затеи и сидеть дома.

Как-то раз, когда в «Мадраге» гостил Пуссе, Брижит попросила его съездить вместе с ней в магазин одежды, что напротив городской ратуши Сен-Тропеза. Пуссе пытался отговорить ее от этой затеи, уверяя, что ничего не смыслит в покупках. Однако Брижит настаивала на своем, и в конце концов ее гость был вынужден сдаться — ведь если он не поедет с ней, ей придется остаться дома. Они вдвоем отправились на машине в город, припарковались около порта и по узким пустынным улочкам дошли до магазина.

Пуссе был уверен, что им удалось остаться незамеченными.

Когда же, всего через каких-нибудь четверть часа, они выходили из магазина, у выхода на тро-

туаре их уже поджидали человек сорок. По Сен-Тропезу уж прокатился слух, что Бардо в городе, и Пуссе пришлось силой прокладывать ей дорогу.

Но, по крайней мере, в Сен-Тропезе, когда Брижит отправлялась куда-нибудь с друзьями, — хотя само по себе это тоже было неудобством, — ей, как правило, еще удавалось отделаться легким испугом. В иных местах и иных ситуациях ее преследователи оказывались совершенно неуправляемы. Бывало, что единственной возможностью для нее улизнуть из отеля или со съемочной площадки было подыскать себе дублершу, загримировать ее под Брижит Бардо и отправить в главную дверь, чтобы, пока толпа не раскусила ее маневр, юркнуть через черный ход. Однако следует заметить, эта уловка сработала всего несколько раз. Досужие поклонники вскоре додумались блокировать все входы и выходы.

«Она не просто страдала от своей славы, — заметил ее старый приятель, Джо де Салерне, с которым дружба связывала ее более 30 лет. — Дело даже не в этом. Ее жизнь превратилась в ад. Она была словно загнанный зверь».

В Италии какой-то сумасшедший пытался среди ночи вломиться к ней в номер. Во второй раз это ему удалось, и он держал ее в страхе до тех пор, пока на ее крики не подроспела полиция.

В Женеве в первый вечер съемок картины «Частная жизнь» полиция была вынуждена оцепить площадку, чтобы как-то сдержать натиск тысячной толпы. Тем не менее хорошо одетая дама сумела-таки пробраться сквозь кордон и, обнаружив Брижит, принялась плевать ей в лицо. А спустя несколько недель там же, в Швейцарии, когда Брижит вместе со знакомой делала покупки, толпа окружила их со всех сторон, прижав к витрине ювелирного магазина. Не выдержав такого напора, стекло треснуло, и пленницы упали внутрь.

В Португалии, во время праздничного концерта, толпа буквально заблокировала вход, и пока Брижит продиралась к дверям, с ее платья отлетели все пуговицы. В Риме во время съемок кто-то, чтобы только сфотографировать ее, разбил окно в женском туалете.

В Лондоне, во время съемок ленты «Очаровательная идиотка», перед съемочной площадкой ее уже поджидали пятьсот человек. Давка была такая, что Брижит даже не смогла выйти из машины. В надежде очистить улицу полицейский велел шоферу завернуть за угол и объехать квартал. Спустя полчаса толпа уже разрослась до тысячи человек, и тогда полиция дала распоряжение пропустить Брижит. В результате лондонские уличные сцены снимались в павильоне во Франции.

В Париже, когда Бардо отправилась купить себе сумочку, за ней по пятам увязалось четыре машины, до отказа забитые репортерами и фотографами. Как-то раз в Мерибеле, на Рождество, когда Брижит выходила из квартиры, направляясь на ночную мессу, какая-то старуха, поджидавшая ее на улице, принялась обзывать ее «сукой» и «потаскухой», а затем стала швырять в нее камнями. В который раз разыгралась сцена в духе Марии Магдалины.

«Слава приятна первые полгода, — говорит Брижит, — самое большее — год, а затем ты уже сыта ею по горло, если, конечно, ты не отъявленная дура».

БУРЖУАЗИЯ

Есть во Франции одна расхожая шутка. Некий господин ищет себе секретаршу, и к нему обращаются три молодые женщины — американка, англичанка и француженка. Будучи не в состоянии сделать выбор, он решает устроить небольшую проверку, чтобы выбрать ту, что лучше других ответит на его вопрос: «Вы — единственная женщина на частном самолете, кроме вас на борту еще два десятка мужчин, все они красавцы, мужественные, мускулистые атлеты. Ваш самолет терпит в пустыне катастрофу. Вокруг ни души, кроме вас и этих мужчин. Что вы будете делать?»

Американка отвечает, не раздумывая: «Я умею позаботиться о себе. В тех местах, откуда я родом, все еще жив дух Дикого Запада. Так что я выманю всех этих парней из самолета, сама быстро прыгну назад, забаррикадирую дверь и буду ждать, когда подоспеет помощь».

«Прекрасно, — говорит мужчина и обращается к англичанке: — А вы?»

«В стране, откуда я родом, — поясняет та, — веками живет традиция галантного отношения к женщине. Вы сами знаете, рыцари в начищенных до блеска доспехах и все такое прочее. Так что я выберу себе самого сильного парня, с самыми крепкими мускулами и постараюсь убедить его, что он должен защитить мою честь. Уверена, что он мне не откажет».

Мужчина кивает, явно довольный ответом. «Хорошо, — говорит он и поворачивается к француженке: — А вы?»

Та задумывается и медлит с ответом.

Мужчина теряет терпение и удивленно переспрашивает ее: «Вам что, непонятен вопрос?»

Французенка пожимает плечами: «Разумеется, понятен. Но в чем проблема?»

Когда Билли и Джо вернулись домой в Штаты после второй мировой войны — «Большой войны», как было принято говорить в те годы, когда все еще давали войнам порядковые номера, — как только речь заходила о Франции, они тотчас начинали подмигивать друг другу и обмениваться многозначительными улыбками.

«Эти французы! — игриво подмигивали они друг другу, — секс прочно засел у них даже в мозгах!»

Им довелось вкусить соблазн в первые две недели в Париже сразу после освобождения города, и они отпраздновали поражение немцев с какой-нибудь Мими или Фифи, а может, и с той и другой вместе. И снова многозначительное подмигивание. «Эй, да эти девчонки носят черное белье! Вы когда-нибудь видали американку в черном белье? Боже милостивый, разве в Кливленде увидишь нечто подобное?»

Но ведь в глазах всевозможных Билли и Джо Франция, в первую очередь, была страной, подарившей миру маркиза де Сада, игральные карты с обнаженными женщинами, запрещенные книги и приставку «французский» к таким словам, как «поцелуй», «открытка», «письмо» и «тост».

Чего им, однако, не дано было знать, так это того, что в далекие стародавние времена французская женщина была совершенно бесправным существом. Мучительно медленный процесс идеализации женщины начался в XII-XIII веках, то есть в эпоху рыцарства. Трубадуры воспевали их ласки, что, в свою очередь, привело к тому, что порой женщины не знали, куда им деваться от своих обожателей. Где-то в середине XIV века представительницы прекрасного пола из числа

аристократок выступили в роли провозвестниц феминизма, изобретя так называемые «Суды любви», с тем чтобы поставить отношения между полами на законодательную основу. Например, как-то раз суд постановил, что замужняя женщина, не желающая отвечать взаимностью своему бывшему возлюбленному, совершает великую ошибку. Вот что изрек по этому поводу судья: «Брачные узы отнюдь не исключают прав первой любви, если, разумеется, дама не сочтет нужным целиком и полностью воздерживаться от любовных утех».

Тот же самый суд постановил, что в случае брака по расчету — а таковые имеют место и по сей день — ни о какой любви не может быть и речи. Что, в свою очередь, привело к возникновению пропасти, которая со временем стала еще шире, между романтическим увлечением и браком. Следующим логическим шагом стало возведение супружеской неверности в ранг национального института. Прелюбодеяние, совершаемое с пяти до семи («*cinq à sept*») — вот то, чем занимаются французы, когда, англичане чинно распивают свой чай, а американцы смешивают мартини. Любовница-француженка в полном вашем распоряжении, потому что ее муж сейчас у своей любовницы, чей муж — в свою очередь — у своей. По мнению французов, это самый цивилизованный способ уберечь брак от распада и одновременно вполне приемлемая альтернатива семейной скуке — этакий предохранительный клапан, который, согласно французской логике, не дает довести дело до развода. Свою лепту в этот «национальный портрет» внес и Наполеон, когда на нескольких аукционах обнаружили его письма к Жозефине. Император без тени смущения писал о том, чем бы он хотел заняться с ней. При разводе с ней он пустился в не менее откровенные рассуждения о

том, что у нее самые прекрасные «интимные части» в мире, «но она слишком много лгала ему».

В то время как остальной мир делает героев из центральных нападающих футболистов, французы превозносят своих скандально знаменитых женщин. В середине семидесятых одна французская нефтяная компания предлагала своим клиентам в придачу к бензину небольшие памятные медали с историческими зарисовками о самых знаменитых любовницах.

Собственно говоря, почему бы нет? Ведь влияния женщин невозможно отрицать. Мария Антуанетта вышла замуж за Людовика XVI не только из-за его денег и приятной наружности, но и из-за политической выгоды — этот брак способствовал укреплению союза между Францией и ее родной Австрией. И хотя сия особа не была француженкой, она быстро усвоила местные нравы. Когда по прошествии семи лет ее брак все еще оставался таковым только на бумаге — остается только гадать, чем же был занят король на протяжении всего этого времени, — королева-австрийка стала широко практиковать «*cinq à sept*» с неограниченным числом офицеров королевской гвардии. Можно сказать, она с головой окунулась в бесконечные развлечения и не выныривала из них, чтобы сделать хотя бы глоток воздуха, до самой своей смерти.

Однако главную награду за верное служение главе французского государства следует присудить Мег Стейнхилл. Она была «*petite amie*» — «маленькой подружкой» Франсуа Феликса Форэ. Форэ был президентом Франции с 1885 по 1899 год и страстным любителем «*cinq à sept*». Он частенько говаривал о мадам Стейнхилл: «Она способна разжечь огонь в чреслах любого мужчины».

Сам того не ожидая, бедняга стал наглядным доказательством собственной теории. Во время одного из их регулярных свиданий, что имели место

ранним вечером в его кабинете, он умер прямо в ее объятиях. Форе до сих пор вспоминают с любовью и теплотой — в каждом городе Франции найдется улица, названная в его честь, однако истинной героиней этой истории, несомненно, является мадам Стейнхилл.

В отличие от англоговорящих народов — которым, как мне кажется, довольно трудно принять идею супружеской неверности и то, какие коленца в этом отношении позволяют себе выкидывать политики и иные общественные деятели, — французы смотрят на подобные вещи сквозь пальцы. А если и случается, что они бывают огорчены, то, как правило, по иным причинам, как например, в 1914 году в случае с мадам Кейло, супругой тогдашнего премьер-министра. Газета «Фигаро» опубликовала несколько писем, написанных премьером своей любовнице. Возмущенная мадам Кейло пришла в редакцию и с криками набросилась на главного редактора. «Оставьте моего мужа в покое!» — после чего вытащила пистолет и застрелила беднягу. Французы были в восторге.

Де Голль, по всей видимости, был равнодушен к сексу — по крайней мере, что касается внебрачных связей. Иное дело его премьер-министр и впоследствии тоже президент Жорж Помпиду. Его имя оказалось прочно связано с громким скандалом — некий фотограф снимал знаменитых людей, когда те были заняты «кое-чем».

Не разочаровал французов и преемник Помпиду, Валери Жискар д'Эстен. На протяжении многих месяцев после его избрания на этот высокий пост в 1974 году д'Эстен имел привычку, почти не таясь, покидать среди ночи Елисейский дворец, чтобы навестить «друзей».

Когда Франсуа Миттеран сменил д'Эстена на этом посту, он перенял привычки своего предшественника. С тех пор его имя так или иначе роман-

тически связано с именем буквально каждой знаменитой француженки.

То, что французские политики проводят время за любовными утехами с дамами, с которыми их не связывают узы брака, само по себе понятно, если принять во внимание тот факт, что на протяжении долгого времени французские женщины не имели иной возможности осуществлять политическое влияние. Ведь до 1946 года они были лишены права голоса. И лишь в 1965 году они получили возможность самостоятельно открывать банковский счет — до этого непременно условием было письменное согласие мужа или отца.

Под давлением обстоятельств французская женщина была вынуждена выработать особую сексуальную культуру, этакое свое собственное «культурное наследие». В результате, в глазах француженки обнаженное тело отнюдь не ассоциируется с сексом. Достаточно одного короткого пребывания на любом из французских пляжей, чтобы заметить женщин любого возраста без бюстгалтера, а порой и без нижней части купальника. Француженке ничего не стоит раздеться, ибо они не видят в этом ничего эротического. Она может просидеть без лифчика у всех на виду весь день. Она может встать и отправиться к воде, не обращая ни малейшего внимания на толпы на приморском бульваре. Но если вы подойдете к ней, чтобы завязать разговор, первое, что сделает француженка, это вернет на место бюстгалтер.

Из чего вытекает, что француженка — это клубок противоречий. Для нее существует, например, секс и Секс. И тот и другой различаются как небо и земля. Один непременно является частью любви. Другой, по традиции, нечто вроде награды. Познание азов телесной любви до брака обозначается словом «*pratiquer*» — «тренировка», ведь без нее «не достичь совершенства». Возможно, инос-

трантные туристы до сих пор не обращают внимания на одну маленькую хитрость — что в большинстве лучших французских отелей в номере обязательно найдется платяной шкаф с зеркалом на двери, которую при желании можно направить на постель. Если вы об этом знаете — что ж, прекрасно, если нет — не велика беда.

В культурной среде, где женщина занимает примерно такое же место, что и королева на шахматной доске, — заветная награда, которую невозможно взять без боя, француженка научилась казаться недосыгаемой и загадочной, временами даже абсолютно беспардонной, временами — невинным ребенком или же соблазнительницей. Она дуется. Она впадает в меланхолию. Она хлопает дверью. Она уводит вашу законную награду прямо у вас из-под носа, а затем, как ни в чем не бывало, дразнит ею снова, чтобы в очередной раз обмануть — и так до тех пор, пока она не будет готова покориться вам, но только на своих собственных условиях.

Она совершенно спокойно воспринимает свою сексуальность, хотя одновременно это немного ее пугает. Ей хочется, чтобы ее обнимали, целовали, ласкали со всем романтическим пылом, на какой только способен мужчина. Ей нужна поэзия, свечи и луна. Но в ее психике есть и нечто такое, что словно предупреждает вас, прежде чем вы заявите о своих правах на нее, что ей позволено быть глупой девчонкой, вредной, капризной, холодной, невыносимой, загадочной, полной предрассудков, зависимой, непредсказуемой, даже хищной в том, что касается выбора обожателя, и бессердечной по отношению к тем, кого она отвергает.

Но, Бог свидетель, она проделывает все эти штучки с только ей свойственной врожденной грацией, и, мне кажется, любовь француженки — достойная награда для влюбленного мужчины.

Брижит Анна-Мари Бардо родилась на свет француженкой 28 сентября 1934 года.

Да, этот год был богат на события. Кол Портер написал свою знаменитую песню «Ты совершенство», Леопольд стал новым королем Бельгии, в Англии законодательным актом были введены испытания на водительские права, Гитлер в Венеции встречался с Муссолини, Советский Союз стал членом Лиги Наций, скончался Раймон Пуанкаре, Уистон Черчилль выступил с предупреждением в парламенте о германской угрозе, Сталин после убийства Сергея Кирова начал свои «чистки», Япония в одностороннем порядке аннулировала все свои договоры с США, а Скотт Фитцджеральд написал роман «Ночь нежна». А еще погибли Бонни и Клайд; родились Ральф Надир, Софи Лорен; умерли Эдвард Эльгар, Фредерик Демиус и Мария Кюри; родился Юрий Гагарин; Франк Капра удостоился награды Академии за ленту «Это случилось однажды ночью», Аль Капоне был заточен в тюрьму Алькатрас; на воду спущена «Королева Мэри», ФБР застрелило Джона Диллинджера; в семействе Дионн на свет появились пятеро близняшек; на Уимблдонском турнире женщины впервые облачились в шорты; Макс Баер одержал победу над Примо Корнерой в поединке за звание чемпиона мира в тяжелой весовой категории; Франклин Рузвельт девальвировал доллар, а Мао Цзэдун начал свой «Долгий марш».

Брижит появилась на свет в постели своей матери в родительской квартире на площади Вьоле в 15-м округе Парижа, что в пяти минутах ходьбы от Эйфелевой башни, как раз перед обедом. Весила она 7 фунтов и 11 с половиной унций (приблизительно 3,2 кг). Согласно давно установившейся в буржуазной среде традиции, супруги формально оповестили публику о рождении Брижит на стра-

ницах «Фигаро», в Лондоне и Нью-Йорке подобное подтверждение социального статуса делается на страницах «Таймс».

Вскоре Брижит приобрела в кругу семьи такие прозвища, как Бриттон и Бри-Бри. Кстати, родители ее также были весьма примечательными людьми. Анна-Мари Мюсель родилась в Париже в 1912 году, однако выросла в Милане, в шумной французской колонии. Там она получила образование, какое в то время было принято давать благородным барышням — то есть занималась музыкой и танцами.

Друзья прозвали ее Тоти. Это была симпатичная женщина с выразительными темно-зелеными глазами, элегантными манерами и строгими правилами поведения.

Луи Бардо родился в Париже в 1896 году. Он окончил, получив диплом инженера, Высшую электротехническую школу, позднее отец ввел его в семейное дело, фирму «Шарль Бардо и К°, производившую сжатый воздух и ацетилен. Луи, прозванный друзьями Пилу, был высоким седеющим блондином. Он гладко зачесывал волосы назад, а круглые очки только подчеркивали строгие черты его лица. Луи был не лишен красноречия, однако его патрицианская внешность оказывалась обманчива. Пилу был не чужд юмора и, по мнению многих, был настоящей душой компании. В более поздние годы он купил виноградник, чтобы делать собственное вино, и научился ходить на яхте под парусом.

Парочка познакомилась на званом обеде в Милане в начале 1933 года. Пилу, которого в Италию привели дела, сидел на одном конце огромного стола и, как водится, сыпал остротами. Поскольку по возрасту он был старше остальных гостей, все буквально смотрели ему в рот.

В особенности Тоти.

Набравшись мужества, она перебралась на ко-

нец стола и, усевшись рядом с ним, сказала: «Мне хочется сидеть поближе к солнцу». Как говорят французы, то была «*coup de foudre*» — любовь с первого взгляда, которая позднее переросла в нечто более серьезное. Они поженились в Париже 3 августа 1933 года в католической церкви прихода Сен-Жермен-де-Пре.

К тому времени как на свет появилась Брижит, Пилу уже возглавлял семейный бизнес. Его контора находилась в доме №39 на улице Винеz, то есть в самом центре французской столицы по соседству с площадью Трокадеро. Правда, большую часть времени Пилу проводил на принадлежащей их фирме фабрике в парижском пригороде Обервиль. Пилу привык относиться ко всему, в том числе и к семейному делу, со всей серьезностью, и его рабочий день начинался в шесть утра. А вот по натуре он все-таки был мечтателем и романтиком, и Тоти частенько говорила, что Пилу идет по жизни с розой в руке.

Он был из тех мужчин, что раскланиваются и целуют дамам ручки — истинный романтик старой школы. Пилу постоянно носил при себе блокнот, в который записывал приходившие ему в голову мысли. Порой это бывал анекдот о его собственной семье. Порой — любовное послание, которое он затем оставлял на прикроватном столике Тоти, чтобы та, проснувшись, могла его прочесть. Но чаще всего это были стихи, причем весьма неплохие. Используя в качестве псевдонима свое домашнее прозвище, он опубликовал несколько поэтических сборников, в том числе и «*Vers En Vrac*» — «Стихи оптом», которые принесли ему Вокеленовскую премию Французской академии слова. Кроме того, месье Бардо, как ветеран первой мировой войны, являлся кавалером ордена Почетного легиона и Военного креста.

И хотя поэзия воистину была его страстью, он

вскоре развил не меньшее пристрастие к небольшой кинокамере, которую купил, когда Брижит исполнился год. Задолго до того, как девочка узнала о существовании кино, она уже «блистала» в домашних лентах Пилу.

Брижит прошла через руки нескольких нянь, и ее ранние годы можно считать безмятежными и размеренными. Первой ее гувернанткой была итальянка, и Брижит до сих пор бегло говорит на этом языке. Она также владеет английским, хотя демонстрирует свое умение с явной неохотой, под тем предлогом, что ей не хватает практики. Тем не менее, она гораздо свободнее общается на этом языке, чем готова это признать. Спросив, как будет по-английски французское слово — «thym» — «thyme», что значит «тимьян», она тотчас каламбурит: «А, как например thyme is money»*.

С площади Вьолет семья перебралась в квартиру на авеню де ля Бурдоннэ, находящуюся под сенью Эйфелевой башни, а позднее в еще более просторные апартаменты в доме №1 по улице ля Помп, на другом берегу Сены в 16-м округе, в квартале, более известном как Пасси, то есть в самом сердце буржуазного Парижа. Семья занимала девять комнат на пятом этаже, обставленных старинной мебелью. Посередине квартиры тянулся громадных размеров коридор — от прихожей и до кухни, по соседству с которой обитала прислуга. Само здание смотрелось внушительно и солидно — иными словами, это был престижный адрес, — даже несмотря на то, что от гидравлического лифта сотрясалась вся квартира.

В надежде произвести на свет наследника для Пилу, родители Брижит предприняли вторую попытку. Абсолютно уверенная, что ждет мальчика, Тоти даже не задумывалась о девичьих именах.

* «Time is money» — «время — деньги».

Когда же в мае 1938 года родилась вторая дочь, они с Пилу остановили свой выбор на самом незамысловатом сочетании имен — Мария, в честь самой Тоти, и Жанна, в честь ее матери. Так сестра Брижит получила при крещении имя Мари-Жанна, однако в свидетельство о рождении по чьей-то оплошности закралась ошибка, и на бумаге закрепилось имя Мари-Жан. Вряд ли это имеет большое значение, поскольку, как и все остальные в семье, она также удостоилась прозвища. Даже сейчас ее все называют Мижану.

«Нелегкое дело быть сестрой Брижит Бардо, — признается она, — нелегко было с самого начала. То есть не тогда, когда Брижит превратилась в кинозвезду, а с того момента, когда мне был от роду один час. Недавно она призналась, что когда я появилась на свет, она страшно меня ревновала. Мне это понятно. В конце концов, после того как на протяжении первых четырех лет жизни она была единственным ребенком в семье, неожиданно появляюсь я и порчу ей всю картину. Более того, ведь мои родители ожидали мальчика и все были просто уверены, что в семье появится сын, а когда Брижит увидела, что получила сестру, когда ей стало ясно, что в доме появилась еще одна девочка, ей было очень трудно примириться с этой мыслью».

Ничем не отличаясь от других детей-первенцев, которым приходится делить родительскую любовь с кем-то еще, Брижит прочно застолбила свою территорию.

«Но в конце концов, — продолжает Мижану, — все это вполне было в ее духе. Возможно, это проистекает из сущности характера моей матери — вряд ли ее нежности хватило бы на двоих. Я не хочу сказать, что ей вообще была несвойственна нежность. Но она была ужасно строгой, а подчас и суровой. И подобно Брижит, противоречивой

натурой. Оглядываясь назад, могу предположить, что Брижит в раннем возрасте недоставало материнской ласки. Как и мне тоже. В результате нам обоим свойственна общая черта — мы не любим оставаться одни. Ни она, ни я не терпим одиночества. Готова утверждать, что истоки этого в нашем детстве. Вот почему, когда родилась я и отняла у Брижит частицу материнского тепла, которого ей и без того страшно не хватало, ее отношение ко мне было не просто обычной детской ревностью. Скорее, для нее то был вопрос жизни и смерти. Ведь я словно посягала на ее кислород».

Когда девочки подросли, их обеих отправили на воспитание в католическую школу. После занятий за ними приглядывала гувернантка, которую сестры довольно комично прозвали «La Big». Ну, а поскольку Тоти заботило, в первую очередь, то, чтобы подруги ее дочерей происходили исключительно из приличных семей и отвечали ее строгим требованиям, девочки почти не общались с обычными детьми. Брижит росла воспитанной, робкой и застенчивой.

Знаменитая актриса вспоминала: «В детстве я обычно действовала на нервы матери, потому что она шила мне симпатичные платья, а я отказывалась их носить. И тогда она наказывала меня, не разрешала идти на прогулку, пока я не причешусь и должным образом не оденусь. А я всегда была растеряшей».

В те дни она воспринимала себя гадким утенком, некрасивой девчонкой, с редкими волосенками, с пластинкой на неровных зубах, в очках — которая к тому же время от времени страдала от аллергической сыпи. «Я была таким заторможенным, хмурым ребенком».

Годы спустя она будет так же критически отзываться о своей внешности. «У меня отвратительный нос. Рот тоже никуда не годится. Верхняя

губа тяжелее, чем нижняя, словно опухшая. Щеки слишком круглы, а глаза, наоборот, малы».

Отец Тоти был крупным седобородым мужчиной с веселым лицом. Звали его Исидор, сам он величал себя Леон, а вот внучки называли его исключительно Бум. Он служил в страховой компании и остался в Италии даже после того, как фирма предложила ему вернуться во Францию. Ведь Милан — это, в первую очередь, Ла-Скала, а Бум обожал оперу. Его жену Жанну девочки называли Мами — именно она оказала самое сильное влияние на судьбу Брижит.

Мами была всего на девять лет старше Пилу, но основательно заботилась о своей внешности и всячески себя холила и лелеяла. Мами неизменно стремилась быть примером того, как нужно одеваться и следить за собой. Нет ни малейшего сомнения в том, что Брижит была ее любимицей, а привязанность к внучке — взаимной. И в последующие годы друзья семьи продолжали отзываться о Жанне Мюсель с большой теплотой — о том, какой удивительной была она женщиной, как она боготворила Брижит и как та умела ее растрогать.

Отец Пилу, Шарль Бардо, был инженером-металлургом. Умер он в 1941 году. Несколько лет спустя, когда мать Пилу, Гиасинт, заболела, она переехала к сыну на Рю де ля Помп. Гиасинт также была по-своему примечательной натурой. Во время парижской выставки 1889 года — той самой, для которой месть Эйфель построил свою башню — в норвежском павильоне ей на глаза попался просторный деревянный дом, модель «образцового шале». Гиасинт влюбилась в него с первого взгляда и решила, что непременно должна приобрести его.

И хотя эта постройка менее всего вязалась с архитектурным стилем Франции, Шарль приобрел ее в качестве свадебного подарка. Гиасинт прика-

зала разобрать дом — бревнышко по бревнышку — и перевезла его на свою родину в Лувесьенн, неподалеку от Парижа, где заново его отстроила.

Это удивительный старый дом, где Брижит и Мижану провели немалую часть своего детства — с Пасхи и до осени они приезжали сюда с родителями на выходные. Кстати, дом этот до сих пор остается во владении семьи.

Когда девочки повзрослели, их начали отправлять на зимние каникулы в Межев кататься на лыжах, а летом — на несколько недель на юг Франции, где они частенько гостили у друзей семьи в небольшой деревушке Ля Круа-Вальмер, неподалеку от Сен-Тропеза. У этих знакомых был участок на склоне холма, где посреди полей в окружении розовых кустов стояли три мраморных павильона, построенных еще до войны и сильно разрушенных. Там не было ни окон, ни дверей, ни мебели. Дни, проведенные там, детская память сохранила как «восхитительные и полные поэзии». Родители спали в одном из домов, дети — в другом, а третий служил чем-то вроде общей столовой. Соседний пляж был совершенно пуст и целиком в их распоряжении.

Когда девочки подросли, их отдали в Аттемар, частную школу, весьма популярную у парижской буржуазии. Уже сам этот факт свидетельствует о достатке семьи Бардо. Тем не менее, по мнению Брижит, полученное ею образование мало чем могло пригодиться в реальной жизни. Например, секс входил в число запретных тем. Спустя годы первый муж актрисы, Роже Вадим, любил рассказывать историю о том, что Брижит в свои 17 лет была столь наивна, что искренне полагала, будто мыши откладывают яйца.

Как того требовало положение в обществе, а также тогдашние взгляды на воспитание детей, Пилу и Тоти воспитывали дочерей в строгости,

стремясь прочно вложить им в души нечто вроде викторианских ценностей, причем это стремление подкреплялось суровой дисциплиной со стороны Тоти.

Именно суровой, иначе не скажешь.

Как-то раз, когда Брижит было семь, а Мижану три, девочки затеяли дома игру, при этом они ненароком задели стол, разбив дорогую восточную вазу. Тоти была на грани бешенства. Брижит получила 50 ударов по мягкому месту, Мижану — 25. Тоти кричала на дочерей, что это не их дом, что они просто живут в ее доме, и если она захочет, то при желании выкинет их на улицу. Она так и заявила им, что вольна в любую минуту выставить их за дверь. Стоит ли удивляться, что девочек охватила паника. С этого момента, заявила Тоти, они не смеют обращаться к родителям на «ты». Теперь они обязаны обращаться к матери и отцу только на «вы», что обычно принято в разговоре с незнакомыми и малознакомыми людьми.

По правде говоря, подобное наказание произвело на девочек столь глубокое впечатление, что пока Тоти и Пилу были живы, дочери продолжали обращаться к ним на «вы», несмотря на то, что всем остальным говорили «ты».

Для Брижит этот случай явился поворотным моментом в жизни. «С тех пор мы больше не чувствовали себя их детьми. У меня не было такого чувства, что это мой дом, это был дом моих родителей».

Ваза разбилась, а вместе с ней дал трещину и весь мир.

«Она ощутила себя нелюбимой, — замечает ее второй муж, Жак Шарье. — Она сказала мне — впрочем, насколько я знаю, она говорила это и другим, — что с того момента у нее было такое чувство, будто она осиротела. Уже сам факт, что она рассказывала эту историю многим людям,

говорит о том, какое сильное впечатление произвел на нее этот случай».

Что ж, если Брижит и имела весьма туманные представления о сексе — по крайней мере к тому времени, как она достигла отрочества, — она успела получить прочные навыки в других областях, а именно в том, что, по мнению ее матери, полагалось усвоить девушке из приличной семьи, проживавшей в 16-м округе Парижа.

Брижит как-то заметила: «Моим родителям хотелось сделать из меня образованную, культурную и, как мне кажется, ужасно нудную особу».

Поскольку Тоти сама училась балету, она стремилась привить Брижит и Мижану любовь к музыке и танцу, и обе сестры с семи лет посещали танц-класс Марсель Бурга, в прошлом звезды Гранд Опера. Надо сказать, что Мижану не блистала особым талантом, а вот Брижит оказалась не лишена дарования, демонстрируя завидную природную грацию, и вскоре приступила к более серьезным занятиям.

Друзья, знавшие сестер в эти дни, дружно заявляли, что из них красавицей была Брижит, в то время как Мижану бог наградил мозгами. Это не совсем так. Мижану была очень даже хорошенькой и, между прочим — по крайней мере, если верить Жаку Шарье, — любимицей семьи. «Родители тряслись над ней».

Поскольку к Мижану относились в некотором роде как к сыну, которого у Пилу так и не было, танцы вскоре уступили место академическому образованию.

«Дело в том, — поясняет Мижану, — что мама, как говорится, решила не класть все яйца одновременно в одну корзину. Мне особенно хорошо давалась математика, и она решила всячески подталкивать меня именно в этом направлении».

Мижану получила аттестат зрелости в 15 лет, то есть гораздо раньше своих сверстников.

В то же самое время Брижит, которая, по ее собственному признанию, в школе не блистала успехами, все сильнее сосредотачивала свои усилия на балетной карьере. В 1947 году, когда ей было всего 13, ей позволили попробовать свои силы на вступительном экзамене в престижную Национальную академию танца. Число мест было ограничено, а отбор — чрезвычайно жестким. На просмотр явились семьсот юных дарований — почти все они были старше и гораздо опытнее Брижит и, главное, получили более основательную подготовку, и тем не менее именно она оказалась в числе восьми зачисленных счастливчиков. На протяжении последующих трех лет она три раза в неделю посещала класс Жанны Шварц, а позднее — блестящего преподавателя, но сущего тирана, Бориса Князева.

Это был странный человек, пожалуй, даже немного сумасшедший, но и сегодня Князева вспоминают как одного из величайших педагогов. Сам он в двадцатые годы был звездой Гранд Опера, причем на сцену вышел поздно, в возрасте 24 лет, что весьма редко для балета. Но что еще более важно, этот русский танцовщик знал, как воспитывать балетную смену, и благодаря своему уникальному таланту взрастил после войны целое поколение артистов балета. При его поддержке одна из девочек, на три года старше Брижит, от балетного станка попала прямо на главную роль в фильме «Американец в Париже» с участием Джина Келли. Это была Лесли Карон.

«Брижит была высокой и стройной, преисполненной элегантной грации. Мы прозвали ее Бишет*. Но она не была слишком сильной. И на пальцах

* Bichette (фр.) — лань.

держалась тоже не совсем уверенно. Но она ведь была еще ребенком».

Карон замечает, что хотя Бишет обладала необходимой балерине грацией и пластикой, ей явно не доставало трудолюбия. «Она была какой-то немножко вялой и заторможенной. Да, бог не обделил ее талантом и фигурой. При желании, прояви она побольше усердия, из нее получилась бы первоклассная балерина. Но это означало бы, что ей надо как следует попотеть. Князев обычно расхаживал по классу со стеклом в руках, и если девушка не выполняла его требований, не стеснялся пустить его в ход. Я помню, как он в буквальном смысле лупил Брижит, потому что она была медлительна и не слишком усердствовала».

Брижит преобразилась благодаря суровой требовательности Князева. Он научил ее двигаться. И это умение она сохранила на всю жизнь.

«Ни у кого в мире нет такой удивительной походки, — утверждает Андре Пуссе. — Стоит ей пройти мимо, как все невольно оборачиваются. Даже сейчас. И это не имеет ни малейшего отношения к тому факту, что перед нами Брижит Бардо. Она могла быть кем угодно, и все равно на нее бы смотрели. Сказывается балетная подготовка. Когда она идет, все в ней — сама гармония».

Того же мнения и звезда французского экрана Жанна Моро: «Наблюдать за ее походкой — это сродни наслаждению великолепной музыкой».

Как это ни парадоксально, но именно сей факт стал причиной специфических для Бардо проблем. Кем только она ни переодевалась, чтобы обмануть толпу! Ей приходилось надевать парики и платки, прятать глаза за огромными стеклами очков. Но стоило ей сдвинуться с места, сделать буквально два шага, как поклонники или папарацци тотчас разгадывали ее уловку.

Было просто невозможно скрыть эту божественную походку. Отчасти есть в этом и заслуга Князева. Правда, Кристина Гуз-Реналь, подруга Брижит на протяжении более сорока лет, снявшаяся с ней в нескольких фильмах, видит главную причину во врожденной грации актрисы. «Она элегантна сама по себе. Просто невероятно, но это так. До нее мне ни разу не доводилось видеть ничего подобного. Вы можете нацепить ей на голову самую дурацкую шляпу, натянуть на нее самое безвкусное платье, загримировать ее под уродину, заставить на четвереньках драить пол, и все равно она останется прекрасной, все равно божественной, все равно соблазнительной и на удивление элегантной».

От писательницы Симоны де Бовуар также не скрылось это качество. Она разглядела его очень рано, окрестив Брижит совершеннейшим образцом двуликой нимфы. «Если смотреть на нее сзади, ее стройное, мускулистое тело танцовщицы кажется почти бесполом. О ее женственности свидетельствует ее прекрасная грудь. Длинные мягкие пряди, словно у нимфы, ниспадают ей на плечи, но в целом такая прическа скорее подошла бы какой-нибудь неприкаянной душе. Линия ее рта кажется по-детски обиженной, и в то же самое время эти губы словно молят о поцелуе. Она любит ходить босой, она отворачивает носик от элегантных нарядов, драгоценностей, корсетов, духов, косметики и прочего. И все равно ее походка полна чувственности — уверена, что любой святой согласился бы продать душу дьяволу, чтобы только взглянуть, как она танцует».

В начале сезона 1948 года, когда Лесли Карон и несколько других девушек из класса Князева получили приглашение в «Балет на Елисейских полях», Брижит стала постоянной фигурой за ку-

лисами — неизменно, в сопровождении Пилу, она внимательно наблюдала, как работает труппа и как бы со стороны брала уроки мастерства.

Один из режиссеров, Жан Робен, отлично запомнил девушку: «Как сейчас помню, ей тогда было лет 13—14. Она, бывало, стояла за кулисами вместе с отцом. Она напоминала мне стебелек, высокая и такая худенькая, далеко не красавица и ужасно застенчивая. Она боялась даже слово произнести».

Однако надежды получить постоянное приглашение в балет испарились, когда труппа отправилась на следующий год с гастрольями в Египет. Трудно сказать, как сложилась бы судьба Брижит, окажись она тогда в числе приглашенных в гастрольную поездку — при условии, конечно, что и родители дали бы свое согласие. Многие убеждены, что сложись все немного по-иному, из Брижит получилась бы звезда французской балетной сцены.

Но как бы то ни было, Брижит и дальше посещала занятия у Князева, и так продолжалось до тех пор, пока в ее судьбе не наметился неожиданный поворот.

В послевоенные годы Франция медленно выходила из затянувшегося кошмара оккупации. Стране требовалось буквально все отстраивать заново, в том числе и национальное самосознание. Казалось, будто темноту снова прорезал луч света. Поначалу, как бывает в подобных случаях, свет больно резал глаза, заставляя моргать, но как только это прошло, повсюду закипела работа.

В разгар этого своеобразного культурного расцвета, что медленно разгорался над Парижем — со временем это явление станет известно как Сен-Жермен-де-Пре, — произошло и возрождение высокой моды. В 1948 году Тоти решила открыть

бутик, использовав под магазин две комнаты их квартиры на улице де ля Помп.

Одним из нового поколения дизайнеров и предметом ее искреннего восхищения был Жан Барте. Как-то раз он обмолвился в разговоре, что намерен создать свою первую послевоенную коллекцию, и Тоти предложила устроить им совместный показ моделей, взяв за основу балетную тему. По мнению Тоти, он мог бы представлять каждую свою новую шляпку под классическую музыку, а вместо обычных манекенщиц выпустить на подиум девочек из балета. А если его эта идея по-настоящему заинтересует, у нее уже имеется идеальная кандидата.

Так Брижит удостоилась приглашения. Показ коллекции Барте состоялся в художественной галерее на улице Фобур де Сен-Оноре в конце января 1949 года, и под музыку каждый раз в новой шляпке появлялась четырнадцатилетняя девчушка, одетая в пачку с черными лентами и розовым корсажем. К несчастью для манекенщицы, она, по ее собственному признанию, «чувствовала себя в дурацком положении».

Однако это первое приглашение повлекло за собой новое. У Тоти была приятельница по имени Мари-Франс де ля Виллюше, которая теперь являлась главным редактором журнала «Jardin des Modes» («Сад Моды»). Узнав, что Брижит принимала участие в показе моделей, — а ей было известно и то, что Брижит танцует, — мадам Виллюше позвонила Тоти. Она будет просто в восторге, заявила редакторша, если Брижит даст согласие сфотографироваться для специального приложения к их журналу. Тоти не возражала. Брижит также загорелась этой идеей, и 22 марта 1949 года снимки увидели свет.

В конечном итоге этот разворот оказался на

столе у Элен Гордон-Лазарефф, основательницы и легендарного редактора журнала «Эль» («Elle»). Возможно, дальше этого дело и не пошло бы, но одна из профессиональных манекенщиц, чьи снимки планировались в ближайший номер, неожиданно заболела. Слегка запаниковав, поскольку срочно требовалась замена, хозяйка «Эль» позвонила своей приятельнице Мари де ля Виллюше, дабы поинтересоваться, кто эта незнакомая ей и совершенно очаровательная модель. Кончилось тем, что мадам Виллюше дала ей телефон Тоти. Элен Гордон-Лазарефф, не откладывая дело в долгий ящик, набрала номер мадам Бардо, дабы узнать, свободна ли ее дочь в ближайшее время.

На этот раз Тоти начали одолевать сомнения. Одно дело — выручить старую приятельницу, друга семьи. И совсем иное — позволить юной девушке из приличной парижской семьи ввязаться в такое сомнительное дело, как профессиональный показ мод. Разумеется, как только Брижит стало обо всем известно, она тотчас принялась умолять мать, чтобы та разрешила ей сняться для «Эль», и, видя решимость дочери, Тоти сдалась. Правда она поставила одно условие — имя Брижит не должно фигурировать в подписях к снимкам.

За ее профиль и силуэт, появившиеся на обложке майского номера 1949 года, «Эль» заплатил Брижит 50 тысяч старых франков (около 50 фунтов). Верная данному обещанию, мадам Гордон-Лазарефф вместо полного имени манекенщицы поставила буквы Б. Б.

Для девочки, которой еще не исполнилось и пятнадцати, увидеть себя на обложке одного из самых престижных журналов мод Франции равносильно головокружительному приключению. Как-то раз днем, в городском автобусе, Брижит заметила, что сидящая напротив нее женщина держит

в руках номер с ее портретом. Женщина не узнала в ней красавицу с обложки, и Брижит поймала себя на том, что злится. Чтобы как-то отыграться, Брижит привела к себе домой веселую компанию подружек по Аттемару. По пути она останавливалась у каждого газетного киоска и, тыча пальцем в заветный журнал, с гордостью объявляла, что это она.

Но и на этом можно было поставить точку, не случись так, что актеру Даниэлю Желену и его жене, актрисе Даниэль Делорм, срочно потребовалась няня. Они сдавали одну комнату в своей квартире в доме №44 по авеню Ваграм, что неподалеку от Триумфальной арки, красивому темно-волосому юноше, что поставил себе целью непременно сделать карьеру в кино. То был начинающий сценарист, и единственным местом, где он мог работать в тиши и спокойствии, был туалет. Там он и запирался, чтобы писать сценарии. Обычно хозяева не обременяли его просьбами посидеть с их маленьким сынишкой Ксавье, но поскольку им то и дело приходилось отлучаться из дома, а ребенка без присмотра оставлять было нельзя, Вадим согласился.

И вот однажды, когда в отсутствие родителей он «пас» сынишку Желена, ему на глаза попался пресловутый номер журнала «Эль». Девушка на обложке заставила его ахнуть.

На следующий день, когда Вадим отправился в студию, где он работал помощником режиссера Марка Аллегре, он прихватил с собой журнал. Воспользовавшись именем Аллегре, он сумел выудить у сотрудников редакции «Эль» имя девушки и ее домашний адрес, и вскоре на Тоти свалилась новость, что Аллегре желает предоставить ее дочери шанс пройти кинопробу, о чем он и извещал мадам Бардо в своем письме.

До этого самого момента, хотя Брижит ничего

не имела против работы манекенщицы, она все еще надеялась танцевать в балете. Новое предложение звучало еще заманчивее.

Тем не менее Тоти настороженно отнеслась к такой вульгарной вещи, как кино. Более того, неуклюжая девчушка, в очках, с пластинкой во рту и экземой на локтях, с каждым днем превращалась в хорошенькую, грациозную женщину с красивой фигурой. Тоти было нетрудно представить себе, какие коварные соблазны ожидали юную девушку в шоу-бизнесе. Брижит лишь в 16 лет было позволено выходить по вечерам из дому без провожатых. И то, этим правом она могла воспользоваться лишь раз в месяц, при условии, что домой она вернется до полуночи.

Склонный к излишней предосторожности, Пилу еще в большей степени, чем его супруга, мучился сомнениями относительно приличия данного предложения. «Я не потерплю, — топнул он ногой, — в моей семье цыган».

Но Брижит ужасно хотелось попробовать силы. Когда же ей стало ясно, что родители категорически против, она собралась с духом и ввела в бой «тяжелую артиллерию».

Ей удалось перетянуть на свою сторону Мами, а та, в свою очередь, заручилась поддержкой Бума. Таким образом, Бум убедил Тоти, что если та позволит Брижит встретиться с режиссером и выяснить перспективы своей работы в кино, в этом не будет ровным счетом ничего страшного. Вот так, благодаря его уговорам, его дочь согласилась позволить своей дочери встретиться с режиссером Марком Аллегре.

В квартире Аллегре, на седьмом этаже дома по улице Лорда Байрона, что в паре кварталов от квартиры Желена, была назначена встреча, на которую Брижит прибыла в сопровождении матери.

Дверь открыл ассистент режиссера, молодой темноволосый красавец. Его звали Роже Вадим.

ВАДИМ

Когда я впервые увидел Брижит, ей было всего четырнадцать, и у меня было такое чувство, будто она перенеслась сюда с какой-то другой планеты. Казалось, она шагнула из какого-то другого измерения. Я тогда сказал самому себе: «Господи, эта девчонка — неземное создание!»

Когда у Игоря Племянникова в 1928 году в Париже родился сын, он назвал мальчика Вадимом — согласно французским законам, ребенку в обязательном порядке полагалось французское имя, на сей счет в каждом магистрате имелся перечень официально одобренных имен, и если вы отказывались выбрать имя из этого перечня, то ваш ребенок вообще оставался без имени. Именно поэтому мальчика называли Роже Вадим Племянников. Когда же Роже подрос, он отбросил труднопроизносимую русскую фамилию. Правда, задолго до этого его французское имя Роже тоже оказалось отброшенным за ненадобностью, поскольку душа юноши была скорее русской, нежели французской, и с тех пор он стал известен как Вадим.

Его отец был родом из Киева и в возрасте 14 лет, до того как эмигрировать во Францию, сражался против большевиков. Позднее он изучал политические науки. Его карьера во французском дипломатическом корпусе складывалась на редкость

удачно, и он вскоре поднялся по служебной лестнице до вице-консула. Скончался Игорь Племянников рано, в возрасте всего 34 лет — однажды утром за завтраком, на глазах у восьмилетнего сына, у него случился сердечный приступ.

Мать Вадима, Мария-Антуанетта Ардилуз по национальности была француженкой. Второй ее брак оказался неудачным и вскоре распался, после чего Вадим, которому еще не было и двадцати, пустился в самостоятельное плавание. Он пытался сделать себе карьеру, полагаясь, в первую очередь, на свой интеллект. Ну а поскольку Вадим отнюдь не горел желанием просиживать днями в какой-нибудь конторе, он взялся за сочинение сценариев и время от времени пописывал статьи для журналов, а также уверял знакомых, что в будущем прославит себя как кинорежиссер. Когда же ему удалось устроиться ассистентом к Марку Аллегре, он, можно сказать, заново обрел себе отца.

«Марк был образованным, деликатным, внимательным человеком. Ему нравилось общество молодежи, он любил помогать начинающим, — рассказывает Вадим. — Теперь таких людей, как он, просто нет. Возможно, он был слишком отзывчив и чувствителен и просто не выжил бы в современных джунглях».

Младший брат Аллегре, Ив, был не столь утонченным по натуре. Более резкий, он умел постоять за себя, и в результате его карьера сложилась куда успешнее. И все же Вадим убежден, что как режиссер Марк превосходит брата. Возможно, он один из трех-четырех самых лучших кинодеятелей Франции из тех, что снимали до войны. «Проблема заключалась в том, что ему было трудно приспособиться к переменам стиля во французском кинематографе. Он был слишком привязан к мелким деталям, робок, неуверен в себе, не в состоянии принимать даже самые незначительные

решения. Когда же дело доходило до принятия какого-нибудь важного решения, он буквально впадал в панику».

Однако Брижит Бардо открыл именно Аллегре, но отнюдь не Роже Вадим.

«Марк был эстетом, эклектичным человеком и имел подход к молодежи. Он открыл целый ряд талантов. Именно благодаря ему французский экран приобрел Жерара Филиппа и Мишель Морган. Позднее он подарил нам Жан-Поля Бельмондо и Жан-Пьера Омона. Он помогал не только актерам, но и поддерживал начинающих писателей или, как в случае со мной, начинающих режиссеров. Имена можно перечислять до бесконечности. Он имел особый нюх на таланты — так было и в тот раз, когда я показал ему фото Брижит на обложке «Эль». Он тотчас заметил в ней искру божью. Я тогда как раз сочинял для него сценарий фильма «Лавры сорваны», где главной героиней была молоденькая девушка-подросток. Аллегре тотчас захотел попробовать ее на эту роль. Помнится, он тогда сказал, что если она в действительности так хороша, как мне кажется, нам надо обязательно сделать пробу», — вспоминает Вадим.

Когда в назначенный день и час Брижит переступила порог квартиры Аллегре, Тоти все еще была исполнена решимости, что не допустит, чтобы балетная карьера ее дочери оказалась под угрозой. Как оказалось, у нее имелись все основания для беспокойства, поскольку месье Аллегре с первого взгляда проникся к мадам Бардо неприязнью. По его мнению, она держала себя слишком высокомерно, и вообще маэстро не понравилось, с какой неприкрытой враждебностью она пыталась оградить свою юную, невинную дочь от тлетворного влияния богемы.

Тоти ведать не ведала, какое сильное впечатление произвел на Брижит Вадим. «За всю свою

жизнь мне не приходилось встречать мужчину столь красивого, столь спокойного, столь естественного. Но я тогда и представить себе не могла, что влюблюсь в него», — вспоминает Брижит.

Ну а пока, по настоянию Вадима, Аллегре согласился провести кинопробу. Чтобы помочь Брижит подготовиться к этому испытанию, Вадим предложил себя ей в наставники. Так начались их встречи — на первых порах их отношения не выходили за рамки платонических, вплоть до дня накануне кинопробы. Брижит тогда ужасно разволновалась, даже покрылась сыпью.

На следующий день Аллегре, наблюдая ее перед камерой, решил для себя: «Она разговаривает так, будто у нее во рту вставная челюсть ее мамы, а смеется вообще отвратительно». Тогда он так и не сумел разглядеть в ней и намека на будущую киноактрису. Правда, справедливости ради надо сказать, что то же самое он изрек, когда пробовал на ту же роль Лесли Карон. Однако то, что произошло на следующий день, можно назвать первым случаем в веренице странных совпадений, относящихся к соприкосновению жизней Брижит и Вадима.

Брижит так и не получила роль — Аллегре решил, что бесполезно даже пытаться что-то из нее сделать. В конце концов, она была одной из многих девчонок, что надеялись сделать карьеру в кино. Но Вадим уже увлекся ею. За несколько лет до этого он начал писать роман под названием «Мудрая Софи», в его мечтах Брижит и была этой Софи.

«Вы не поверите. Она говорила буквально целыми строчками моего романа. Когда я слышал, как она говорит, слышал, как она выражает себя, как некий свободный дух, я просто ушам своим не верил. Брижит разговаривает в особой, присущей только ей одной манере — но ведь именно так разговаривала и моя Софи. Когда я впервые при-

думал Софи, я был уверен, что она целиком плод моего воображения, что такая девушка просто не могла существовать. Но вот она передо мной, во плоти и крови. Я дал Брижит рукопись, и когда она ее прочла, то тоже узнала в героине себя».

Он потерял из-за нее голову — в особенности его поразила ее невинность, — что, однако, не помешало ему трезво оценить сложившуюся ситуацию. Ему довелось лицезреть ее мать, и Вадим ничуть не заблуждался на тот счет, что Тоти не допустит, чтобы за ее дочерью ухаживал такой «скользкий тип», как он. На протяжении последующих нескольких месяцев он только и делал, что пытался выбросить Брижит из головы. Затем, в одно из воскресений, в одиночку коротая время в квартире Даниэля Желена, слегка погрузившись в депрессию и не зная, чем себя занять, Вадим подумал, не позвонить ли кому-нибудь. Телефон Желена был отключен, а у Вадима, который в то время сидел без гроша в кармане, имелся всего один-единственный жетон. Зайдя в ближайшее кафе, он начал звонить приятелям. Но ему никто не отвечал, видно, никого из его приятелей не было дома. Тогда Вадим попробовал дозвониться до кого-нибудь из подружек. И снова неудача. И тогда он подумал, а не рискнуть ли ему позвонить Брижит? Правда, он был уверен, что если трубку поднимет мать, то даже не станет с ним разговаривать. Но поскольку больше звонить ему было некому, Вадим решил пожертвовать жетоном и набрал ее номер.

На его счастье трубку подняла Брижит.

Он пояснил, что звонит просто так, от нечего делать, чему она страшно обрадовалась, сказав, что родители уехали на уик-энд, что они дома с сестрой одни, вернее, почти одни, с ними еще подруга и бабушка, и вообще, почему бы ему не зайти к ним в гости.

Вадим явился домой к Брижит без галстука, с

шевелюрой, длина которой намного превышала приемлемую — так что вряд ли бабушка осталась в восторге от его внешнего вида.

Под неусыпным оком Мами они с Брижит провели вместе целый день. Бабуля не только увидела в этом «богемном типе» угрозу для чести ее внучки, но и вполне искренне опасалась, как бы он в конце концов не исчез, прихватив с собой столовое серебро.

Надо сказать, что Тоти и Пилу тоже не слишком обрадовались, когда спустя несколько дней Вадим снова объявился на пороге их квартиры. Его неглаженные брюки и нестриженные патлы были лишь двумя из многих других свидетельств не в его пользу. Но самым главным возражением родителей было то, что он не имел постоянной работы. Сей факт тотчас поставил его за рамки каких бы то ни было планов относительно будущего их дочери.

Однако у Брижит имелись свои собственные представления о жизни, и, к великой досаде родителей, Вадим зачастил к ним в дом. Пятнадцатилетняя Брижит, по уши влюбившаяся в Вадима, неизменно натывалась на непробиваемую каменную стену, которую родители возвели вокруг нее, дабы оградить от притязаний этого старшего ее по возрасту, вкусившего жизнь и поэтому, весьма опасного субъекта.

Узнав о том, какие идеи он вкладывает в ее впечатлительную голову — всю эту дребедень о кино, экзистенциализме и сексе, — Тоти и Пилу имели все основания заподозрить Вадима в соответствующих намерениях. Их старшая дочь отказывалась прислушиваться к родительскому мнению, наивно полагая, что способна без их помощи строить свои отношения с назойливым кавалером. Неудивительно, что в воздухе запахло крупным скандалом.

Особенно беспокоило Брижит то, что Тоти и

Пилу каким-то образом всегда были в курсе происходящего. Вскоре она убедила себя, что всякий раз, когда родители возражали против присутствия Вадима, происходило это потому, что Мижану успевала наябедничать на сестру, выбалтывая за ее спиной родителям все секреты.

Например, когда Вадим впервые поцеловал Брижит, — а произошло это в метро, — Тоти уже буквально в считанные часы знала о случившемся, и Брижит была уверена, что здесь не обошлось без двурушничества Мижану.

Спор продолжается и по сей день — донесла Мижану или нет родителям насчет Брижит и Вадима. Порой дело доходит до того, что у сестер начинается по этому поводу истерический смех.

В наши дни Мижану готова признать, что, пожалуй, действительно проболталась родителям кое о чем. Правда, она категорически отрицает, что наябедничала Тоти о происшествии в метро. По ее словам, все большие секреты она неизменно оставляла при себе.

«Вадим был просто чудо, — говорит Мижану. — В моих глазах он был неподражаем. И всегда был добр и участлив ко мне. Я помню, как его страшно заинтриговала моя комната, потому что она была современно обставлена, в отличие от комнаты Брижит, обстановка которой была более консервативной. А еще я отчетливо помню, что между ними было много такого, о чем я даже не смела заикнуться родителям».

Например, однажды днем, придя домой после школы, Мижану к своему замешательству обнаружила, что ее сестра и Вадим — и тут Мижану делает паузу — «как бы вам сказать — являются собой типичную парочку влюбленных».

В 15 лет Брижит объявила родителям, что они с Вава собираются пожениться. Услышав подо-

бное заявление, Пилу и Тоти были не просто шокированы. Им ничего не оставалось, как назвать эту помолвку «минутной глупостью». Родители призвали дочь призадуматься о том, что в мире, помимо брака, существуют и другие серьезные вещи. Им хотелось, чтобы она сначала получила свой «baccalauréat», аттестат зрелости.

Они надеялись, что она продолжит занятия балетом. А еще они выдвинули условие, что не услышат от нее ни слова о замужестве, пока ей не исполнится 18 лет. Воспитанные в старомодном духе, они считали брак серьезным и необратимым шагом. Не говоря уже о том, что избранник их дочери совсем ей не пара.

Брижит отказалась выслушать уверения Вадима, что все будет прекрасно. Влюбленные начали регулярно встречаться в квартире приятеля Вадима, Кристиана Маркана, в доме №15 по улице Бессано, что в двух шагах от Елисейских полей. Брижит настаивала, чтобы они с Роже безотлагательно сочетались браком. Вадиму приходилось вечно заверять ее — как, впрочем, и ее родителей — в своей любви к ней. Правда, одна только Брижит была готова верить его словам.

Если же им не удавалось встретиться — обычно это бывало тогда, когда родители не отпускали ее из дому, одновременно отказываясь пустить на порог Вадима, — влюбленные писали друг другу письма, причем Брижит неизменно ставила подпись «Софи».

Вполне понятно, что Пилу и Тоти прикладывали неимоверные усилия, чтобы уберечь дочь от шага, который в их глазах представлялся чудовищной ошибкой. Правда приходится признать, что Пилу в своих стараниях зашел слишком далеко — как-то раз он даже пригрозил Вадиму пистолетом.

Пилу в ящичке над рабочим столом втайне от

всех хранил револьвер, и когда однажды вечером к ним домой нагрянул Вадим, отец пригрозил, что не задумываясь воспользуется оружием, если только кавалер посмеет посягнуть на честь его дочери.

Тот факт, что Вадим каким-то образом умудрился пережить эти годы, служит лишь еще одним подтверждением, что Мижану умела держать язык за зубами. «Поверьте мне, револьвер Пилу не возымел ровным счетом никакого воздействия», — вспоминала сестра знаменитой актрисы.

Столь же призрачным казалось и туманное обещание родителей дать разрешение на замужество дочери, когда той исполнится восемнадцать.

Брижит обвинила отца, что он «старомодный тип из эпохи динозавров». Однако Пилу с Тоти стойко держали оборону, не желая сдаваться.

Через несколько месяцев после того, как Пилу пригрозил Вадиму револьвером, отношения сторон накалились до предела. Вадим собирался на несколько недель в Ниццу — ему требовались тишина и спокойствие, чтобы завершить работу над сценарием, — и он зашел к Брижит попрощаться. Она объявила ему, что оба ее родителя пребывают в «своем коронном настроении»: «Тебе больше не видать своего Вадима» — и у нее произошел с ними серьезный разговор. Вадим попытался заверить ее, что все будет хорошо, но Брижит чувствовала себя подавленной, словно она потерпела поражение.

Вечером того же дня, уже в поезде, рассказывает Вадим, на него нахлынула неведомое доселе чувство. «Я сразу не понял, что это такое. Я еще не знал, что это значило». Когда поезд сделал остановку в Ля-Рош Мижен, он едва не бросился из вагона, чтобы позвонить ей. Спустя неделю Вадим получил письмо, и ему стало ясно, откуда взялось это дурное предчувствие.

Мижану вбила себе в голову, что непременно хочет увидеть Париж в ночных огнях. Надо сказать, что остальных членов семьи подобная идея совершенно не интересовала, но 12-летняя Мижану добилась своего — Пилу и Тоти сдались.

Брижит, которая чувствовала себя несчастной и покинутой, отказалась присоединиться к их компании.

Вот почему родители и Мижану оставили ее одну в квартире, а сами отправились любоваться огнями. Семейное предание гласит, что Мижану заявила, что продрогла, и родителям пришлось вернуться с ней домой за пальто. Однако это не совсем так. Пилу быстренько провез жену и младшую дочь по ярко освещенным центральным улицам и, решив, что хорошего понемножку, объявил, что пора возвращаться домой.

Все трое поднялись на старом гидравлическом лифте наверх и вошли в квартиру. Когда же Брижит не вышла им навстречу, они окликнули ее.

Ответа не последовало.

Недовольная Мижану осталась стоять на месте, а родители пошли дальше по длинному коридору, заглядывая во все двери. Они нашли Брижит в кухне — она стояла на коленях, засунув голову в духовку. Кран газовой горелки был открыт. Опять-таки согласно семейной легенде, она была уже без сознания. Но Мижану утверждает, что когда мать закричала, она бросилась со всех ног по коридору. Вбежав в кухню, она увидела, что Брижит сидит и разговаривает с родителями. Срочно вызвали врача. Он осмотрел девушку, после чего объяснил родителям, что, задержись они еще минут на пятнадцать, вряд ли бы им удалось застать Брижит в живых.

Вадиму и раньше случалось влюбляться. Однажды он познакомился с девушкой — она спаса-

лась от кого-то бегством — и взял ее к себе, словно птичку с переломанным крылом. Они провели вместе три недели, после чего она вновь упорхнула на свободу.

«Я знал, что значит влюбиться, мне еще до Брижит хорошо было знакомо это чувство. Но то как мы проявляли нашу любовь друг к другу, то что мы были влюблены друг в друга на протяжении нескольких лет — во всем этом было нечто особенное, чего мне еще никогда не доводилось испытывать. Как мне кажется, и позже я тоже не испытал уже ничего подобного. По крайней мере, того необъяснимого трепета и остроты чувств». Да, Вадима и Брижит связывали удивительные узы.

Однажды вечером, уже после того как они разошлись, Вадим оказался в Торремолиносе. У него была лихорадка, он слегка бредил, и неожиданно ему показалось, будто он испытал то же самое чувство, которое когда-то давно охватило его в поезде по дороге в Ниццу. Мучимый дурным предчувствием, он позвонил в Париж. Ее телефон ответил молчанием, и тогда Вадим позвонил ее отцу. «Я знаю, что близнецы подчас бывают наделены неким телепатическим чувством. Мне тоже довелось испытать нечто подобное несколько раз, но только с Брижит. В ту ночь я попросил Пилу съездить к ней домой. Не знаю почему, просто у меня было предчувствие. Он сказал мне, что она приезжала к нему обедать и, как ему показалось, с ней все в порядке. Нет, настаивал я, он должен срочно съездить к ней и узнать, как она. Он уступил моей просьбе — и застал ее уже без сознания: она наглоталась снотворного».

Теперь Вадим делил квартиру с Кристианом Марканом на весьма престижном острове Сен-Луи — восьмой этаж, захватывающий дух вид. Он поставил себе цель: непременно прославиться на поприще кинорежиссуры и даже определил для

себя крайний срок для ее достижения — не старше 35 лет. В те дни средний возраст французских кинорежиссеров колебался где-то в пределах 50-65 лет. Разумеется, имелись и более молодые представители этой профессии, делавшие в основном подпольное кино. Однако тогда и в голову никому не могло придти, что молодой человек, которому еще не было и 30, получит у продюсера разрешение взять на себя съемки художественного фильма.

Тем не менее, Вадим был уверен, что ему удастся сломать привычные стереотипы. Он убедил себя, что наделен необходимыми для этого напористостью и талантом. Знал он и то, что его любит самая удивительная на свете женщина, и эта удивительная женщина как нельзя лучше вписывается в его жизненные планы. Итак, Вадим, всякий раз навещавшийся к Марку Аллегре, когда тому требовались ассистенты, не ведавший ни сна, ни отдыха, строчил сценарии в надежде, что когда-нибудь они воплотятся в картины, а в промежутках — чтобы заплатить за квартиру — пописывавший статейки для «Пари-Матч», — теперь поставил для себя новую цель — сделать из Брижит Бардо *Брижит Бардо*.

По его настоянию она поступила в актерскую школу к Рене Симону, где начинающие дарования под придирчивым оком мэтра постигали азы сценического мастерства. Однако Брижит так и не нашла с Симоном общего языка, и несмотря на заверения Вадима, что именно из стен этой школы вышли многие знаменитые актрисы, она через несколько месяцев бросила занятия. А вскоре Аттемар и Борис Князев также остались в прошлом.

Тем временем супруги Бардо обзавелись весьма интересным кругом друзей и знакомых, среди которых имелись и такие, кто занимался модой.

Одной из этих знакомых была Мари-Жанна

Херст, дизайнер одежды «от кутюр» для молоденьких девушек и владелица магазинчика-бутика «Вирджини». Она наняла Брижит и Мижану, чтобы сестры продемонстрировали ее модели. Мижану, которой в ту пору исполнилось 13, ужасно разнервничалась, и хотя впоследствии она время от времени соглашалась выступить в роли манекенщицы, это занятие никогда не было ей по душе. А вот Брижит, можно сказать, вошла во вкус, и ей это отлично удавалось.

Еще одним таким другом семьи был Андре-Пьер Тарб, который только что создал для фирмы «Карвен» новые духи. Имелось у него и побочное занятие: обеспечивать французские морские лайнеры развлекательной программой. Тарб отправлял в рейс певцов, фокусников, конферансье и танцоров, и так как ему было известно, что Брижит училась у Князева, он предложил ей первый и единственный контракт в качестве профессиональной балерины.

Тарб отправил ее в 15-дневный круиз на борту лайнера «Адмирал де Грасс». 5 апреля 1952 года судно вышло из Гавра, взяв курс на Атлантику — Мадейру, Канарские и Азорские острова. Брижит в этом рейсе считалась членом экипажа, за что ей было уплачено вознаграждение в размере 400 тысяч старых франков (около 40 фунтов). Разместилась она в одной каюте со знаменитой парижской манекенщицей Капюсин, которая была приглашена для участия в проводимых на борту судна демонстрациях мод.

Впервые в жизни Брижит представилась возможность провести время вне дома без присмотра родителей.

Однако на борту судна никто и не догадался бы, кто она такая. Тарб придумал балетную труппу, назвал ее «Парижским балетом» и даже отметил в программе Брижит в качестве примы-бале-

рины. Тоти лично сшила для дочери костюмы — несколько ярких цветных пачек, а Брижит приложила руку к деталям, например, прикрепила к талии тамбурин, на котором ей предстояло играть во время танца. В рейсе она работала каждый вечер, даже невзирая на качку.

«По натуре она была очень робкой, — рассказывает Тарб. — Такая застенчивая девчушка, которая перед каждым выступлением ужасно нервничала, и мне приходилось ее уговаривать. Обычно она жаловалась, что не умеет танцевать. И мы все дружно начинали ее успокаивать, говоря, что она прекрасно танцует, что все будет прекрасно, что она просто чудо. И хотя ей и впрямь подчас недоставало грации, публика была от нее в восторге».

По возвращении в Париж Тарб еще несколько раз приглашал ее участвовать в демонстрации мод для фирмы Карвен. К этому времени Вадим сумел подыскать для Брижит работу в кино. Он показал пленку с ее кинопробой одному из самых плодотворных французских режиссеров, Жану Бойе, и тот решил, что Брижит как нельзя лучше подходит на роль в его новой комедии с участием Бурвиля под названием «Нормандская дыра».

Для Бардо это был мало что предвещающий дебют. Роль ей совсем не понравилась, начинающая актриса была отнюдь не уверена в том, что она делает, и осталась недовольна своей игрой. Что еще хуже, съемки в кино оказались далеко не таким уж приятным времяпровождением, как то рисовал ей Вадим. Это было в высшей степени механическое, пресное и изматывающее занятие. Короче говоря, это была работа.

Не успела Брижит закончить сниматься в одном фильме, как Вадим преподнес ей очередной сюрприз. Вилли Розье пригласил ее сыграть главную роль в ленте «Манина, девушка без покрывала».

В этой картине, съемки которой проходили летом 1952 года, Брижит и впрямь, в соответствии с названием фильма, провела большую часть времени «незавуалированной». А поскольку ей еще не исполнилось восемнадцати, по личному требованию Пилу в контракт был включен специальный пункт, запрещающий любые действия, способные бросить тень на честь его дочери. Розье заверил папашу Бардо, что самым откровенным нарядом, в котором покажется его Брижит, будет разве что купальный костюм. Наивный Пилу поверил, что целомудрию его дочери — по крайней мере, на киноплёнке — ничего не грозит. В действительности же Брижит в открытом купальнике на протяжении большей части фильма только и делала, что демонстрировала зрителю свои юные прелести, что по меркам 1952 года было весьма рискованным занятием. Имелась в картине и эротическая сцена, правда, всего на пару кадров.

Пилу метал громы и молнии. Равно как и католическая церковь, клерикалы заклеили ленту как угрозу общественным и семейным устоям. К нанесенному моральному ущербу добавилось еще одно оскорбление — во время съемок на площадке объявились несколько шустрых фотографов, деловито щелкавших затвором. Вскоре сделанные ими снимки оказались на страницах газет, и это только подлило масла в огонь.

Справедливости ради надо признать, что, с точки зрения той эпохи, эти фотографии и впрямь были довольно откровенными. Если взглянуть на эту ситуацию глазами отца, человека строгих правил и твердых моральных принципов, то действительно эти снимки его юной дочери покажутся довольно-таки непристойными. Теперь Пилу требовал, чтобы ему и его адвокатам была предоставлена возможность просмотреть фильм перед выходом на экран и вырезать оскорбительные для достоинст-

ва его дочери сцены. Розье отказался пойти на подобную уступку, но в качестве компромисса согласился перед выходом картины в прокат провести юридическую экспертизу. В ноябре 1952 года — через два месяца после того, как Бридит исполнилось восемнадцать лет — суд вынес решение, что фильм не представляет опасности для моральных устоев общества и посему может быть выпущен в прокат без какого-либо ущерба для чести семьи Бардо.

Гнев Пилу удалось смягчить, но лишь на время. На Рождество, когда фильм вышел на экраны, в Марокко — тогдашней французской колонии — его появление в прокате сопровождалось гигантскими афишами, на которых была изображена обнаженная девушка, а сверху крупными буквами выведено имя Брижит.

Это было уже слишком. Терпение Пилу иссякло. Узнав, что во Франции выход ленты на экран запланирован на март 1953 года, Пилу тотчас ринулся в бой, дабы не допустить, чтобы оскорбительная афишка была использована вторично. На этот раз вместо того, чтобы все спокойно обсудить с Розье и прокатчиками, он и его адвокаты обратились в суд в надежде добиться официально запрета. Пилу настаивал на том, что использование подобной афиши есть не что иное, как нарушение закона от 1939 года, ставящего семью под защиту государства. Кроме того, подчеркивал Бардо, поскольку его дочь на протяжении всей картины ни разу не появляется в том виде, в каком она изображена на афише, то это не только вводит публику в заблуждение, но и является не чем иным, как откровенной клеветой. Суд внял его доводам, но шумиха, поднявшаяся вокруг этого процесса, — полагают, что ее главным инициатором был прежде всего сам Вадим, хотя он неизменно отрицал свою к тому причастность, — только способство-

вала утверждению Брижит в роли начинающей звезды.

Французский комитет содействия национальному кинематографу назвал ее «сегодняшней надеждой, завтрашней звездой», хотя многие критики отнюдь не разделяли этого мнения. Даже «Пари-Матч» — а ведь там у Вадима имелись друзья, готовые помочь ему в его стремлении сделать из Брижит знаменитость, — счел ее игру невыразительной, дикцию неестественной и ее широко разрекламированную красоту весьма сомнительной.

Но, по крайней мере, ее карьера сдвинулась с мертвой точки.

Следующим пунктом в ее планах было выйти замуж за Вадима. Брижит терпеливо выждала положенные три года, после чего напомнила родителям об их давнем обещании. Теперь Пилу поставил условие, чтобы Вадим из лона русской православной церкви перешел в католичество, и когда тот — чего Пилу никак не ожидал — с радостью ответил согласием, последняя преграда на пути влюбленных пала. 19 декабря — за день до венчания в церкви — Брижит Бардо и Роже Вадим прошли гражданскую церемонию бракосочетания в мэрии 16-го округа Парижа.

Позднее тем же вечером Пилу поставил для зятя у себя в кабинете раскладушку. Брижит восприняла это как шутку. Однако отец напомнил ей, что в его глазах они станут мужем и женой только тогда, когда свяжут себя брачным обетом перед лицом Господа Бога.

Брижит отказывалась поверить, что он говорит это со всей серьезностью и ее жениху действительно предстоит провести ночь в соседней комнате. Но Пилу — эх, знать бы ему все! — был непоколебим: его дочери придется подождать, пока она не обвенчается в церкви. Только тогда она сможет спать вместе с мужем.

Вот так женщина, которой в будущем предстояло стать секс-символом мирового класса, свою первую ночь в качестве мадам Роже Вадим Племянников, провела в постели одна.

Венчание, которое неожиданно расставило все по своим местам, состоялось на следующий день в соборе Нотр-Дам де Грас в Пасси, после чего в квартире на улице де ля Помп состоялся семейный праздник.

После недолгого медового месяца в Межеве — Вадим с 14 лет страстно увлекался лыжами — парочка вернулась в свою собственную двухкомнатную квартиру на третьем этаже дома №79 по улице Шардон-Лагаш, того же 16-го округа — подарок от Пилу и Тоти. Вдобавок, Тоти отдала им свой старый «ситроен».

Вскоре их жизнь вошла в довольно забавную колею, в которой страстные объятия перемежались ожесточенными семейными скандалами. Однажды вечером после очередной перепалки Брижит вежливо попросила Вадима вынести ведро с мусором. Тот согласился, но не успел даже ступить за порог, как у него за спиной Брижит с силой захлопнула дверь и, повернув в замке ключ, оставила Роже стоять на лестнице в одной пижаме. В ярости он принялся колотить кулаками в дверь и — поскольку Брижит отказывалась впустить его — в конечном итоге ее выломал. Брижит в испуге заметалась по квартире. Вадим поймал ее, и, по его собственному признанию, первое, что он испытал — это желание с силой стукнуть ее головой о стену. Но вместо этого он швырнул ее на пол, схватил с кровати матрас, бросил поверх нее, а сам принялся прыгать и скакать по нему сверху. Свое поведение он объяснял следующим образом: «С Брижит требуется сильная рука. Согласитесь, что после меня этого ей как раз-таки и недоставало».

В течение первых лет их знакомства между Вадимом и Брижит возникло удивительное партнерство. Он как скульптор ваял ее, формировал, воспитывал, просвещал, открывал в ней такое, чего никто — не говоря уже о ней самой — никогда бы не сумел разглядеть. Он учил ее современному жаргону. Он учил ее быть соблазнительной, когда ешь руками. Он учил ее надувать губки. Он все время наблюдал за ней — это такое неотступное вуайерство. Он учил ее наслаждаться чужими взглядами, делал из нее законченную эксгибиционистку. Он учил ее одеваться и сбрасывать с себя одежду. В конце концов, он заставил ее перекрасить волосы, превратив из брюнетки в блондинку.

«Когда бы я ни шла по улице, раздевалась, завтракала, — заметила как-то раз Брижит, — у меня всегда было такое ощущение, что он смотрит на меня не своими глазами, а глазами постороннего человека. Чутьем я понимала, что он видит вовсе не меня, а свою мечту в моем образе. В то время мне это доставляло неопишемое удовольствие, меня забавляли его — как мне тогда казалось — невинные странности. Тогда я еще не отдавала себе отчет в том, что он играл с огнем, и несмотря на весь его цинизм, он также этого не понимал.

Вадим учил Брижит изобретать самое себя. И как только это случилось, он был готов изобрести целый миф.

За несколько лет до их брака он познакомился с агентшей по имени Ольга Хорстиг-Примуц, чьим самым крупным открытием в ту пору была Мишель Морган. Вадим решил, что лучшего агента для Брижит ему не найти. Он договорился о встрече, и хотя с того момента прошел не один десяток лет, Брижит по-прежнему называет эту женщину не иначе, как «мама Ольга».

«Как только я ее увидела, — рассказывает Ольга Хорстиг-Примуц, — мне даже не понадобилось

долго раздумывать. Я тотчас же заявила, что согласна представлять ее интересы. Она была божественна. Она была неотразима. И я всегда относились к ней, как к своей второй дочери».

Итак, мама Ольга взялась подыскать Брижит работу, в то время как Вадим оставил за собой роль пресс-агента. Совместными усилиями им за короткое время удалось снять начинающую актрису в целом ряде картин. Их общий знакомый Даниэль Желен отдал Брижит эпизодические роли в ленте «Длинные зубы», главную роль в котором играла его жена Даниэль. После этого Брижит снялась в таких картинах, как «Портрет его отца», «Акт любви» с участием Кирка Дугласа (режиссер Анатолий Литвак) и «Если бы мне рассказали о Версале», в котором снимались также такие актеры, как Саша Гитри, Жан Марэ, Клодет Кольбер и в эпизодах Орсон Уэллс.

Вадим по-прежнему подрабатывал в «Пари-Матч». Что же касается сценариев, то ему еще не удалось продать ни одного своего детища. К этому времени Брижит уже зарабатывала больше мужа. Правда, по словам Вадима, деньги для нее мало что значили, и поэтому значительная их часть тратилась на него.

«Кто-то рассказал ей об одной чудесной машине. Это был открытый БМВ 1939 года. Кто-то из друзей подарил ее Кристиану Маркану. Брижит истратила все свои деньги, которые только что заработала в одном из фильмов, и купила ее для меня. Ей всегда была свойственна потрясающая щедрость. К сожалению, нам так и не удалось покататься на этой машине. Мы проехали на ней пару километров, после чего она остановилась и больше не сдвинулась с места. Отремонтировать же ее мне было просто не по карману. Но факт остается фактом».

В последующие пару лет Брижит получила роли в таких фильмах, как «Традита», «Елена Прекрасная» (режиссер Роберт Уайз), «Сын Каролины Шери» и «Будущие звезды» — в последнем ее партнером по картине был Жан Марэ.

Фильм «Будущие звезды» стал отчасти поворотным моментом в ее карьере. Режиссером картины был Марк Аллегре, автором сценария — Роже Вадим, так что Брижит впервые выпало работать вместе с мужем. Они втроем основательно проработали сценарий, чтобы реплики во всем соответствовали ее образу.

Вадиму вскоре стало ясно, что жена наконец научилась держаться перед камерой и если и дальше все пойдет столь же гладко, из нее получится кинозвезда.

А пока Брижит произвела фурор на Каннском кинофестивале.

История еще подтвердит, что для человека из толпы секс — в той его разновидности, что скорее связана с наслаждением, нежели продолжением рода, — был изобретен 19 сентября 1945 года, в брачную ночь Ширли Темпл. В конце концов, уж если Ширли, с ее косичками, могла позволить себе нечто подобное, то чем другие хуже нее? Три года спустя доктор Альфред Кинси объявил, уже вполне официально, что и все остальные занимаются тем же самым.

Весной 1946 года Кристиан Диор изобрел новый силуэт а la «песочные часы» — мягкие плечи, узкая, хорошо подчеркнутая талия и пышная юбка. Эта похожая на восьмерку фигура, по замыслу Диора, была призвана «раскрепостить женщину». Спустя два месяца англиканская церковь выразила свою озабоченность по поводу плотских соблазнов, которые могут овладеть при-

хожанами на работе. Согласно утверждению отцов церкви, юные пары, решившие сочетаться узами брака, выступали против «фальшивой романтики» радио и кино.

Секс замаячил буквально на каждом углу. Он заявил о себе на Бродвее, где на театральных подмостках шла пьеса Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание». Заглянул он и на Уимблдон, где под коротенькой юбочкой Гасси Моран мелькали кружевные трусики, отчего фотографии у корта едва не передрались между собой. Секс проник на страницы газет, возвестив миру о том, что Ингрид Бергман, которая в ту пору считалась замужем, сбежала с Роберто Росселини и планировала родить от него ребенка. Секс прочно обосновался в книжных лавках, где вскоре угодил под запрет, а еще спустя какое-то время снова поднял голову на телевидении, когда Грейс Метеолис выдумала городок под названием Пейтон Плейс. Секс прибрал к рукам газетные киоски вокзалов, после того как Мэрилин Монро предстала перед фотообъективом обнаженной, и это фото вскоре стало первым разворотом «Плейбоя». Секс проник даже в школы, когда социолог Маргарет Мед заявила, что супружеская неверность является частью современной демократической культуры, проявлением свободы выбора. Он стал доступен буквально любому человеку с читательским билетом, когда Симона де Бовуар написала «Второй пол», а Дж. Д. Сэллинджер — «Над пропастью во ржи». Мы все были сродни Холдену Колфилду.

К этому времени в Канны прибыла Брижит Бардо.

Международный Каннский кинофестиваль, который по традиции в какой-то мере отдавал неизменную дань сексу, начал свое существование ровно через год и один день после свадебной ночи Ширли Темпл. С той самой поры — несомненно,

с тем, чтобы не путать эти два события, — он был перенесен на апрель.

В последние две апрельских недели 1953 года все, кто имел хоть мало-мальское отношение к кинобизнесу, слетелись на юг Франции. Но никому и в голову не пришло приглашать Брижит. Вот почему Вадим пригласил себя и жену сам.

Он-то прекрасно знал, что в действие пришла вся мировая газетная машина, пишущая на потребу публике пикантные истории, и чтобы привлечь внимание к супруге, Вадим решил подкинуть ей парочку таких историй. Разумеется, пляж уже был до отказа забит звездами — начиная Оливией де Хэвиленд и кончая Эстер Уильямс и Ивонной де Карло. Однако когда там в купальном костюме объявилась некая длинноногая стройная дама и принялась выставлять напоказ свои прелести, за дело взялись приятели Вадима — репортеры. Они снимали ее на пляже и перед входом в «Карлтон». Они фотографировали ее вместе с ее старой приятельницей по балетному классу Лесли Карон, которая удостоилась номинации в категории «лучшая актриса» за главную роль в картине «Лили». «Пари-Матч» свел на своих страницах обеих бывших балерин в одном репортаже, опубликовав фото Брижит, которое сопровождала следующая надпись: «Новая Лесли Карон».

В те дни Военно-морской флот США в Средиземном море базировался по соседству, в Вилль-франш. Как добрые соседи, американцы внесли в этот праздник свою лепту, поставив на якорь в полумиле от берега авианосец «Мидуэй», и группе кинозвезд была предоставлена возможность сняться на его борту. Среди тех, кто удостоился чести быть доставленным на «Мидуэй», были Эдвард Робинсон, Кирк Дуглас, Лана Тернер, Оливия де Хэвиленд, Энн Бакстер, Мел Феррер, Раф Валлоне, Сильвана Мангано, Витторио Де Сика и Гари Купер.

Однако в их компанию незаметно затесалась молодая, длинноногая и стройная брюнетка в плаще.

Американцы тепло приветствовали у себя в гостях кинознаменитостей, однако когда на палубу вступила Брижит и на глазах 3500 моряков плащ соскользнул с ее плеч, открыв их взорам божественную фигуру — на протяжении последующих 25 лет ее измерения при росте в 5 футов и 7 дюймов останутся 35-23-35, — поверх которой было лишь крошечное платьице, «морские волки» совершенно обезумели.

«Я знал, что произойдет, если она поедет в Канн, — рассказывает Вадим, — Я заставил ее поехать туда, потому что знал, что после этого ее карьера стремительно взлетит вверх. Но я не знал, не ведал, что кому-то в голову придет идея отправить ее на этот авианосец. К сожалению, сам я до этого не додумался».

На протяжении многих лет тысячи начинающих старлетов пытались украсть в Канне у звезд первой величины частицу их блеска. Но именно Бардо первой удалось разом затмить их всех вместе взятых. С тех пор никому еще не удавалось сделать это лучше ее или благодаря участию в этом деле Военно-морского флота США с таким же шиком.

В последующую после Каннского фестиваля осень Брижит Бардо первый и единственный раз заявила о себе на парижской театральной сцене, сыграв в пьесе Жана Ануя «Приглашение в замок». Ануй, заметив Брижит в нескольких фильмах, нашел ее просто восхитительной и обратился к Вадиму с просьбой, не согласится ли она сыграть одну из второстепенных ролей.

Вадим передал это приглашение Брижит. Та до этого ни разу не играла в театре. Как ей самой казалось, это было бы непосильной задачей, и она

не собиралась рисковать — к чему пытаться, если все обернется провалом.

Однако Ануй не сомневался, что Брижит справится с ролью, как, впрочем, и Вадим, и они оба принялись уговаривать ее.

«Брижит была бесподобна, — рассказывает Вадим, — она только что начала сниматься в кино, и у нее не было ровным счетом никакой актерской подготовки. Приятно было видеть, как она постигает самое себя неким внутренним чутьем. Ануй едва не прыгал от восторга».

Брижит, однако, бросало в ужас от одной только мысли о сцене. Несмотря на умелую режиссерскую руку Андре Барсака и неизменное подбадривание со стороны Вадима и Ануя, она не только глубоко сомневалась в своих способностях, но и, узнав, что ей придется играть в спектакле целых три месяца, принялась жаловаться, что просто не выдержит.

«Но как только она поняла, что ей все прекрасно удастся, — продолжает Вадим, — она осталась ужасно довольна собой. Это позволило ей доказать тем скептикам, что были склонны видеть в ней лишь сенсацию однодневки, что она способна на нечто гораздо большее. Однако Брижит осталась верна себе. Первая неделя прошла гладко. Но вскоре начались недовольство и жалобы. Брижит кое-как дотянула до конца, однако ворчанью ее не было предела, ведь сцена, как оказалось, требует немалых усилий».

Однажды, ближе к концу контракта, Брижит как-то раз замечталась на сцене о чем-то своем и у нее напрочь вылетели из головы все ее реплики. Возникла неловкая пауза, и Брижит судорожно пыталась вспомнить слова. Наконец, полагая, что вспомнила нужное место, она заговорила снова. К неопишуемому ужасу других актеров, она, сама того не замечая, перескочила целую сцену. Актеры же,

к ужасу завсценой, автоматически последовали за ней к финальному акту. В конце концов Брижит заподозрила нечто неладное — она читала это на лицах всех, кто был занят в спектакле, но так и не поняла, что же собственно произошло, пока наконец не опустился финальный занавес. Актерам ничего не оставалось, как раскланяться перед публикой. В зале зажегся свет. Публика же в большинстве своем наивно пребывала в уверенности, что спектаклю полагается антракт. Так и не поняв, что к чему, зрители разошлись по домам на полтора часа раньше положенного времени.

В эти годы Брижит довелось также испытать силы на журналистском поприще, но эта ее карьера оказалась даже более скоротечной, нежели театральная.

У Брижит и Вадима имелся общий знакомый, Филипп Летельер, фоторепортер «Пари-Матч». Однажды его послали в Лион запечатлеть коллекцию модной одежды, в которую было включено несколько свадебных платьев. Летельер вернулся с пленкой в Париж, отпечатал снимки, однако, поскольку уже было довольно поздно и работники редакции все разошлись по домам, Летельеру самому пришлось придумывать подписи. В голову, как назло, ничего не шло, а время поджимало. Неожиданно около полуночи в поисках Вадима появилась Брижит.

Филипп поделился с ней своим горем — у него готовы снимки для журнала, но некому помочь ему сделать макет страницы и придумать подписи.

«Нашел из-за чего переживать», — заявила Брижит и, схватив карандаш, уселась за стол, просмотрела все фотографии, выбрала, по ее мнению, самые лучшие, разложила их по порядку и придумала подписи.

Так на целых два часа, в возрасте всего 19 лет,

Брижит посреди ночи превратилась в журналистку «Пари-Матч». Придуманый ею текст был напечатан слово в слово, и до сего времени никто, за исключением ее самой и Филиппа Летельера, об этом не знал.

Когда Хью Хефнера с треском выставили из «Эсквайра», он снял со своего банковского счета все оставшиеся у него деньги и в декабре 1953 года явил миру свое детище — журнал «Плейбой». Хью намеревался охватить своим вниманием первое в XX веке поколение особей мужского пола, не желающее обременять себя семьей. Он будоражил их воображение, публикуя на развороте журнала фотографии девушек, которые, по его мнению, выглядели так, словно жили где-то рядом, по соседству. И хотя мало кто из его читателей был столь наивен, чтобы полагать, будто у соседней девчонки вместо пупка имеется нечто вроде журнальной скрепки, однако, заплатив за журнал, он мог позволить себе каждый месяц новую девушку.

Собственно говоря, Хефнер выбросил на рынок мечту, доступную всем и каждому.

Вадим же, уверявший окружающих, будто на экране Брижит не играет, а существует, тоже выбросил на рынок мечту — правда, недостижимую.

Весной того же 1953 года Голливуд изъявил желание приобрести его товар — студия «Юниверсал» предложила Брижит контракт, и та чуть не приняла его. Бардо была готова встретиться с продюсерами в Лос-Анджелесе и даже приехала в аэропорт. Но как только она увидела самолет, тотчас вспомнила, что не любит летать, и вернулась домой.

Ольга Хорстиг-Примуц сумела заполучить для нее контракт со студией «Уорнер Бразерс». Брижит как звезде причиталось полторы тысячи дол-

ларов в неделю на протяжении первого года, три тысячи — на протяжении второго и пять тысяч — на протяжении третьего, независимо от того, снимается она или нет. Поначалу Брижит было согласилась, но затем передумала и пошла на попятную.

«Если мне придется так жить, — заявила она, — я не выдержу и умру».

Собственно говоря, на протяжении всей своей карьеры в кино она упорно отказывалась сниматься в Штатах. И чем лучше она постигала законы кинобизнеса, тем сильнее проникалась убеждением, что Голливуд для нее смерти подобен.

«Держитесь от Голливуда подальше, — бывало, предостерегала она своих братьев по профессии, — нечего туда ездить. Не связывайтесь с киношниками. Те, кто работает там, готовы заживо сожрать таких, как вы и я».

Англичане также пытались заполнить ее себе. Продюсер Бетти Бокс делала в Лондоне простенькие комедии и, как правило, стремилась заполучить из-за рубежа для участия в них исполнителя с громким именем, чтобы успешно продавать свою продукцию у себя в стране.

«Я заметила ее еще раньше, до или после Каннского кинофестиваля. Было видно, что из нее наверняка получится звезда. Она была вся такая нежная, такая соблазнительная, истинная француженка. Я предложила ей весьма пикантную роль в картине «Памятный день». Но Брижит отказалась — она тогда находилась под опекой Вадима, а он знал, что ее английский оставляет желать лучшего».

Однако упрямая Бокс никак не желала сдаваться. Она вылетела в Париж, чтобы лично встретиться с Бардо, Вадимом и Ольгой Хорстиг-Примуц в надежде, что ей удастся уломать их и Брижит согласится сыграть роль соблазнительной юной особы в комедии Дирка Богарда «Доктор в море».

Вадим назначил сумму гонорара — 750 фунтов, что по тем временам было довольно скромным вознаграждением, если учесть, что сам Богард зарабатывал около десяти тысяч. Тем не менее это в три раза превышало ее гонорары в предыдущих картинах и, вообще, само по себе было не так уж плохо для короткого графика съемок в ленте, где кроме нее участвовало еще много других актеров. Бокс согласилась, и Брижит прибыла в Лондон.

«Сказать по правде, в те дни ее английский звучал довольно комично, — рассказывает Бокс. — Она допускала множество мелких ошибок, но, с другой стороны, именно в этом заключалось удовольствие от работы с нею. Помню, как я, встретив ее в аэропорту, сказала ей, что у Рэнка в этот вечер предварительный просмотр и, если она желает, то может тоже прийти. На что Брижит ответила, что вряд ли сможет, потому что не захватила с собой «ночное платье».

На пресс-конференции, посвященной «Доктору в море», Брижит покорила всех собравшихся в зале отеля «Дорчестер», и в особенности журналистов, слетавшихся на нее, как мухи на сладкое.

— Мадемуазель Бардо, — спросил кто-то, — Вы можете назвать самый лучший день в вашей жизни?

Брижит тотчас нашлась с ответом:

— Это была ночь.

— Кем из людей вы больше всего восхищаетесь? — не унимался другой.

— Исааком Ньютоном, — отвечала Брижит, — за его открытие, заключающееся в том, что тела притягиваются друг к другу.

Еще одному репортеру не терпелось знать, почему она обходится без губной помады, на что Брижит ответила:

— Я не люблю помаду. От нее одни неудобства. Я обожаю целоваться. Но если у меня губы в

помаде, а мне хочется кого-то поцеловать, то это ужасно неудобно.

Один из присутствующих на пресс-конференции репортеров отметил: «Люди, которые в иной обстановке отдавали себе отчет в своих словах и поступках, неожиданно лишались дара речи или же несли какие-то глупости. Один спросил у нее, что она думает о лондонских полицейских. Другой весьма влиятельный редактор таращился на нее, словно замороженный, создавалось впечатление, будто ему взбрело в голову прыгнуть сквозь ее огромные серьги. Неожиданно он сглотнул застрявший в горле комок и поинтересовался, какие у нее духи».

Вадим неплохо натаскал ее.

Если найдется такой человек, который еще не забыл вышеупомянутый фильм, то наверняка из-за эпизода в душе. Для британского кино того времени подобное считалось весьма смелым шагом. Еще более памятным этот эпизод должен быть для тех, кто его снимал, потому что то была первая поистине обнаженная сцена за всю историю британского звукового кино.

Бокс продолжает свой рассказ: «В те дни костюмеры в британских картинах были круглыми идиотами. Они заклеивали женщинам соски специальной пленкой и заставляли их надевать трусики телесного цвета. Признаюсь, что и у нас на съемочной площадке имелся строгий цензор. Но в случае с Брижит, когда она встала под душ и мы включили камеру, было видно, что на ней что-то надето.

Наш режиссер, Ральф Томас, вместе с оператором и осветителями пытался отыскать такой ракурс, чтобы зритель не заметил потом всякой там пленки и трусиков. Но как они ни мудрили с освещением, как ни вертели камерой то так то

эдак, было видно, что Брижит стоит под душем одетая.

И тогда Брижит сказала: «Я знаю, как можно решить эту проблему». Бетти Бокс кивает, словно ответ был очевиден с самого начала. «Она так и сказала: «Дайте мне знать, когда вы хотите снимать меня без всего, и я все сделаю». Она восприняла ситуацию как нечто само собой разумеющееся. Чего не скажешь о съемочной команде. Если мне память не изменяет, в то утро на площадке неожиданно скопилось слишком много народа».

Дирк Богард назвал Брижит «глотком свежего воздуха», однако британская пресса его переплюнула. Какой-то журналист писал: «Увидев ее, от восторга даже епископ начнет крушить витражи». К тому времени как лента «Доктор в море» вышла на экраны, борзописцы с Флит-Стрит уже успели окрестить актрису «секс-киской». Пока международная репутация Брижит крепла с каждым днем, сама она вернулась во Францию, где мама Ольга подыскала для нее новый контракт в фильме «Большие маневры» с участием Мишель Морган и Жерара Филипа.

После этого она снялась в роли роковой искусительницы в ленте «Свет по ту сторону улицы». Для этого Вадим с Ольгой проработали договор на серию картин с режиссером Жаком Готье, однако тот незадолго до окончания съемок умер. Поскольку требовалось в срочном порядке заменить его кем-то еще, кинокомпания обратилась с предложением к Кристине Гуз-Реналь, которая до этого выполняла обязанности администратора картины. Гуз-Реналь испытывала сомнения насчет того, сможет ли она справиться со своими новыми обязанностями, поскольку для Франции того времени женщина-продюсер была поистине неслыханным делом. Но Брижит уговорила ее.

«Мы с ней подружились, работая вместе, — рассказывает Гуз-Реналь, — несмотря на разницу в возрасте, а это как-никак 20 лет. В ней я видела, в первую очередь, девушку, которая еще не обрела внутренней гармонии. Не нашла своего места в жизни. А еще мне было отлично видно, что она ненавидит кинобизнес, ненавидит сниматься, ненавидит, когда ею командуют, ненавидит все, что так или иначе имеет отношение к кино, Вадим открыл для нее дверь в мир кино, и поначалу ей это, безусловно, нравилось. Но как только забава превратилась в изнурительный труд, как только ей пришлось выполнять чьи-то распоряжения, как только у игры появились правила, удовольствия как не бывало. И все вокруг ей стало казаться ужасным».

Когда съемки картины завершились, Брижит сказала Гуз-Реналь, что если та желает снять еще один фильм, то она готова подписать с ней контракт прямо сейчас. Правда, в тот день они не подписали никаких бумаг, но Бардо еще воспользуется этим обещанием несколько лет спустя.

Подобно ее отношениям с мамой Ольгой, она до сих пор тепло относится к этой женщине, которую и по сей день зовет не иначе, как «Кри-Кри».

Из Англии Брижит вернулась домой работать с режиссером Мишелем Буароном в картине по сценарию Вадима «Эта проклятая девчонка», после чего отправилась в Италию, где снялась в ленте «Мой сын Нерон» с Альберто Сорди, Витторио де Сикой и Глорией Свенсон.

Единственная польза от участия в этой картине заключалась для Брижит в похвальных отзывах, коих удостоилась сцена с наполненной молоком ванной.

Первоначально режиссер налил в бассейн белил. Вадим, авантюрист до мозга костей, обладал

особым даром инициировать громкие истории. Кроме того, он, как никто, умел превратить громкую историю в сенсацию. Вот почему он пустил в обиход байку о том, что якобы когда Брижит увидела бассейн с белилами, то она заявила режиссеру, что это все не то, и потребовала наполнить бассейн настоящим молоком. Более того, подчеркнул Вадим, она потребовала, чтобы это было молоко ослиц. Картина с треском провалилась, но зато история с молоком облетела весь мир.

Вернувшись во Францию, Брижит получила приглашение от Марка Аллегре сняться в еще одной ленте по сценарию Вадима «Обрывая лепестки маргаритки». Американские прокатчики впоследствии заменили это название на еще более туманное: «Пожалуйста, господин Бальзак». Но в Англии кто-то ловко додумался сделать так, чтобы народ клюнул на фильм с участием Бардо, и озаглавил картину «Мамзель Стриптиз». Имя Брижит стояло в титрах вторым после Даниэль Желен, однако у зрителя вряд ли возникли сомнения, кто здесь главный. Теперь Вава на потребу зрителю раздевал жену. А еще он объявил всему миру, что для Брижит «нагота — это примерно то же самое, что улыбка или цветок». От Брижит часто можно было услышать следующее утверждение: «Я придерживаюсь строгих правил, но, как мне кажется, нагота не является их нарушением». И сегодня Вадим по-прежнему согласен с тем, что так оно и есть. «Нагота никогда не воспринималась ею как некое тайное оружие, при помощи которого женщины соблазняют мужчин. Она была Евой — той Евой, что еще не разгневала Бога в его райских кущах».

Но удачнее всего Вава подкармливал историями о Брижит Бардо падких на сенсации газетчиков.

«Она более образованна, чем дети предыдущих поколений, — писал он о ней, — вместе с

этим, и у нее имеются пробелы. Например, она знает египетскую историю до мельчайших деталей, но при всем при том, мне пришлось разъяснять ей, что мыши не откладывают яйца или что луна всегда повернута к земле одной и той же стороной».

Он не упускал ни единой возможности поговорить о ней, добавить новый штрих к ее образу.

«Она не умеет даже поджарить яичницу, но зато вполне профессионально подобрала накидки для кресел и диванов. Она ездит по Парижу в машине ничуть не хуже заправского таксиста, но зато опасается духов, которые превратились в невидимых чудовищ. Именно для того, чтобы защитить ее от этих чудовищ, пока я занят на работе, я купил ей коккер-спаниеля по кличке Клоун. А теперь перечислим по порядку, кого после Клоуна Брижит любит сильнее всего на свете: других собак, птиц, солнце, деньги, море, цветы, старинную мебель, траву, котят и мышей, у меня не хватает духу спросить, какое место занимаю я, наверное, где-то между травой и котятами».

В те дни секс воспринимался обществом иначе, нежели сейчас, и чтобы придать ему добропорядочность, его следовало замаскировать, превратить в своеобразную гимнастику для ума, которую можно разложить по полочкам и обсуждать, не боясь при этом навлечь на себя гнев богобоязненных мужчин и женщин, в особенности мужчин. Вот почему, когда журналу «Эль», чьи страницы вряд ли пестрели полуобнаженными красотками, захотелось описать откровенную чувственность Бардо, это было сделано педантичным тоном:

«Кажется, что ее идеальное тело излучает чистоту, которой у нее более нет, но которая, тем не менее, как бы осталась неизменной. Соблазнительно покачивая бедрами, она умудряется творить высокую поэзию — реальную и волнующую».

Другими словами, даже ее походка подразумевает, будто она знает, что такое секс. И это в те дни, когда в Нью-Йорке, за пять тысяч миль от Франции, никто просто не осмелился бы пройти таким вот образом. Когда же Элвис Пресли — или как его еще тогда называли Элвис-Пелвис* — получил приглашение в «Воскресное шоу Эда Сэлливана», предназначенное для просмотра всей семьей, не кто иной, как сам Сэлливан, потребовал, чтобы камера взяла певца в неподвижный кадр и показывала его не иначе, как от талии и выше.

Благодаря, главным образом, поразительному чутью Вадима, контракт на серию фильмов, который Брижит подписала с Готье, выкупил начинающий, но весьма честолюбивый продюсер по имени Рауль Леви. Леви был на шесть лет старше Вадима и представлял собой забавную смесь немного чокнутого романтика и стареющего сердцееда, который имел привычку прихвастнуть, что целых пять раз, еще до того как ему исполнилось 30, пережил финансовый крах. В возрасте 44 лет он наложит на себя руки из-за женщины.

Леви верил в Вадима и через него верил в Брижит. Он разглядел, что они оба созрели для картины, что принесет им обоим громкую славу. Леви понимал, что Вадим, этот искусный пиротехник, заранее сделал все для того, чтобы взрыв получился как можно громче. Из чего напрашивался вывод, что настало время поднести запал.

* Элвис-Пелвис (англ.) — Элвис, вихляющий бедрами.

«И БОГ СОЗДАЛ ЖЕНЩИНУ»

До первой мировой войны существовали Пабло Пикассо, Сергей Дягилев, кубизм и Монмартр. После нее появились Эрнест Хемингуэй, Скотт Фитцджеральд, Гертруда Стайн, Сара Мерфи и Монпарнас. Художники и писатели, интеллектуалы всех мастей слетались в Париж, заполонили собой теплые, ярко освещенные кафе и двигали жизнь дальше, причем большинство из них пребывали в убеждении, что смогут заново сотворить здесь свои собственные моральные заповеди.

После второй мировой войны, просочившись с Левого Берега, из квартала, известного как Сен-Жермен-де-Пре, наконец-то заявило о себе первое с 20-х годов истинно французское культурное движение. В центре его стояли такие фигуры, как Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Жюльет Греко. Им удалось сбросить с себя оковы нацистской оккупации. Они писали о жизни и смерти, о женщинах и политике. Они писали об экзистенциализме — о том, что человек хозяин собственной судьбы, что вселенная абсурдна и бытие предшествует сознанию. А еще они, сидя в ресторанах-подвальчиках, глубокими, хрипловатыми голосами пели песни о любви и сексе. Они вместе напивались, вместе спали, вместе сокрушали барьеры, до сих пор разделявшие человечество на две половины, и в какой-то момент — с 1947 по 1954 год — зажгли воображение более юного поколения, которое вскоре вышло на авансцену, поставив себе целью завоевать Париж. .

И все это задолго до того, как остальной мир услышал о равенстве полов в праве на плотскую любовь и освобождение женщины.

Франсуаза Саган опубликовала свою знаме-

ниту «Здравствуй, грусть» в то время, когда громко зазвучали голоса таких певцов, как Эдит Пиаф, Ив Монтан, Шарль Азнавур и Жильбер Беко. Не будем забывать, что были еще Жорж Брассенс и Жак Брель. А кино? Оно вошло в историю как «новая волна» и было связано с такими именами, как Ален Рене, Жан-Люк Годар и Франсуа Трюффо. Эти молодые люди пошли в лобовую атаку по всему фронту французской киноиндустрии и сумели-таки стряхнуть оковы консерватизма.

Оглядываясь назад, Вадим, находившийся на периферии этого движения, вспоминает, что тогда было очень много всяких интересных личностей, которые сумели прославить свои имена. Еще больше никому не известных имен так и остались неизвестными, подчас несмотря на то, что их вклад в киноискусство невозможно переоценить.

«По чистой исторической случайности те годы стали годами невиданной ранее свободы. Сегодня принято рассуждать о Жюльет Греко или Жан-Поле Сартре, который, кстати, не принадлежал к кругу молодых бунтарей, потому что его это несколько не прельщало. Но ведь были еще Жан Кокто, Жак Превер и Борис Виан. Это была удивительная смесь богемного квартала, молодежи, восставшей против всяких традиций и системы звезд. Да, и еще Дали! Любого, кто имел хотя бы отдаленное отношение к искусству или политике, можно было встретить в «Красной розе» или за чашкой кофе во «Флоре», куда приходили, чтобы узнать, что это за штука — экзистенциализм. «Звезды» и те, чьи имена никому ничего не говорили, перемешались так, что стали неразличимы, и именно настоящие звезды были самыми неизвестными».

К сожалению, когда об этом узнал остальной мир, Сен-Жермен-де-Пре уже стал объектом паломничества. «Город превратился для японцев в некое подобие Диснейленда — они только и дела-

ли, что как ищейки выискивали столик, за которым сидит Сартр. Помнится, один турист спросил меня, не для того ли всех остальных посетителей посадили в кафе, чтобы это место казалось настоящим».

Вклад самого Вадима в дело «Сен-Жермен-де-Пре» незабываем и по сей день. Вадим рассказывает, что именно в эти годы и именно в этом квартале его внимание привлекли клубы, где проигрывались пластинки, под которые можно было потанцевать, и почему-то ему на ум приходит название мюнхенского музея изобразительного искусства «Пинакотека». «Так я изобрел слово «дискотека».

И хотя Брижит происходила из 16-го округа, олицетворявшего собой все то, что обитатели Сен-Жермен-де-Пре, несомненно, считали пережитками прошлого — она и женщины вроде Франсуазы Саган подыгрывали духу либерализма, исходившему из Сен-Жермен-де-Пре, стремясь наконец сломать систему буржуазных ценностей, доставшихся им в наследство от родителей. Теперь в 50-е годы они позволяли себе такое, о чем помыслить не могли дети 40-х, и не стеснялись шокировать этим публику.

Неожиданно молодость и привычка шокировать окружающих превратились в доктрину.

И как только это произошло, публика уже созрела воспринять нечто монументальное по своей значимости.

Отталкиваясь от теории, что ей вовсе ни к чему играть, достаточно того, что она существует, Вадим сочинил сценарий, где Брижит просто оставалась самой собой. Он не столько писал для нее роль, сколько просто писал для нее. Но ведь в мечтах он уже изобрел Брижит Бардо еще задолго до того, как встретил ее в «Мудрой Софи».

Рауль Леви не только согласился поддержать его начинание, но даже был готов позволить Вадиму взять на себя обязанности режиссера. Этот проект никогда не рассматривался как нечто большее, нежели компания друзей, которая снимает недорогую, черно-белую картину. Однако Леви обратился к представителям «Коламбия Пикчерс», и там проявили некоторый интерес. Это вселило в Леви уверенность, что американцы готовы раскошелиться на цветную пленку и широкий формат. Единственная проблема заключалась в том, что в Голливуде не желали видеть Вадима в качестве режиссера. Для них он был едва ли не самозванцем. Кроме того, Брижит, по их мнению, никак не тянула на роль звезды, поскольку все еще считалась старлеткой. Вот почему Леви однозначно дали понять, что ему не видать никаких денег, пока в титрах не появится какое-нибудь громкое имя, способное обеспечить кассовые сборы.

Поскольку приятелям никак не хотелось упускать шанс превратить имевшийся у них проект в нечто более грандиозное, Леви и Вадим отправились на поиски звезды.

И тут появился Курд Юргенс.

Тогда ему уже перевалило за сорок. Это был романтический главный герой, в довоенные годы пользовавшийся огромной популярностью в своей родной Германии. Конец войны по личному распоряжению Геббельса он провел в тюрьме за то, что открыто выражал антинацистские взгляды. Слава за пределами Германии свалилась на него в 1955 году, когда Юргенс снялся в фильме «Генерал дьявола».

Красавец и сердцеед — классический тип европейского актера, который у американцев принято называть «континентальным» — по мнению Вадима и Леви, Юргенс был той самой звездой, на которую непременно клюнет «Коламбия». На их

пути стояли лишь три преграды: они не были с ним лично знакомы, они пока еще не имели для него роли и он был занят.

Однако сие отнюдь не остановило молодых авантюристов.

Имея в своем распоряжении сущие гроши, Леви с Вадимом поездом отправились в Мюнхен, где в то время у Юргенса шли съемки. Первоначально Леви намеревался предложить Юргенсу роль, которую Вадим уже обещал своему старому приятелю Кристиану Маркану. Кстати, заметил Вадим, в таком случае Юргенсу придется не только играть сент-тропезского рыбака, говорящего по-французски с немецким акцентом, но и вдобавок ко всему он окажется одного возраста с мадам Тардые, мамашей собственного героя. Леви все взвесил и согласился придумать для Юргенса что-нибудь более подходящее.

Следующее, что друзьям удалось проверить, — это написать для Юргенса роль.

Прибыв в Мюнхен, друзья обосновались в лучшем отеле города, — разве могли они себе позволить, чтобы Юргенс догадался, что они сидят на мели. Вадим тотчас взялся за переделку сценария, а Леви поставил своей задачей обработку немца.

На второй день их пребывания в Мюнхене, Леви — который уже доставил в номер горы икры и копченой лосося, а также водку — сжалился над измученным Вадимом и развлечения ради привел для него проститутку. Когда она вошла к нему, Вадим, вместо того, чтобы предаться с ней плотским утехам, спросил, умеет ли та печатать на машинке. Услышав в ответ «да», он тотчас усадил ее за работу.

Через сорок восемь часов у него уже был готов черновой вариант сценария, в котором имелся персонаж и для Юргенса. Вместе с Леви они направились к немецкому актеру, вкратце рассказали

ему сюжет и, услышав, что он ни при каких обстоятельствах не сможет участвовать в съемках дольше пятнадцати дней, они пообещали — правда, довольно поспешно, — что вполне могут уложиться в такой плотный график.

Благодаря, в первую очередь, природному обаянию Вадима и таланту афериста Леви — не говоря уже о заманчивой перспективе провести несколько приятных недель на юге Франции, — Юргенс дал согласие.

«Это, — рассказывает Вадим, — обеспечило нам поддержку со стороны «Коламбии». Теперь уже речь точно шла о цвете, широком экране и дополнительных 300 тысячах долларов к нашему бюджету. Теперь, разумеется, это не деньги. По сегодняшним меркам наш фильм наверняка бы потянул, скажем так, миллионов на пять».

Друзья озаглавили свое детище «И Бог создал женщину». Съемки картины проходили в мае-июне 1956 года в Сен-Тропезе и павильонах студии «Викторин» в Ницце. Вадим работал быстро — собственно говоря, ему ничего другого не оставалось, особенно если учесть, что Юргенс был в его распоряжении менее чем на треть десятидневного графика съемок. Так что к 5 июля фильм был отснят весь до последнего кадра, отредактирован, смонтирован и озвучен.

Надо сказать, что уже тогда картина отнюдь не тянула на шедевр, а прошедшие годы тоже сделали с ней свое дело. Существует мнение, что сыграв роль Жюльет, молодой женщины, которая мечется между несколькими мужчинами, не Брижит Бардо, а какая-нибудь другая актриса, об этом фильме уже бы никто и не вспомнил. Но ведь с самого начала было понятно, что, собственно, затеял Вадим. Жюльет — это и есть Брижит, что она вовсе не играет, а показывает себя такой, какой она есть, что она просто живет. И в культурном

вакууме враждебных сексу пятидесятих годов эта женщина олицетворяет собой нечто новое и одновременно угрожающее — одна из первых красавиц мира, не стыдящаяся своей наготы. По крайней мере, так всем казалось.

Сюжет не стоил выеденного яйца.

Девушку приютила у себя пожилая пара. Ленивая и грубоватая, Жюльет ничем не умеет расположить к себе окружающих, разве что только надутыми губками. На протяжении почти всей картины она ходит босиком, и это не просто вызов условностям, как его понимает Жюльет, это объясняется еще и тем, что Брижит большую часть своей жизни тоже проходила босиком.

Сначала Жюльет влюбляется в молодого человека по имени Антуан (его сыграл Кристиан Маркан), который изо всех сил пытается уберечь небольшую семейную верфь от банкротства. Одновременно она привлекает к себе внимание богатого бизнесмена по имени Эрик (Курд Юргенс), который надеется, что юная девушка заново разожжет в нем огонь молодости. В конце концов она выходит замуж за Мишеля — его сыграл молодой, робкий, симпатичный и никому не известный Жан-Луи Трентиньян, — который к тому же оказывается младшим братом Антуана.

Когда Мишель отправляется по делам в Марсель, Жюльет решает прокатиться на одной из принадлежащих им лодок, которая почему-то вспыхивает ярким пламенем. Ее спасает Антуан. В знак благодарности она отдается ему тут же, на пляже.

Мишель возвращается домой, и мать рассказывает ему об измене жены. Сначала Мишель устраивает драку с Антуаном, а затем идет требовать ответа у Жюльет, которая в этот момент лихо отплясывает в ночном клубе с Эриком. Мишель достает пистолет, видимо, затем, чтобы застрелить Жюльет, но вместо этого ранит Эрика. Антуан

отвозит его в больницу. Оставшись наедине с женой, Мишель, чтобы привести ее в чувство, закатывает ей пощечину. Когда же ей становится ясно, что он и есть тот самый мужчина, о котором она всегда мечтала, они вдвоем, обнявшись, растворяются во мгле теплой южной ночи.

Да, это никак не тянет на «Войну и мир».

«Как картина, — писал один из критиков, — эта работа зависла где-то между банальной мелодрамой XIX века и несбалансированной структурой порнофильма, в котором персонажи, диалоги и сюжет нужны лишь затем, чтобы оправдать, причем чем скорее, тем лучше, очередное совокупление».

Надо сказать, что в то время мало кто понял одну вещь — то, что Вадим перенес секс из сомнительных третьеразрядных театриков на экраны кинозалов Главной Улицы.

По сегодняшним стандартам актеры играют вяло, а сюжет пресен (нынче любая мыльная опера по вашему «телеку» подарит вам куда больше пикантных эпизодов), диалоги — попросту банальны.

«Она делает, что ей в голову взбредет, — отзывается Эрик о Жюльет и повторяет, — все, что ей в голову взбредет».

Как-то утром, отправившись на велосипеде в город, Жюльет проколола шину. «Я плоская», — кричит она проходящему автобусу, до отказа набитого мужчинами. Один из них кричит ей в ответ: «Что-то я не заметил».

Позднее Мишель спрашивает ее: «Чего ты боишься?» — и в ответ она зловеще произносит: «Себя».

Когда же Мишель говорит ей: «Из тебя получится хорошая жена», Жюльет возражает: «Нет, я слишком люблю веселую жизнь».

Но, собственно говоря, ни игра, ни сюжет, ни диалоги не снискали фильму «И Бог создал жен-

щину» в истории кинематографа славы одной из самых наилучших лент пятидесятых годов.

Сделала это Брижит Бардо.

Вадим с поразительной точностью подметил в ней тип «женщины-ребенка», которая вдобавок была его женой, и этот образ оказался неповторим. Он затронул оголенные нервы, с тем чтобы зритель от неудобства заерзал на месте от ее неприкрытой сексуальности и, одновременно, чтобы эта ее привлекательность возбуждала и приковывала взгляды. Чем привел цензоров в ярость.

Особенно возмутительной, по их мнению, была сцена, когда Жюльет возвращается домой после свадьбы. Она ложится с мужем в постель, в то время как вся семья сидит за праздничным столом. В середине обеда Жюльет спускается вниз, не обращая внимания на присутствующих, накладывает себе полную тарелку и вновь удаляется наверх. Когда же ее спрашивают о муже, она заверяет его родственников: «Я о нем позабочусь».

По мнению цензоров, сцена содержала откровенные намеки. Но поскольку все действующие лица были одеты и никто из них не произнес ни единой фразы, способной оскорбить общепринятую мораль, цензорам так и не удалось ее вырезать.

Единственный эпизод, где цензоры заняли твердую позицию и в результате им пришлось пожертвовать, происходил в спальне Брижит — в полном одиночестве она лежит в постели, а младший брат ее мужа (по сценарию ему было 15 лет) подглядывает за ней из-за двери. Зная, что он наблюдает за ней, Брижит, в чем мать родила, поднялась с постели и прошла мимо мальчишки.

«Нет, нет и еще раз нет, — увещевал цензор Вадима, — я этого не допущу. Я требую, чтобы вы немедленно вырезали эту сцену!»

На что Вадим возразил: «Я бы и рад ее вырезать, но сначала вам придется ее найти».

Цензор не понял.

И тогда Вадим объяснил: «Этого эпизода не существует в природе. По сценарию на ней надета длинная рубашка, которая доходит ей почти до колен. И когда Жюльет встает, рубашка все еще на ней. Когда же она проходит мимо мальчишки, на ней по-прежнему эта рубашка».

«Нет, — настаивал цензор, — это не так». И никак не желал отступить от своей версии. «Она была голышом. Я сам это видел. Прокрутите пленку назад, и я докажу вам это».

Вадиму ничего не оставалось, как уступить его просьбе, и, как он и уверял, их взглядам предстала Брижит, одетая в длинную мужскую рубашку. Но все равно цензор ему не поверил. Теперь он обвинял Вадима в том, что тот снял одну и ту же сцену дважды — отдельно для кинотеатров и отдельно — для цензоров.

Вадим поклялся, что он не делал ничего подобного, и даже отвел цензора в лабораторию, где работали монтажеры. Цензор сверил только что просмотренную им сцену с негативом — разумеется, Брижит и там оказалась в рубашке — но и это не поколебало его твердого убеждения в том, что Вадим спрятал от него вторую версию.

«В этом-то и заключается самый удивительный эффект присутствия в картине Брижит, — рассказывает нынче Вадим, — люди почему-то воспринимали ее обнаженной, что было отнюдь не так. В фильме имеется лишь один-единственный эпизод, в самом начале, где на ней явно ничего нет, но она спрятана за висящей на веревке простыней».

Она лежит и разговаривает с Курдом Юргенсом. Грудь ее вам не видна, потому что она лежит на животе. Так что там ровным счетом ничего не видно. И все равно цензоры, да и многие другие, уходили из зала в полной уверенности, что Бардо

большую часть картины проходила голышом. Это какое-то из ряда вон выходящее явление, связанное только с ней».

В конечном итоге французский цензор так и не нашел, к чему придраться. В самую последнюю минуту, главным образом для того, чтобы продемонстрировать свою власть, он наложил запрет на сцену, где Жюльет и Мишель были показаны обнаженными в постели. Вадим напомнил ему, что за исключением военного времени редко кто из супругов, разве только те блюстители нравственности, что всегда пребывали в меньшинстве, занимались любовью одетыми.

Согласно первоначальному замыслу, на афишах выше заглавия фильма должно было стоять только имя Юргенса. Но как только работа над картиной завершилась, всем стало понятно, кто здесь настоящая звезда. Таким образом, имя Брижит тоже оказалось выше заглавия фильма.

За месяц до парижской премьеры фильма и за несколько до показа картины в Англии Брижит Бардо по приглашению благотворительного кинематографического фонда поселилась на пятом этаже лондонского отеля «Савой» вместе с Ольгой Хорстиг-Примуц. Она прибыла в Лондон в субботу 27 октября, чтобы провести здесь неделю, перед тем как в следующий понедельник в театре «Эмпайр» на Лестер-Сквер состоится премьера для королевской семьи.

Тогда на экран должна была выйти работа режиссера Майкла Пауэлла «Битва на реке Ла-Плата» с участием Джона Грегсона, Энтони Куэйла и Питера Финча.

Это был фильм о войне, на английском языке, и для Брижит не представлял ровным счетом никакого интереса.

Сегодня никто не смог бы с уверенностью ска-

зять, чего ради ей послали приглашение. В отличие от других гостей — Виктора Мэтьюра, Даны Эндрюс, Сильвии Симс и Аниты Экберг — Бардо в ту пору не снималась в Англии.

Правда, за две недели до этого в Лондоне состоялась премьера «Маргаритки», переименованной здесь в «Мамзель Стриптиз» — одно это обстоятельство исключало ленту из кандидатов на королевскую премьеру, — а через неделю был запланирован выход на экраны картины «Эта проклятая девчонка» под новым заголовком «Мамзель Пигаль». Кроме того, на январь запланировали показ «Больших маневров», превратившихся на британской почве в «Летние маневры». По-видимому, прокатчики именно из этих соображений решили включить в список приглашенных имя Брижит, — кто знает, а вдруг эта иностранка возьмет, да и приедет.

Для организаторов премьеры Брижит была лишь одной из двадцати приглашенных актеров, которым выпала честь обменяться рукопожатием с королевой. Звезд там хватало и без нее. Организаторы уже заполучили в свои сети Мэрилин Монро, которая на тот момент находилась в Лондоне вместе с мужем, драматургом Артуром Миллером, и работала вместе с Лоренсом Оливье над «Принцем и певичкой из бара».

Брижит заранее предупредили, чтобы она оделась поприличней — дабы не оскорбить Ее Величество и, что тоже вполне вероятно, дабы не дразнить принца Филиппа. В результате Брижит появилась в платье от Бальмена. По всей видимости, до Мэрилин предупреждение так и не дошло — кинодива появилась в золотом облегающем наряде с таким глубоким вырезом, что его обладательница даже не осмелилась сделать книксен.

Никому и в голову не пришло представить Бри-

жит и Мэрилин друг другу. Когда же «Таймс» на следующее утро докладывала о состоявшейся премьере, в числе звезд значилась одна лишь Монро. О Брижит не было ни слова... А Мэрилин даже не сообразила сказать «привет» юной французской старлетке в тот момент, когда сама она, титулованная королева кинематографа, находилась на вершине славы.

Вот почему, когда встреча все-таки состоялась — поздно вечером в понедельник, в гримерной за кулисами, временно превращенной в дамский туалет, — это было чистой случайностью. Брижит зашла туда, чтобы подвести глаза. Мэрилин понадобилось припудрить нос.

По словам Брижит, встреча заняла буквально пару минут. Так что никто из двоих не проронил ни слова. Обе женщины ужасно нервничали перед встречей с королевой. Брижит подумала про себя, какая красавица эта Мэрилин.

На какой-то момент их взгляды встретились.

И из того, как посмотрела на нее Мэрилин, Брижит тотчас поняла, что Монро было прекрасно известно, что им обеим уготована одинаковая судьба.

Вадим вложил в картину 215 тысяч фунтов или около того. Различные источники утверждают, что она обошлась ему всего лишь в 140 миллионов старых франков (около 144 тыс. фунтов). Но, говорит он, стоила кинолента ему гораздо больше. Проблема заключалась в том, что во Франции фильм собрал менее 50 миллионов старых франков (около 52000 фунтов). Более того, когда 28 ноября 1956 года на Елисейских полях состоялась премьера картины — критики не оставили от нее камня на камне. И самые язвительные отзывы были направлены в адрес Брижит. Например, в газетах можно было прочитать следующее: «Лучшее, что

может быть сказано о фильме — что он наверняка поставит крест на карьере этой надоедливой старлетки...» Или вот еще один перл: «Какое, однако, чудовищное представление может возникнуть у зрителя о Франции, и все благодаря вульгарности мадемуазель Бардо».

Безусловно, Брижит растревожила критиков, поскольку это был секс, и притом весьма небезопасный. И далеко не все, кто имел отношение к кино, были уверены в том, что кинематограф созрел для него.

Например, Франсуа Трюффо заклеил фильм как аморальный. В своей статье в журнале «Искусство» он писал: «Она раздевается перед окном, лицом к свету, проникающему сквозь ее нейлоновую сорочку. В постели, вместо того чтобы приласкать больного мужа, она его дразнит. На следующее утро она купается в чем мать родила, и мы не знаем, куда глаза девать. Или же она вскакивает на заднее сиденье мотоцикла и выставляет напоказ ноги. Сидя на стуле, повыше задрав то, что на ней надето, она снова демонстрирует нам ноги. И мы имеем полное право заявить, что нам подсовывают порнографию. Остается только удивляться, куда смотрели цензоры».

Многие французы были с ним совершенно согласны и возмущены до предела, когда, вскоре после того как фильм вышел на экраны, трое молодых хулиганов убили старика, спавшего в поезде недалеко от Анжера. Разразился громкий скандал, причем часть общественного негодования была обращена против Брижит за то, что своими фильмами она якобы совращает малолетних.

Критик из «Фигаро» даже не пытался скрывать своей лицемерной чопорности, когда спрашивал: «Какие чувства должен испытывать муж, который демонстрирует нам, ничуть этого не стыдясь, обнаженное тело собственной жены?»

Обозреватель журнала «Радио и кино» признавал, что картина «И Бог создал женщину» является собой интересный социологический документ — «несмотря на отсутствие у Брижит Бардо какого-либо таланта и на отсутствие нравственности у Роже Вадима, чей талант пробивного человека находится в обратной пропорции к таланту самовыражения, несмотря на потуги церебрального эротизма, несмотря на изрядную долю порнографии».

И пока Жак-Даниэль Валькроз встал на защиту Бардо на страницах «Франс-Обсерватер»: «Поблагодарим судьбу, что у нас есть Брижит Бардо. А это означает, что Франция выигрывает на всех уровнях. Я говорю это со всей серьезностью. Ни одна другая страна не может похвастать тем, что у нее есть такая хорошенькая девушка, такая грациозно-соблазнительная, словно девичьи силуэты Огюста Ренуара, с походкой танцовщицы, с русалочьей гривой... и утонченными округлостями, что наверняка привели бы в восторг Мейло».

На первый взгляд казалось, что фильм обречен во Франции на полное забвение. И так едва не произошло. Случись так, судьба Брижит наверняка бы сложилась иначе. Ее карьеру можно было бы считать оконченной. Или же, в лучшем случае, она стала бы явлением местного масштаба.

Тем не менее, в глазах людей, проживающих за пределами Франции — а это все-таки почти вся остальная планета — фильм представлялся чем-то особенным.

12 марта 1957 года состоялась лондонская премьера картины. Ну а поскольку зрители шли на нее нескончаемой чередой, фильм был скоро пущен в прокат по всей Великобритании. Чтобы хотя бы отчасти ублажить церковных моралистов, британские прокатчики были вынуждены изменить название фильма, хотя какой смысл возлагать вину на Бога, которое теперь звучало так: «И создана

была... женщина». Потребовалось целое десятилетие, чтобы картине наконец вернули ее оригинальное название.

Не удивительно, что британские цензоры, подобно своим французским собратьям, словно с цепи сорвались после просмотра ленты. Одна только мысль о том, что юная женщина способна на все то, что она вытворяла на экране, настолько возмутила цензора, что тот даже отказался присвоить картине ту или иную категорию, что было равносильно ее полному запрету. Вадиму ничего не оставалось, как согласиться на некоторые купюры. К счастью, эти купюры нисколько не испортили ленту при выходе ее на экран, и критики сошлись во мнении, что Бардо неподражаема.

«Б. Б. на экране — это не просто эгоистичная преступница, — читаем мы в «Обсервере», — она наделена свежестью и очарованием и толикой авантюризма. Да, она безответственна и аморальна, но ей не свойственна нарочитая жестокость. Она не вписывается ни в одну из традиционных категорий киногероинь — будь то нежная, чистая, преданная женщина (Филлис Кальверт, Грейс Келли) или «*femme fatale*» — роковая женщина (Марлен Дитрих, Грета Гарбо), или пышнотелая красotka с обложки журнала (Джейн Мэнсфилд, Джейн Рассел), или девчушка с пронзительными глазами (Одри Хепберн, Лесли Карон).

В США, где премьера фильма состоялась только в ноябре 1957 года, американцы долго не могли поверить собственным глазам. Они впервые получили возможность созерцать абсолютно обнаженное тело крупным планом и в цвете. Некоторые кинотеатры, которые планировали показ картины всего на пару недель, все еще крутили ее год спустя.

«Я играю самое себя, — заявила Брижит представителям прессы. — Я не такая великая актриса,

чтобы играть кого-то еще. Вот почему мне нравятся простые, сумасбродные, сексуальные роли».

С таким же успехом она бы могла объявить войну.

«Теперь все сойдет, — надрывалась одна из голливудских газет, подчеркивая, что «Куколке», снятой Элиа Казаном в 1956 году с Кэрол Бейкер в главной роли, блюстители нравственности отказали в разрешительной печати, без которой фильм не мог быть выпущен в прокат, а Легион пристойности подверг картину жестокому бичеванию. «По сравнению с лентой «И Бог создал женщину» то были еще цветочки».

Сама того не подозревая, Брижит настезь распахнула все шлюзы. Вскоре Элизабет Тейлор сыграла в картине «Баттерфильд, 8» «девушку по вызову». Ширли Джонс в «Элмере Гентри» — женщину сомнительной добродетели, Мелина Меркури в фильме «Никогда в воскресенье» — проститутку, так же как и Нэнси Куан в «Песне цветка». «Лолита» Владимира Набокова побьет все рекорды книжных бестселлеров. То же самое произойдет, когда «Гров-Пресс» опубликует роман Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли». Более того, нет ни малейшего сомнения в том, что нагота Брижит сделала возможной знаменитую обнаженную сцену с Мэрилин Монро в ленте 1960 года «Давай займемся любовью», потому что к тому времени уже не осталось никаких запретов. Разумеется, Хеди Ламарр сбрасывала с себя одежду в фильме «Экстаз» и почти десять минут оставалась нагишом, гарцуя на лошади. Но этот фильм был сделан в Чехословакии в 1933 году в черно-белом варианте, и даже если предположить, что тогда она и считалась «первой красавицей мира», камера находилась от нее на достаточном расстоянии.

Что не менее показательно, фильм «И Бог создал женщину» напомнил американцам их собствен-

ную ленту 1955 года «Бунтовщик без идеала», принесшую мгновенную славу Джеймсу Дину. Они увидели в нем французскую вариацию на тему бунтующей юности как раз в то время, когда юное поколение американцев начало поднимать голову, заявляя о своих правах. Журнал «Лук» договорился до того, что назвал Брижит «женской ипостасью Джеймса Дина». Спустя годы другой писатель вывернет это изречение наизнанку: «Она — Джеймс Дин, только в трусиках и бюстгальтере, правда, чаще всего без оных».

Журнал «Лайф» изощрялся: «Со времен статуи Свободы ни одна француженка не освещала Соединенные Штаты столь ослепительным светом».

«Ньюсуик» окрестил Бардо «символом соблазна»: «Она наделена такой внутренней химией, что заставляет зрителя искать внутри себя то, что в обычной ситуации он либо склонен забыть, либо, как правило, отрицает».

Симона де Бовуар в статье для журнала «Эсквайр» оповещала Америку, что Бардо отнюдь не пользуется популярностью в собственной стране. «Не проходит и недели, чтобы в прессе не появился очередной рассказ о ее недавних капризах или любовных романах или же предлагался новый взгляд на ее личность, однако добрая половина этих материалов и светской хроники буквально брызжет злобой».

По словам писательницы, Брижит получала по триста писем в день — хотя реальное их количество наверняка превышало эту цифру втрое — и среди тех, кто писал ей, были и возмущенные матери, обвиняющие актрису в том, что она совращает их сыновей, и взрослые мужчины, предлагавшие свои услуги по удовлетворению ее самых необычных сексуальных фантазий».

«Ее эротизм начисто лишен магии, он агрессивен. В любовной игре она скорее охотник, не-

жели преследуемая жертва. Мужчина для нее такой же объект, как и она для него. Играя роль запутавшейся в собственных чувствах женщины, такой бездомной потаскушки, Б. Б. словно делает себя доступной всем желающим. И тем не менее, как это ни парадоксально, она подавляет. На ее лице невозможно прочесть никаких эмоций. Она не более, чем откровенная реальность. Это камень преткновения как для самых похотливых фантазий, так и для возвышенных мечтаний».

Говоря о Брижит как о «темпераментной, изменчивой и непредсказуемой», Симона де Бовуар признает, что в жизни, как и на экране, она лишь следует собственным порывам. «Она ест, когда голодна, и с той же самой бесцеремонной простотой предается любви. Желание и удовольствие кажутся ей более убедительными, нежели предписания и условности».

По мнению де Бовуар, Брижит, на которую одновременно обрушилось столько оскорблений и столько похвал, целиком и полностью обязана всем этим Вадиму и себе самой.

«Он изобрел современную версию вечной женщины и тем самым дал жизнь новому виду эротики. Именно эта новизна так восхищает одних людей и шокирует других». По прошествии лет актриса Жанна Моро заявит: «Для женщин Брижит стала настоящей современной революционеркой, и Вадим, как муж, возлюбленный и режиссер, почувствовал это. Неожиданно стали важными такие вещи, как жизненная сила, эротизм, энергия, любовь и страсть. Не следует забывать, что именно Вадим дал жизнь Бардо».

Католическая церковь США имела свой взгляд на происходящее и тотчас запретила фильм. Когда небольшой кинотеатрик в одном из захолустных городков штата Нью-Йорк запланировал картину к показу, местный священник попытался скупить

все билеты, чтобы никто из его прихожан не смог ее увидеть. Когда же владелец кинотеатра не позволил священнику скупить целиком весь зал, тот объявил сие заведение запретной территорией, пригрозив отлучением любому члену паствы, осмелившемуся прийти сюда. В течение нескольких часов его почину последовали еще несколько священников. Святые отцы заклеили картину «покушением на каждую женщину нашего общества и страны, живую или мертвую, на наших матерей, сестер, жен и дочерей».

Скандал разгорался — по всей стране все громче начали раздаваться требования запретить фильм. В Далласе, штат Техас, шеф местной полиции запретил чернокожему населению города смотреть фильм — на том основании, что картина будет иметь на них возбуждающее воздействие, что, в свою очередь, может привести к уличным беспорядкам. Свидетели Иеговы предали актрису вечному проклятию. В Филадельфии детективы устроили облавы по кинотеатрам и конфисковали копии картины. В Мемфисе на демонстрацию фильма не просто был наложен запрет — одна местная влиятельная женская группировка предупредила Бардо, чтобы та даже не смела появляться в их городе. «Фильм с ее участием груб, порочен и аморален».

Один американский критик попытался отвлечь внимание любопытных, заклеив Бардо как «символ одиночества» и неуверенности в себе современной молодежи».

Судя по всему, Гари Купер был настолько шокирован, посмотрев картину, что, по его собственным словам, был готов выложить какую угодно сумму денег за мешок, чтобы натянуть его себе на голову, лишь бы только никто не увидел его в зале. И, тем не менее, все эти споры и доводы на фоне поднявшегося шума были бессильны опро-

вергнуть одну, теперь уже очевидную истину: зрителям хотелось побольше «клубнички», и они были готовы заплатить за нее.

Только за первые девять недель демонстрации фильма на экранах США он побил все кассовые сборы Парижа, став первым французским фильмом, опередившим по популярности американскую кинопродукцию. Лента «И Бог создал женщину» возглавила список, заткнув за пояс такие детища Голливуда, как «Десять заповедей». В некоторых городах картина с участием Бардо приносила прокатчикам доход в два раза больший, чем всеми любимая кинокартина «Вокруг света за 80 дней». Но, с другой стороны, когда еще американцам приходилось видеть нечто вроде Брижит Бардо?

«Здесь лежит Брижит, — указывал журнал «Тайм», — растянувшись от одного конца широкого экрана и до другого, ягодицами вверх, голая, как глазное яблоко цензора».

«Бог создал женщину, — «каркала» пресса, — Я, дьявол, сотворил Брижит Бардо».

«Нью-Йорк Таймс» утверждала: «Брижит покорила Нью-Йорк всего за три недели. Теперь Мэрилин может снова позировать для календарей».

Газета «Санди ивнинг пост» посвятила Б. Б. специальный выпуск, озаглавленный «Маленькая чертовка».

В «Библейском поясе» юга США родительские комитеты в школах и ассоциации учителей увидели в Бардо неприкрытую угрозу мужчинам.

С другой стороны, группа студентов Принстонского университета неофициально присвоила ей степень доктора философии и магистра физического воспитания.

Это была эротика, на которую еще не осмелился Голливуд. Совершенно неожиданно всем прокатчикам в США понадобились ранние фильмы Бардо — даже те, что были откровенно слабы-

ми — «Свет по ту сторону улицы», «Пожалуйста, господин Бальзак» и «Новобрачная была слишком красива».

Киностудии тоже положили на нее глаз — из Голливуда, словно снег на голову, на Бардо одно за другим посыпались предложения, доходившие до 250 тысяч долларов. По тем временам то была сногшибательная сумма, равная ныне 2 — 3 миллионам.

Только в США фильм собрал рекордные кассовые сборы — свыше 4 миллионов долларов, что, по расчетам одной французской газеты, равнялось экспорту 2500 автомобилей «дофин». В свою очередь, это навело французское правительство на мысль выступить с официальным заявлением о том, что «мадемуазель Бардо внесла значительный вклад во внешнеторговый баланс Франции».

Шум, поднявшийся за пределами Франции, сыграл Леви на руку, дав ему повод взяться за обработку французских прокатчиков, чтобы те снова выпустили картину на экран. Это стало воистину из ряда вон выходящим событием — еще не было такого случая, чтобы фильм вторично выходил в прокат через год после премьеры. Однако прокатчики тоже почуяли, что запахло хорошими деньгами. Тем более, после того как им утерли нос. Основываясь исключительно на невероятной популярности, которой фильм пользовался за рубежом, они снова выпустили картину на экраны, и на этот раз произведенный эффект был подобен разорвавшейся бомбе.

Одна французская газета писала: «После Гарбо и Марлен, и Даниэль Дарье здесь, у нас, мы уже давно не сталкивались с явлением массового почитания. С ней желают работать самые именитые режиссеры. Им всем кажется, что не поступи они так, их сочтут за полных идиотов. И тем не менее, оставшись дома одна, перед тем как ехать в студию, где ей предстоит работать над лентой

«Женщина и паяц», Б. Б., торжествующая и ранимая, продолжает терзаться сомнениями, глядя на себя в зеркало и повторяя: «Я устала».

Ничто, даже самые буйные фантазии Вадима, не смогло морально подготовить их обоих к тому, что суждено было пережить самой Брижит. Работая над картиной, никто из них и представить себе не мог, что они произведут на свет чудовище. Да и кто мог? Уже то, что Вадим, еще неопытный молодой режиссер, замахнулся на художественный фильм с солидной сметой — уже это само по себе было довольно смело. Но, с другой стороны, картина замысливалась скорее как авантюра для горстки друзей и возлюбленных, горевших энтузиазмом молодости.

Сегодня Вадим пожимает плечами: «Нелегко утверждать по прошествии многих лет, какие чувства ты испытывал раньше. Но я отлично помню, что в ту пору мне хотелось сделать фильм, который бы многое изменил. Вот почему для меня не было особой неожиданности в том, что он действительно многое изменил. Что меня тогда шокировало — так это то, как мой фильм едва не сгинул во Франции. А еще тот скандал, который разгорелся вокруг его эротизма. Но если вам непонятны воззрения того времени, то вам многого не понять. Общество в своем развитии застряло в каменном веке. Никто не ожидал, что мы еще далеки от современных взглядов на эротику, сексуальность, раскрепощение женщины. Может показаться забавным, но я и сегодня встречаю людей, которым в ту пору было где-то от 17 до 25 лет, и они говорят, что фильм действительно многое в их жизни изменил, например, их представление о женщинах. Тогда мне и в голову не могло прийти ничего подобного».

Поскольку фильм и его главная героиня приобрели едва ли не мифический статус, неудиви-

тельно, что все с ними связанное обросло разного рода домыслами.

Когда в июне в студии «Викторин» шла работа над павильонными съемками, Рауль Леви, к своему удивлению, заметил Уинстона Черчилля. Схватив за руку Брижит, он немедленно устремился к знаменитому старцу.

«Позвольте мне, — заявил он, — представить вам звезду французского кино, Брижит Бардо».

«Безусловно, — якобы ответил Черчилль, ласково оглядывая Брижит, — французское кино очаровательно».

Позднее фельдмаршала Бернарда Монтгомери спросили, что он думает о Брижит Бардо. В ответ прозвучало следующее: «В глаза ее не видел. Ни в кино, ни в газетах. Но зато на завтра у меня назначена встреча за ленчем с этой — как ее там, Марлен».

И Вадим был по горло занят съемками, он позаботился о том, чтобы из кинолабораторий постоянно выходили копии отснятого материала, чтобы привлечь внимание прессы. Например, он нарочно проговорился о том, что любовные сцены с участием Брижит снимаются в самом откровенном ключе и что актеры так входят в роль, что продолжают сжимать друг друга в объятиях даже тогда, когда камера уже выключена. Растиражированная не одним десятком газет, эта история стала составной частью легенды. Вадим, в первую очередь, добивался для себя аршинных заголовков в газетах, и его меньше всего интересовало, насколько она оказалась правдива.

Как ни печально, но сегодня смотреть этот фильм невыносимо тяжело. Цвета поблекли, да и все остальное безвозвратно устарело. Поскольку картина была снята в широком формате, то когда сегодня смотришь ее по телевизору, на экране виден лишь нос Брижит, который разговаривает

еще с чьим-то носом. И, тем не менее, к сегодняшнему дню сборы от картины составили порядка 40 миллионов фунтов стерлингов.

За все ее старания Леви заплатил Брижит четыре миллиона старых франков (около 4 тысяч фунтов).

Вадиму же перепал всего миллион старых франков (около тысячи фунтов). «И это за полтора года работы. Я даже подсчитал, если учесть время, затраченное мною на сценарий, непосредственно на съемку и все остальное, мне платили меньше, чем какой-нибудь горничной».

Когда Вадим только приступал к работе над сценарием, он получил от Рауля Леви письмо, в котором тот обещал ему «три пункта». И даже если это означало три процента от чистого дохода, все равно это были огромные деньги. Но в один прекрасный день Леви пришел к Вадиму и сказал, что «Коламбии» понадобилось это письмо, с тем чтобы внести кое-какие изменения. Речь шла о деле. Вадиму ничего не оставалось, как отдать письмо. Обратно он его не получил.

Через несколько лет после того, как Брижит Бардо снялась в картине «И Бог создал женщину», она поведала одному журналисту, что буквально через пару недель после первой их встречи Вадим пообещал сделать из нее звезду. «Он учил меня буквально всему. Он научил меня свободно распоряжаться моей любовью. Это часть легенды, которую он создал вокруг моего имени. Это то, что он внушил публике».

И все же Вадим готов галантно признать, что причиной феноменального успеха Брижит было нечто большее, чем его собственные макиавеллиевские интриги, призванные подстегнуть интерес обывателя.

«Не спору, у меня были знакомые в газетах,

я сам подрабатывал как журналист и поэтому, как правило, чувствовал себя довольно спокойно, когда поднималась газетная шумиха. Так что легко перепутать имя Вадима с сенсацией или скандалом. Мне, разумеется, было известно, как держать себя по отношению к прессе и как разжечь интерес газетчиков к Брижит. Я никогда не подталкивал ее. Я просто помогал ей советом и следил за тем, чтобы ничто не могло навредить ее имени. Вот и все, собственно, чем я занимался. Все остальное — целиком ее заслуга благодаря ее удивительному дару раскованно держаться с репортерами. Все исходило от нее».

Брижит, если верить Вадиму, настолько уникальна, что, чтобы стать звездой, ей было достаточно играть самое себя.

«Она отнюдь не плод чьего-то воображения и именно потому способна шокировать, соблазнять, создавать новый стиль и, превратившись в секс-символ, взорвать целый мир. У нее врожденное, только ей свойственное чувство диалога. Она родилась с этим удивительным даром — стоит ей появиться где-нибудь, как атмосфера буквально электризуется. Я повторяю, она обитает в другом измерении. Я наблюдал, как она входит в ресторан, причем это было задолго до того, как к ней пришла слава, и видел, как люди, сидящие к входной двери спиной, оборачивались, чтобы взглянуть на нее. И как только они ее замечали, то уже были не в состоянии оторвать взгляд. Это что касается ее личности, которая явно имеет связь с космосом. А еще она проистекает из ее *joie de vivre*^{*}, которая, за исключением тех моментов, когда Брижит не пыталась наложить на себя руки, бьет ключом».

^{*} *Joie de vivre* (фр.) — радость жизни.

Ее поразительное обаяние не смогло оставить равнодушным никого из тех, кому довелось с ней встречаться.

«От нее исходит поразительное электрическое поле, — отмечает старый знакомый Брижит, фотограф Филипп д'Эксеа, — однажды я зашел с ней в ночной клуб «Регина». И даже в таком месте, как ночной клуб, где знаменитостями уже почти никого не удивишь, стоило ей только переступить порог, как все вокруг замерло».

В конце карьеры Брижит то же самое было очевидно и для ее последнего режиссера, Нины Компанеец.

«Можете называть это как угодно — харизмой или же магнетизмом, или же просто колдовством. Что бы то ни было — оно реально. Есть в ней нечто такое, что присуще ей одной. Безусловно, у нее идеальная фигура и бесподобная походка. Но дело совсем не в этом. Стоит ей шагнуть в комнату, где полно народу, как все вокруг останавливаются, как по команде. Я не раз становилась тому свидетельницей, особенно в ресторанах, люди замирали на месте, не успев, поднести вилку ко рту, словно от нее исходили некие сигналы, и они тотчас догадывались о ее присутствии».

«Так что, принимая во внимание этот ее дар, — считает Вадим, — становится понятно, почему у журналистов при виде Брижит, выражаясь современным языком, ехала крыша.

Было просто опасно слишком часто выставлять ее напоказ. Так что моя задача заключалась не столько в том, чтобы демонстрировать ее миру, а скорее наоборот, держать ее подальше от вездесущих репортеров. Меня скорее можно назвать ее наставником, нежели рекламным агентом. Я говорил ей: остерегайся этого, остерегайся того, ну а поскольку она и без того ненавидела интервью, то мне не составляло особого труда удерживать ее в тени».

Газетная шумиха, возможно, сыграла свою роль в превращении Брижит в звезду. Но для того, чтобы так, как она, стать явлением международного порядка, чтобы так, как она, наложить отпечаток на целое поколение — необходимо, чтобы каждый элемент в длинной и запутанной формуле четко знал свое место. «Чтобы понять Брижит, — продолжает Вадим, — необходимо усвоить несколько вещей.

Первое: «Брижит была девушкой из буржуазной семьи, и этим все сказано. Католичкой. Из 16-го округа. Трудно представить себе более консервативное воспитание. Но, тем не менее, эта семья была по-своему интересна, несмотря на то, что отец с матерью воспитывали своих детей, следуя жестким предписаниям, принятым в их среде. Откуда у Брижит ее манера говорить, откуда берет начало ее отношение к жизни — ведь, это отнюдь не входило в систему ее воспитания. Она не ходила смотреть подпольные фильмы. Она не знакомилась с мужчинами на улице. Все приятели ее юности происходили из того же самого круга. Она долго пребывала в этом опутанном условностями буржуазном обществе. Так что вам не найти рационального объяснения тому, как в ее головку закралась мысль о том, что она Брижит Бардо».

Второе: «У нее была одна-единственная страсть — балет. Уж кому-кому, а мне это прекрасно известно. Люди порой путают балерину с актрисой, почему-то принято думать, что это одно и то же. Что отнюдь не так. Для нее балет был смыслом всей ее жизни. Она была наделена талантом и работоспособностью. Чего о ней не скажешь как об актрисе».

Третье: «Она по чистой случайности познакомилась с одним молодым человеком и влюбилась в него. Исключительно по причине своей сентиментальности, из-за привязанности к нему, из-за любви — самой гротескной и одновременно са-

мой возвышенной любви, какая только возможна на этом свете — она оставила карьеру балерины и всякую надежду когда-либо стать примой в какой-нибудь знаменитой труппе, чтобы последовать за своим возлюбленным в мир кино».

Вадим подчеркивает, что не следует даже на мгновение заблуждаться на тот счет, будто Брижит тем или иным образом была готова к тому, что последовало позднее, будто она с легкостью восприняла тот факт, что неожиданно оказалась в поистине удивительном мире. «Ее можно сравнить с Дороти из «Страны Оз». Брижит жила себе на ферме со своими кроликами, ходила каждый день в школу, и неожиданно ее подхватил вихрь и забросил в сказочную страну. Она понятия не имела, куда несет ее течение жизни и что произойдет дальше. С той только разницей, что в случае с Брижит обошлось без вихря — ее закрутила и унесла любовь».

Во время съемок «И Бог создал женщину» Брижит влюбилась в Жан-Луи Трентиньяна.

Поначалу могло показаться, что то была не более, чем попытка разбудить в Вадиме ревность. Когда же он не проявил ни малейших ее признаков, — о чем Брижит жаловалась еще долгие годы, — ее безобидный романчик с Трентиньяном перерос в нечто более серьезное.

Вадим понимал, что конец их отношений близок.

«Я освободил Брижит, я показал ей, что значит быть собой. Тем самым я положил начало концу нашего брака. С этого момента наши отношения покатались под уклон».

Собственно говоря, он готовил себя к этому более года.

«Каждое мгновенье своей жизни Брижит не может обойтись без всеобъемлющей страсти, на какую я уже никоим образом не был способен.

Должен признаться, я даже рад, что наши отношения окончились так нежно и по-доброму. Ведь сколько пар ждет печальный конец. Люди просто убивают друг друга. Даже те, кому удается расстаться друзьями. Все равно для них наступают момент-другой, когда отношения между ними портятся. Мы закончили наш брак как произведение искусства, как фильм, который снимали вместе, даже если бы мы никогда не догадывались, как отразится на нас этот фильм. Это был позитивный, романтический и оптимистический конец».

Но даже в самых бурных своих фантазиях Вадим и представить себе не мог, что Трентиньян украдет у него Брижит.

«Первый раз, когда она с ним только познакомилась, она сказала мне: «У тебя не выйдет заставить меня работать с ним. У него такие коротенькие ножки. Я не смогу притворяться, будто влюблена в него». Поэтому в самом начале я никоим образом не мог заподозрить, что бросаю Брижит в объятия человека, который уведет ее от меня. Даже когда я начал понемногу догадываться, то мне на ум пришел отнюдь не Трентиньян».

По словам Вадима, он никогда не слышал от Брижит упреков в том, что именно из-за него временами она чувствовала себя совершенно несчастной. Но когда они жили вместе, случалось, упрекала его в том, что он недодает ей счастья.

«Позднее, когда мы уже расстались, она обнаружила, что просто таков ее характер, и ничего так и не изменилось. Вот почему у нее не получилось свалить вину на меня. Но когда мы разводились, у нее была просто навязчивая идея, что я должен дать ей все, что ей хочется. Мы с ней пережили просто удивительные минуты. Я совершал кое-какие ошибки. Мы оба были молоды, особенно она».

Будучи женой Вадима, Брижит вечно оказыва-

лась среди людей, заводила знакомства, получала приглашения на обеды, они оба трудились не покладая рук, чтобы упрочить свое положение в мире французского кинематографа. В лице же Жан-Лу — как она называла Трентиньяна — Брижит обрела спокойного, уравновешенного молодого человека, поклонника поэзии. Она обрела того, кто являл собой почти полную противоположность Вадиму.

Она даже как-то раз сказала своему секретарю, Алену Карре: «Он такой нежный, неиспорченный, спокойный и искренний. Как и я, всей этой студийной суматохе и вечеринкам с коктейлями, он предпочитает тишину и спокойствие. У него отзывчивое сердце, и мы с ним никогда не ссоримся. С Вадимом же мы только и знали, что выясняли отношения. У меня это уже в печенках сидело».

В Трентиньяне Брижит обрела то, что французы называют «l'amour en pantoufles» — «любовь в домашних тапочках» — спокойную, незамысловатую семейную любовь.

Единственная преграда для них заключалась в том, что Жан-Луи был уже женат на молодой актрисе по имени Стефан Одран.

«Я люблю моего мужа, — заявила Брижит вскоре после окончания съемок, — но еще больше я люблю Трентиньяна».

С Вадимом они расстались на редкость тепло. «Мне еще ни разу не доводилось видеть, чтобы развод прошел так гладко», — рассказывает Вадим. Как старые приятели, каковыми они и являлись, супруги обсудили планы на будущее: «Я попросил одного своего знакомого выступить в роли ее адвоката, а сам нанял в адвокаты одного из ее друзей».

Спустя чуть больше года, в декабре 1957-го — как раз в то время, когда фильм «И Бог создал женщину» пожинал плоды успеха в Соединенных

Штатах, — суд вынес решение, что отныне Брижит и Вадим больше не считаются мужем и женой.

«Мы развелись весьма цивилизованно и по-дружески, — улыбается Вадим, и в улыбке его сквозят нежность и ностальгия, — разумеется, не обошлось и без нескольких печальных минут. Когда все было окончено, мы оказались одни в коридоре суда. Я обнял ее, и мы поцеловались».

ШАРЬЕ

Как только они с Вадим официально объявили о конце своего брачного союза, Брижит пришлось оправдываться: «Люди во всем обвиняют меня, будто это я бросила его, после всего что он для меня сделал. Возможно, я причинила ему боль. Но возможно, я не настолько уж неправа».

«Единственно верным решением, по крайней мере так полагала она сама, будет, если Трентиньян тоже разведется со своей супругой. Увы, этого не произошло. Сначала помешала армия. А затем Одран отказалась дать ему развод».

Через месяц после окончания съемок Брижит выполнила одно свое старое обещание, сыграв главную роль в картине Кристины Гуз-Реналь «Новобрачная была слишком красива» с участием Луи Жордана. Когда и эта лента была готова, всего за две недели до того, как Брижит исполнилось 22, актриса занялась поисками уютного гнездышка для себя и Жан-Лу. По ее мнению, квартира на улице Шардон-Лагаш вызывала у нее слишком гнетущее настроение, и поэтому Брижит купила себе новые

апартаменты, в доме №71 по авеню Поль-Думер. Во-первых, отсюда было рукой подать до дома, где жили родители, и, по чистому совпадению, буквально в двух шагах за углом, находилась главная контора фирмы «Бардо и К°».

Небольшая квартира в двух уровнях, занимавшая седьмой и восьмой этажи, обошлась ей во внушительную по тем временам сумму в 11 миллионов старых франков. Слева от входной двери имелся крошечный закуток, служивший кабинетом ее секретарю. На этом же этаже расположилась и ее спальня с небольшим балконом.

Светлая и просторная гостиная находилась наверху — на одном ее конце был камин, а на другом, по соседству с кухней, — обеденный уголок.

Брижит поселилась здесь с Жаном-Лу сразу после Нового года.

Теперь она снималась у Мишеля Буарона в фильме «Парижанка» с участием Шарля Буайе, после чего приступила к работе над лентой «Ювелиры при лунном свете» (в английском прокате — «Той ночью обрушились небеса») в счет выполнения ее обязательств перед Раулем Леви. Режиссером фильма Леви сделал Роже Вадима.

Первоначально Трентиньян проходил срочную службу в Париже. Каждое утро он уходил к себе в часть, затем возвращался домой обедать и вечером снова появлялся к ужину. Пока Брижит снималась в Париже, эта схема срабатывала гладко. Но в июне съемочная группа во главе с Вадимом отправилась в Испанию, и все пошло кувырком. Брижит не ладила с новой женой Вадима, Анетт Страйберг, съемки наводили на нее скуку, а порой и вообще вызывали едва ли не отвращение. Чтобы проводить с Трентиньяном уик-энды, Бардо приходилось каждую неделю летать в Париж — малоприятное занятие для того, кто не выносит самолета.

В фильме был занят ослик. Брижит не забыла

дней своего детства, когда у нее жили то кошка, то кролик, то пес — эти первые обитатели ее домашнего зверинца, пополнявшегося за счет всякого рода бездомных тварей. А если учесть многолетнюю привычку Брижит заводить дружбу с любой четвероногой тварью, обитающей в радиусе 100 миль от съемочной площадки, то стоит ли удивляться, что она стала ослику чем-то вроде матери. Брижит назвала своего питомца Шорро и, когда администрация отеля наотрез отказалась пустить его в гараж, взяла его к себе в номер.

Однако не всем занятым в съемках животным повезло так, как ослику. В картине также участвовала корова, а чтобы она вела себя спокойно, ветеринар-испанец ввел ей дозу анестезирующего лекарства. Увы, корове укол пошел отнюдь не на пользу, но врач был уже бессилен чем-либо помочь, животное испустило дух прямо на глазах у Брижит, не отходившей от несчастной коровы ни на шаг. С тех пор актриса стала активно выступать против использования в фильмах животных.

Смерть коровы сильно опечалила Брижит и сорвала график съемок. А поскольку Брижит была и без того предельно измотана, неудивительно, что она заболела.

А еще ее одолевала скука. Чтобы как-то убить время, она начала встречаться с местным актером по имени Густаво Рохо. Вскоре об этом стало известно Трентиньяну. Собственно говоря, первым проболтался Рохо — преждевременно, не спросив мнения Брижит, — он раструбил о том, что они якобы собираются пожениться. Вполне понятно, Жана-Лу это мало обрадовало. Но к тому времени, когда работа над фильмом завершилась и они с Брижит еще могли бы наладить отношения, его перевели служить в Трир, в Германию.

К рождеству их роман окончательно сошел на нет.

«Брижит буквально выжимает из людей соки, — утверждает Ален Карре, который несколько лет был секретарем и доверенным лицом Бардо и поэтому много насмотрелся. — Она импульсивна. Она из тех людей, кто, рассердившись, легко причиняют боль другим. Жан-Луи был просто душка, но слишком бесхарактерный, чтобы держать ее в руках. Ему не хватало твердости, чтобы сладить с нею».

Еще какое-то время Брижит продолжала ездить на выходные к Трентиньяну — в пятницу вечером она поездом отправлялась в Германию и возвращалась в Париж в воскресенье поздно вечером, неизменно в сопровождении верного Карре. Однако понадобилось не так уж много времени, чтобы Брижит отозвалась об этих уик-эндах так: «Лучшее, что о них можно сказать — что я, слава Богу, езжу туда поездом». «Она не из тех, кто способен любить на расстоянии, — продолжает Карре, — мужчина просто не имеет права оставлять ее одну. Брижит надо, чтобы он денно и ночно находился при ней».

На какое-то время место отсутствующего Трентиньяна занял молодой французский композитор и певец Жильбер Беко. Трентиньяну стало известно и об этом, и, дабы не доводить дело до скандала, Беко, кстати, в то время он был женат, он пошел на попятную.

Как затем рассказывала эту историю сама Брижит, Беко выступал в Женеве и она вознамерилась навестить его там. В один прекрасный день она, без всякого предупреждения, объявилась там. Ну а поскольку Беко не хотелось, чтобы об этом стало известно, он предложил, чтобы Брижит, пока не закончится его выступление, потихоньку прошла к нему в примерную и спряталась в туалете. После того как все разойдутся, пообещал певец, они с ней отправятся в какой-нибудь ресторанчик.

Так что, пока Беко пел для публики, Брижит прокралась к нему в гримерную и спряталась в туалете. А потом уснула. Когда же она проснулась, было уже за полночь, театр пуст, а Беко и след простыл.

Брижит в бешенстве бросилась на поиски и, обнаружив автомобиль певца возле одного ресторана, залезла внутрь и с силой нажала ногой на клаксон. Она разбудила всю округу, устроив такой переполох, что впоследствии Беко жаловался репортерам на то, какие выходы себе позволяет Брижит Бардо.

Как и следовало ожидать, Брижит в очередной раз слегла. Она велела Карре сделать заявление для прессы, что это всего лишь пищевое отравление — по всей видимости, ей попались недоброкачественные улитки, — а вовсе не очередная попытка самоубийства.

Ее карьера стремительно набирала скорость. И хотя сама Брижит еще об этом не догадывалась, так будет продолжаться еще примерно целое десятилетие.

Когда Отто Премингер покупал права на экранизацию романа Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть», он планировал пригласить Брижит на роль Сесиль — избалованной девчонки, втянутой в любовный треугольник, где фигурировал ее отец. Вадим отговорил Брижит дать согласие на эту роль. В результате Премингер был вынужден пригласить Джин Сибберг, и фильм потерпел фиаско.

Примерно в то же самое время Вадим и Леви вбили себе в голову, что им не сыскать лучшей экранной пары, чем Брижит и Фрэнк Синатра. Вадим быстро набросал сюжетик и слетал к Синатре в Лас-Вегас. Синатра вроде бы проявил интерес, и дело даже дошло до более или менее серьезного обсуждения. В какой-то момент Леви

даже согласился заплатить им обоим по 200 тысяч долларов плюс процент от будущих доходов. Однако Брижит наотрез отказалась сниматься в Штатах, а Синатра не желал приезжать в Париж, так что все переговоры обернулись ничем. «Какая разница, — заметил Синатра, — всех наверняка бы тошнило от нее еще до окончания съемок».

Боб Хоуп тоже желал залучить Брижит в свои сети. Его телекоманда предложила ей 25 тысяч долларов за десятиминутное появление на экране. Ольга Хорстиг заверила людей Хоупа, что Брижит ни за что на это не пойдет, однако все же передала просьбу американцев. Как и следовало ожидать, Брижит ответила отказом, поскольку намеревалась отправиться в Мерибель кататься на лыжах. Хоуп лично пытался уговорить ее, пообещав, что если она пожелает, его телевизионщики сами приедут к ней в Париж. Все, что требуется от Брижит, не унимался Хоуп, это появиться в студии и минут десять провести в его обществе, после чего она может сколько угодно кататься на лыжах. Но Брижит повторила, что едет кататься на лыжах, и, так и не клюнув на предложенные Хоупом 25 тысяч, как и планировала, уехала в Мерибель.

Потерпев фиаско с Фрэнком Синатрой, Леви задумал снять Брижит вместе с самым популярным актером Франции Жаном Габеном в кинодраме по роману Жоржа Сименона «В случае несчастья».

Когда Габену сказали, что его партнершей по фильму будет Бардо, он пришел в неописуемый ужас. «Что? Эта самая, что расхаживает в чем мать родила?»

Вскоре он имел возможность убедиться, что Бардо в гораздо большей степени была профессиональной актрисой с ранимой душой, нежели он полагал. Вскоре Габен отзывался о ней как о не-

жном создании, не способном жить без любви и ласки.

Вконец измученная съемками, Брижит вместе с Мижану на короткое время уехала из Парижа покататься на лыжах в Кортина д'Ампеццо, в Италию. Но и там репортеры преследовали ее по пятам.

«Папарацци целыми стаями гонялись за ней, — рассказывает Мижану, — они шагу не давали ей ступить. От них отбоя не было, они только и знали, что щелкали своими фотоаппаратами. Дело кончилось тем, что Брижит провела три дня у себя в номере. Она боялась высунуть нос. Репортеры торчали даже у нее под дверью, прислушиваясь, что там делается у нее внутри».

Мижану неизменно пыталась защитить старшую сестру, оградить ее от досужих приставаний. Но и ее газетчики то и дело обводили вокруг пальца. Правда иногда, по словам Мижану, ее старания защитить сестру вызывали неожиданную реакцию.

«Однажды вечером мы с Брижит отправились в ресторан, и она шепнула мне: «Смотри в оба, здесь полно репортеров». Я была вне себя от злости, что эти наглецы буквально не дают ей проходить, что они суют нос в ее жизнь, что даже сняла туфельку и пригрозила им. «Оставьте ее в покое. Убирайтесь отсюда» — заорала я. Брижит же это показалось ужасно смешным, а на следующее утро газеты поместили странную фотографию: младшая сестра как ненормальная потрясает туфелькой, а позади, с ангельской улыбкой на лице, стоит Брижит».

В своей следующей картине «Женщина и паяц» Брижит снова вернулась к сексу и стриптизу, в третий раз работая на Кристину Гуз-Реналь.

Всего за шесть лет это был двадцать второй

фильм с ее участием, и Брижит, можно сказать, дошла ровно до середины своей актерской карьеры.

Первый намек на то, что не все ладится в ее жизни, прозвучал в одной из реплик, брошенной ею кому-то на съемочной площадке. Брижит как бы размышляла вслух: «У меня такое чувство, будто жизнь проходит стороной. Мне вообще не следовало сниматься. А теперь я словно попала в беличье колесо. Ну почему я в восемнадцать лет не вышла замуж за надежного положительного мужчину? Обзавелась бы детьми, купила бы виллу в Аркошоне и наслаждалась бы семейным счастьем без всего этого притворства».

Ей еще не исполнилось и двадцати четырех.

В конце года журнал «Синемонд» назвал Бардо и Габена звездами первой величины французского экрана. Правда, французы были отнюдь не едины в подобном мнении, Брижит постепенно начала занимать верхние строчки в списках популярности, с легкостью опережая в Европе таких своих соперниц, как Мишель Морган и Джина Лоллобриджида, а в Штатах — Элизабет Тейлор и Мэрилин Монро.

Даже из СССР просочились слухи о том, будто русские поклонники, знавшие о ней лишь понаслышке и не видевшие ни одной картины с ее участием, были готовы выложить на черном рынке за ее фото недельный заработок. В Германии пылкие почитатели Бардо устраивали в очередях драки за право первыми попасть в зал на ее картину.

В Великобритании хозяин сети кинотеатров, специализировавшихся на скандальных фильмах, заказал местному художнику пластмассовую статую актрисы в натуральную величину и почти нагишом, которую затем установил в фойе кинотеатра, где шла последняя картина с ее участием. Но вскоре куклу украли. Она обнаружилась не-

сколько дней спустя в бюро находок одной из станций лондонского метро. Когда фильм наконец сошел с экрана, куклу выставили на продажу. Одна женщина хотела приобрести ее в подарок сыну к совершеннолетию. Другой хотелось осчастливить ею своего жениха. Одному художнику она была нужна потому, что там, где он жил, на севере Англии, трудно найти обнаженных натурщиц. Предложения поступали даже от экипажей судов Королевского флота и от матросов, работавших в машинном отделении океанского лайнера «Королева Елизавета». В конце концов кукла была продана кому-то в Манчестер, поскольку тот человек просто хотел иметь ее для себя.

К этому моменту уже никто в мире не сомневался, что камера любит Брижит. Некоторые женщины могут быть потрясающе красивы, и тем не менее, перенесенная на экран, их красота почему-то меркнет. Брижит природа наделила красотой сполна, и на фотографиях это выглядело просто поразительно. Она удостоилась титула самой красивой женщины в мире. Правда, кое-кому она казалась скорее самой опасной. Другие же считали ее полностью освободившейся от всяких условностей. В результате Брижит Бардо незаметно для себя оказалась заложницей созданного вокруг нее мифа, известного вскоре во всем мире как «Б. Б.»

«Какое-то время, — говорила она, — мои инициалы меня защищали. Я как бы пряталась за них. Люди говорили о «Б. Б.», и я внушала себе, что это речь идет о ком-то еще, только не обо мне. «Б. Б.» то, «Б. Б.» это, говорили они, правду или домыслы, на самом деле ничего не ведая о том, какая она, настоящая Бардо».

Что касается того, кто первым изобрел это прозвище, Брижит отвечает на этот вопрос в типичной для нее язвительной манере: «Поскольку и Брижит и Бардо оба слова начинаются с одинако-

вой буквы, наверняка то был какой-нибудь эрудит».

Кино давно уже перестало быть ей в радость. Шоу-бизнес ее не интересовал. Вот что говорит по этому поводу Ольга Хорстиг-Примуц: «Она так нервничала во время съемок, что порой вся покрывалась сыпью».

Брижит ощутила себя в западне и признавалась годы спустя: «Актерская работа никогда не приносила мне удовольствия. Она никогда не определяла моего существования». Для Брижит это был лишь способ зарабатывания денег. По дороге в студию она говорила себе: «Я иду к себе в контору». Единственной причиной, удерживающей ее в кино, было то, что она делала здесь немалые деньги. Но теперь Брижит уже ясно понимала, что ей совершенно ни к чему вся та шумиха, что обычно сопутствует популярности. К несчастью для актрисы, пройдет еще пятнадцать лет, прежде чем она начнет освобождаться от оков славы.

Как правило пунктуальная, вызубрившая наизусть свои реплики, — чего не скажешь о многих звездах, — Брижит отправлялась в студию, потому что то была ее работа, ее «контора», куда, как известно, люди ходят на службу. Примером для Брижит служил ее отец. Единственным же положительным моментом съемок на натуре было то, что, работая, Брижит могла одновременно полюбоваться морем или горами. В этом смысле она проявляла известную дисциплинированность. Именно это, поскольку на самом деле она была равнодушна к кино, и легло в основу того уникального метода, при помощи которого Бордо выбирала себе картины.

«Она никогда не давала согласия, скажем, потому, что ей понравился сценарий, — без утайки рассказывает Кристина Гуз-Реналь, — она соглашалась из-за режиссера или других актеров. Или,

как в случае со мной — из-за продюсера. Скажем, кто-нибудь обращался к ней с предложением, — о'кей, давай сделаем вот такой фильм, и если человек был симпатичен ей, она соглашалась. Ей не было никакого дела до того, хорош сценарий или плох. И частенько она останавливала свой выбор на далеко не лучших фильмах. А подчас просто отвратительных».

И дело вовсе не в том, что она не умела читать сценарии — хотя это один из тех навыков, что жизненно необходимы любому актеру, — скорее, она просто не придавала ему особого значения.

«Если сценарий выглядел «мило», — рассказывает Вадим, — она за него бралась. «Oh, c'est mignon», — восклицала Брижит, — «Как мило!» — и подписывала контракт. Разумеется, это не критерий для серьезной актрисы. Но для нее чем легчемысленнее он был и чем легчевеснее, тем скорее она находила его «mignon». Когда же ей случалось попасть в настоящую драму, во что-нибудь основательное и тяжеловесное, она тотчас раздражалась и принималась ныть: «Ну как только меня угораздило?» или даже «Какого черта я ввязалась во все это?» Нет, она никогда не черпала удовольствия в актерской профессии, а ее критерии при выборе фильмов отличались крайним своеобразием».

Как ни парадоксально, Брижит вполне могла бы сниматься в лучших фильмах — таких, что наверняка пошли бы на пользу ее карьере, — будь она менее красива. Но поскольку господь наделил ее потрясающей красотой, все только и делали, что твердили ей об этом, и она изо дня в день слушала эти восхваления. И спустя какое-то время тоже в это поверила.

Роли, что предлагали ей, были рассчитаны, в первую очередь, на красивую женщину и лишь затем — на актрису.

Вадим полностью разделяет это мнение: «Без-

условно, в выборе сценариев ей нехватало профессионального чутья на лучшие фильмы. Но опять-таки, причина в том, что она не любила кино. Ей оно было безразлично. Она все делала поверхностно. Хотя на все это можно взглянуть и по-другому. Если ей чего-то не хотелось, то причина, вероятно, кроется в ее прозорливости, здравомыслии — Брижит как бы заранее остерегалась некоторых ролей. Эти роли наверняка были более интересны, но слишком далеки от личности Брижит Бардо. То есть такие, где ей пришлось бы играть кого-то еще, а не самое себя. Вот почему в конечном итоге она останавливала свой выбор на легких ролях, где могла бы оставаться Брижит Бардо».

Жак Шарье того же мнения, что и Вадим: «Карьера ее могла бы сложиться совершенно иначе. То могла быть карьера подлинной актрисы, но она этого не захотела. Ей никогда не хотелось развивать в себе талант, оттачивать мастерство, совершенствоваться... Что еще печальнее, она так и не смогла дистанцироваться от своей карьеры. И это стало проклятием всей ее жизни».

Через год после покупки квартиры на авеню Поль-Думер Брижит приобрела «Мадраг» и начала проводить все свое свободное время в Сен-Тропе. Здесь судьба свела ее с Саша Дистелем. Племянник прославленного французского музыканта Рея Вентуры, Дистель на протяжении нескольких лет купался в лучах его славы. Он был молод, хорош собой и полон честолюбивых замыслов. Дистель явился основоположником музыкального стиля, получившего во Франции название «скубиду» — то была ранняя версия французского рок-н-рола и, до некоторой степени, того, что благодаря «Битлз» в скором будущем стало известно во всем мире как стиль «йе-йе».

Это было летом 1958 года, за несколько меся-

цев до того, как развод Брижит с Вадимом вступил в силу. Ей не было еще и двадцати четырех. Ему только что исполнилось двадцать пять. Саша Дистель обитал тогда в Сен-Тропезе, в небольшой квартирке. По чистой случайности в один прекрасный день он столкнулся с некой Ирен Дервиз, журналисткой «Пари-Матч», которая приехала сюда, чтобы сделать материал о Бардо.

Судя по его рассказу, Брижит показала свой характер, упорно отказывая Дервиз в интервью. «Брижит была в ужасе от свалившейся на нее славы, ей в буквальном смысле приходилось выдерживать осаду слетавшихся со всего света журналистов».

Дистель рассказывает, что Брижит искала спасения за стенами «Мадрага» и Дервиз уже собралась было обратно в Париж. Уже почти ни на что не надеясь, журналистка попросила Дистеля съездить с ней в «Мадраг». Дистель утверждает, что сильно сомневался в этой затее. Во-первых, у него не было ни малейшего желания навязываться кому бы то ни было, а во-вторых, он отнюдь не был уверен в том, что Брижит вообще откроет им дверь. Дервиз, однако, стояла на своем, и Дистелю ничего не оставалось, как присоединиться к ней. Если верить Дистелю, к величайшему удивлению их обоих, Бардо не только открыла дверь, но даже была рада их видеть — в особенности Дистеля. Ирен Дервиз, теперь ее зовут Ирен Боллинг — она замужем за одним из самых прославленных европейских джазменов — настаивает на собственной версии. По ее словам, она обмолвилась Дистелю, что хотела бы посетить «Мадраг», и тот пригласил ее с собой. Как бы там ни было, эта встреча обернулась для Ирен Дервиз поводом для статьи, а для Саша Дистеля — приглашением на обед. Поскольку холодильник был практически пуст — опять-таки, согласно версии Дистеля, он

даже навлек на себя гнев Брижит, заявив, что она де была слишком прижимиста, чтобы чем-либо его наполнить, — они отправились в ресторан. После ресторана они заехали в клуб под названием «Д'Эк-свинад». В ту пору в моду вошел танец «ча-ча-ча», и они протанцевали всю ночь. Под конец прозвучали несколько медленных мелодий, и Дистель понял, что сжимает Брижит в своих объятьях. Той ночью они возвратились вместе с нею в «Мадраг».

Затем последовал настоящий летний роман. Юные и красивые, они составляли привлекательную пару. Через три дня эта новость уже перекочевала на первые страницы газет, и влюбленным не было отбоя от папарацци. Из Сен-Тропеза репортеры увязались за ними в Париж. В Италии в сентябре 1958 года, когда Бардо и Дистель вместе приехали в Венецию на кинофестиваль, их уже поджидала неистовствующая толпа. Для их защиты потребовалось ни много ни мало — четыре тысячи полицейских.

Разумеется, Брижит это мало обрадовало, ведь она уже была сыта по горло подобными сценами. С другой стороны, поднявшийся ажиотаж пошел только на пользу только начинавшейся карьере Дистеля. И по сей день в журналистской среде ходят рассказы о том, что в дни головокружительного романа Бардо—Дистель не кто иной, как сам кавалер, заранее оповещал журналистов об их планах и маршрутах. Если верить этим байкам, в какой-то момент один из журналистов заявил Дистелю, что, мол, если ты, парень, позвонишь еще раз, тебе по гроб жизни не видать своего имени на страницах нашей газеты.

Некоторое время ходили упорные слухи о возможном браке Бардо и Дистеля. Пресса сообщала, что когда Дистель представил Брижит своим родителям, его мать подарила Бардо свое собственное обручальное кольцо с сапфиром в виде звезды,

обрамленном бриллиантами. Сегодня Брижит утверждает, что все это рассказы, хотя и соглашается, что когда она представила Дистеля Пилу и Тоти, те, в отличие от родителей потенциального жениха, отнеслись к этому более сдержанно.

Однако их помолвка оказалась трудным делом даже для такого человека, как Дистель. Через тридцать лет он назвал свой роман с Брижит «работой на полную ставку». Ей требовалось, чтобы тот, кого она любит, вечно находился при ней, выполнял то, чего она от него захочет, и признавал ее главенство. «В конечном итоге, — рассказывает Дистель, — у меня не было ни малейшего желания становиться «месье Бардо».

Как бы то ни было, даже удостоившись прозвища «будущий господин Бардо», Дистель не терял понапрасну времени и продолжал делать карьеру на эстраде.

В те дни одним из ведущих французских импрессарио был Андре Пуссе. Он подыскивал артистов для выступлений в ночных клубах, а также представлял во Франции ведущих американских шоуменов, в том числе Эда Сэлливана. В один прекрасный день тот позвонил ему и заявил: «Мне нужна Бардо». Пуссе, отлично зная, что ему даже нечего заикаться об этом Брижит, ответил Сэлливану: «Забудь. Она не поедет в Америку. Она ненавидит летать самолетом».

Сэлливан не желал отступать: «Предложи ей 50 тысяч долларов за три минуты».

В годы, когда большинство простых смертных не могли заработать за год даже пятой части этой суммы, Сэлливан предлагал Брижит колоссальные деньги. Ну а поскольку Пуссе за его старания полагались законные десять процентов, он пообещал Сэлливану, что сделает все от него зависящее. Правда он предупредил: «Только не надо заранее обольщаться, потому что у нас все равно ничего не выйдет».

Пуссе остался верен обещанию — он позвонил Бардо и передал ей предложения Сэлливана. И, как он и опасался, Брижит с ходу его отвергла. Пытаясь как-то утешить Сэлливана — а также не желая упускать причитающихся комиссионных, — Пуссе позвонил знаменитому ведущему, чтобы сделать ему контрпредложение: «Я могу организовать для вас ее жениха». Отлично понимая, что одно лишь упоминание имени Бардо способно собрать многомиллионную аудиторию, Сэлливан живо согласился заплатить Дистелю за его участие в телешоу 6 тысяч долларов. Как только стороны, казалось бы, договорились, Пуссе сообщил Сэлливану печальное известие: «Вы не имеете права упоминать имя Брижит».

«Не велика беда!» — ответил Сэлливан и в один из последующих воскресных вечеров представил американским телезрителям «человека, которому завидует каждый мужчина в мире, потому что каждый мужчина в мире желал бы себе его невесту».

Слава Брижит была столь велика, что даже не нужно было называть ее имя. В Америке никто слыхом не слыхивал, кто такой Дистель, однако зрители тотчас догадались, кто его невеста.

Их жаркое лето сменилось прохладной осенью. Брижит теперь готовилась к новой работе с Раулем Леви в картине на тему второй мировой войны — «Бабетта идет на войну», и Дистель незаметно отошел на второй план. Брижит оставила его наедине с его весьма перспективной карьерой. Он же оставил ей после себя не только воспоминания. Дистель привнес в ее жизнь страсть к игре на гитаре. Как выразилась сама Брижит, «он наполнил мою жизнь музыкой».

Кстати, может показаться забавным, что вскоре после того, как Дистель расстался с первой

женой Вадима, у него завязался роман со второй — Анетт Страйберг.

Вот что замечает по этому поводу сам Вадим: «Саша, казалось, питал особую слабость к моим женщинам. В некотором роде то была дань моему хорошему вкусу — хотя я с удовольствием обошелся бы и без этого».

Новый партнер Брижит родился в Метце, во Франции в 1936 году. Его отец, Жозеф Шарье, был полковником французской артиллерии, так что детство мальчика было типичным детством ребенка из семьи военного, то и дело переезжающей с места на место в зависимости от нового назначения отца. Однажды это была даже Африка. Однако в отличие от своих братьев, что пошли по отцовским стопам, Жак учился в Школе изящных искусств, увлекаясь то живописью, то керамикой, то интерьером, то сценическим искусством — тем более, что природа одарила его привлекательной внешностью. Прочувшись какое-то время в Парижском центре драматического искусства, он начал выступать в театре и даже участвовал во французской постановке «Дневника Анны Франк». Из театра его занесло на съемочную площадку, где он сыграл свою первую роль в картине «Обманщики».

Леви уже видел театральные работы Шарье, как, впрочем, и Брижит, и поэтому решил, что из молодого человека может выйти толк и на экране — как благодаря таланту, так и броской внешности. Леви считал Шарье вторым претендентом на главную мужскую роль в «Бабетте». И Жак действительно получил ее, когда кандидат номер один, Дэвид Нивен, сказал «нет».

Во время съемок в Париже и Лондоне Брижит быстро сдалась перед его чарами. Когда они вдвоем с ней приехали в Лондон, Брижит объявила, что

не станет останавливаться в «Савое», где для нее был уже зарезервирован люкс, а поселилась в том же отеле, что и Жак — «Маунт Ройял», который находится возле Марбл Арч. Вполне в духе повального помешательства, неизменно вызываемого ее присутствием, управляющий отеля распорядился заново отделать к ее приезду самый просторный люкс. А на базе Королевских военно-воздушных сил в Абингдоне, где на выходные дни были запланированы съемки, командир объявил, что впервые за всю его долгую службу подчиненные отказались от предложенных им увольнительных.

Неожиданно свалившееся на Брижит увлечение Шарье принесло с собой уже знакомую толику нерешительности. Вернувшись в Париж, Брижит поняла, что еще не до конца порвала отношения с Дистелем, который до сих пор играл значительную роль в ее жизни.

Надо сказать, что и Дистель проявил недостаточное понимание. Стремясь в последний момент сохранить их отношения, он даже попытался найти поддержку у Алена Карре. Дистель рассчитывал, что Карре сумеет убедить Брижит приехать в Сен-Тропез, лишь бы только на какое-то время оторвать ее от Шарье, чтобы она могла взвешенно обдумать свое будущее. Дистель самоуверенно полагал, что со временем Брижит одумается и ей станет ясно, что ее будущее связано с ним и только с ним, и все опять станет на свои места.

Карре в одном из разговоров затронул эту тему, и поначалу Брижит согласилась. Но уже через час передумала. Поскольку они с Карре едут в Сен-Тропез, заявила она, то почему бы им не прихватить с собой Шарье. Брижит велела секретарю, чтобы тот позвонил Жаку и передал ее приглашение. Однако Шарье дома не оказалось, и самое большее, что сумел Карре, это оставить по всему городу для него сообщения. Затем позвонил сам

Дистель, и после долгого и откровенного разговора с ним Брижит объявила Карре, что ни в какой Сен-Тропез с Шарье они не поедут. Вместо этого она остается с Дистелем в Париже.

Но в этот момент раздался телефонный звонок. Звонил Шарье. Ему передали, что Брижит его разыскивает. Карре передал ей трубку. Через пару минут Брижит поведала Жаку, что они с Аленом сегодня вечером отправляются «Голубым экспресом» в Сен-Тропез. Желательно не опаздывать. После чего велела Карре передать Дистелю, что она, как и предполагалось, все-таки едет в Сен-Тропез.

Можно подумать, так предполагалось с самого начала. Когда Брижит с Карре прибыли на Лионский вокзал, Шарье уже поджидал их. Брижит провела с Жаком несколько дней в «Мадраге», после чего он вернулся в Париж. Но не успел он уехать, как Брижит позвонила Дистелю и тоже пригласила его в Сен-Тропез.

Усевшись за руль модного спортивного автомобиля, Дистель устремился на юг, но не доезжая да места, угодил у Экс-ан-Прованс в аварию. Сам он отделался легким испугом, но машина была загублена. Уверенный, что ему во что бы то ни стало надо попасть в «Мадраг», Дистель проделал оставшиеся сто двадцать километров на такси. Увы, долго он в «Мадраге» не задержался. Вскоре им обоим с Брижит стало понятно, что ничего хорошего у них не выйдет, и Дистель тем же вечером поездом вернулся в Париж. Добрые чувства, которые Дистель после этого случая все еще испытывал к ней, улетучились, когда в конце апреля 1959 года Брижит вместе с Шарье отправилась в Шамони-ле-Гуш. Они сняли себе шале и неожиданно оказались оторваны от мира запоздалой весенней снежной бурей. Брижит забеременела.

Шарье уже давно этого добивался. Брижит же всячески противилась. Но в ту «допильную» эпоху

им обоим было прекрасно известно, что даже самые тщательные предосторожности порой дают сбой. Как только Брижит поняла, что беременна, еще ничего не говоря Шарье, она позвонила Вадиму. Ей, мол, срочно требовалось его видеть, правда она не сказала, почему.

Тот предложил приехать к ней. Нет, отказалась Брижит, Жак ужасно ревнив.

По ее словам, таков его характер, он привык командовать — что наверняка было для нее в новинку, — и ей не хотелось, чтобы ему стало известно о ее звонке.

Вадим пообещал, что будет ждать ее в своем недавно приобретенном «дайтоне-феррари» голубого цвета на углу Порт-де-ля-Мюэт. Брижит от волнения была там первой. Заметив Вадима, она тотчас запрыгнула к нему в машину, и они принялись кружить по городу. Вот тогда-то она и ошарашила его новостью: «Я беременна. Что мне делать?»

У них с Вадимом тоже случались подобные проколы. И как-то раз они даже ездили решать эту проблему в Швейцарию. Вадиму было известно, что Брижит не хочет иметь детей. И если ребенок способен расстроить ее до такой степени, что она сделает какую-нибудь глупость — например, впадет в депрессию и попытается наложить на себя руки, неразумно настаивать, чтобы она его сохранила. Вадим понимал, что будет проще, если она снова съездит в Швейцарию и решит там возникшую проблему. Но с другой стороны, размышлял Вадим, когда женщина рождает ребенка, в ее организме и психике происходят перемены, и вполне возможно, у нее изменится отношение к детям. Интересно, задавался вопросом Вадим, как вообще она может утверждать, что не любит детей, если у нее самой их еще нет. Тревожило его еще и то, испытывает ли она сомнения. Что если

вдруг она решит, что ей все-таки хочется ребенка, и тогда просто преступно требовать, чтобы она сделала аборт.

«Прислушайся я тогда к голосу разума, — рассказывает Вадим, — я бы предложил ей избавиться от ребенка. Но при данных обстоятельствах, учитывая все те эмоции, что обычно сопровождают таинство появления на свет человека — даже если шансы на то, что она будет любить этого младенца равнялись один к тысяче, — я все-таки посоветовал ей рожать. Мы ездили с ней по городу часа полтора. Я убеждал ее, что если она не родит этого ребенка, то так до конца дней своих и не узнает, способна ли она на материнскую любовь или нет. По-моему, эта дискуссия, что имела место между мной и ею в машине, сделала свое дело, убедив ее оставить ребенка».

Правда, Брижит искала совета не только у одного Вадима. Столкнувшись со столь серьезной дилеммой, она обратилась за советом к Кристине Гуз-Реналь.

Женщины обсудили ситуацию, и Гуз-Реналь, которой также было известно о нежелании Брижит обременять себя детьми, предложила помочь ей с абортом. Во Франции аборт все еще оставался под запретом — кстати, такое положение сохранится еще десять лет, — однако те, кто был в состоянии заплатить за эту операцию, могли без труда договориться с врачами. Однако когда Гуз-Реналь и Брижит обратились к одному светилу французской гинекологии, который обычно с готовностью брался за подобные операции, тот ответил отказом якобы по медицинским показаниям. Клиника же в Швейцарии отказала Брижит на том основании, что она-де теперь слишком знаменита.

Вот что говорит Гуз-Реналь: «Теперь Брижит ни за что не удалось бы прошмыгнуть в клинику,

чтобы об этом не узнал всяк и каждый в радиусе сотни километров. И разумеется, никто из врачей, занятых в этом подпольном бизнесе, не желал «засветиться» в газетах».

Брижит поставила в известность Шарье, и тот потребовал, чтобы она сохранила ребенка. А еще, сказал он, им надо пожениться.

Не уверенная в себе, в страхе перед грядущим материнством, терзаемая сомнениями, сумеет ли она справиться с ребенком, Брижит тем не менее согласилась. Как бы там ни было, к этому времени в газеты уже просочилась весть о том, что она в положении. Прервать беременность на этой стадии было практически невозможно.

Стоит ли удивляться — принимая во внимание все те пакости, которые ей уже приходилось терпеть от газет, — что они с Шарье держали свадебные планы в секрете. Они оба опасались, как бы нашествие поклонников и репортеров не омрачило скромное семейное торжество. Кстати, у них имелись все основания для опасений.

Не имея возможности венчаться в церкви — ведь в глазах Ватикана Брижит по-прежнему оставалась замужем за Вадимом, — они назначили на 18 июля гражданскую церемонию, которая должна была состояться в мэрии Лувесьенна.

До свадьбы оставалась еще неделя, когда Бардо с Шарье объявились в Сен-Тропезе оба с обручальными кольцами. И если вездесущие репортеры начинали допытывать их расспросами, парочка неизменно твердила, что они уже поженились. Идея заключалась в том, чтобы сбить газетчиков с толку, чтобы те не пронюхали об истинном дне и месте бракосочетания. В субботу, 17 июля, в день, когда Бардо и Шарье вернулись в Париж, Тоти подтвердила в Сен-Тропезе, что пара сочеталась браком девятью днями ранее. Правда Тоти умол-

чала о том, где, собственно, это произошло, ограничившись замечанием, что, мол, узел уже завязан. Увы, эта уловка не сработала. Как и другая, предложенная Аленом Карре и дублершей Брижит, Маги Мортини.

Чутье подсказывало пишущей братии, что зревают какие-то важные события, и редакторы поспешили выставить перед домом на авеню Поль-Думер круглосуточную вахту. Чтобы сбить их с толку, Карре и Мортини притворились, будто они Жак и Брижит. В квартире до поздней ночи горел свет, и «мнимые супруги» то и дело появлялись в окнах, разыгрывая перед репортерами счастливую парочку. Тем временем истинные жених с невестой успели добраться до Лувесьенна.

К сожалению, кто-то из мэрии проболтался, что церемония назначена на четверг, и когда оба семейства прибыли на тайное бракосочетание, их уже поджидали репортеры из «Пари-Матч». Среди команды газетчиков — а их там собралось человек 10—12 — имелся и знакомый Брижит, фоторепортер Филипп Летельер. «Любая свадьба во Франции является публичным событием. Таков закон. Так что мы считали себя в полном праве проследовать вслед за ними в зал».

Забавно, но за церемонией наблюдала, как и во всех подобных случаях, символ Франции, Марианна. Мэр Ферран Гийом пригласил обе семьи занять свои места в свадебном зале — «Salle de Mariage», где на них взирал бюст Марианны. Брижит и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день этот зал украсится скульптурой с ее лицом — в день, когда всенародным голосованием ей будет предоставлена честь олицетворять собой Францию. И на протяжении многих лет миллионы юных пар будут скреплять брачный союз в буквальном смысле пред очами Брижит Бардо.

Неожиданно со всех сторон засверкали бли-

цы. Никак не ожидая, что репортеры проследуют за ними в зал, Брижит разразилась слезами: «Я не хочу, чтобы меня снимали!»

Шарье выкрикнул: «Безобразие! Такое возможно только во Франции!»

Пилу набросился на Гийома с обвинениями: «Я пришел к вам, а вы мне устроили вот какой прием!» На что мэр возразил, что не имеет к газетчикам ни малейшего отношения. В пылу он даже договорился до следующего: «Вы что, прикажете мне переодеться боксером, чтобы поженить их?»

Пилу одернул его: «Месье, того и гляди, вы все испортите».

Гийом оскорбился: «Месье, вы себе многое позволяете».

И тут перед Пилу вырос шеф местной жандармерии и потребовал: «Как вы смеете так грубо разговаривать с мэром?»

На что Пилу отвечал: «О, Господи! Да ведь я же отец!»

Теперь в словесную перепалку попытался вступить полковник Шарье, однако шеф полиции предупредил его, что в случае чего привлечет для наведения порядка дополнительные силы — эх, знать бы ему заранее, что такое произойдет, он бы давно уже это сделал.

Папаша Бардо потребовал, чтобы были приняты какие-то меры.

Мэр пригласил жениха и невесту с их родителями — он особо подчеркнул это — пройти к нему в кабинет. Обе семьи перебрались туда, но опять-таки, в соответствии с французскими законами, дверь в кабинет осталась открытой. Так распорядился Гийом. Шеф полиции же выставил несколько крепких парней, чтобы те не пускали фотографов. Возмущившись, что им отказано в праве честным трудом зарабатывать себе на жизнь, репортеры устроили потасовку — сначала с поли-

цией, а затем и между собой. Они толкались и отпихивали друг друга, желая занять место напротив открытой двери.

В сопровождении этого шума и гама сама церемония заняла семь минут. Жених поцеловал невесту, родители обменялись рукопожатиями, все принесли извинения мэру, а мэр в свою очередь также извинился перед всеми. Так Брижит Бардо стала мадам Шарье.

Теперь перед новобрачными и гостями стояла задача целыми и невредимыми выйти из мэрии. В здании имелся только один выход, и, напустив на себя храбрый вид, оба семейства принялись пробиваться наружу сквозь ошалевшую от ожидания толпу. Наконец они расселись по машинам и вскоре скрылись за высокими стенами семейной виллы Бардо.

После скромного семейного торжества Мортини и Карре снова превратились в Брижит и Жака. На этот раз их номер, можно сказать, удался. Прикрывая лицо, чтобы ввести в заблуждение папарацци, они уселись на заднее сиденье машины и рванули в Париж, увлекая за собой стаю газетчиков. Оказавшись наконец в квартире, они замкнули дверь на замок и отказались выходить наружу. Репортерам ничего не оставалось, как возобновить свои бдения. Осада продолжалась.

Как только путь в Лувесьенн стал для них открыт, Бардо и Шарье потихоньку улизнули в Париж на Лионский вокзал, а оттуда отбыли «Голубым экспрессом» на юг. Там, с вокзала Сен-Максим, они на машине прикатали в «Мадраг», где и провели десять дней в тиши и спокойствии.

Однако над их союзом словно витало некое проклятие. У Шарье случился приступ аппендицита, и он был доставлен в больницу. Не успел он до конца поправиться, как Брижит уже надо было переезжать в Ниццу, где ей предстояли съемки

картины «Не хотите ли станцевать со мной?» Это была ее третья работа с Мишелем Буароном. А пресса уже всюду рассуждала об их с Шарье будущем.

Бардо отреагировала со свойственной ей искренностью: «Каждый раз, когда я влюбляюсь, — заявила она, — я не делаю из этого секрета. Я рассказываю о моем избраннике, я не прячу его от посторонних глаз — наоборот. Людей возмущает, в первую очередь, моя откровенность. Клянусь вам, что если я разлюблю моего мужа Жака Шарье, то первая объявлю об этом. Я прямо так и скажу. Если я вторично вышла замуж, это вовсе не означает, что теперь я изменилась».

Через несколько дней после выписки из больницы, когда Шарье выздоравливал в Ницце, его настигла армейская повестка. Жака извещали о том, что в ноябре он обязан заступить на действительную службу. В те дни в армии служили два года. Сам Шарье был родом из военной семьи и отлично понимал, какие тяготы ему предстоят. Тем не менее, он вовремя прибыл на призывной пункт, откуда его отправили в Оранж. Молодая супруга же осталась в полном одиночестве.

История повторилась — в духе Трентиньяна. Однако оказалось, что Шарье приспособлен к армейской жизни еще даже менее, чем Жан-Лу. Он превратился в объект насмешек и издевательств всей казармы. На стенах появились фото Брижит в самых соблазнительных позах. Бедняга Шарье не знал, куда ему деваться от вечных шуточек и подначек, ну а поскольку он был мужем Бардо, пресса постоянно держала его в поле зрения. Солдаты же, даже при всем их желании, не могли считать его своим в доску. Шарье подал рапорт об увольнении, но армейское начальство не пожелало даже прислушаться.

Наконец поступило известие, что жена в нем

нуждается — Брижит тогда уже дохаживала беременность, — и Шарье получил трехдневную увольнительную. Они не видели друг друга чуть больше месяца, но когда он шагнул в дверь, Брижит едва его узнала. Жак похудел почти на восемь килограммов и сильно заикался. Через два дня от одной только мысли, что ему предстоит вернуться в казарму, у Шарье случился нервный припадок. Его отвезли в больницу в Валь-де-Грас, где в лечебных целях напичкали снотворным. Уже в больнице, под наблюдением врачей, Шарье пробовал перерезать себе вены. В результате, принимая во внимание плачевное состояние его здоровья и грядущее появления на свет младенца, армейское начальство предоставило ему годичный отпуск.

Состояние здоровья мужа, а также постоянные нападки на них обоих со стороны прессы, не могли не отразиться на Брижит. Она даже заявила близким друзьям, что не иначе Господь решил наказать ее, заставив уступить увещаниям Шарье, будто она должна родить этого ребенка. Казалось, будто весь мир ополчился против нее. И где бы Брижит ни появлялась, она только укреплялась в этом своем чувстве. Как-то раз, навестив Шарье в больнице, Брижит пошла прогуляться со своим отцом. Не прошли они и квартала, как к ней подскочил какой-то тип и принялся осыпать ее оскорблениями: «Ты, шлюха! Недолго тебе понадобится, чтобы прибрать к рукам еще одного мужика!»

К тому моменту, как Шарье выписался из больницы, папарацци уже выстроились вдоль авеню Поль-Думер, боясь упустить появления «мадонны с младенцем». Брижит в качестве будущей детской приобрела соседнюю двухкомнатную квартиру. Но до сего момента она все еще намеревалась рожать в больнице. Стоило только всплыть имени то одного, то другого врача, как репортеры пытались подкупить его, чтобы им было позволено

незаметно установить фотоаппаратуру в родильной палате и таким образом запечатлеть новорожденного. Стоило лишь назвать клинику, где произойдут роды, как репортеры были уже тут как тут, дожидаясь прибытия Брижит и раздавая нянькам взятки. Счастливчик, который первым сумеет запечатлеть новорожденного младенца Брижит Бардо, мог спокойно диктовать цену — на тот момент это, несомненно, был самый ходкий товар во всей Европе.

Представители прессы одолевали ее телефонными звонками, подсовывали ей под дверь анкеты, а затем принимались барабанить в дверь в надежде, что она им откроет. Они заблокировали улицы и сняли квартиры в доме напротив, нацеля на ее окна объективы своих фотокамер.

Брижит дохаживала последний месяц, но в результате оказалась пойманой в западню в собственной квартире. Чтобы как-то защитить себя от назойливых телеобъективов, она была вынуждена жить за задернутыми шторами.

Вспоминает ее сестра Мижану: «Супружество с Жаком уже становилось ей в тягость. Брижит требовала к себе постоянного внимания, чего Шарье никак не мог ей дать. В этом проявилась незрелая сторона ее натуры, ведь ей надо, чтобы с ней обращались как с куклой. Шарье же был на это просто не способен. Когда же пресса сделала из ее беременности сенсацию, Брижит оказалась в своей квартире как в западне, превратившись в своего рода заложницу, что просто жестоко по отношению к ней. Она провела последний месяц беременности в четырех стенах, потому что внизу ее поджидали толпы репортеров, а на другой стороне улицы — бесчисленные фотоаппараты, отравлявшие ей существование».

Пытаясь как-то оградить себя и Брижит от назойливой прессы, Шарье нанял телохранителей.

Двоих он выставил у парадной двери, чтобы они не пускали внутрь журналистов. Но толпа у дома подчас бывала столь велика и порой неуправляема — здесь то и дело вспыхивали потасовки, — что полиции ничего не оставалось, как прислать сюда на подмогу еще нескольких жандармов. И все равно, всякий раз, когда Пилу и Тоти навещали дочь, им как, впрочем, и любому, кто шел к Брижит, приходилось терпеть бесцеремонное обращение со стороны газетчиков. Однажды у входа появились двое рассыльных — один с колыбелькой, другой с детской кроваткой, — после чего тотчас распространился слух, будто Брижит ожидает двойню.

Вконец издерганная, Брижит подписала составленное Шарье послание, адресованное редакторам газет и агентств новостей: «Прошу Вас прекратить эту травлю, что особенно невыносимо для женщины, которая должна родить со дня на день». В обмен на то, чтобы ее наконец оставили в покое, Брижит пообещала встретиться с репортерами вскоре после рождения ребенка. Судя по всему, это обещание не возымело никакого эффекта.

Поскольку новостей как таковых не было, кто-то пустил слух о том, будто Бардо застраховала себя на пять миллионов франков на тот случай, если при родах возникнут осложнения.

Надеясь достичь временный компромисс с прессой, Брижит согласилась ответить на ряд вопросов, переданных ей в письменной виде газетой «Л'Орор». Как и следовало ожидать, у нее спрашивали всякие глупости. Ответы Брижит свидетельствуют о том, что ей каким-то чудом удалось сохранить чувство юмора.

В. Вы хотите мальчика или девочку?

О. Мальчика. В нашей семье и без того хватает девочек.

В. Если будет мальчик, как вы назовете его?

О. Еще не решила.

В. А если девочка?

О. Это будет мальчик.

В. Вы посещали классы будущих матерей или же читали литературу о родах?

О. Нет, я думаю о том, в каком фильме буду сниматься.

В. Материнство как-то отразится на вашем актерском стиле?

О. С какой стати?

В. Вы будете гулять с ребенком по улицам?

О. Я мечтаю об этом.

В. Вы покажете ему фильмы с вашим участием? Если да, то какие?

О. Ему придется подождать, пока ему не исполнится шестнадцати.

Репортеров это мало удовлетворило, и они потребовали новых историй. Когда же кто-то пустил утку о том, будто Брижит удалось незамеченной проشمыгнуть наружу — что, кстати, полностью исключалось, поскольку пресса перекрыла все входы и выходы, — репортеры, сломя голову, бросились в четыре ближайшие больницы, где — сразу в четырех одновременно — по их утверждениям, для Брижит уже была заказана палата.

Не успели акулы пера разобраться с больницами, как кто-то запустил новую утку. На этот раз утверждалось, будто Брижит удалось незамеченной добраться до Бурже и она упорхнула в Голландию, где собирается произвести на свет дитя на уединенной, тщательно охраняемой вилле. Неожиданно аэропорт наводнили толпы репортеров. И как ни старалась администрация Бурже убедить их, что в последнее время отсюда не вылетел ни один пассажир по фамилии Бардо или Шарье, пишущая братия отказывалась слушать. Пребывая в твердом убеждения, что ее читатели еще не насытились рассказами о Бардо, «Л'Орор» опубликовала историю о якобы имевшем место тайном

бегстве через Бурже в Голландию, причем под несколько двусмысленным заголовком «Brigitte Bardot a Disparu», что дословно переводится «Брижит Бардо исчезла». Кстати, в газете именно это и подразумевалось. Дело, однако, в том, что французские газеты прибегают к подобной формулировке, когда требуется сообщить о кончине выдающейся личности. В Париже толкотня и давка перед домом на авеню Поль-Думер достигли таких масштабов, что для поддержания порядка полиция была вынуждена прислать подкрепление — одного старшего и восемь рядовых жандармов. Реагируя на поступившие от соседей жалобы, жандармы устроили в близлежащих зданиях настоящую облаву. Репортеров обнаруживали буквально в каждой щели — в том числе и внутри дома, где жила Брижит, и на крышах соседних домов. Какие-то два типа, в комбинезонах, с ящиком инструментов и лестницей, утверждавших, будто им нужно отремонтировать антенну, пытались попасть на крышу, но тотчас были разоблачены. Когда же жандармы приступили к очистке района от посторонних лиц, вспыхнули беспорядки и кое-кто из репортеров был арестован.

В субботу, почти накануне родов, еще одна парочка фотографов проникла в дом по черной лестнице. Переодевшись монахинями, они уверяли, что всего лишь собирают пожертвования для церкви. Лжемонахини намеревались постучать в дверь и, когда им откроют, быстро сфотографировать Брижит. Но Шарье успел преградить им вход.

Этот случай ужасно расстроил Брижит, и один из врачей, устав от постоянной нервозности, потребовал, чтобы будущую мать немедленно доставили в клинику, где ей был бы обеспечен лучший уход и надежная охрана. Увы, Брижит не могла даже носа высунуть за дверь квартиры. Более того,

в довершение ко всем бедам, она вот уже несколько месяцев подряд страдала от хронической инфекции мочевыводящих путей, что на девятом месяце привело к осложнению, и у нее разболелись почки. Брижит не могла без содрогания смотреть на себя в зеркало. Мучаясь постоянными болями, она приходила в ужас при мысли, какую уродину сделал из нее находившийся в ее чреве младенец. Подумать только, в какую западню она угодила, превратившись в пленницу в стенах собственной квартиры!

«Пресса проявила по отношению ко мне невиданную жестокость, — делилась она наболевшим двадцать лет спустя, выступая перед французскими телезрителями. — Я не имела возможности выйти на прогулку. Я не могла посетить врача. Я не могла даже родить в больнице. Журналисты со всех концов света взяли меня в осаду. Некоторые даже сняли комнаты у горничных в доме напротив, причем за колоссальные деньги, чтобы подглядывать мне в окна. На протяжении трех месяцев я жила как в гробнице, за задернутыми шторами и закрытыми ставнями, не в состоянии сделать и шага. Я не могла даже съездить и сделать рентген, хотя крайне в том нуждалась».

Наконец врачи распорядились, чтобы родильная палата была устроена прямо в квартире. И в понедельник, 11 января 1960 года, чуть позже половины третьего ночи на свет появился Николя Шарье.

Через час новоиспеченный отец спустился вниз, чтобы объявить примерно трем сотням фотографов и репортеров, бивуаком расположившимся возле его дома, о рождении сына. Шарье сообщил им, что роды длились около четырех часов, что младенец родился весом около шести фунтов и что, когда Брижит сказали, что это мальчик, она воскликнула «Chic alors!» — «Ну и отлично!»

После этого Шарье пригласил всех присутствующих в кафе на углу поднять бокал шампанского за здоровье новорожденного. Вскоре журнал «Cinéma» («Мир кино») подсчитал, что к этому моменту французские еженедельные издания посвятили Брижит более миллиона строк и еще примерно вдвое больше написали о ней еженедельники. Кроме, того, по прикидкам журнала, по всему миру было опубликовано около тридцати тысяч ее фотографий.

Согласно другим подсчетам, Брижит Бардо являлась темой для разговора у 47% французских семей.

Спустя два десятилетия, когда Брижит уже давно отошла от кино, «Журнал дю Диманш» провел опрос читателей на тему «Женщина и политическая жизнь Франции». Когда молодым людям 18 — 24 лет был задан вопрос о том, кто, по их мнению, наиболее полно олицетворяет собой страну, подавляющее большинство отдали предпочтение Брижит Бардо. В том же самом году читатели журнала «Пари-Матч» называли ее в качестве наиболее почитаемой женщины Франции.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НЕ В РАДОСТЬ

Группа французских киношников снимала в пустыне посреди Аризоны некую ныне забытую картину. Жарища стояла невыносимая, и режиссер отправил одного из ассистентов купить содовой. Несчастный посыльный преодолел более десятка миль, прежде чем добрался до крошечной лавчонки у автозап-

равки, расположенной, можно сказать, посреди чистого поля. Войдя в лавку, он сгреб все имевшиеся там бутылки, поставил их на прилавок и потянулся за бумажником. И тут он к величайшей своей досаде обнаружил, что у него не осталось американских денег. Ну а поскольку ему не хотелось возвращаться с пустыми руками, он предложил хозяину лавчонки единственную имевшуюся у него наличность — купюру в сто франков.

Владелец лавки взял бумажку, долго вертел ее в руках и наконец спросил: «Что это ты мне подсунул? »

Француз отвечал как ни в чем ни бывало: «Это французские деньги» — словно он только и делал, что каждый день расплачивался ими в Америке.

Владелец заправки фыркнул, пристально изучил сначала одну сторону банкноты, затем другую и наконец указал на фигуру на лицевой стороне: «Что это за парень? Наверно, де Голль?»

«А, этот... — отвечал француз. — Нет, не де Голль».

Лавочник перевернул купюру обратной стороной: «А это, случаев, не Брижит Бардо?»

«Нет, — был вынужден признаться француз. — Не она».

Американец покачал головой: «Значит, не де Голль и не Брижит Бардо», и со словами: «Так не пойдет» — вернул деньги.

Утром того дня, когда ей исполнилось двадцать шесть лет — а к этому времени она уже была одной из знаменитейших женщин в мире, — Брижит Бардо убедила себя, что именно слава является причиной всех ее бед и несчастий.

Брижит была более не в силах терпеть постоянный конфликт между ее частной жизнью и тем образом, что рисовался в глазах публики.

Брижит внушила себе, что ей ни за что не

справиться с воспитанием Николя. «Ну как, по-вашему, мне растить ребенка, если сама до сих пор не могу обойтись без матери?» Более того, ее брак с Шарье держался буквально на волоске. Что бы Брижит ни делала, что бы ни сказала, что бы ни надела — все это становилось достоянием прессы. До сих пор газетчики ограничивались тем, что преследовали ее, не давали ей прохода, фотографировали ее, разглядывали с головы до ног. Теперь же они перемалывали ей косточки. Журналистская братия утверждала, будто Брижит — это всего лишь плод воображения, воплощение мужских фантазий, что она не более чем призрачная мечта об обладании женщиной. Самым простым и безболезненным выходом из этой ситуации казалась смерть.

Как только Брижит через полтора месяца после рождения сына была в состоянии вернуться к работе, она сыграла эпизодическую роль в картине «Это случилось ночью», которую Кристина Гуз-Реналь снимала специально для мужа, актера Роже Анена. Брижит была в кадре всего несколько секунд — сидела за столиком в ресторане вместе с Шарье и Гуз-Реналь. После этого судьба занесла ее прямоком в картину Анри-Жоржа Клузо «Истина». В этой ленте Брижит играла роль Доминик, юной провинциалки, мечтающей покорить Париж. Увы, здесь ее лишь подстерегают превратности богемной жизни. В припадке страсти она убивает своего возлюбленного. Девушку ждет тюрьма, и, будучи не в силах объяснить, какие демоны терзают ее, Доминик в конце фильма — вот уж воистину пророческая сцена! — вскрывает себе вены.

В поисках соответствующего партнера для Брижит Клузо решил устроить для претендентов на эту роль кинопробу в постельной сцене. Первым в списке героев-любовников стояло имя Трен-

тиньяна, однако незадолго до этого, катаясь на лыжах, он сломал ногу и его пришлось вычеркнуть из списка. Следующими кандидатами значились Жан-Поль Бельмондо и Лорен Терзиеф. Они оба дебютировали в кино двумя годами ранее, снявшись вместе с Шарье в картине «Обманщики». За ними шли Жан-Пьер Кассель и симпатичный двадцатитрехлетний актер по имени Сэми Фрей.

И вот Бардо — между прочим вполне целомудренно, в джинсах и футболке — забралась в постель, а к ней тем временем выстроилась очередь молодых людей.

Разумеется, Шарье был далеко не в восторге. Во-первых, он возражал против кандидатуры Трентиньяна. Во-вторых, он возражал против кинопробы. Побывав на съёмочной площадке и увидев, как его жена изображает любовные объятия с четырьмя разными мужчинами, Шарье потребовал, чтобы она ушла из кино. Брижит и слышать об этом не желала. Когда же газеты ухватились за столь пикантную тему — то и дело высказывая предположения на тот счет, что их брак доживает последние дни, — Брижит с Шарье уехали на пару недель в Альпы, наивно полагая, что за это время газеты подыщут себе новый объект для нападок.

Увы, их надежды оказались тщетны!

Наконец Клузо остановил выбор на Фрее, и сей факт Шарье мало обрадовал. Вскоре после того как Брижит начала сниматься с Фреем, Рауль Леви заявил, что сыт по горло ее муженьком, и запретил Шарье появляться в киностудии. В конце концов нервы у Шарье сдали. С ним случился очередной срыв, и второй раз за свою жизнь он пытался наложить на себя руки. Его доставили в клинику в Медоне и снова накачали снотворным.

Все это время Брижит была вынуждена держать внутри себя все свои чувства и в результате

тоже оказалась на грани срыва. Опасаясь, что его главная героиня того гляди последует примеру мужа (она сущий ребенок — жаловался Клузо), режиссер решил, что прежде всего надо дать ей хорошенько успокоиться и лишь затем требовать от нее приличной игры. Исходя из этих соображений, он перед некоторыми сценами пичкал ее транквилизаторами, а потом заставлял пропустить глоток-другой виски. Результат, рассуждал он позднее, был выше всяческих похвал, поскольку помогал добиться от Брижит требуемого образа.

Фильм принес большие кассовые сборы — спустя годы Брижит назовет его своей любимой работой, — однако, что касается методов Клузо, то вряд ли они имели благотворное воздействие на ее нервы. Брижит и без того была доведена до предела, а смесь успокоительных средств и алкоголя лишь подтолкнула ее к самому краю пропасти. Более того, в отличие от всех предыдущих режиссеров, Клузо оказался не просто любителем раздавать «ценные указания», а сущим тираном. Сторонник командных методов в работе над картиной, Клузо в какой-то момент, в попытке помочь Брижит войти в роль, с силой схватил ее за плечи и принялся нещадно трясти: «Мне не нужна самодеятельность! — твердил он. — Мне нужна актриса!»

В ответ Брижит дважды съездила ему по физиономии. Выкрикнув: «А мне нужен режиссер, а не психопат!» — она в слезах выбежала вон.

Прессе почти нечего не было известно о ее конфликте с Клузо, и вскоре газетчики вывернули все наизнанку, утверждая, будто у режиссера с актрисой роман и вообще Брижит поменяла Шарье на Клузо, чья жена — бразильянка — в тот момент умирала в больнице. Газеты договорились до того, что история с попыткой самоубийства Шарье не более чем вымысел — утка, пущенная специ-

ально для того, чтобы Клузо и Бардо могли поскорее пожениться. Разумеется, чем больше Бардо и Клузо выступали с опровержениями, жалуясь, что газеты публикуют сущую чушь, тем сильнее утверждались те в своих подозрениях. Домыслы прекратились лишь после того, как кто-то из занятых на съемках проболтался репортерам, что новым увлечением Брижит является отнюдь не Клузо, а Фрей.

Наконец-то газеты разжились сенсацией, причем вполне правдивой.

Что, однако, меньше всего заботило публику, так это смятение, царившее в душе самой Брижит — она в отчаянии металась между своим почти расторгнутым браком с Шарье и зарождавшимся чувством к Фрею и одновременно была вынуждена терпеть диктаторство Клузо. К тому моменту когда работа над фильмом наконец завершилась, Брижит уже находилась на грани коллапса. Чувствуя, что ей в срочном порядке надо кому-то выплакаться, она призналась Вадиму: «Если бы только мужчины были похожи на солнце! Я бы провела остаток жизни, мирно нежась на солнцепеке! Но с ними только и знай, что держи ухо востро». Примерно в это же самое время Шарье начал поговаривать о том, что ему пора в армию. Он заявил друзьям, что хотел бы пойти в парашютисты, чтобы сражаться в Алжире. А потом он бы там погиб и превратился в мученика.

Полагая, что муж сумеет вновь обрести душевное спокойствие, если займется живописью, Брижит начала подыскивать ему уединенную студию. В конце концов она приобрела для него старый амбар под соломенной крышей в деревушке Базош неподалеку от Монфор-Л'Амори, в 25 милях от Парижа. Постройка находилась в плачевном состоянии, но для Брижит привести ее в божеский вид составляло огромное удовольствие, тем

более что она питала слабость к сельской жизни. Кроме того, Брижит была в восторге, что вокруг имелся просторный участок, где могли бы свободно бродить животные. Новое приобретение обошлось ей в 250 тысяч новых франков. Вполне допустимо, что эта сельская идиллия могла оказаться спасительной для отношения Брижит и Шарье. Увы, этого не произошло. Одним из объяснений, почему распался ее брак с Вадимом, было то, что первый ее супруг отличался полным отсутствием ревности. Теперь же одной из причин, почему она устала от Шарье, стало то, что он был наделен этим качеством в избытке. Спустя годы Шарье станет отрицать, что был таким жутким ревнивцем, каким пытались представить его газеты. «Все фильмы с ее участием — любовные фильмы. Это любовные истории с любовными сценами. Объясните мне, каким образом я мог им воспрепятствовать?»

Но ситуация уже давно вышла из-под контроля. Личная жизнь Брижит была далека от идиллии. Ей грубо напомнили об этом в десятке газетных публикаций, вышедших из-под пера ее бывшего секретаря Алена Карре. Среди всего прочего Карре утверждал, что ей ничего не стоило дать выход своему гневу, но столь же быстро она умела взять себя в руки — с той же легкостью, с какой вы поворачиваете водопроводный кран.

Однажды вечером, писал Карре, приятель Брижит, Жикки Дюссар, позвонил, чтобы напомнить ей, что они с женой приглашены к ней на обед. Бардо дома не было, и Карре по простоте душевной предложил приехать в половине восьмого. Когда же Бардо вернулась домой, Карре рассказал ей о звонке. Брижит, однако, рассвирепела и устроила ему хорошую головомойку: «Как ты смеешь договариваться, даже не спросив меня? Я никого не желаю видеть! Я никого не приглашала!» Карре

бросился к телефону и попытался — правда безрезультатно — дозвониться до Дюссаров. Увы, так и не сумев предупредить их, что обед отменяется, он был вынужден по требованию Брижит написать записку, которую затем вывесил с обратной стороны двери. В этой записке он извинялся перед Дюссарами за свою забывчивость — видите ли, у мсье и мадам на это время назначена другая встреча. Вскоре на площадке появились Дюссары и долго трезвонили в дверь, по всей видимости, подозревая, что Брижит все-таки дома. В конце концов они простили Брижит, но еще долго не разговаривали с Карре. Кроме того, Карре рассказал о том, как Бардо — стоит ей что-то вбить себе в голову — всеми правдами и неправдами добивается своего.

Однажды в умывальнике на студии ей попала на глаза чья-то голубая зубная щетка. Брижит ужасно понравился цвет. Она захватила щетку домой и заявила Карре, что это и есть тот самый цвет, о котором она давно мечтает для ванной комнаты. Но как маляры ни смешивали краски, им так и не удалось добиться желаемого оттенка. Однако Брижит, которой, видите ли, был нужен только этот цвет и никакой другой, заставила их пять раз перекрашивать ванную, прежде чем наконец признала свое поражение.

Более того, до сих пор, не перестает удивляться Карре, «в ее присутствии многие начинали вести себя самым странным образом. Постоянно возникало какое-то напряжение. Стоило только кому-нибудь приблизиться к ней, как человека становилось не узнать, словно его подменили».

Карре вспоминал в своих заметках, как однажды вечером Брижит ужинала дома у Дистеля и тот подал к столу ее любимое божеоле. На следующее утро она попросила Карре, чтобы тот позвонил виноторговцу и заказал для нее целый

ящик. Но, предупредила Бардо, убедись, что вино то же самое. Карре договорился с поставщиком, и через несколько дней Брижит домой принесли ящик вина. Однако Бардо, увидев злосчастный ящик, закатила истерику. Сначала она метала громы и молнии в адрес пройдохи-торговца, а затем набросилась на Карре, обвиняя его в полнейшей некомпетентности.

По рассказам Карре, Бардо сама бросилась к телефону, дозвонилась до виноторговца и отчитала беднягу за то, что он прислал ей не то вино. Потребовалась целая вечность, чтобы она немного поостыла и выслушала объяснения торговца, что это то же самое вино. Дело в том, что этикетки на бутылках показались ему недостаточно красивыми и чтобы сделать Брижит приятное, он собственноручно снял старые этикетки буквально с каждой бутылки, заменив их на более симпатичные.

Карре, который не слишком церемонился в своих публикациях, отмечал скаредность Бардо. Бывший секретарь обращал внимание на тот факт, что где-то в 1959—1960 годах один французский журналист, писавший на финансовые темы, подсчитал, что, если взять за основу выручку от экспорта ее фильмов, Брижит Бардо была для Франции вторым по значимости источником доходов после «Дессо Авиасьон». Но вместо того чтобы принять эти факты за комплимент, Бардо рассвирепела. Она принялась жаловаться, что, дескать, исправно платит налоги и что правительство просто обязано пойти ей на уступки. По ее собственным подсчетам налоги съедали у нее доход от каждого третьего фильма. Бардо сочла это возмутительным и даже грозилась, что напишет генералу де Голлю и министру финансов — мол, если они не снизят ей налоги, то она вообще перестанет сниматься и тогда правительство потеряет последние деньги.

Карре в свое время писал: «Она экономна, у

нее неприхотливые вкусы, она наделена деловой хваткой и не любит выставлять напоказ свое богатство». Сегодня он несколько смягчил свою оценку: «Ее сердце подчас полно любви, а взгляд невинности, но в голове у нее калькулятор». Само собой разумеется, что откровения Карре — какими бы правдивыми они ни были — не могли прийти ей по вкусу.

По его собственным словам: «Поначалу она спокойно воспринимала то, что я писал, но затем обиделась. Она даже попыталась воспрепятствовать дальнейшим публикациям, но не смогла. Для меня же мои статьи — своеобразное сведение счетов. В какой-то момент она даже пообещала мне, что напишет предисловие. Разумеется, дальше слов дело не пошло. А мне хотелось, чтобы люди узнали, какая она на самом деле. Я был у нее на побегушках все семь дней в неделю. Это своего рода рабство. Но я вовсе не собирался делать ей больно. Я был по-своему сильно к ней привязан, и временами она относилась ко мне как к брату. Мне просто хотелось, чтобы люди знали, какая она капризная».

Судя по всему, капризы Бардо красной нитью прошли через всю ее жизнь. Например, как-то раз в «Мадраге» она загорала на пляже, когда горничная объявила, что обед подан. Брижит поднялась с коврика и в течение нескольких минут искала крышку от флакончика с лосьоном для загара. Она то и дело спрашивала: «Ну куда же она подевалась?» или «Никто ее не видел?», после чего заставляла гостей присоединиться к поискам. Спустя час крышка так и не была найдена. Брижит, разозлившись, заперлась у себя в комнате, а гости остались без обеда.

И вот теперь, растерянная и злая на самое себя, будучи не в состоянии стать хозяйкой собственной жизни, Бардо в одном из интервью изливала душу

перед всей Францией: «Я должна убить чудовище, что сидит во мне. Я должна изгнать из моего жилища непрошеную гостью по имени Б. Б. Я хочу, наконец, во всеуслышание заявить, что Б. Б. больше нет, и да здравствует Брижит!»

В ту осень нарыв прорвало. Шарье поджидал ее в «Мадраге». Он прождал ее всю первую неделю сентября, и когда она не появилась к восьмому числу, сел в машину и уехал в Париж. Это было в четверг, а в пятницу днем Брижит согласилась встретиться с ним ближе к вечеру возле «Рюмери Мартиникез», кафе в центре Сен-Жермен-де-Пре.

На свидание она явилась в сопровождении Сэми Фрея.

Для Шарье это явилось последним ударом. Увидев Фрея, он бросился на соперника с кулаками, и в результате дело кончилось мордобоем. Один фоторепортер, выслеживавший Брижит, сумел сделать несколько кадров. Однако когда вся троица — Брижит, Шарье и Фрей, — спасаясь от его объектива, вскочили в машину, фотографу показалось, что в этой истории что-то не чисто. Теперь газеты строили предположения на тот счет, что пресловутая драка в кафе — не более чем игра на публику.

Чтобы не сойти от всего этого с ума, Бардо оставила Николя с нянькой в Базоше, Шарье с его душевными терзаниями и друзьями в Биаррице, Фрея — с аналогичными проблемами в Париже, а сама 19 сентября вылетела в Ниццу. Ей просто не терпелось поскорее уехать куда-нибудь подальше, и она даже согласилась лететь самолетом. Однако Бардо решила для себя, что ей нечего даже думать о Сен-Тропезе, где за ней как пить дать снова увяжется свора папарацци. В аэропорту Ниццы Брижит встретила ее старая приятельница, а теперь и заговорщица, Мерседес Завка. Мерседес

была ее ровесницей, родом из Милана, а в Париже у нее имелся приятель в кругу Вадима.

За несколько недель до этого Завка решила, что ей срочно требуется отдых, и временно сняла виллу у одного из своих знакомых в деревушке Ле Каброль. Расположенная на склоне холма неподалеку от городка Сен-Агнес и итальянской границы, Ле Каброль насчитывала лишь пять домов и пятнадцать жителей, в том числе один небольшой провансальский дом розового цвета, стоявший посреди большого сада. Отсюда до Ментоны пять километров по горным дорогам. Лучшего уголка было просто не сыскать.

В середине сентября, можно сказать, почти неожиданно, мать Брижит позвонила Мерседес, чтобы сказать, как ужасно обстоят дела у ее дочери в Париже. Тоти спрашивала, нельзя ли Брижит погостить у нее на вилле.

«Дом-то был не мой, — поясняет Мерседес Завка, — поэтому, прежде чем дать Тоти окончательный ответ, я позвонила знакомым, у которых снимала виллу. Я спросила их, не будут ли они против, если я приглашу к себе кого-нибудь в гости. Я не стала говорить, что это Брижит Бардо. И все равно я сочла себя обязанной спросить их разрешения, мало ли какими неприятностями это могло для меня обернуться. Хотя бы потому, что пресса постоянно преследовала Брижит. Хозяева сказали мне, что не возражают, и я позвонила Брижит в Париж и сказала, что все улажено».

Итак, Завка встретила Брижит в аэропорту Ниццы и отвезла в Ле Каброль.

«Она всегда была так одинока. Брижит подчас бывает остроумной и смешной, но когда я увидела, в каком душевном смятении она пребывает — она только что закончила сниматься у Клузо, а это отнюдь не сахар, была по уши влюблена в Фрея и

все еще замужем за Жаком, — мне сразу стало ясно, что ей действительно неважно».

На протяжении последующих девяти дней обе женщины жили как отшельницы. Они ни с кем не общались. Как-то раз кто-то из местных поинтересовался у Мерседес, как звать ее гостью, и Завка ответила, что это Зозо Суана. Это имя изобрела сама Брижит, взяв для него первую букву фамилии Мерседес, точно так же, как она переделала Вадима в Вава.

И хотя Завка каждое утро играла в теннис, всякий раз, когда они вместе выходили за ворота виллы, чтобы прогуляться по горам или же побывать в городе, то обе повязывали платки, прятали лица за солнечными очками и каким-то чудом оставались неузнанными.

Поначалу пресса доложила, что Брижит якобы в Базоше. Когда же обнаружилось, что ее там нет, газеты принялись утверждать, будто она скрывается у актрисы Даниэль Делорм в Рамбуйе. Когда же стало ясно, что и там ее нет, газеты с уверенностью заявили, что она отправилась в горы вместе с Сэми Фреем. В конце концов репортеры пришли к выводу, что Брижит надо искать где-нибудь на Ривьере. То, что ее нет в Сен-Тропезе, было ясно как божий день — ведь когда Брижит приезжала в «Мадраг», это тотчас становилось всеобщим достоянием, словно она поднимала над домом флаг, подобно тому, как это делает английская королева по приезде в Букингемский дворец. Журналисты бросились обыскивать побережье.

Во вторник 27 сентября Брижит и Мерседес поехали на машине в Сен-Поль-де-Ванс, в ресторанчик «Коломб д'Ор», где у них был назначен ленч с Клузо.

Тут-то и заметили их репортеры.

Весть о том, что Бардо наконец нашлась, раз-

летелась в считанные часы, и свора газетчиков тотчас вышла на след.

Клузо позднее вспоминал, как Брижит сказала ему за десертом: «Меня лишили права на личную жизнь. У меня вообще нет никакой личной жизни. Я как загнанный зверь. Я не могу сделать и шага, чтобы ко мне не приставали с расспросами. Это сущая пытка».

Папарацци преследовали их до Ле Каброля и устроили на дороге, ведущей к вилле, нечто вроде засады.

На следующий день, в день рождения Брижит, обе женщины обедали в «Ля-Мер-Жанин», приморском ресторанчике на самой оконечности мыса Мартен, куда они частенько хаживали. Это была просторная деревянная постройка, выкрашенная в красный цвет и отгороженная от моря и ветра, достаточно уединенная, чтобы подруги могли проводить там дни, лакомясь жареной рыбой, отдыхая в шезлонгах или купаясь в соседней бухточке у скал. Лишь владельцу заведения, его семье и официантке было известно, кто такая Зозо. Лучшего места для того, чтобы водить за нос папарацци, было не придумать. Но в тот злочастный день, когда женщины сидели за своим обычным столиком, направо от открытого гриля, лакомясь жареными сардинами, свежими фруктами и бутылкой вина, откуда ни возьмись к ним подскочил какой-то поклонник и попросил их сфотографироваться. Брижит тотчас ошетибилась: «Прошу вас, месье, оставить меня в покое. Повторяю, оставьте меня в покое или я сейчас умру».

Чаша ее терпения была переполнена. Всего двадцати шести лет от роду, вечно преследуемая, не ведающая ни минуты покоя, Брижит Бардо ощутила, что устала от жизни и больше не в силах выносить эти мучения.

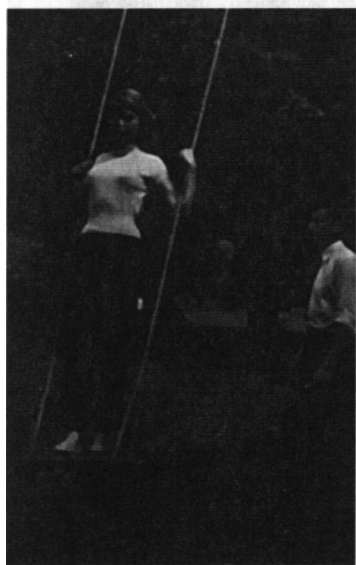
Самая красивая женщина Франции

Отец — Пилу

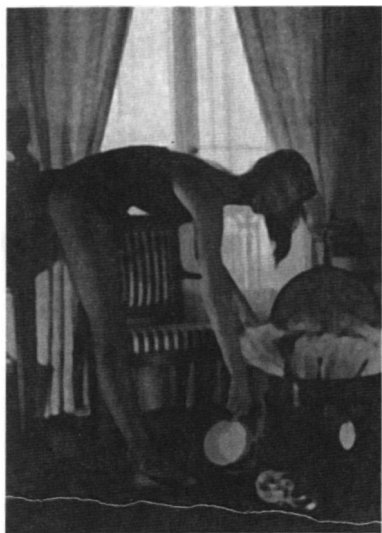
Мать — Тоти

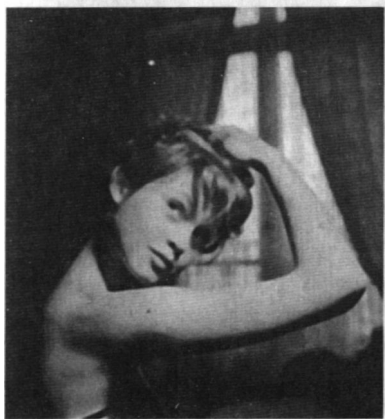
Брижит и Вадим

Сестра Мижану

Брижит в юности

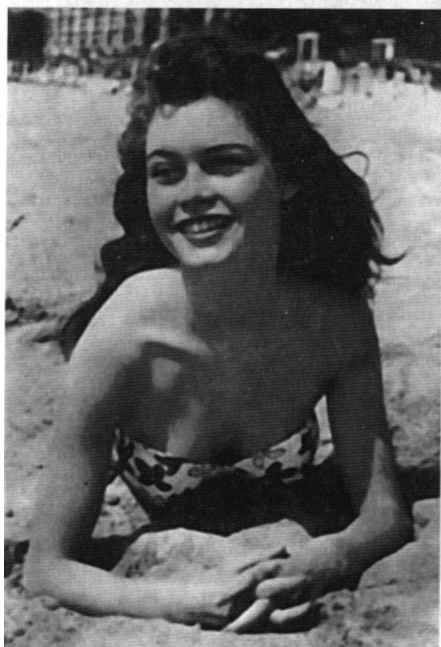
Очарование юности

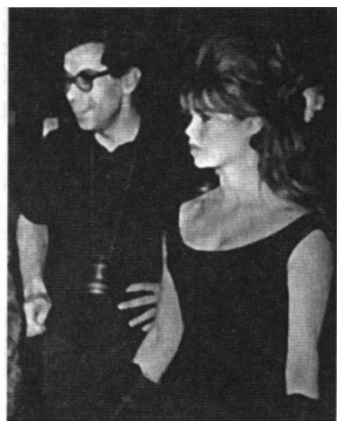
Снимок из журнала
"Jardin des Modes"
(март 1949 года)

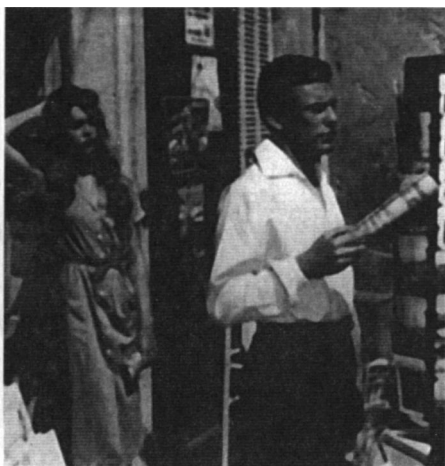
Брижит на обложке
журнала "Elle"

На каннском фести-
вале (1953 г.)

С Роже Вадимом —
мужем и режиссе-
ром

С Жаном Луи Трентинья-
ном на съемках фильма "И
Бог создал женщину"

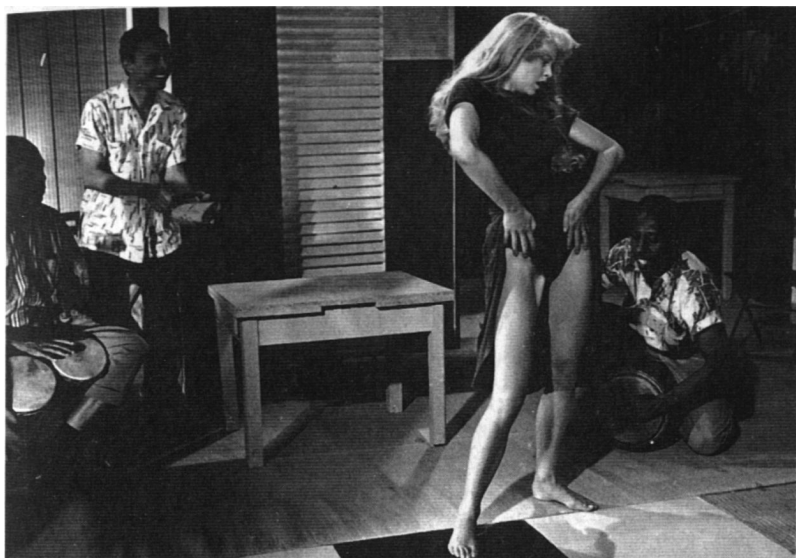
Как всегда в окружении толпы

"И Бог создал женщину"

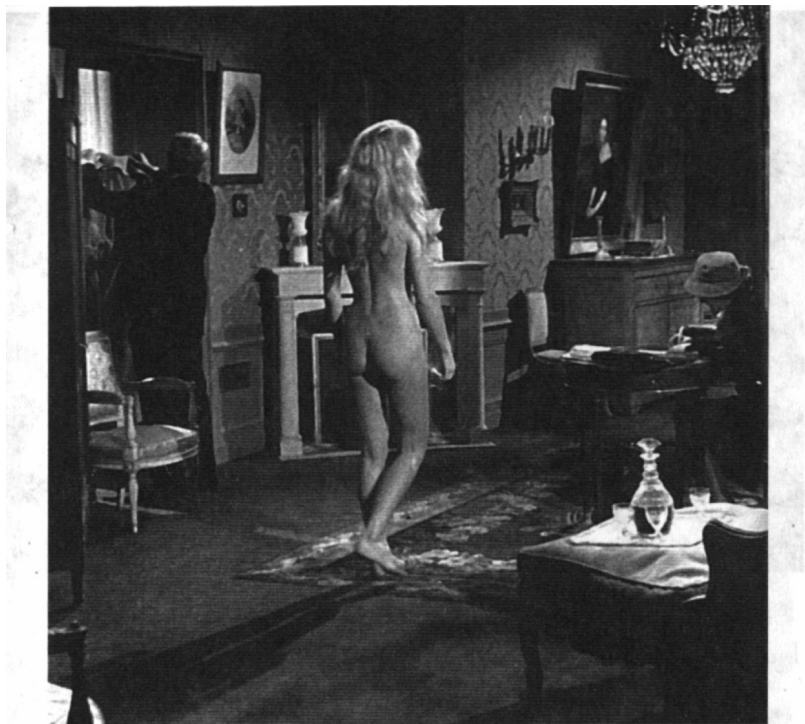

С Жаном Луи Трентиньяном в фильме "И Бог создал женщину"

Кадры из фильма "И Бог создал женщину"

Кадры из фильма "В случае несчастья"

С Жаном Габеном в фильме "В случае несчастья"

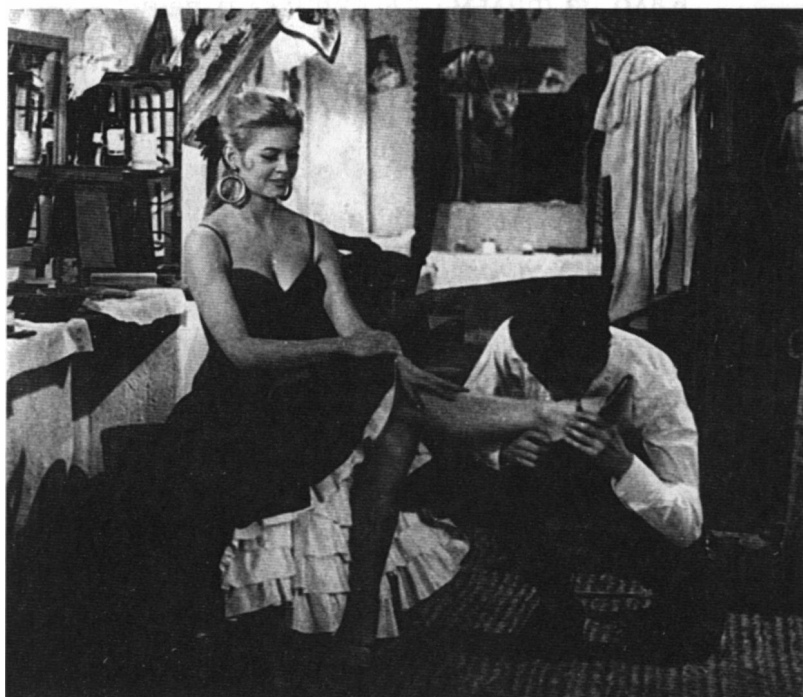

Кадры из фильма "Парижанка"

Кадры из фильма "Женщина и паяц"

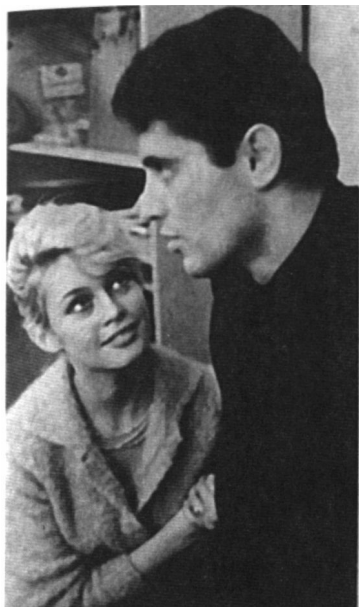

Кадр из фильма "Женщина и паяц"

С Жаном Габеном,
1957 г.

Брижит с С. Дистелем (снимок слева) и своим вторым мужем Ж. Шарье (снимок справа)

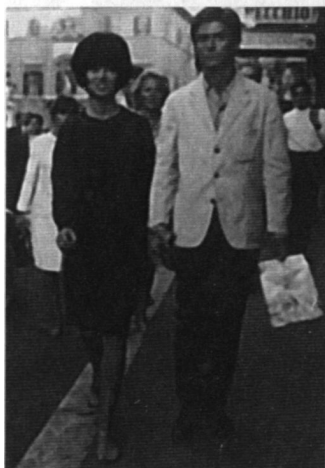
С Кристиной Гуз-Реналь

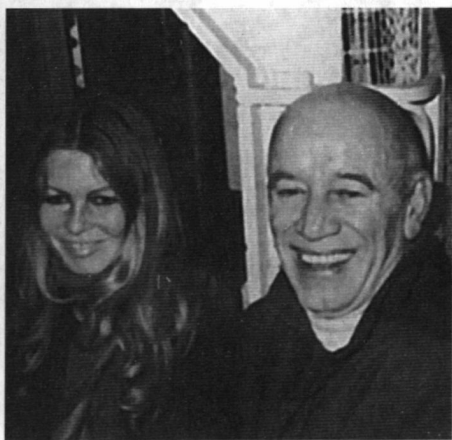
С сыном Николя

С продюсером Франсисом Косне (1960 г.)

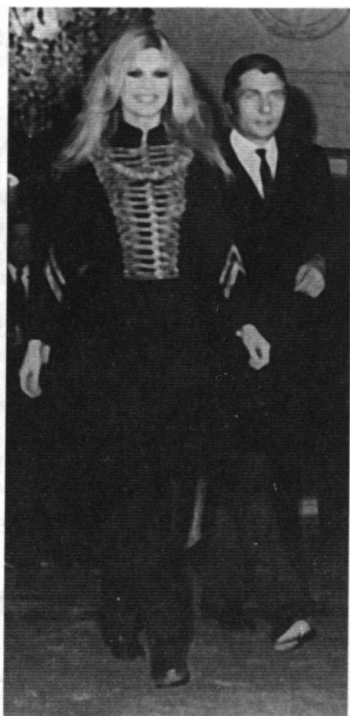
С Андре Пуссе

С Сэми Фреем

На встрече с американскими журналистами

С Гюнтером Заксом

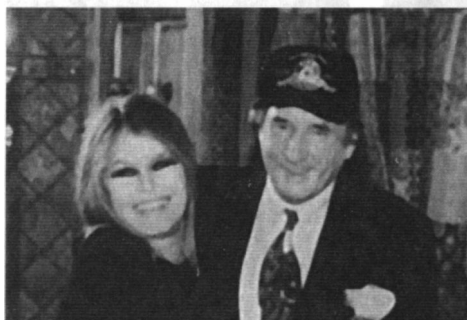
С Бобом Загури

Брижит в возрасте 40 лет

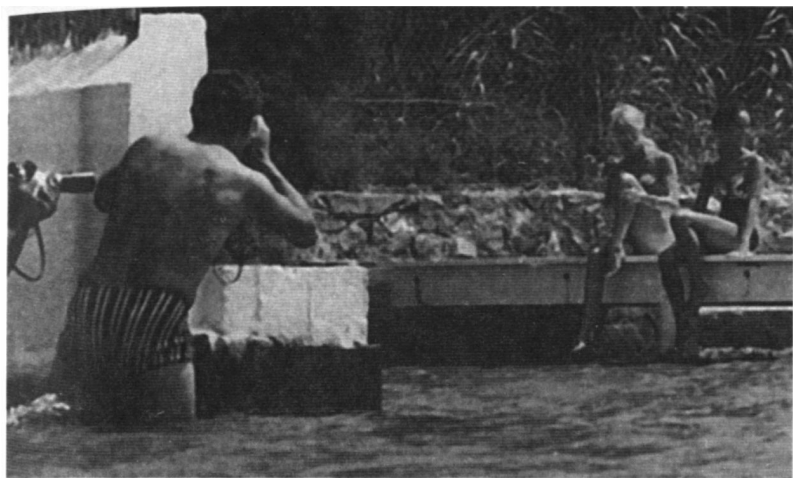
Брижит и Марианна

С Джо де Салерне

С Аленом Бугрен-Дюбуром и Жилем Дрейфусом

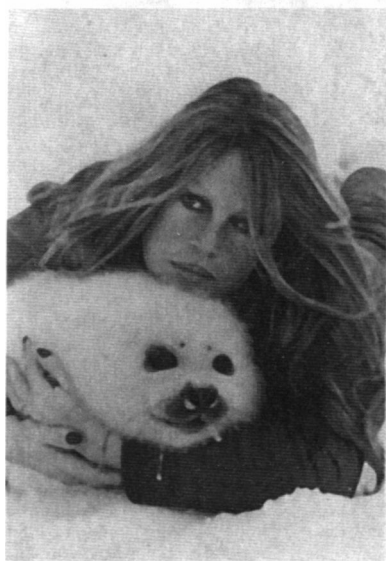
У стены "Мадрага"

Мой дом — моя крепость

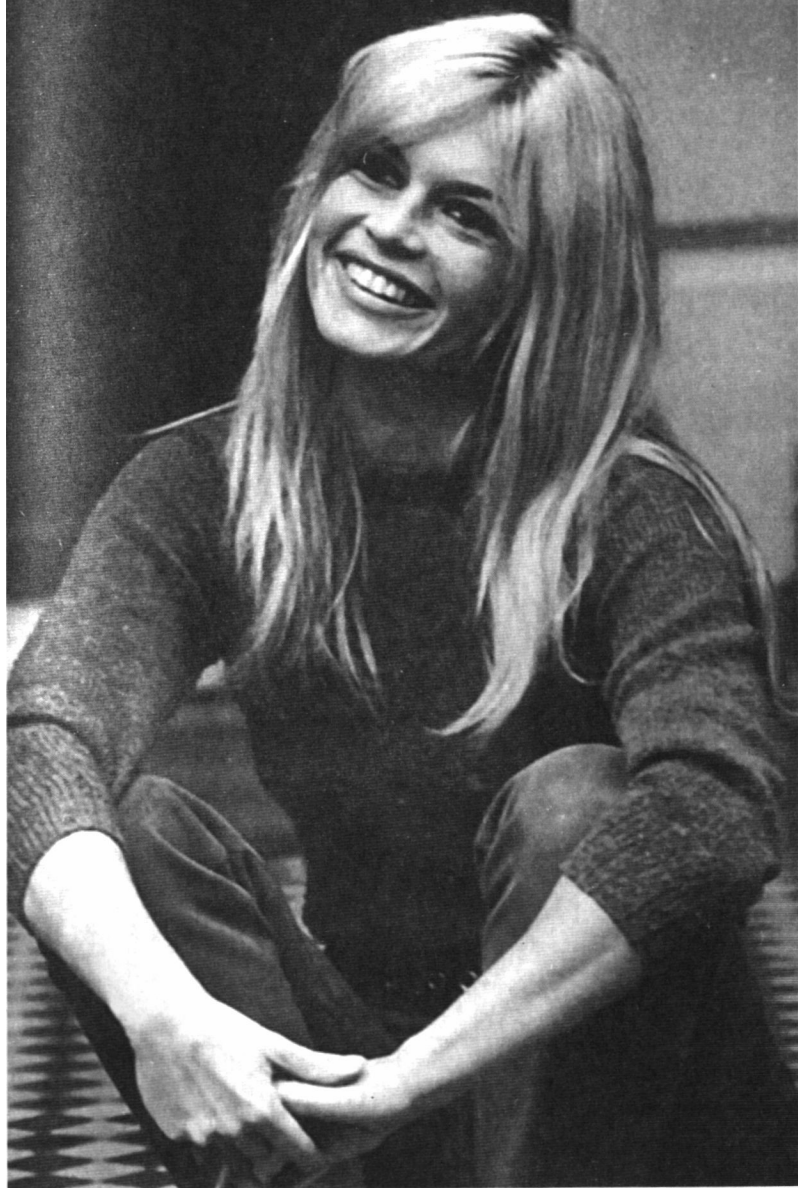

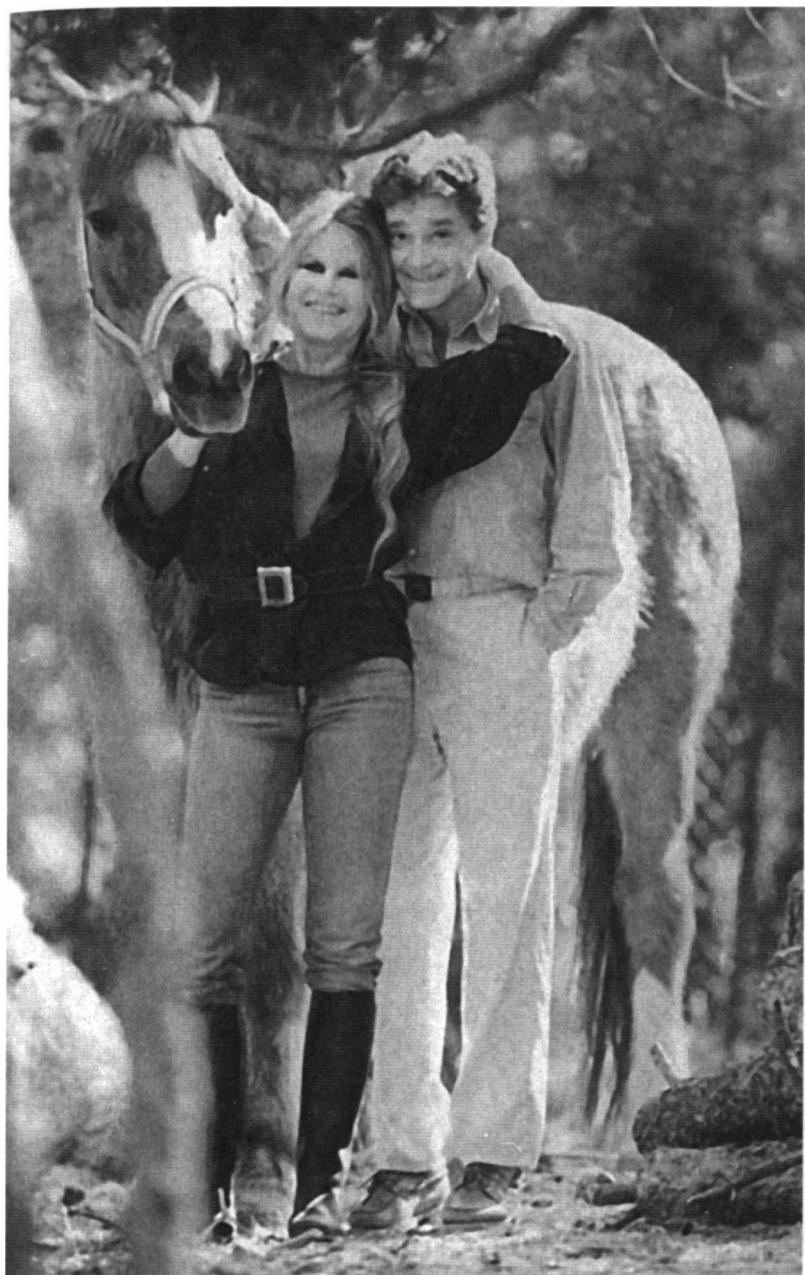
Ее четвероногие друзья

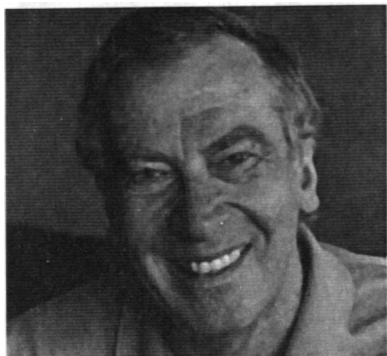
Со своими питомцами

"Я вас люблю..."

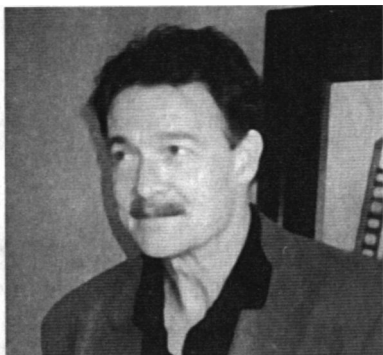

С Бернаром д'Ормалем

Роже Вадим

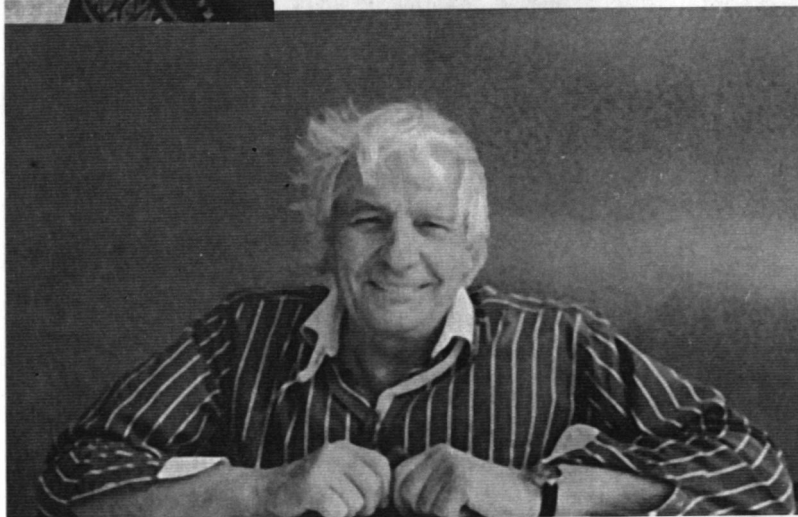
Жак Шарье

Мижану

Николя
Шарье

Гюнтер Закс

Примерно в четыре часа женщины уехали из «Ля-Мер-Жанин». Вскоре после того, как они добрались до виллы, местный флорист прибыл с букетом из сорока роз для мадам Суана. Это был подарок к дню рождения от Франсиса Кона, у которого Брижит должна было сниматься в следующем фильме «Отпустив поводья».

Еще через пару часов их экономка, Баптистина, готовила угощение из омаров и уже испекла вишневый пирог, который должен был заменить собой праздничный торт. Неожиданно Брижит заявила Мерседес: «Пойду прогуляюсь». На дворе было темно, а обед почти готов, но Мерседес не придавала этому особого значения.

Когда же через час Брижит не вернулась, Мерседес отправила Баптистину на ее поиски. «Мне самой не хотелось выходить из дому, потому что вокруг рыскали репортеры, и мне меньше всего хотелось, чтобы они заподозрили что-нибудь неладное. Но когда вам говорят, что я, мол, пойду прогуляюсь, а на улице темно и человек прекрасно знает, что обед уже давно подан, но тем не менее не возвращается, то поневоле начинаешь гадать, не случилось ли чего. Я велела экономке, чтобы она не поднимала шума и не привлекала к себе внимания».

Баптистина вернулась с известием, что мадам Зозо нигде не видно, и Мерседес ничего не оставалось, как броситься за помощью к соседям.

Ближайшим соседом оказался некий Жан Валетта — ему-то и принялась объяснять Мерседес, что ее подруга куда-то запропастилась.

Валетта быстро отыскал несколько фонариков и предложил отправиться на поиски. Баптистина объясняла создавшуюся ситуацию своей дочери, зятю и тринадцатилетнему внуку — кстати, последнего звали Жан-Луи Буну, — когда Мерседес

вернулась в дом и сказала: «Зозо нигде нет». Валетта раздал фонарики, и все взрослые отправились на поиски Брижит.

«Они ушли искать Зозо, а я остался один, — вспоминает Жан-Луи, — и мне было немного не по себе. Я хотел притвориться, что тоже занят поисками, поэтому тоже взял фонарик и спустился с холма вниз к загону, где мы держали овец. Я постоял там немного, затем повернулся, посветил фонариком и совершенно случайно заметил ее». Бардо сидела возле колодца в самом конце сада, подтянув колени к подбородку, обхватив их руками и низко склонив голову.

Мальчик закричал о помощи, и взрослые мигом кинулись к нему.

Одежда Брижит насквозь пропиталась кровью.

Она лезвием вскрыла себе вены.

Сын Баптистины побежал за врачом, а Валетта и Мерседес тем временем отнесли Брижит в дом. Никто не мог точно сказать, сколько времени она провела в коме. Как потом оказалось, около сорока пяти минут.

Врач не заставил себя ждать. Убедившись, что порезы на запястьях неглубоки, а также догадавшись о том, что Брижит проглотила изрядную дозу барбитуратов, он сразу же принялся ее откачивать. Как только Брижит удалось привести в чувство, врач принял решение переправить ее в Ниццу, в неврологическую клинику им. Святого Франциска, что в 18 милях от виллы. Он вызвал карету скорой помощи и сам поехал вместе с Брижит. Папарацци, чьи многочасовые бдения наконец-то были вознаграждены, увязались следом, не желая упускать сенсацию года.

На следующее утро врачи клиники выступили с заявлением, что жизнь Брижит вне опасности, хотя, добавляли он, их пациентка страдает от глу-

бокой нервной депрессии. Врачи также признали, что ее жизнь спасли считанные минуты.

Как только Брижит отвезли в Ниццу, Мерседес, оставшись одна на вилле, разволновалась, как бы пресса или полиция не вздумали растрезвонить о случившемся, и попыталась лишить их такой возможности.

«Я взяла те немногие личные бумаги, чтобы, не дай бог, после нее что-нибудь оставалось, и уничтожила их. Мне не хотелось, чтобы пресса докопалась до чего-нибудь такого, что затем оказалось бы в газетах».

Новость очень скоро была передана по радио, и вскоре на вилле объявился Клузо в сопровождении Рауля Леви.

«Мы все стремились избежать шумихи, — продолжает Завка, — но представьте себе наше состояние. Я при первой же возможности уехала в Канн. Я просто не могла там оставаться, ведь вскоре туда наверняка нагрянули бы газетчики или полиция. Мне хотелось одного — как можно дальше унести оттуда ноги, чтобы мое имя не оказалось замешанным в этой истории. Я провела остаток ночи в «Карлтоне», а на следующий день отправилась навестить Брижит в клинике, захватив с собой кое-что из косметики».

Позднее газеты сообщили, что обнаружена предсмертная записка. Ее текст будет еще не раз появляться в печати вместе с подробными объяснениями случившегося. Но это фальшивка. Никакой записки не было. Как, впрочем, и в тех бумагах, что уничтожила Мерседес, не содержалось ничего такого, что так или иначе говорило о том, что Брижит замышляет самоубийство.

Позднее в прессе появились также сообщения, будто Брижит купила снотворное у одного аптекаря в Ментоне. Эта подробность также будет

растиражирована не единожды во всех сообщениях о трагическом инциденте. Это тоже не соответствует действительности. Когда Брижит прилетела из Парижа, у нее уже имелись при себе таблетки. Одна газета договорилась до того, что назвала даже имя аптекаря, якобы продавшего Брижит это снадобье. Репортеры взяли у него интервью. И хотя сразу становится понятно, что аптекарь не имеет к случившемуся ни малейшего отношения, тем не менее его показания очень важны для нас. Прежде всего аптекарю был задан вопрос, узнал ли он в своей покупательнице Брижит Бардо, на что он ответил, что нет. Что совершенно верно, так как она к нему не обращалась. Далее журналисты спросили аптекаря, как это он вообще не сумел узнать Брижит Бардо. На что тот дал весьма примечательный ответ: «Таких Брижит Бардо ко мне каждый день приходит по сотне».

Пилу и Тоти сообщили о случившемся в одиннадцать вечера того же дня, и уже на следующий день они собирались вылететь в Ниццу. Однако, когда родители связались по телефону с лечащим врачом Брижит, им было сказано, что дочь они не увидят еще несколько дней. Шарье также проинформировали в тот же вечер. И хотя первоначально он объявил, что утром же на машине уезжает в Ниццу, в конечном итоге он еще на несколько дней задержался с друзьями на франко-испанской границе.

Буквально через считанные часы под окнами частной клиники, расположенной в преуспевающей части Ниццы, начала собираться толпа, что вызвало серьезные опасения у врачей Брижит. Администрация клиники распорядилась запереть главную дверь на замок. Кроме того, для охраны здания была вызвана полиция. Вскоре у входа в клинику появились три девчонки-подростка, которые заявили, что будут круглосуточно дежурить

здесь, пока собственными глазами не увидят Жака Шарье. На коммутатор клиники звонки поступали ежеминутно, причем от совершенно посторонних людей, иногда даже из далекой Южной Африки или Австралии. Люди запросто отпрашивали: «Ну как там Брижит?» К утру 29 сентября — один за другим — в клинику начали приносить букеты цветов. Однако единственными людьми, кому было разрешено навестить Брижит, были Мерседес Завка и Кристина Гуз-Реналь.

В Ле Каброль у колодца, там, где Буну обнаружил Брижит, собралась толпа подростков. Они принесли с собой цветы. Некоторые молились. Это вызвало озабоченность у местного священника, обвинившего молодежь в идолопоклонничестве. Кюре отмечал, что к колодцу устроено настоящее паломничество, причем многие «пилигримы» приезжали сюда за десятки километров, например даже из Лиона. «Эти юные создания молятся обыкновенной женщине, а не Божьей Матери. Того гляди, у колодца начнут совершаться чудеса».

Пилу и Тоти прибыли в субботу, и их уже встречала целая армия журналистов.

На протяжении последующих нескольких дней они навещали Брижит в клинике, после чего Тоти встретила с прессой. Встреча состоялась в баре отеля «Негреско». Увидев перед собой три ряда репортеров, Тоти обратилась к ним со слезной просьбой позабыть о существовании Брижит Бардо. «Если вы по-прежнему, станете ее преследовать, она совершит то же самое. Прошу вас, оставьте ее в покое. Я не хочу терять дочь».

Кое-кого ей удалось убедить, однако, увы, не всех. Как только Брижит начала поправляться, на нее обрушился поток корреспонденции. Правда вдобавок к многочисленным пожеланиям скорейшего выздоровления одна женщина писала: «В следующий раз, когда тебе захочется умереть, прыг-

ни с Эйфелевой башни. Таким образом тебе наверняка удастся исполнить задуманное, а на земле станет одной сукой меньше». Поскольку свежих новостей не было, начали раздаваться предположения: а не была ли эта попытка самоубийства лишь игрой на публику, призванной подогреть интерес к ленте «Истина» и тем самым увеличить кассовые сборы. Ведь, в конце концов, вместо того, чтобы читать об этом в газетах, поклонники могли посмотреть, как Бардо режет себе вены, и в кинозале.

«Странно, однако, — замечала одна лондонская газета, — что в своей последней картине, вокруг которой сейчас поднялся такой ажиотаж, Бардо совершает попытку самоубийства. Метод тот же самый — вскрыть вены и наглотаться снотворного».

Одна французская газеты намекала: поскольку «Истина» вышла за рамки бюджета, спонсоры картины подстроили попытку самоубийства, опасаясь, что одного имени Бардо будет недостаточно, чтобы зритель вернул им непомерные расходы.

Клузо, который как-то раз сам обвинил Брижит в том, что она ведет себя как ребенок, теперь пытался уверить всех, что «ее талант как кинозвезды только начинает раскрываться».

Однако пресса по-прежнему была настроена довольно скептически. Пока фотографии карабкались на деревья перед окнами ее палаты в надежде украдкой сделать снимок, французские бульварные газетенки, вроде «Франс Диманш» — к которым вскоре присоединились и более уважаемые издания, такие как, например, «Пари-Матч», — принялись дружно утверждать, что все это, мол, давно знакомая игра на публику — такое мы видели и раньше.

Один из редких сочувственных голосов подала лондонская «Дейли экспресс». Газета назвала

Брижит «печальным Питером Пэном, попавшим в ловушку мира взрослых, в котором он еще не научился жить».

Кристина Гуз-Репаль также поспешила встать на защиту своей подруги. Вот что она заявила тогда: «Самоубийства не совершаются в двадцать четыре часа. Как правило, это кульминация навязанного нам образа жизни. Люди во всем мире испытывают двойственные чувства по отношению к Брижит. Они одновременно любят и ненавидят ее. И ей показалось, будто она сходит с ума».

Бросая взгляд на прожитые годы, Гуз-Реналь имеет все основания утверждать, что Брижит отнюдь не играла на публику. «Тогда ей действительно хотелось свести счеты с жизнью. Ее проблема заключалась в том, что, в отличие от других людей, она не имела возможности приглядеться к себе. Из ребенка она сразу превратилась в пожилую даму. У нее не было промежуточного состояния. Она никогда не была взрослой».

Вадим полностью с этим согласен: «Нет, это она не на публику. Это случилось в день ее рождения, что уже само по себе было для нее черной датой, а в живых она осталась лишь потому, что ее нашел тот мальчишка. Не было это и криком о помощи. Она и до этого предпринимала подобные попытки — раз пять или шесть, — но тогда она как бы оставляла дверь открытой, чтобы кто-нибудь успел прийти к ней на помощь. На этот раз она твердо решила умереть».

Многие высказывали предположения, что проблемы Брижит проистекают от ее славы, однако Вадим иного мнения. Он убежден, что большинство тех, кто изведal громкий успех — политики, художники, актеры, режиссеры, музыканты и писатели, то есть те люди, которые в своей карьере достигают такого момента когда другие люди говорят: «Гляди, да это же звезда!» — так вот, они

достигают этого момента в восьми-девяти случаях из десяти, потому что по натуре крайние эгоисты.

А эгоисты, как известно, страшно одиноки. «Слава не только озолотила ее, но и прибавила ей одиночества. Однако Брижит по натуре склонна к замкнутости».

И пока эти люди остаются одиноки, продолжает Вадим, они получают информацию извне, поскольку не отрезаны от внешнего мира. Однако они не тратят понапрасну времени на ее возвращение. Они все хранят при себе. Их эгоизм позволяет им поддерживать колоссальную внутреннюю энергию, которая необходима им для достижения славы. И даже если сами они этого не осознают, их мысли всегда сосредоточены на одном и том же — я,я,я,я. Вадим сравнивает это с принципом фосфора — тот поглощает свет, но никогда не отдает его.

«Брижит такая эгоистка, что она даже не догадывается, что является таковой. Кроме нее самой никого не существует. В результате — полнейшее одиночество. Полнейшая пустота. Отсюда становится понятно, почему, несмотря на ее огромное жизнелюбие, огромное обаяние, несмотря на то, как мила она бывает в кругу друзей, когда, например, играет на гитаре, поет, танцует, как умеет смеяться и шутить, так что с ней не соскучишься — все равно, несмотря на все это, в глубине души у нее таится безмерное одиночество, этот результат ее колоссального эго».

И это, по мнению Вадима, стало причинять ей боль, ведь она достаточно умна, чтобы понять, что к чему.

«Вот почему она скрывается, вот почему впадает в депрессию. Это — понимание собственного одиночества. И всегда причиной тому нечто такое, что ей неподвластно. Например, когда наступает ее день рождения, она становится более ранимой, чем обычно. Или, например, когда она сталкивает-

ся с душевными проблемами — скажем, из-за ерунды поссорилась с возлюбленным, — то оказывается наедине со своим одиночеством и именно в такие моменты пытается свести счеты с жизнью. Это, как правило, единственный выход для тех, кто обрек себя на одиночество, человек как бы ищет для себя некий иной мир. И иногда ей начинает казаться, будто в этом мире ее никто не понимает — из-за ее эгоизма — и тогда она говорит себе, что смерть избавляет от всего. Именно поэтому она не раз пыталась уйти из жизни.

Долгие годы Вадим нередко задавался вопросом, каким образом он мог бы ей помочь, однако, по его собственному признанию, ему это так и не удалось, потому что, как он полагает, это вообще невозможно.

«Просто она родилась такой. Точно так же, как она родилась, уже наделенная красотой. При чем это не имеет отношения ни к ее родителям, ни к общественной среде. Родись она двести, а то и шестьсот лет назад, она все равно была бы точно такой же. И вообще, с ее точки зрения совершенно логично — кстати, это вообще типично для тех, кто отчаянно нуждается в любви и не находит ее у представителей рода человеческого, — искать ее у четвероногих братьев. Животные восполняют то, чего не могут дать ей люди. Все, что она делает, она делает по интуиции. Она никогда ни о чем не задумывается. Если повнимательнее присмотритесь к ее желанию спасти животных, заботиться о них, окружать себя ими, мне кажется, не будет большой натяжкой сказать, что вы заметите в ней пугающую неприкаянность, и это проистекает непосредственно из ее эгоизма».

Брижит выписалась из клиники 2 октября и сразу же уехала к себе в «Мадраг». Газетчики увязались за ней по пятам. Через несколько недель она начала выходить из дому, а еще через

пару-тройку дней уже наведывалась в деревню за покупками, словно ничего и не произошло. Лишь с той разницей, что теперь рядом с ней был Вадим.

Тотчас поползли слухи, что они якобы собираются повторно пожениться. Вадим с Брижит в один голос отрицали такую возможность, чем еще больше убедили людей в том, что дело снова идет к свадьбе. «Что за глупость! — вспыхнула Брижит, когда репортеры вновь принялись осаждать ее. — Вадим мой лучший друг. Сказать по правде, сейчас он мне нравится даже больше, чем раньше, когда был моим мужем».

Однако понадобился талант одного доморощенного детектива, чтобы на поверхность всплыл подлинный размах происходящего. В своей газете этот умник живописал о том, что во время своего так называемого «отшельничества» Брижит как обычно «занималась делами».

Вышеупомянутый гений — которому почему-то не совсем была ясна разница между журналистикой и сочинительством — заявил, что, согласно имеющимся у него сведениям, источник которых он не желал раскрывать, Брижит уехала из Парижа не одна, а в сопровождении своего пресс-секретаря. Более того, за восемь дней, проведенных ею в Ментоне, у нее, одна за другой, состоялись встречи с двумя продюсерами, одним импресарио, тремя пресс-агентами киностудии и двумя представителями по общественным связям. И, наконец, она лишь потому решила наложить не себя руки, что «за целую неделю не видела ни одного журналиста».

ГЛАВНОЕ - НЕ СОРВАТЬСЯ

В течение лета 1960 года, пока Брижит все еще снималась в «Истине», она вбила себе в голову, что ей пора уйти из кино. Друзья то и дело слышали от нее: «Я по горло сыта этой жизнью». Брижит отказалась от картины, в которой ей предстояло сыграть вместе с Жаком Шарье — не только из-за личного разлада, но и вообще, — правда она заявила при этом, что выполнит все другие обязательства, после чего подведет черту. Ее последним фильмом, на который она уже подписала контракт, станет «Отдых воина». Режиссером картины был назначен Вадим, и Брижит уцепилась за идею, что тот, благодаря кому она стала звездой, должен также облегчить ей уход со сцены.

«Мне требуется еще месяцев 10—11. После этого — занавес. Я свободна!» Найти себе новое занятие, по ее словам, не составляло особого труда. Особенно заманчивой Брижит показалась мысль заняться антикварным бизнесом. Однако у нее еще будет время все хорошенько взвесить и принять окончательное решение. А пока, подчеркивала Брижит, «я для себя уже решила. Я буду жить так, как мне хочется. Деньги меня волнуют меньше всего. Ни норковые шубы, ни драгоценности меня не интересуют. Я умею обходиться малым. Мне всего 25. Через десять лет я распрощаюсь с молодостью. Так что мне хочется оставшиеся годы пожить для себя и распрощаться с кино».

Разумеется, дальше слов дело не пошло.

Через три месяца после попытки самоубийства она снова вернулась к работе.

Первый из ее фильмов, «Отпустив поводья», по замыслу его создателей был бесшабашной ко-

медией. Однако начало получилось далеко не смешным, потому что звезде не поправился режиссер.

Это был молодой человек по имени Жан Орель, и к тому времени слово Брижит уже имело достаточный вес, чтобы она могла добиться его увольнения. Брижит пожаловалась на него Франсису Кону, и на место Ореля Кон пригласил того, чье имя в титрах будет стоять рядом со словами «художественный режиссер» — Роже Вадима.

«Мы давно знаем друг друга, — произнес Вадим, беря бразды правления в свои руки. — Я единственный, к чьему мнению она прислушивается. Она, словно королева, любит окружать себя подобострастной свитой. Я не из их числа».

Брижит, со своей стороны, охотно сделала следующее признание: «Он лучше, чем кто-либо другой, умеет руководить мною перед камерой. Он очень хорошо меня понимает».

Не успела она освободиться от этих съемок, как Мишель Буарон захотел увидеть ее в паре с Аленом Делоном в картине, представлявшей собой серию зарисовок под общим заглавием «Знаменитые любовные романы». Кристина Гуз-Реналь также вновь оказалась связана с кинематографической карьерой Брижит — в четвертый, и последний раз. Она вбила себе в голову, что ей непременно надо снять Брижит в экранизации пьесы Ноэля Кауэрда «Частная жизнь», и убедила Луи Маля стать режиссером картины. Как только тот ответил согласием, Гуз-Реналь отправилась в Нью-Йорк, к представителю МГМ Джо Фогэлу. Дело в том, что МГМ принадлежали права на экранизацию, и Фогэл пришел в восторг от идеи снять Бардо в фильме по пьесе Кауэрда. Однако по какой-то причине — Гуз-Реналь так этого и не выяснила — МГМ не могла или же не желала передать ей права, и Фогэлу оставалось только выразить свое сочувствие.

Вернувшись к себе в Париж, Гуз-Реналь решила, что все равно может воспользоваться названием — по-французски «*Vie Privée*» — и заявила Малью, что они с ним сделают картину о частной жизни кинозвезды.

Учитывая то, что им обоим было известно о Брижит, не приходится сомневаться, чья частная жизнь положена в основу фильма.

Когда Гуз-Реналь впервые заикнулась Брижит об этой своей новой идее, та ответила улыбкой. Однако по мере развития событий Брижит прониклась к проекту глубоким отвращением.

«Ей не хотелось браться за эту картину, — вспоминает Гуз-Реналь. — Но я знала ее как свои пять пальцев, и поэтому мне удалось уговорить ее, например, я пообещала ей, что сниму для нас двоих дом на берегу Женевского озера. Я привезла туда свою экономку Габи, которая нравилась Брижит, теперь было кому для нас готовить. Больше там никого не было. Я весь день проводила вместе с Брижит на съемочной площадке, а вечера мы коротали вдвоем дома. Мы допоздна сидели в постели, хихикали, рассказывали анекдоты. Мы вели себя как две школьницы-подружки. Она была просто чудо».

Увы, идиллии вскоре настал конец.

Начать с того, что Маль влюбился в Брижит, и та простая, радостная атмосфера, которую Гуз-Реналь надеялась создать вокруг нее, начала быстро портиться. В который раз жизнь Брижит осложнилась до крайности.

Опять-таки, толпы не давали ей прохода. Зевачи околачивались возле съемочных павильонов, следовали за ней по пятам по магазинам, отказывая ей в каком-либо праве на частную жизнь.

Однажды, толкая и напирая со всех сторон, ее окружила толпа человек в пятьсот. Брижит почувствовала, что задыхается — ей неожиданно стало

не хватать воздуха — и потеряла сознание. Нескольким полицейским стоило немалых усилий пробиться сквозь толпу, отогнать столпившийся народ, чтобы Брижит стало легче дышать, и лишь затем они смогли привести ее в чувство и отвезти в безопасное место. А однажды вечером какая-то незнакомая женщина подошла и плюнула ей в лицо.

В придачу ко всем этим неприятностям, к тому времени, как они приехали в Сполетто, Брижит возненавидела своего партнера по фильму, Марчелло Масторянни, он же не выносил ее.

«Вышел настоящий цирк, — вспоминает Гуз-Реналь. — Когда Марчелло только появился на съемочной площадке, можно было подумать, что он вообще никто, так себе, человек с улицы. Поклонники, репортеры и папарацци заполнили собой все вокруг, однако все их внимание было сосредоточено на Брижит. И так продолжалось — все двадцать четыре часа в сутки, — пока не закончились съемки. Но на Марчелло никто не обращал ни малейшего внимания, словно его там и не существовало. Нельзя сказать, чтобы он слишком расстроился по этому поводу или, допустим, дал выход оскорбленным чувствам, но все-таки это его раздражало. В конце концов он ведь тоже был звездой. К несчастью для него, одним только своим присутствием и ничем больше Брижит невольно низвела его статус до второстепенного. Это больно задевает людей с чувством собственного «я», а кинозвезды, как известно, и являются людьми такого рода».

Помимо всего прочего, жизнь Брижит отравляли и другие вещи — например, сценарии.

«Это было слишком близко мне самой, — призналась она друзьям по окончании съемок. — И поэтому я чувствовала себя довольно скованно. И в то же время в картине прекрасно показано, в какой ад превратилась тогда моя жизнь». Маль

всего лишь переписал реальные случаи, имевшие место в ее жизни. Для Брижит же это означало, что, играя, она как бы заново переживала старые кошмары. Например, в одном из эпизодов ее героиня, Джилл, в пять или шесть утра возвращается домой после бессонной ночи. Она подходит к лифту, чтобы подняться на свой этаж, а вслед за ней в кабину лифта входит уборщица. Лифт едет вверх, и мы слышим, как уборщица поносит Джилл.

То была режиссерская версия одного реального случая. Как-то раз, навещая в больнице приятельницу, Брижит застряла в лифте вместе с одной медсестрой, у которой в руках был поднос с обедом. Совершенно неожиданно, будто ее укусила какая-то муха, эта медсестра схватила с подноса вилку и несколько раз ударила ею Брижит. Медсестра истошно вопила, что, мол, пока ее сын сражался в Северной Африке, Брижит отсиживалась дома и зарабатывала миллионы, демонстрируя миру свои прелести. Разумеется, Бардо была напугана до полусмерти. После этого случая у нее до сих пор на руках остались отметины.

«Многие сочли все в этом фильме преувеличением, — рассказывает Маль. — Людям казалось, будто мы высосали эту историю из пальца. Зрители отказывались верить, что все это действительно имело место. Однако большая часть того, что они видели на экране, отнюдь не выдумка. Многое было взято прямо из жизни Брижит. Это то, что случалось с нею все время».

В своей статье в лондонской газете «Ивнинг стандарт» Александр Уолкер, не по наслышке знавший о жизни кинозвезд, замечал: «Цель картины — показать, что значит быть звездой, и ответ здесь один — это сущий ад».

Однако, пожалуй, это лучшее, что вообще можно сказать об этой ленте.

Маль впервые работал с Брижит и поэтому к

своему удивлению обнаружил, что она ленива. «Она не любила выкладываться. Она терпеть не могла репетиции. А все дело в том, что она ненавидит актерский труд. Правда ей не откажешь в таланте. Она была поразительно фотогенична и великолепно смотрелась. И если какие-то сцены не удались, то лишь потому, что Брижит и Мastroянни, бывшие по фильму любовниками, за пределами съемочной площадки не желали даже разговаривать друг с другом».

Когда наконец его прижали к стенке, Мastroянни признался: «Существует две Брижит. Секс-символ, якобы известный всему миру, этакая тигрица, каждый день пожирающая на завтрак мужчин. А еще есть Брижит — обыкновенная девчонка. Вся беда в том, что Бардо сама порой не видит разницы между этими двумя образами».

Прав он или не прав, но Мastroянни во всем винил Вадима. «Он создал ее, он поставил себе целью материализовать недостижимую для всех мужчин мечту. К несчастью для Брижит, это ему почти что удалось. И теперь она не сможет быть нормальным человеком, пока насовсем не уйдет из кино. Бардо способна быть лишь кем-то таким, о ком вечно сплетничают, над кем насмеются. Она превратилась в объект для пересудов и посторонних любопытных глаз, в ту, на кого вечно показывают пальцем. Она ненавидит одиночество, но именно на него она теперь обречена большую часть своего времени».

Через несколько лет, в интервью одной американской газете, Мastroянни показал себя с самой худшей стороны, заявив: «Брижит не слишком разборчива в том, что касается мужчин. Она — жертва тех, кто в нее влюбляется и благодаря ей становится знаменит. Они живут за счет ее имени, и по сути своей все они одного поля ягоды — сосунки,

ровным счетом ничего из себя не представляющие. Они добиваются известности, а затем доходят до ручки — то у них, видите ли, нервный срыв, то они не могут дослужить срок в армии. Счастье, что они не слишком часто снимаются в кино, а то, глядишь, Франция совсем останется без армии».

Понимая, что работа над фильмом оставила в душе Брижит неприятный осадок, Гуз-Реналь, чтобы как-то развеять ее дурное настроение, организовала в Париже торжественную премьеру. Брижит пообещала почтить ее своим присутствием, так что был приглашен «Le Tout Paris» — весь Париж.

В день премьеры Гуз-Реналь лично украсила ложу, где будет сидеть Брижит, наполнив ее цветами. Она несколько раз проверила каждую мелочь, чтобы убедиться, что к прибытию Брижит все будет в полном порядке.

В семь часов раздался телефонный звонок. Звонила Брижит, чтобы сказать ей, что не придет.

Гуз-Реналь была в ужасе. Она принялась умолять Брижит: «Ты не можешь так поступить со мной. Ты не имеешь права менять свое решение».

На что Брижит ответила: «Но ведь этот фильм о моей жизни».

Гуз-Реналь уговаривала: «Но ведь здесь соберется весь Париж, и ты обещала приехать».

Брижит призналась: «Но если я приеду, а всем известно, что этот фильм обо мне, я буду чувствовать себя совершенно раздетой, совершенно голой».

Вот и все, что она смогла сказать. Но Кристине Гуз-Реналь было и без того понятно, что подруга пыталась объяснить ей: «Одно дело демонстрировать всему миру свое тело. Куда труднее обнажать душу».

«Что мне оставалось делать? Я сказала ей, что

отлично ее понимаю, и это было действительно так. Так что премьера состоялась без нее».

Чтобы довести развод до конца, Жак Шарье в 1962 году нанял молодого адвоката по имени Жиль Дрейфус. Суд вынес решение, что ребенок остается с отцом, и оно так и не было опротестовано. Ни Брижит, ни Шарье лично не появились в зале суда. Он в это время снимался в Италии. Она вместе с Сэми Фреем каталась на лыжах в Мерибеле.

Пройдет не менее пяти лет, прежде чем она начнет уделять Николя хоть чуточку материнского внимания.

Команда Бардо—Вадим вновь, как и планировалось, собралась вместе для работы над лентой «Отдых воина», а когда съемки завершились, Брижит во второй раз заявила о своем намерении уйти из кино.

«В жизни, — сказала она, — порой стоит сделать шаг назад. Я снимаюсь вот уже десять лет без передышки. Мне надо разобраться в собственных чувствах».

Вадиму оставалось лишь развести руками. «А на что она еще способна? Разве что стать оформителем интерьеров?»

В ближайшие 12 месяцев Бардо снялась еще в четырех фильмах.

Она не сумела противостоять соблазну, когда Жан-Люк Годар предложил ей ведущую роль в картине по мотивам романа Альберто Моравиа. Книга называлась «Il Disprezzo» («Призрак в полдень»), однако экранизацию озаглавили «Le Meris» («Презрение»). Кроме того, в фильме были заняты такие актеры, как Джек Палане и Мишель Пикколи, а в эпизодах появлялись режиссер Фриц Ланг и даже сам Годар. Продюсеры Жозеф Левин и Карло Понти заплатили Бардо 2,5 миллиона франков — на тот момент то был самый крупный

из полученных ею гонораров. Когда же Брижит узнала, что в фильме предполагается постельная сцена, она потребовала, чтобы Ольга Хорстиг-Примуц выторговала дополнительно еще 100 тысяч франков, и лишь затем согласилась сняться в этом эпизоде.

Ее героиню в этом фильме звали Камилла Жаваль, и спустя годы историки кинематографа придут к выводу, что это и есть истинное имя Бардо. Они напишут, что Брижит Бардо — не более чем псевдоним, а по-настоящему ее зовут Камилла Жаваль. Безусловно, это досужий вымысел. Но даже и в весьма уважаемых исследованиях на тему кинематографа эта ошибка встречается до сих пор.

Пока Годар снимал в Италии «Презрение», Жак Розье, бросив пристальный взгляд на фоторепортеров, от которых не было отбоя даже на съёмочной площадке, наставил на них свою камеру, и в результате получился документальный фильм, названный просто — «Папарацци».

В Италии ажиотаж, вызванный присутствием Брижит — эти вечные толпы зевак и фоторепортеры — стал сущим бедствием.

«Каждый раз, когда я произношу что-то перед журналистом, — заметила Брижит, и на лице ее читалось нескрываемое отвращение, — я зарабатываю для него пятьсот франков. То же самое касается фотографов».

Чтобы как-то расквитаться с ними — или, по крайней мере, попытаться это сделать, — Брижит решила захватить с собой собственного фотографа, чтобы он всегда находился при ней. Эта работа досталась человеку, который на протяжении сорока лет останется ее другом — Жикки Дюссару.

«Она — женщина-ребенок и одновременно олицетворение женской свободы, — говорит он. — Последняя из кинозвезд. А это значит, что ее порой чертовски трудно фотографировать. Прежде

всего, вопреки расхожему мнению, она ненавидит позировать обнаженной. На этот счет Брижит весьма щепетильна. Поэтому всякий раз, как я фотографировал ее обнаженной, она слегка смущалась. Ей словно было известно, что никогда не следует раскрывать себя до конца. Ну а потом, где-то через час, ей это успевало наскучить. Я мог за час сделать где-то пятьдесят ее снимков, но затем ей это надоедало и она говорила: «Хватит». Даже в кино она не любила выставлять напоказ свою попку».

Что еще более важно, Дюссар не просто был ее личным фотографом, но и родственной душой. Их знакомство с Брижит состоялось, когда та с Вадимом жила на улице Шардон-Лагаш. Она считает Жикки не только кем-то вроде старшего брата — себя она при этом называет «невыносимой сестренкой», — но и поселила его в Сен-Тропезе в доме, что стоит на принадлежащем ей участке, рядом с Гарригом. Их давняя дружба проистекает из свойственного им обоим чувства юмора. Они обожают подначивать друг друга. Как-то раз во время съемок «Презрения» Брижит сидела в уголке павильона и чистила себе апельсин. В это время откуда-то появился Дюссар и пробормотал:

— Что за эпикурейство!

— Что-что? — Брижит не поняла.

— Эпикурейство, — повторил Дюссар, — это значит быть последователем Эпикура. Любить жизнь и уметь наслаждаться ею. Питать слабость к роскоши.

— А-а, — пожала плечами Брижит и продолжила чистить апельсин.

Спустя несколько месяцев на одной из пресс-конференций к Брижит пристал какой-то репортер. И тогда она повернулась к стоявшему позади нее Дюссару и спросила: «Послушай, как называют тех, кто ест апельсины?» — и они оба рассмеялись.

«Еще во время одной пресс-конференции, — рассказывает Дюссар, — скорее всего это было в Нью-Йорке, потому что все вокруг разговаривали по-английски, одному репортеру взбрело в голову щегольнуть своим французским. Он спросил Брижит: «Что было вашим первым «cachet»?», имея в виду «контракт». Брижит моментально нашлась с ответом: «Un cachet d'aspirin!», — то есть «таблетка аспирина». И снова они с Дюссаром покатались со смеху.

Как-то раз в «Мадраге» Дюссар отправился понырять с маской, а Брижит наблюдала за ним из окна. В это время, в надежде взглянуть на звезду собственными глазами, на пляж появилась стайка девчонок-подростков.

Заметив Дюссара, они принялись кричать ему: «Мы можем ее увидеть? Мы можем ее увидеть?» Правда, по-французски их вопрос «On peut la voir?» звучит несколько двусмысленно «Мы можем увидеть это?»

Поначалу Дюссар пытался не обращать на них внимания, но девчонки продолжали донимать его одним и тем же вопросом, и Дюссар, которому это порядком поднадоело, выпрямился во весь рост и, подойдя к берегу, крикнул Брижит: «Так, может, мне им показать?»

Брижит тотчас поняла, что у него на уме, и крикнула в ответ: «Давай, давай, покажи!»

И Дюссар приспустил плавки. Девчонки с визгом бросились врассыпную. Жикки стоял у кромки воды, плавки свалились ему до щиколоток, а Брижит зашлась истерическим смехом.

И вот теперь, на съемках в Италии, Дюссар и его тогдашняя супруга, Анна, стали постоянными спутниками Брижит.

Брижит поселилась в изумительном старом палаццо с огромной террасой — кто-то, правда, пытался убедить ее, что когда-то здесь располагался

бордель. К несчастью, Брижит не могла воспользоваться этой террасой, потому что балконы на другой стороне улицы были вечно оккупированы репортерами. Брижит снова ощутила себя в ловушке и очень быстро возненавидела все вокруг.

Единственное, чего ей действительно хотелось, пока она находилась в Риме, это посетить Ватикан — желание, о котором она объявила Дюссару и его жене. Брижит воспитывалась в католической семье, и хотя ее вряд ли назовешь образцовой, ревностной католичкой, вера неизменно занимала важное место в ее душе. Увы, желание вряд ли было осуществимо, пока папарацци несли свою вахту. И Брижит это страшно злило.

Жикки тотчас пришел ей на помощь. «Положись на меня, — пообещал он. — Вот увидишь, я свожу тебя в Ватикан и никто об этом даже не догадается». На что Брижит ответила: «Спорим, что у тебя ничего не выйдет». На что Дюссар возразил: «Спорим, что выйдет». И они заключили пари.

Первое, что им надо сделать, заявил Дюссар, это всем троим одеться одинаково. И вся троица — Брижит, Дюссар и его жена — облачились так, что стали не отличимы друг от друга — так выглядит почти что каждый французский турист в Риме. Никаких дорогих шарфов, никаких модных нарядов. Ничего такого, что навело бы публику на подозрение, что перед ними переодетая кинозвезда.

После этого Дюссар вывел ее из дома, и вместо привычного лимузина они отправились в Ватикан на такси. Прибыв туда — Дюссар по одну руку от Брижит, Анна по другую, — друзья смешались с толпой туристов, так чтобы их никто не смог узнать издалека. Чувствуя себя в полной безопасности, они просто прошли вместе с толпой через Собор Святого Петра, а затем через Сикстинскую капеллу.

«Ни одна живая душа не узнала ее, — расска-

зывает Анна Дюссар. — Никто не приставал к ней, не пытался заговорить. Никто из фотографов не увязался за ней. Это был один из редких моментов, когда она наслаждалась полной анонимностью, ощущала себя в полной безопасности и была этим счастлива.

Когда работа над картиной завершилась, к Брижит приехал Сэми Фрей, и четверо друзей на машине отправились в короткое путешествие по Италии. Или, вернее, попытались это сделать.

Вот что дальше рассказывает Анна Дюссар: «Нам не повезло. Мы провели какое-то время на Капри, а затем на пароходике отправились в Амальфи, потому что Брижит ужасно хотелось посмотреть Везувий и Помпеи. Когда же мы на катере возвращались назад на Капри, Сэми переоделся в крестьянина и нацепил на голову какую-то умопомрачительную шляпу, а Брижит попыталась изобразить из себя уборщицу. Правда вид у нее при этом был как у самой настоящей кинозвезды — темные очки, а голова повязана шарфом, точно так же, как то неизменно делала Брижит Бардо. Когда она сошла с катера и направилась к поджидавшей машине, будь даже у нее в руках швабра, ей все равно не удалось бы никого обмануть».

К ней со всех сторон тотчас устремились толпы поклонников, а вслед за ними, откуда ни возьмись, налетели папарацци. В Неаполе четверка друзей была вынуждена, спасаясь от зевак, ходить по улицам, спиной вперед. Брижит так и не попала к Везувию.

Теперь же друзья рассуждали, что единственно доступный им способ более-менее сносно провести время — это избегать больших городов, заезжать исключительно в крошечные деревушки и останавливаться в крошечных старых гостиничках, где их никто не мог обнаружить.

Увы, и этот план не сработал.

Однажды вечером они узнали про одну маленькую гостиницу на вершине холма и, убежденные, что там им нечего опасаться, прикатили на машине в горы. Но и здесь их подстерегало разочарование: в гостинице проводился бизнес-семинар, и присутствующие все до единого узнали Брижит. Еще одним вечером, на юге Италии, направляясь взглянуть на руины Пестума, они остановились в небольшом отельчике. Анна Дюссар вспоминает, что место это было просто кошмарным. И все равно они наверняка остановились бы на ночь в обшарпанных номерах с продавленными кроватями, не проболтайся кто-то, кто узнал Брижит, о ее приезде. Тотчас у гостиницы собралась толпа зевак и репортеров, и Брижит была вынуждена на ночь глядя спасаться бегством.

«Вот так всегда, если вы с Брижит, — вздыхает Анна Дюссар. — Мы вечно от кого-то спасались бегством».

Как только Жак Розье закончил работу над своей 22-минутной документальной лентой «Папарацци», итальянский режиссер Освальдо Чивирани начал съемки другой документальной ленты, посвященной жизни кинозвезды и озаглавленной «Tentazioni Proibite» («Запретный соблазн»).

После этого Брижит имела несчастье сняться в картине под названием «Une Ravissante Idiote», что может быть переведено как «Бесподобная дура» или же «Восхитительная идиотка». Партнером Брижит являлся Энтони Перкинс, но главная проблема фильма — помимо того, что он был отнюдь не смешон — заключалась в его названии. Бардо кто угодно, но только не дура. И тем не менее, эта роль и ей подобные создавали соответствующий образ. И у людей складывалось мнение, будто и в реальной жизни она такая же, как и на экране. И

это только усугубляло тот общий пагубный настрой, что окружал ее в частной жизни.

После крошечной эпизодической роли в «Мари-Солей» — главную роль в этом фильме играл Жак Шарье — Брижит согласилась сняться в эпизоде в картине «Дорогая Брижит» исключительно из уважения к режиссеру, для которого эта лента была дебютной, к Антуану Бурсейлю. Правда, в отличие от предыдущей ленты, на сей раз ее имя упоминалось в титрах.

Это была история восьмилетнего мальчика, помещенного на Брижит Бардо, который вступает с ней в переписку. Когда отец (его исполнял Джеймс Стюарт) берет его с собой в Париж, они встречаются. За трехминутный эпизод — правда, на его съемки ушел целый день — Брижит получила гонорар в размере 20 тысяч франков, однако эти деньги в данном контракте были еще не самое страшное.

Поскольку Брижит наотрез отказалась ехать в Голливуд, режиссеру ничего не оставалось, как самому приехать к ней. Общие издержки продюсеров всего за один съемочный день достигли немислимой суммы в 140 тысяч долларов. Опять-таки, напомним себе, что это единственные три минуты за всю кинематографическую карьеру Бардо, когда она работала по голливудским стандартам.

Она вернулась спустя десять лет после своего успеха на Каннском кинофестивале 1953 года. На этот раз, вместо того, чтобы встречаться с моряками Военно-морского флота США, Брижит встретилась с красивым молодым французом по имени Робер Загури.

Как она сказала друзьям: «У меня в душе все перевернулось». Обаятельный, располагающий к

себе бизнесмен из Касабланки, Загури (его отец был бразильцем, а мать французенкой), наверняка мог бы составить вместе с Брижит самую красивую в мире пару. Однако вскоре он испытал на себе, какая это пытка жить в постоянном напряжении, а ведь Брижит ежедневно пребывала в таком состоянии.

Стоило им познакомиться, как пресса тотчас поймала их в свои сети — всякий раз, когда в жизни Брижит появлялся новый мужчина, эта новость моментально переключивалась на первые страницы газет — и с этого момента они уже не принадлежали себе. За ними то и дело увязывались туристы, то пытались заговорить, то просто действуя на нервы.

«То была эра, — рассказывает Загури, — когда кинозвезды считались самыми главными из всех остальных звезд. В то время, например, существовало совсем немного всемирно известных спортсменов. Телевидение, по крайней мере в Европе, было еще совсем юным и еще не создало собственных идолов. То же можно сказать и о музыке. Да, существовал Элвис, но он был единственным в своем роде. А «Битлз» и «Роллинг стоунз» находились еще только на полпути к международному признанию. Так что кинозвезды занимали вершину, а Брижит пребывала на самом ее острие. Тогда мы с ней только и делали, что входили и выходили через задние двери. Жить нормальной жизнью было совершенно невозможно. Если нам хотелось встретиться с друзьями, то не мы шли к ним, а они к нам».

Первый год их совместной жизни был нелегким. Брижит понадобилось какое-то время, чтобы окончательно расстаться с Сэми Фреем.

А до того момента Фрей оставался для Брижит «единственным мужчиной, который заставлял ее трепетать».

Как только Загури занял в жизни Бардо пос-

тоянное место, он потихоньку начал предпринимать попытки вытащить ее из поглотившего ее водоворота. До этого Брижит почти не путешествовала. За исключением нескольких случаев короткого пребывания в Италии и Англии, она практически не выезжала за пределы своей страны. Загури было известно, что она ненавидит летать самолетом, но поскольку он много лет прожил в Рио и разговаривал на португальском языке, то ничуть не сомневался, что Брижит будет в восторге от Бразилии.

Летом 1964 года Луи Маль подписал с Брижит контракт на новую картину «Вива, Мария!», в которой вторую главную роль исполняла Жанна Моро. Основная часть съемок была запланирована на январь следующего года в Мексике, и Загури убедил Брижит, что уж коль ей так или иначе придется лететь самолетом, то почему бы им сначала не сделать остановку в Бразилии, ведь это вроде как никак по пути.

Осенью 1964 года Брижит и Загури вылетели из Парижа в надежде обрести покой и уединение, однако в Южной Америке их поджидал все тот же жуткий ажиотаж.

Когда их самолет бразильской авиакомпании совершил посадку в Рио, на взлетную полосу устремились орды журналистов, буквально взяв машину в осаду. Зрелище было до того жуткое, что Брижит боялась покидать самолет. Загури попытался было договориться с репортерами, но тем была нужна Брижит и только Брижит, и этим было все сказано. Она оставалась в самолете до тех самых пор, пока Загури наконец не удалось сделать знак одному знакомому, чтобы тот подрулил на машине прямо к трапу. Как только автомобиль, лавируя, подрулил к трапу, Брижит и Загури со всех ног бросились вниз по ступенькам и забились на заднее сиденье.

Репортеры роем облепили машину. Фотографы, в надежде заполучить снимок, прижимали объективы прямо к стеклам, фотовспышки слепили им глаза, журналисты, перекрикивая друг друга, засыпали их вопросами. Загури был вне себя от злости, а Брижит расплакалась.

Пытаясь как-то приободрить ее, Загури пошутил, что из-за поднявшейся суматохи они забыли даже пройти таможенную и паспортный контроль.

Брижит не нашла в этом ничего смешного. Каким-то образом им удалось выбраться из аэропорта и выехать на дорогу, ведущую в Рио — теперь вдоль обочины выстроились вереницы людей. Они махали ей руками, вытягивали шею в надежде хоть краешком глаза взглянуть на нее, словно то был визит какой-нибудь царствующей особы. Вслед за их автомобилем выстроилась целая кавалькада машин, до отказа набитых журналистами и фоторепортерами, причем некоторые смельчаки, высушившись до пояса наружу, пытались снимать на полном ходу.

Эта гонка прекратилась лишь у отеля «Копакабана Палас», где Загури заказал для них двоих номер-люкс на верхнем этаже. Десятью этажами ниже 300 рыцарей пера и фотообъектива плюс толпа взбудораженных поклонников и просто досужих зевак заполнили собой пляж.

Им всем не терпелось увидеть Брижит, однако она не желала даже слышать о них. В результате получилась бразильская версия мексиканской драмы.

Толпа отказывалась разойтись до тех пор, пока их взглядам не предстанет Брижит Бардо. Брижит, в свою очередь, заявила, что пока эти люди не разойдутся, она шагу не сделает из отеля. Просидев четыре дня, словно в западне, в своем номере, наблюдая, как Брижит с каждым днем расстраивается все больше и больше, Загури наконец пред-

дожил свой план «перемирия». Он заявил, что Брижит дала согласие на пресс-конференцию. Она ответит на интересующие их вопросы и позволит сделать несколько фото. Но после этого ее должны оставить в покое.

Так дело не пойдет, заявили журналисты. Покуда Брижит остается в Бразилии, она считается их законной добычей. Фоторепортеры тоже не желали уступать, заявив, что будут снимать ее столько, сколько сочтут нужным. Загури поинтересовался, согласится ли она, если его личный фотограф на протяжении всего их пребывания в Южной Америке будет снабжать прессу и разнообразные агентства новостями сделанными ими снимками. Обещают они на это время оставить Брижит в покое?

В конечном итоге предложенный Загури компромисс был принят, и Брижит покинула осажденную крепость. Она дала пресс-конференцию и провела сеанс фотосъемки, а Загури проследил за тем, чтобы агентства новостей регулярно получали новые фотоматериалы. Представители прессы сдержали свое обещание и больше не докучали Брижит — воистину уникальный случай. Парочка почти целых четыре месяца наслаждалась уединением и любовью. Впервые в жизни с того момента, как она стала кинозвездой, Брижит четыре месяца подряд спокойно предавалась тихим человеческим радостям.

Надо отдать должное Загури, он знал одно укромное место. Он привез Брижит в рыбацкую деревушки Бузиос в 200 километрах от Рио. Расположена она сразу за мысом Кабо Фриу, но в те годы отсюда до Рио было пять часов езды на машине. Дорог в ту пору здесь не было и в помине. Так же, как и телефонов. И отелей. Не было также и водопровода. Можно сказать, не было вообще ничего, кроме небольшой лавчонки, церкви и не-

скольких домишек, где жили рыбаки. Слава богу, в деревне имелось электричество, да и то не всегда — его отключали каждую ночь и включали только после рассвета, так что Брижит и Загури проводили почти все свои вечера при свете свечей. Рыбаки называли ее «дона Брижит», ну а поскольку телевидение сюда еще не дошло, никто в деревне понятия не имел, кто такая эта блондинка. Когда Брижит нагишом нежилась на солнце где-нибудь на безлюдном песчаном пляже, никто не думал ее беспокоить.

Все это сильно напоминало Сен-Тропез лет эдак пятьдесят-шестьдесят назад. Сегодня Бузиос и Сен-Тропез мало чем отличаются друг от друга. Сегодня в бывшей рыбацкой деревушке насчитывается 10 тысяч домов, десятки ресторанов и сотни модных магазинчиков. Здесь буквально на каждом шагу гостиницы, сувенирные лавки, прокат принадлежностей для виндсерфинга — и все это на потребу сотням тысяч туристов, что каждый год слетаются сюда пощеголять друг перед другом бронзовым загаром или же просто на других посмотреть и себя показать, просиживая дни напролет в бесчисленных приморских кафе.

И все потому, что здесь когда-то побывала она.

Бузиос прославился тем, что здесь какое-то время жила Брижит Бардо. Такова сила ее имени. Сама того не желая, она превратила заброшенную рыбацкую деревушку по другую сторону Атлантики, о которой до этого никто и слыхом не слыхивал, в модный курорт. Брижит и представить себе не могла, что благодаря ей Бузиос станет чем-то вроде бразильского Сен-Тропеца. Местные жители не забыли ее. И хотя Брижит вряд ли об этом догадывается, но местная газета, чье название дословно переводится как «Мокрый индюк», до сих пор считает Брижит Бардо почетным членом своей редколлегии.

Следующей остановкой была Мексика.

Когда они с Загури прилетели туда, их самолет был взят в осаду сотнями журналистов и фоторепортеров, желавших во что бы то ни стало увидеть ее.

История с Рио повторилась снова.

Полиции оказалось не по силам разогнать толпу, и, просидев минут двадцать внутри самолета, Бардо и Загури были вынуждены пройти таможенные и паспортные формальности прямо в салоне. Затем они на машине отправились в Куэрनावаку, и, как и в Рио, на протяжении всех пятидесяти миль их буквально по пятам преследовала орда падких на сенсацию репортеров.

Одним из самых популярных жанров в те годы был так называемый «приятельский» фильм, и Маль своей лентой «Вива, Мария!» сделал на него пародию. Вот его собственные слова: «Перед этим я снял ужасно тоскливый фильм, озаглавленный «Feu Follet». В нем шла речь о последних двадцати четырех часах жизни человека, решившегося на самоубийство. Парню не терпелось поскорее свести счеты с жизнью, и после просмотра фильма подобные мрачные мысли навещали почти каждого зрителя. Вот почему мне хотелось, чтобы моя следующая картина была полна искрометного веселья, чтобы это была озорная авантюра, притом ужасно смешная. А еще я подумал, что поскольку моя предыдущая работа была про мужчин, то следующей непременно полагалось повествовать о женщинах».

Когда Маль первоначально обратился с предложением к своим обоим звездам, они обе заявили, что просто в восторге от мысли, что снимутся в подобного рода комедии. И тогда Маль отправил их агентам черновой вариант сценария.

«Я точно знал, что произойдет. Более того, я даже выиграл пари, что агент Жанны пожалуется на то, что у Брижит более важная роль, а агент

Бардо, что у Жанны чересчур важная. Нетрудно было догадаться, что же будет дальше. Между ними обеими шло жуткое соперничество, так что снимать фильм было чертовски трудно».

Моро и Маль уже успели сделать три совместных картины. И побыть любовниками. Когда Маль в первый раз позвонил ей насчет фильма, он сообщил, что американцы хотели бы увидеть ее в паре с Ширли Мак-Лейн. В то время о Брижит речи не заходило. Как бы то ни было, они с Бардо до этого встречались лишь пару раз, да и то в официальной обстановке, и поэтому практически не знали друг друга.

Как только обе женщины приступили к работе, Моро к своему великому удивлению обнаружила, что Брижит не уверена в собственных силах.

«Брижит никогда и не мечтала стать актрисой. Ну а поскольку ее постоянно превозносили за красоту, мне казалось, ей просто не хватало самоуважения. Ведь ей никто ни разу не сказал, какая она замечательная актриса. Хотя, как мне кажется, она заслуживает похвалы. Она просто недооценивала себя. Она думала о себе лишь как о хорошенькой кукле, потому что именно с этого все и началось».

По словам Моро, они с Брижит в принципе неплохо сработались, если не считать того, что Брижит сопровождала целая свита прихлебателей, которые то и дело путались под ногами.

«Мне они не нравились. Мало приятного видеть перед собой людей, которые ведут себя как рабы. По-моему, это выглядит по-дурацки. Кроме того, с ними Брижит вела себя не самым лучшим образом. Она — такая обаятельная, забавная и одаренная молодая женщина. Я предпочитала иметь дело с нею одной. Мне было приятно с ней, когда нам никто не мешал. Но ее окружение — это было нечто убийственное. В их присутствии Брижит было не узнать. Человек, который не может без прихле-

бателей, это слабый, не уверенный в себе человек. К тому же это давало ей повод позадирать нос. А это ей совершенно не к лицу. Она такая красивая, такая необыкновенная».

Луи Маль добавляет, что у его звезд также возникли проблемы со здоровьем и как обычно, им досаждала пресса.

Началось с того, вспоминает Маль, что Жанна обнаружила, что у себя аллергию на ананасы. Моро саркастически замечает: «Неожиданно у меня возникла аллергия на целую кучу вещей».

Рассказывает Маль: «Стоило одной из них заболеть, как мы уже знали, что как только она выздоровеет, тотчас свалится другая. В результате съемки затянулись еще на два месяца». Далее, продолжает Маль, жизнь буквально всех и каждого омрачалась вечным присутствием бесчисленных журналистов. «В первый день съемок к нам на площадку набежало около 130 репортеров. Брижит заперлась в своем трейлере. Жанне ничего не оставалось, как выйти к ним и произнести небольшую речь, чтобы хоть как-то ублажить их и чтобы они поскорее убрались с площадки. После этого журналисты принялись сочинять истории о том, как Жанна разозлилась на Брижит и как Брижит разозлилась на Жанну, хотя ни то, ни другое не соответствовало действительности. Однако, когда Жанна с Брижит увидели эти истории, они действительно начали злиться друг на друга. Это типичный пример того, как журналисты пекут сенсации».

Жанна Моро того же мнения: «Вряд ли обстановку на нашей съемочной площадке можно назвать приятной. Собственно говоря, ее можно с полным основанием назвать напряженной. В съемках было занято огромное количество народа, и еще там постоянно околачивались журналисты. Все это делало работу просто невыносимой.

В обеденный перерыв накрывались огромные столы сразу для всей съемочной команды, а поблизости еще один — для журналистов и фоторепортеров. Они только и ждали, когда мы с Брижит сцепимся друг с дружкой. Погода тоже была не подарок. Пока мы снимались в Куэрнаваке, еще куда ни шло, но в Веракрус и Гуанахуарто климат был просто убийственный». Столкнувшись с подобными трудностями, Брижит начала потихоньку отлынивать от работы.

Когда Моро поинтересовалась у нее, в чем дело, Брижит ответила, что не может вовремя проснуться. «Все пошло кувырком. В какой-то момент я подозвала ее к себе и сказала: «Послушай, Брижит, сон нужен всем. И поэтому, когда ты знаешь, что точно не выйдешь на работу, будь добра, сообщи об этом мне, и я тоже подольше поваляюсь в постели, и мы с тобой одновременно появимся на площадке. Эта ее привычка буквально всех выводила из себя. Луи тоже потихоньку начал злиться. Да и все остальные тоже. Ситуация, можно сказать, вышла из-под контроля. И никто не мог ничего поделать. Я никак не могла взять в толк, ведь все начиналось просто замечательно — у нас были деньги, отличный сценарий, хорошая команда, веселая картина. И все неожиданно обернулось полным кошмаром. Когда все окончилось, я наконец вздохнула с облегчением. Ведь это ужасно утомляло, отнимало последние силы, требовало огромной отдачи, а кроме того, вокруг нас раздули слишком много шумихи».

Брижит позднее призналась, что они с Жанной Моро жили как на войне, подобно двум товарищам по оружию. На что Моро заметила: «Точнее не скажешь».

Неудивительно, что даже та дружба, возникавшая между ними на съемочной площадке, на этом и закончилась. Такое случается часто.

Лет 15 — 20 спустя, находясь в Сен-Тропезе, Жанна Моро попыталась дозвониться до Брижит, но, по ее словам, ей это так и не удалось. Ответ прост: Брижит просто не желала поднимать трубку. И хотя многие на месте Моро оскорбились бы — некоторые из старых друзей и знакомых Брижит, которых постигла та же участь, воспринимали это как личную обиду, — Жанна Моро настроена к своей бывшей партнерше по фильму достаточно сочувственно. «Я понимаю, что принадлежу ее кинематографическому прошлому, а теперь она ведет совершенно иную жизнь. И я надеюсь, что она ею счастлива. Когда-то у нее было сильно развито чувство дружбы, но те друзья, подобно мне, принадлежат ее прошлой жизни. Поэтому я не воспринимаю это как оскорбление».

«Нет, — вспоминает Боб Загури, — эти съемки никак не отнесешь к разряду счастливых. И хотя и там случались веселые моменты, все они, так или иначе, имели место за пределами съемочной площадки».

Загури с Брижит снимали в Куэрनावеке просторный дом. Кто-то из членов съемочной группы, кому было известно о ее любви к животным, подарил Брижит кролика, и она брала его с собой в постель. Кролик спал вместе с Брижит и Загури и по утрам завтракал вместе с ними.

Еще один из участников съемок преподнес Брижит двух утят, которым от роду было не больше двух дней. На следующий день кто-то другой принес бездомного щенка — бедняга бесприкаянно бродил вокруг съемочного городка. К несчастью, щенок загрыз одного из утят, и у Брижит случилась истерика.

Щенок, должно быть, понял, что натворил что-то нехорошее, и убежал.

В обычной ситуации Брижит наверняка бы отправилась на его поиски, ведь она действительно

сильно расстроилась, однако не стала искать щенка. Тем временем оставшийся утенок начал повсюду ходить за ней по пятам. Брижит заходила в дом, и позади нее в нескольких шагах следовал утенок.

Когда Загури в шутку заметил, что утенок следует за ней по пятам, Бардо прокомментировала это следующим образом: «Он думает, что я его мать, потому что у нас одинаковая походка».

Ради рекламы фильма Бардо впервые в жизни согласилась поехать в Штаты. Во вторник 16 декабря 1965 года она и сопровождающие ее лица собрались в полдень в аэропорту Орли. Полиция возвела по этому случаю настоящие баррикады, чтобы целая кавалькада машин, доставлявшая отъезжающих и их вещи — несколько десятков чемоданов общим весом в 600 кг — могла быстро пройти через специальный контроль. Уже рано утром аэропорт запрудили толпы, а значит, и репортеры — в надежде взять у Брижит интервью, прежде чем она сядет в самолет.

Ведь, по большому счету, это была не какая-то там заурядная поездка, а первый визит Брижит Бардо в Соединенные Штаты.

«Королева отбывает с визитом, — писала одна парижская газета, — в сопровождении своей свиты, окружившей ее со всех сторон, дабы снять головокружение, возникающее при виде небоскребов».

Среди приближенных лиц, отмечала газета, были ее «рыцарь» Боб Загури, ее парикмахер, ее пресс-агент и ее импресарио. «Можно сказать, целое войско».

В то время Брижит еще носила меха, и газета сообщила, что она взяла с собой в недельную поездку шесть разных шуб, правда среди них не

было ни одной норковой. «Это слишком обыденно, — объясняла сей факт одна из ежедневных газет. — В Америке все повально носят норку».

Представитель авиакомпании «Эр Франс», с гордостью подчеркивая, что воздушное судно, на котором полетит Брижит, переименовано в «Вива, Мария!», также заявил прессе, что ради кинозвезды они не стали менять команду обслуживающего персонала в салоне первого класса, а лишь положили в холодильник еще одного омара на тот случай, если Брижит во время перелета захочет пообедать дважды. На борту безумие продолжилось.

Оператор Франсуа Рошенбах совершал этот рейс в качестве верного оруженосца — ему предстояло запечатлеть для потомства каждую минуту пребывания кинозвезды на американской земле. Те же репортеры, которым удалось пробраться на борт самолета, фиксировали во время перелета через Атлантику буквально каждое движение Бардо. Кроме того, они брали интервью у пассажиров, летящих туристическим классом, чтобы узнать, что те думают о выпавшем на их долю счастье разделить исторический момент с Брижит Бардо.

Один американский солдат, назвавшийся специалистом армии США Норманом Шаффером из Поттстауна, штат Пенсильвания, резюмировал реакцию пассажиров туристического класса на это воистину историческое событие следующей фразой: «У нас в Поттстауне таких отродясь не было!»

Приземлившись в три часа пополудни в аэропорту имени Кеннеди, Бардо и ее команда спустилась по трапу, где их уже поджидал Луи Маль и толпа обезумевших репортеров.

Прибывших быстро повели в специальный зал, и первое, что предстало взору Брижит в Новом Свете, были пятьдесят фоторепортеров и сто журналистов, лес микрофонов и восемь телекамер.

— Что вы думаете о войне во Вьетнаме?» — раздался первый вопрос.

— Вы отдали свой голос Шарлю де Голлю? — выкрикнул чей-то голос.

Несколько ошарашенная подобным началом, Брижит напомнила:

— Я здесь для того, чтобы отвечать на вопросы о Брижит Бардо.

После чего журналисты взялись выуживать у нее более значимую информацию, как, например:

— Сколько вам лет?

Ощувив некоторую уверенность в себе, Брижит смирила репортера взглядом.

— Тридцать один. А вам?

Все присутствующие рассмеялись.

Кто-то другой поинтересовался:

— Что вы думаете по поводу того, что вас называют секс-киской?

— Ничего страшного, — нашлась с ответом Брижит, — главное, иметь соответствующую фигуру.

Репортер не унимался:

— Вы ощущаете себя секс-символом?

— Я — это я.

— Да, но кто же вы тогда такая?

— А вы присмотритесь внимательнее.

Брижит спустилась со специальной платформы и, словно манекенщица на демонстрации мод, продефилировала перед столом.

Зал разразился аплодисментами.

Кто-то поинтересовался:

— А в 60 вы тоже останетесь такой же?

На что Брижит ответила:

— Мне никогда не будет 60, потому что за это время, я уверена, наука добьется многого.

Одна женщина-репортер пыталась выяснить следующее:

— Как, по-вашему, должна ли женщина, что-

бы полностью реализовать себя, обязательно иметь детей?

Брижит в ответ:

— В жизни надо испробовать все.

Затем осмелел другой репортер:

— А что вы думаете насчет свободной любви?

На что Брижит безмятежно ответила:

— Когда я занимаюсь любовью, я ни о чем не думаю.

Настоящий эскорт из десяти машин в сопровождении полиции доставил Бардо и ее окружение на Манхэттен, где они с шиком разместились в отеле «Плаза». Ну а поскольку американской прессе пресс-конференции в аэропорту было явно мало, Брижит устроила еще одну, на следующий день.

Та же самая женщина, что накануне пыталась выяснить ее отношение к детям, задала новый вопрос:

— Как, по-вашему, можно примирить между собой брак и свободную любовь?

Брижит тотчас узнала вчерашнюю журналистку:

— А вы что, все пытаетесь сделать это со вчерашнего дня?

Женщина ответила:

— Да. Но что мне делать теперь?

Брижит пожала плечами, словно ответ на этот вопрос был очевиден: «Пытайтесь дальше».

Отзывы прессы о ее конференции затмили рецензии на ее картину. «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что Брижит действительно произвела впечатление на толпу, которую нынче уже особенно ничем не удивишь. В аэропорту и отеле «мисс Бардо и ее аудитория вместе наслаждались спектаклем, который был сродни понятной обоим сторонам шутке».

Если Босли Кроутеру «сам фильм показался недостаточно смешным» — его довольно-таки про-

хладная рецензия в «Нью-Йорк Таймс» вряд ли способствовала зрительскому интересу — то, по мнению Полины Кейл из «Нью-йоркера», большая часть комедии вообще получилась ужасно занудной. Таково было мнение большинства зрителей и в Англии. Кеннет Тайней из «Обзервера» отмечал, что вся история высосана из пальца, а попытка сделать ставку на дуэт Бардо—Моро окончилась явной неудачей. Оглядываясь назад, Луи Маль не спешит соглашаться с мнением, будто картина получилась неудачной. «Главное в ленте «Вива, Мария!» — это триумф Брижит. Фильм неплохо прошел в Европе, но провалился в Штатах, хотя там он вышел на экраны в ряду прочих солидных американских киноработ. Проблема, как мне кажется, заключается в том, что английский дубляж был сделан из рук вон плохо. Особенно, что касается голоса Брижит. Его продублировали самым скверным образом. Это было невозможно слушать без содрогания».

При всех достоинствах и недостатках картины ее премьера — грандиозное шоу субботним вечером в театре «Астор» на Таймс-Сквер — обернулась хорошо знакомой повальной истерией. На углу 44-й улицы и Бродвея скопилась пятитысячная толпа желающих хоть краем глаза увидеть Брижит. Департамент нью-йоркской полиции отрядил на сдерживание толпы 75 офицеров, которым помогали еще около тридцати охранников, нанятых по инициативе администрации кинотеатра. В какой-то момент дело едва не дошло до уличных беспорядков. К месту происшествия пришлось вызывать несколько карет скорой помощи, поскольку имелись пострадавшие.

Перед входом в кинотеатр возникли такое столпотворение и суматоха, что когда Луи Маль прибыл на премьеру в сопровождении своей новой подружки, в ту пору еще никому не известной английской актрисы Джулии Кристи, толпа, уви-

дев его под руку с какой-то блондинкой, решила, что это и есть Брижит Бардо, и едва не растерзала ее.

«Это был сущий кошмар», — вспоминает Маль.

К тому времени как к кинотеатру прибыла Брижит Бардо, толпа уже была неуправляема.

Сначала ее автомобиль едва пробился сквозь скопление народа, запрудившего теперь проезжую часть улицы, после чего полицейские попытались быстро провести ее из машины в кинотеатр. И все равно какой-то тип успел грубо толкнуть ее, а другой приставил фотоаппарат прямо ей к лицу. Перед глазами Брижит свернула ослепляющая вспышка, и на следующее утро пришлось вызывать врача, поскольку дело кончилось ожогом.

В воскресенье Загури удалось на несколько часов тайком вытащить Брижит из гостиницы. Перед «Плазой» со дня ее прибытия денно и ночью дежурили поклонники, но, как оказалось, самым ловким удалось проникнуть даже на этажи отеля, и они слонялись по коридору возле ее номера. Не без помощи службы охраны отеля Загури и Брижит незамеченными проскользнули сквозь служебную дверь и вышли через черный ход. Перехитрив таким образом преследователей, они до обеда гуляли по городу. По пути один ресторанчик показался им вполне подходящим, и они решили зайти и перекусить. Но хозяин заведения ни за что не желал пускать Брижит внутрь, поскольку та была в брюках.

«Нельзя сказать, что ей не понравилось в Штатах, — говорит Загури. — Просто у нее не было возможности все как следует посмотреть. В Нью-Йорке нас не желали даже на минуту оставить в покое. Мы ощущали себя пленниками. В Лос-Анджелесе было не намного лучше».

Хотя сама Брижит об этом наверняка даже не догадывалась, повышенный интерес к ее персоне

проявляли не только пресса и поклонники. За ее передвижением пристально следил лично шеф ФБР Эдгар Гувер. В свое время этот блюститель порядка воспринял картину «И Бог создал женщину» как личное оскорбление. Гувер занес Бардо в категорию тех, кто своими развратными похождениями на экране и в жизни подрывает моральные устои нации, и даже велел завести на нее дело. Департамент юстиции США признался, что в свое время агенты ФБР, работавшие во Франции, регулярно посылали своему шефу отчеты, в результате чего в папке Брижит накопилось достаточное количество материалов, правда мало что значащих. В ФБР поступала также информация от агентов в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, которые следили за ее передвижением по стране и личными встречами. Дело это не закрыто до сих пор.

Как, однако, приятно узнать, что в 1965 году, в те, чреватые опасностью дни холодной войны, человек, который задеиствовал Джона Диллинджера, человек, который ловил нацистских шпионов — об этом станет известно лишь спустя четверть века, — человек, отличавшийся поразительной «скромностью» в одежде — чего только стоит его любовь к элегантным черным костюмам, — пускал на ветер деньги налогоплательщиков, стремясь оградить нацию от разлагающего воздействия стройной крашеной блондинки из Парижа и ей подобных.

Для второго акта своих гастролей по Америке, Бардо и компания вылетели в понедельник вечером в Калифорнию. Отношения с прессой — в том, что касалось как самого фильма, так и ее лично — взял на себя Пьер Сэллинджер, бывший пресс-секретарь администрации Джона Кеннеди.

Под его руководством все прошло более-менее гладко. На этот раз обошлось без уличных бесчинств, хотя в аэропорту, как обычно, Брижит

поджидала толпа поклонников вперемешку с репортерами, фотографами и телевизионщиками,

Как только Брижит сошла с самолета, ее тут же подвели к трибуне, с которой она открыла торжественную церемонию, глядя поверх бесчисленных микрофонов:

— Итак, и что нам теперь полагается делать?

Какой-то репортер поинтересовался:

— Кто такая Брижит Бардо и как вы ее себе представляете?

На что та тотчас нашлась с ответом:

— Да вот она. Или вы разочарованы?

На нее сразу обрушился новый вопрос:

— Почему вам потребовалось столько лет, чтобы совершить свой первый приезд в Голливуд?

На что Брижит чистосердечно призналась:

— Я не люблю летать, а пешком слишком далеко.

— Мне сказали, что ваш багаж весит около полутора тысяч фунтов, — последовал вопрос. — Зачем вам понадобилось брать с собой так много одежды?

Брижит пожала плечами.

— Да я и сама себя об том спрашиваю.

— На вас парик? — полюбопытствовал другой репортер.

Брижит потянула себя за прядь волос.

— Кажется, держится крепко. Должно быть, это мои собственные.

Кому-то еще не давал покоя вопрос:

— Скажите нам, пожалуйста, только точно, что вы за женщина?

Кокетка Брижит осталась верна себе.

— А вы поживите со мной неделю и тогда сами узнаете.

Подыгрывая ей, репортер продолжал:

— Сначала мне придется спросить жену.

— Ну разумеется, — кивнула Брижит, — Это я и хотела сказать. Вы, я и ваша жена!

После лос-анджелесской премьеры фильма Брижит призналась, что эта поездка стала для нее серьезным уроком. «В будущем я хотела бы жить спокойной жизнью».

С этими словами актриса поспешила назад в Париж.

«В Америке меня считали чем-то вроде куклы, которая появилась на свет лишь благодаря газетной шумихе, поэтому во время своих пресс-конференций я пыталась доказать, что умею говорить не одно только слово «ма-ма». Сказав это, Брижит тут же отправилась спать, ей до смерти надоело притворяться, будто ей до всего этого есть дело.

В отличие от ее предыдущих возлюбленных, Загури никогда не работал с Брижит, пока они жили вместе. Это случилось позже, после того, как они расстались — когда Загури стал продюсером телефильма с ее участием. То была первая их попытка во многих отношениях.

Начать с того, что в фильме Брижит Бардо выступала не как актриса, а как певица. Тогда, по мнению Загури, впервые за многие годы — или, по крайней мере, с тех пор, как она стала звездой, — Брижит по-настоящему получала удовольствие от работы.

Отлично изучив все ее слабости. Загури меньше всего заботился о том, чтобы проект уложился в три-четыре месяца, как то обычно бывает в кино. По его словам, они работали не спеша, без напряжения и нервов.

Загури также решил не обременять себя многочисленной съемочной командой и не занимать съемочную площадку лишним техническим персоналом. Он сделал картину, имея в своем распоряжении лишь четырех человек, да и то друзей.

«Мы обычно работали по несколько часов утром, снимая, как она поет, и если она говорила, что днем хочет пройтись по магазинам, вместо того, чтобы сниматься, то так оно и было — мы ставили точку и шли по магазинам. Пока мы находились в Сен-Тропезе, нам удалось отснять материала на 15 минут. Когда же Брижит увидела, как все здорово получилось, как замечательно она выглядит и неплохо поет, тогда мы отправились в Париж, чтобы доделать все до конца, и в результате у нас получилось часовое шоу.

Загури удалось распалить ее воображение, а заодно заразить энтузиазмом. Брижит была полна идей, а стоит ей хоть что-нибудь вбить себе в голову, она не отступится, пока не добьется своего. Например, она решила, что в фильме обязательно должен быть мотоцикл, и в результате они с Загури попросили неподражаемого Сержа Гейнсбура написать для нее песню. Буквально в тот же самый вечер маэстро сочинил «Харли Дэвидсон», и уже через два дня был готов клип. Когда Брижит сказала Загури, что как-то раз видела декорации, которые ей сейчас очень бы подошли, и что эти декорации — не что иное, как выставка в парижском музее современного искусства, они оба отвели туда Гейнсбура, показали ему, на фоне чего ей предстоит сниматься, и через два дня маэстро уже вручил Брижит свое новое сочинение — песню «Контакт».

Результатом их совместных трудов стала серия из 17 клипов, в каждом из которых содержалась своя коротенькая история. Кстати, впервые за историю американского телевидения лучшее эфирное время было отдано французской певице.

В те дни практически все группы и певцы пытались соединить свои песни с кино, но никто из них не додумался сделать подобных фильмов — снять ряд различных эпизодов, а затем наложить

на них музыку. В то время ни Бардо, ни Загури не отдавали себе отчет в том, что сами того не подозревая, дали рождение новому жанру — тому, что сегодня называется музыкальным видеоклипом.

ЗАКС

Перед пляжем в «Мадраге» имеется небольшой проливчик — девять-десять футов в ширину и около пяти в глубину. Дальше за ним тянется обширная отмель, густо поросшая водорослями — местные жители называют их «mat», — которая уходит дальше в глубь залива. Вода здесь не более фута в глубину, и мелководье не позволяет лодкам подходить непосредственно к пляжу.

Разумеется, Бардо известно об этом проливчике, известно ей и то, какую опасность таит в себе поросшая водорослями отмель. А вот многие журналисты, туристы и папарацци об этом и не догадываются.

Не раз и не два, а буквально тысячи раз за последние тридцать пять лет, отдыхая на пляже или же загорая на причале перед Мадрагом, Брижит слышала звук приближающейся моторной лодки. Стоило ей только подняться, как те, кто сидел в лодке, замечали ее; ну а стоило им только ее заметить, как лодка разворачивалась в направлении берега.

Все, что Брижит оставалось делать — это остаться на своем месте, наблюдая, как лодка на всей скорости несется к берегу, чтобы вскоре угодить в ловушку из водорослей. Здесь перевернулась не одна моторка. Чаще всего они так глубоко зарыва-

лись носом в водоросли, что их уже невозможно было вытащить. Ведь водоросли засасывают сильнее, чем грязь. И когда это случается, Брижит позволяет себе торжествующую улыбку и как ни в чем не бывало продолжает нежиться на солнце, по крайней мере, до следующих незваных гостей.

В те дни, когда она проводила большую часть лета в «Мадраге», Брижит любила прогуляться за мыс, чтобы встретиться с друзьями за ленчем в таких заведениях, как «Клуб-55». Естественно, что парацци увивались за ней следом или же устраивали засады в надежде нащелкать как можно больше снимков.

Но преимущество все же было на стороне Брижит. Резко повернув за мыс, туда, где располагается вилла семейства Опель, Брижит затем резко брала влево, в проливчик, и благополучно возвращалась домой. Сидящие в лодке папарацци в надежде опередить ее бросались наперерез и, разумеется, застревали в водорослях.

Брижит, хохоча, возвращалась к себе домой, а парацци были вынуждены сидеть часами на мелководье, дожидаясь, когда кто-нибудь вызовет их из ловушки и возьмет на буксир.

Разумеется, у Брижит ни разу не возникло желания вызвать для них помощь.

Еще до отъезда в Штаты на премьеру ленты «Вива, Мария!» Брижит снялась в эпизодической роли в картине Жан-Люка Годара «Мужское-Женское». Она сыграла женщину, репетирующую свою роль. Вместе с ней в этом эпизоде снялся молодой режиссер, у которого Брижит как-то раз уже довелось поработать, Антуан Бурсейле.

Вернувшись из Штатов, Брижит — у которой все еще продолжались отношения с Загури, хотя они уже явно шли на спад — завела небольшой романчик со своим дантистом, Полем Абу, с кото-

рым она познакомилась в парижском ночном клубе «Кастель». Сначала они потанцевали немного, а затем исчезли на неделю.

По словам Абу, чтобы перехитрить прессу, он общался с Брижит при помощи рации. «Я купил нам обоим по рации, чтобы мы могли вовремя предупредить друг друга, если где-нибудь поблизости заметим фоторепортера. Брижит не знала, куда от них деваться — они как ищейки шли за ней по пятам. Она жила в постоянном страхе, что кто-то вторгнется в ее личную жизнь. Помнится, однажды вечером в «Мадраге» комнату внезапно осветила вспышка молнии, и Брижит едва не впала в панику. Она подумала, что это фотовспышка».

Настойчивое любопытство со стороны прессы и вечный страх перед ней — все это вместе взятое вело к колоссальному нервному напряжению, которое, по мнению Абу, не могло не отразиться на любом из романов Брижит.

«Вокруг нее постоянно ощущалось некое поле. По-моему, есть доля истины в том, что многие мужчины от этого буквально заряжались. Им ужасно нравилось ежеминутно ожидать, когда их позовут. Но в ее жизни мужчины быстро сменяли друг друга. Гюнтер Закс был единственным, кому удалось сделать ее частью собственной жизни.

На рубеже веков, где-то в той части Южной Германии, которая некогда была известна как Габсбургская империя, инженер по имени Эрнст Закс изобрел колесную втулку, позволявшую велосипедам спускаться с горы без помощи педалей. Этим было положено начало баварской промышленной династии.

Его сын, Вилли, унаследовал отцовское дело и со временем создал фирму «Фихтель и Закс», расширив производство велосипедных втулок, шарикоподшипников, мотоциклов, автомобильных мо-

торов и прочих узлов. Вилли женился на Элеоноре фон Опель, чей отец, Адам, организовал немецкую автомобилестроительную фирму, носящую его имя. У супружеской четы родились двое детей — сыновья Эрнст-Вильгельм и Фриц-Гюнтер. В 1935 году Вилли и Элеонора расстались. Эрнст-Вильгельм остался с отцом, а трехлетний Фриц-Гюнтер переехал вместе с матерью в Швейцарию. Там существовал обычай добавлять к отцовской фамилии отпрыска девичью фамилию матери. Так что пока Фриц Гюнтер подрастал — главным образом в кантоне Грискон, — его звали Гюнтер Закс фон Опель. Спустя годы французская пресса, узнав его имя, выяснит, что на свет он появился в замке Майлеберг неподалеку от Франкфурта-на-Майне. Что же, это действительно так, однако то был отнюдь не старый фамильный «Schloss»*. Отец Гюнтера приобрел его, потому что жить в замке считалось ужасно престижным. Однако французским газетам этого оказалось достаточно, чтобы откопать в их роду благородные корни и удостоить Гюнтера графского титула.

«Пожалуй, наиболее законное применение титулу я нашел тогда, когда назвал свой катер «Граф Дракула». Мне также нравилось иногда надевать черный плащ и подписывать письма «Граф Гюнтер фон Дракула».

Гюнтер изучал математику в Лозаннском университете, а в 1955 году женился на молоденькой француженке по имени Анна-Мари Фор, родившейся в Алжире — «черноногой», как называли тех французов, кто родился и вырос в этой северо-африканской колонии. Гюнтер начал работать у отца, а Анна-Мари тем временем подарила ему сына по имени Рольф. Будущее представлялось без-

* Schloss (нем.) — замок.

облачным, но в 1958 году на семью обрушилась настоящая трагедия.

В тот год, когда Гюнтер выиграл чемпионат Европы по бобслею, умер его отец. Вскоре после того, в июне, Анна-Мари попала в аварию. Врачи диагностировали серьезные травмы спины и рекомендовали операцию. Однако что-то случилось с анестезией, и Анна-Мари умерла прямо на операционном столе.

В 26 лет Гюнтер остался вдовцом с маленьким сыном.

Унаследовав что-то порядка 30 — 40 миллионов фунтов — точную цифру назвать нелегко, поскольку отец владел частной фирмой и истинный размер активов с трудом поддавался оценке, — Гюнтер попытался заглушить душевные страдания в нескончаемой череде пирушек, скитаясь по всему свету. Или, по крайней мере, так могло показаться на первый взгляд. На самом же деле, утверждает Закс, кутежи ограничивались днями отпуска.

«В отличие от многих моих приятелей, я не валял дурака круглый год. Это не по мне. Я много путешествовал и много работал. Я чувствовал ответственность за фирму».

В начале июня 1966 года Закс отдыхал в одном из своих домов в Сен-Тропезе и как-то раз пригласил на обед двух лучших друзей. Он привез Сержа Маркана и Жерара Ле Клери в ресторан «Старый источник», что находится неподалеку от Гассена, намереваясь обсудить планы их путешествия под парусом.

Надо сказать, что Серж — кстати, он младший брат приятеля, Кристиана Маркана — и Ле Клери — сын французского промышленника, основателя сети обувных магазинов «Андре» — всегда умели расшевелить Гюнтера, и этот вечер не был исключением.

Маркан вспоминает: «Мы хохотали как чокну-

тые. Нам действительно было весело. За несколько столиков от нас сидела Брижит — она тоже обедала в компании друзей. Она нас заметила, еще бы, как нас можно было не заметить, ну а поскольку мы с ней знакомы с четырнадцати лет, то она подошла, чтобы поздороваться с нами. Брижит наглядно знала Гюнтера, по крайней мере, ей было известно, кто он такой. Так что мы с ней немного поболтали, а затем договорились встретиться после обеда в «Папагайо».

Гюнтер рассказывает, что пока они все еще сидели в ресторане, Брижит то и дело оглядывалась на их столик.

«Я уже встречал ее пару раз до этого, но так, мимоходом. Да, раза два. Но мы тогда только поздоровались и обменялись рукопожатием. Мы не были знакомы друг с другом. Но на этот раз наши взгляды то и дело встречались. Это было восхитительно».

В «Папагайо» Брижит и Гюнтер долго танцевали друг с другом, и прежде чем всем разойтись, Гюнтер увез ее к себе на виллу «Ля Капилла». Там они провели два дня.

На третий день после обеда она сказала ему, что ей надо назад, в «Мадраг», заняться кое-какими бумагами. Именно так она и сказала: «Pour faire les papiers». Гюнтер понял это так, что она хотела просмотреть почту, изучить счета или же еще вчитаться в контракты. Собственно говоря, он не стал придавать этому особого значения, до тех пор, пока Серж не поинтересовался у него, а где же Брижит. На что Гюнтер ответил, что она уехала, поскольку ее ждут какие-то бумаги. Услышав это, Маркан расхохотался. Гюнтер не понял, что здесь смешного, и тогда Серж объяснил ему, что «бумажные дела» на языке Брижит означают другое свидание. Иными словами, от Гюнтера Брижит оправилась к кому-то еще.

Гюнтер не стал особо расстраиваться по этому поводу — в конце концов, на данный момент они не брали друг перед другом никаких обязательств, хотя, по мнению Сержа, Гюнтеру следовало броситься вслед за ней. «Уподобься рыцарю на белом коне, дабы ринуться на спасение прекрасной дамы». Заксу же казалось, что если ей захотелось провести время с кем-то еще, то это ее личное дело. Да и вообще, она не производила впечатление той, кого требуется спасать.

Однако Серж стоял на своем, и в конечном итоге Гюнтер согласился.

— Ладно, съезжу, посмотрю.

— Нет, — остановил его Серж, — ты не можешь вот так запросто подкатить к ее дверям. Здесь требуется нечто более романтическое.

— Прекрасно, — ответил Гюнтер. — Иду за мотоциклом.

— Тоже не то, — покачал головой Серж. — Почему бы тебе не приплыть к ней на лодке?

Гюнтер не имел ничего против романтики, однако ему было отлично известно о водорослях отдели, охранявших ее пляж со стороны моря, и поэтому он счел нужным напомнить Сержу:

— Ночью там хоть глаз коли. Опасное это дело.

— Нет проблем, — сказал Серж. — Конечно же, если действовать неосмотрительно, то нетрудно угодить в водоросли. Но я кое-что придумал.

Гюнтер слышал это от своего приятеля не впервые и подумал про себя: «И зачем только я пошел у него на поводу?» И все равно он позволил втянуть себя в эту авантюру.

Позднее, тем же вечером в «час ноль», Гюнтер, завернувшись в длинный черный вампирский плащ, сел в свою «риву» и отплыл прочь от дома, осторожно огибая мыс, по направлению к вилле своей кузины Кристины фон Опель.

Как и было обещано, Маркан уже поджидал его на берегу, сидя на мотоцикле в водолажном костюме.

Серж, услышав звук приближающейся лодки, несколько раз посветил в ее сторону лучом фонаря. Код был следующим: одна вспышка — бери влево. Две вспышки — возьми вправо. Пока свет горит и не мигает — иди прямым курсом. Так Серж провел лодку Гюнтера сквозь крошечную ночную тьму по узкому проливчику. Друзья договорились, что Гюнтер не станет привязывать лодку у причала, чтобы затем войти к ней в дом.

Это было бы недостаточно драматично. Согласно разработанному плану, когда расстояние между ними стало небольшим, Маркан слез с мотоцикла и прыгнул в воду. Оказавшись на месте, он спрятался под настилом причала, а Гюнтер в это время завел мотор и, поскольку «Мадраг» был теперь ему виден как на ладони, на всей скорости понесся к берегу.

Брызги летели во все стороны, мотор надрывался, но в следующее мгновение Гюнтер нажал на тормоз, выскочил из лодки — поставить ее на прикол предстояло его приятелю-ныряльщику, — набросил на плечи свой знаменитый дракуловский плащ и зашагал к дому.

Брижит сидела на качелях с каким-то парнем, и когда из моря и темноты ночи ей навстречу шагнул Закс, она буквально потеряла дар речи. Гюнтер же как ни в чем ни бывало подошел к ним, поздоровался и уселся на качели между Брижит и ее приятелем.

Парень тотчас сообразил что к чему и поспешил откланяться. Больше его там не видели.

Однажды в Ницце Гюнтер пошел на цветочный рынок и купил десять дюжин роз. Пожав плечами, он сказал: «Видите ли, в Ницце розы не слишком дороги. Не хочу вас разочаровывать, но

тогда я заплатил совсем немного. Поверьте, кольцо с бриллиантом в 10 карат стоило мне куда больших денег». Сделав покупку, Закс нанял вертолет, который, зависнув прямо над ее домом, забросал «Мадраг» цветами.

Брижит потратила целый день, подбирая цветы — они попадались ей на каждом шагу и, как позднее она сама призналась, поняла, что влюбилась в Закса — «ведь не каждый день вам во двор сбрасывают целую тонну роз!»

Гюнтер остался верен себе и своей слабости к вертолетам. Как-то раз, примерно через год, вернувшись из деловой поездки, он нанял в аэропорту Ниццы вертолет и вместо того, чтобы приземлиться на специальной площадке в Сен-Тропезе, велел пилоту высадить его прямо в «Мадраге». Пилот пытался было втолковать ему, что посадка там невозможна. Но Гюнтеру это было и без того известно. Брижит тогда была у себя. Услышав стрекот приближающегося вертолета, она решила, что это очередной набег туристов — но каково было ее удивление, когда с небес в море со всем своим багажом спрыгнул Гюнтер.

Спустя пару ночей, после того, как он вышел из моря у ее дома, Закс снова увез ее к себе в «Ля Капиллу» на поздний ужин. А для пущей романтики зажег вдоль стены, выходящей к морю, 200 свечей. Примерно в четыре утра, когда они с Брижит, при свете свечей, сидели на террасе, Гюнтер неожиданно сказал ей, что пора их гасить. Брижит было поднялась из-за стола, но Закс остановил ее, сказав, что это делается не так. Он протянул ей воздушное ружье, и на протяжении последующего часа они самозабвенно палили по свечкам.

Еще через несколько вечеров он отвез ее и еще целую компанию своих друзей в «Пират» —

знаменитый на всю Ривьеру ресторан, сразу на выезде из Монако.

Хозяин заведения, нарядившись цыганом, развлекал публику тем, что швырял тарелки в громадный открытый очаг, где его шеф-повар жарил мясо. Это был его коронный номер. Если вы ему нравились, он был готов бросить в огонь стул или даже стол. Если же вы ему ну очень нравились, то он мог позволить вам удовольствие лично бросить стул или стол в огонь. «В ту ночь он пришел в такой неописуемый восторг от того, что в его заведение заглянули Брижит Бардо и Гюнтер Закс, что с их помощью отправил в огонь весь свой ресторан — все столы и стулья до последнего».

Продолжение следовало. Из ресторана Брижит, Гюнтер и вся компания решили отправиться в казино Монте-Карло.

«Обычно, — рассказывает Гюнтер, — там неукоснительно соблюдают требования к одежде посетителей. Мы же все были босиком и в джинсах, с мокрыми от шампанского волосами. Но в казино меня знали, а когда их взору предстала Брижит Бардо — какие уж там правила!»

Правда, для казино было бы лучше не делать никаких исключений.

Гюнтера, Брижит и их друзей провели в так называемый «Salle Privée» — закрытый зал в глубине казино, где все до последнего посетителя были в вечерних костюмах. Компания уселась за рулетку, и Гюнтер накрыл число «14». Он играл им, этим числом, как только умел — *en plein, à cheval, carré, douzaine, sixaine, transversale, manqué, pair и couleur* — то есть закрывал все, что окружало его счастливое число.

Колесо завертелось, затем остановилось, и в прорези под номером «14» оказался маленький шарик. Все, кто сидел за столом, вскрикнули, а

крупье подтолкнул к Гюнтеру и Брижит несколько фишек.

Серж Маркан признается, что все были немного пьяны, но даже подвыпивший Гюнтер отдавал себе отчет в том, что делает, поэтому от него не ускользнуло, что крупье ошибся. Вместо 170 тысяч франков он поставил на фишки лишь 160. Так что Гюнтер сказал: «Стоп, произошла ошибка». Крупье пересчитал, извинился и исправил оплошность.

Возле их столика начала собираться толпа. Крупье пригласил игроков делать ставки, и Гюнтер опять закрыл цифру «14» всеми известными ему способами.

На этот раз выпало число «12», и Гюнтер с Брижит снова оказались в выигрыше.

Крупье пересчитал фишки, пододвинул их к Гюнтеру, но тот опять сказал: «Стоп, произошла ошибка».

— Уже второй раз, — напомнил он крупье. — Теперь мне понятно. Мы все на вид немного выпивши, значит, успели где-то как следует повеселиться, но не держите меня за идиота.

Крупье извинился:

— Простите, я ошибся.

Гюнтер предостерег его:

— Только не вздумайте ее повторить.

Положив перед играющими правильное количество фишек, крупье снова предложил делать ставки.

Толпа вокруг их стола заметно прибавилась. Гюнтер в третий раз всеми имеющимися способами закрыл число «14», и на этот раз выпало «13». Толпа взревела.

Крупье пододвинул к Гюнтеру и Брижит полагающееся количество фишек и пригласил играть дальше.

Гюнтер в своей обычной манере закрыл стол фишками, и колесо завертелось в четвертый раз.

К тому времени возле их стола собрались все, кто находился тогда в казино. Все остальные столы опустели. Брижит с Гюнтером приостановили деятельность всего заведения.

Увидев, как в щель колеса вкатился маленький шарик, крупье объявил: «Quatorze» — «14», толпа совершенно обезумела.

Посреди воцарившегося в зале хаоса крупье сосчитал фишки и подтолкнул целую их кучку к Гюнтеру и Брижит.

И тогда Гюнтер снова выкрикнул: «Стоп!»

В третий раз из четырех его обсчитали, причем теперь недоставало около 40 тысяч франков.

Гюнтер в бешенстве потребовал, чтобы к ним вышел управляющий казино.

В ответ на его требование в зале появился солидный джентльмен в смокинге. Пробившись сквозь толпу, он поинтересовался у Гюнтера, чем тот недоволен.

Закс рявкнул:

— Это казино или бакалейная лавка?

Джентльмен в смокинге явно его не понял, и Гюнтер — а его французскому можно только позавидовать — прямым текстом объяснил ему, насколько он зол.

Управляющий попытался его успокоить.

Однако Гюнтер не желал давать им спуску.

— Почему этот парень ошибся три раза из четырех? Как это так, что каждый раз ошибка была в пользу казино, а не в мою, хотел бы я знать!

Перед Заксом уже скопилась целая гора фишек — где-то на 600 — 700 тысяч франков, и не дослушав искренних извинений управляющего, он потребовал, чтобы ему принесли корзину.

Два крупные тотчас протиснулись сквозь толпу с корзиной в руках. Гюнтер сгреб туда все свои фишки, а затем велел крупье отнести корзину к кассиру и занести выигрыш на его счет. После этого он встал и, взяв Брижит под руку, направился к выходу.

Как только они вышли, все казино разразилось аплодисментами.

«Это был невероятный спектакль, — вспоминает Серж Маркан. — Никто из нас до этого не видел ничего подобного. Компания подвыпивших пляжных бездельников, босиком — в том числе и Брижит Бардо — имеют наглость заявиться в игорное заведение, выигрывают 600 тысяч франков, устраивают головомойку бедняге-крупье, а затем управляющему, сгребают фишки в корзину и, даже не заглянув в кассу, всего через каких-то 23 минуты после того, как переступили порог казино, гордо удаляются восвояси».

На следующий день Гюнтер забрал свой выигрыш, отправился в ювелирный магазин и истратил все до последнего франка на подарок Брижит.

Он называл ее Бардо или «Маму». Она звала его «Закси» или «Планти» — прозвище, изобретенное ею от слова «plantigrade». Оно обозначает специфическую походку некоторых видов животных, например медведей, которые ступают на всю стопу.

Под конец этих первых сумасшедших недель Гюнтер взял ее с собой в Германию посмотреть его дом, устроив по этому случаю самый пышный фейерверк, какой только знала Бавария. После чего предложил: «Давай поженимся».

«Он ухаживал за мной, словно Джеймс Бонд, — рассказывает Брижит. — Он покорила меня той страстью, с какой он пытался завоевать меня».

«Я был влюблен в нее, — говорит Закс. — Я ухаживал за ней, словно какой-нибудь циркач».

Поскольку оба они пришли к одному и тому же выводу, что в Европе пожениться им никак не удастся, поскольку это выльется в очередное представление с участием прессы, Гюнтер предложил быстренько слетать в Лас-Вегас, где, как ему было известно, при желании можно пожениться в любое время дня и ночи и, главное, без всяких проволочек.

Ну а поскольку они были знакомы еще меньше месяца, Брижит заметила, что все действительно обойдется без проволочек, и дала согласие на Лас-Вегас. Беда заключалась в том, что в Лас-Вегасе у них не было никаких знакомых, и поэтому им не хотелось прилетать туда, имея при себе лишь одну надежду, что их уловка сработает.

Влюбленные сошлись на том, что им нужно разработать план. Брижит сказала, что попробует позвонить Пьеру Сэлинджеру. Гюнтер же был знаком с двумя сестрами Джона Кеннеди — Джин Смит и Пэт Лоуфорд — и через них знал Эдварда Кеннеди. Поэтому он позвонил Эдварду, и тот сказал, что будет счастлив взять на себя необходимые приготовления.

В качестве свадебного подарка Гюнтер заказал у Картье три одинаковых платиновых браслета, чтобы Брижит могла носить все три одновременно. Первый украшали 50 ярких красных рубинов, второй был усыпан 44 белыми бриллиантами. Третий сиял семью ослепительными голубыми сапфирами. Вместе они составляли трехцветный французский флаг.

Утром, в среду 13 июля 1966 года, когда Гюнтеру и Брижит до отъезда оставалось всего несколько часов, Закс выехал из своего дома на авеню Фош — кстати, его соседями по дому были князь Ренье и княгиня Грейс, — направляясь к Брижит на авеню Поль-Думер, чтобы кое-что для нее там оставить. Во избежание внимания со сто-

роны прессы они намеревались ехать в Орли каждый в своей машине.

Им действительно, в первую очередь, хотелось избежать внимания газетчиков.

По правде говоря, рассказывает Гюнтер, они оба ужасно боялись, что кто-нибудь разнюхает об их планах, и тогда свадьба обернется очередным представлением на потребу публике.

Переговорив с Брижит, Закс спустился вниз и уже было собрался сесть в машину, когда заметил рекламный листок какого-то журнала, с которого на него глядела Бардо. Она стояла рядом с пантерой. Закс уставился на картинку, и в этот момент кто-то укусил его за ногу.

Не зная, кто это — пантера или пресса, — Гюнтер от испуга подскочил метра на два. «Это оказалась какая-то маленькая собачонка, но в то утро нервы у меня явно сдавали».

Билеты на Лос-Анджелес были куплены на пятерых. Брижит и Закс пригласили вместе с собой Сержа Маркана, Жерара де Клери и приятеля Брижит, фотографа Филиппа Д'Эксеа. Слава богу, когда все пятеро встретились в Орли, там не оказалось никаких репортеров, но «Эр Франс» каким-то образом умудрилась напутать с их заказом.

«У нас были билеты первого класса из Орли до Лос-Анджелеса, — рассказывает Гюнтер, — но когда мы проходили регистрацию (для этого Закс и Бардо пользовались именами мадам Борда и месье Скар), представители авиакомпании заявили нам, что билетов в первый класс продано больше, чем мест и поэтому нам придется лететь туристическим рейсом».

Для них обоих это было явно в новинку. Гюнтер попытался было жаловаться, но бесполезно. Единственной компенсацией, какую на тот момент авиакомпания могла предоставить путешествующим знаменитостям, — это предложить им места

в первых рядах кресел туристического салона. «Вот увидите, сэр, вам там понравится, в конце концов, это сразу за первым классом».

Брижит и Заксу не оставалось иного выбора, как принять это предложение.

Они поднялись на борт «Боинга-707» и заняли места в туристическом классе. Спустя какое-то время их друзья решили, что будет забавно взглянуть, как Брижит с Гюнтером застряли в экономическом классе, и Филипп Д'Эксеа сделал несколько снимков.

Возвратившись в Париж после медового месяца, Гюнтер вернул билеты первого класса и потребовал компенсацию. Представители «Эр Франс» отказались, поскольку были уверены, что Брижит Бардо и Гюнтер Закс ни за что не согласились бы лететь туристическим классом. Тогда Гюнтер предоставил им все необходимые доказательства, однако авиакомпания все равно отказалась ему верить. Презрев правило, предписывающее не обострять отношений с клиентами, представители авиакомпании обвинили Гюнтера в том, что тот пытается вернуть деньги за использованный билет. Потребовался целый год, прежде чем деньги им наконец вернули, но для этого Гюнтеру пришлось послать в «Эр Франс» фотографии, сделанные Филиппом Д'Эксеа в салоне самолета.

Вдобавок ко всем несчастьям, кто-то из представителей «Эр Франс» предупредил журналистов, что Брижит и Гюнтер летят именно этим рейсом. Когда самолет приземлился в Лос-Анджелесе, у трапа их уже поджидали фоторепортеры.

Правда, наготове стояли и два миниатюрных самолетика «Лир». Тедди Кеннеди нанял их на имя Гюнтера, чтобы доставить гостей в Лас-Вегас.

Через тридцать пять минут компания уже была в Неваде. Там их встретил местный адвокат, знакомый Кеннеди, Билл Культар. Он отвез их в суд

округа Кларк, чтобы получить разрешение на брак, а оттуда — прямо к себе домой, где судья Джон Моубрей, облаченный в черную мантию, уже поджидал их для проведения брачной церемонии.

Судья — крупный темноволосый мужчина лет 45 — поинтересовался, кто будет свидетелями. Ну а поскольку никто в их компании не блистал знаниями английского, понадобилось несколько минут, чтобы решить этот вопрос. Когда судья наконец выяснил, что свидетелями выступят Маркан и Д'Эксеа, он показал им, где они должны встать. Культара и его супругу он поставил рядом с Ле Клери, затем Брижит и Гюнтеру велел стать к нему лицом и приступил к церемонии.

Неожиданно Гюнтер произнес:

— Прошу вас, остановитесь.

Все в недоумении уставились на него.

— Прошу вас, подождите еще минут двадцать.

Судья был явно сбит с толку.

— Но зачем?

— Прошу вас.

Гюнтер попросил Брижит, чтобы она показала ему свои часы. Стрелки показывали 11.40.

Брижит тотчас все поняла, и теперь они уже вместе умоляли судью подождать. Моубрей не возражал, так что все восемь человек простояли без дела целых двадцать минут.

Дело не только в том, что Гюнтеру непременно хотелось жениться 14 числа, потому что оно всегда приносило ему удачу. Вот его собственные слова: «Неожиданно мне в голову пришла мысль, что как было бы здорово сочетаться браком с женщиной — символом Франции в день взятия Бастилии».

Минут через восемь, после того как часы пробили полночь, Моубрей наконец объявил их мужем и женой. Гюнтер с Брижит поцеловали друг друга, а затем Брижит спросила у судьи, можно ли

ей его поцеловать. «Дважды, если вы не против», — ответил судья, и Брижит выполнила его пожелание. После чего судья заметил: «Ну и страна! Днем я приговорил к смерти убийцу, а вечером выдал замуж Брижит Бардо!»

Поскольку было уже поздно и все устали — ведь по парижскому времени уже наступило утро, — как только церемония закончилась, Гюнтер спросил у Культара, где можно расположиться на ночь. Адвокат и его супруга пришли в такой жуткий восторг при мысли, что Брижит Бардо проведет свою брачную ночь в их доме, что не раздумывая ответили согласием, и даже предоставили новобрачным свою спальню.

На следующее утро мистер и миссис Гюнтер Закс вместе с Марканом, Ле Клери и Д'Эксеа снова сели в реактивные самолетики «Лир» и улетели в Лос-Анджелес.

По словам Гюнтера, который согласился ответить на вопросы поджидавших их в аэропорту журналистов: «Мы решили пожениться две недели назад, а приехали сюда потому, что нам не терпелось поскорее скрепить наш союз. В Европе же это было невозможно сделать, не привлекая к себе внимания прессы».

Остановившись в отеле «Беверли-Хиллз», молодожены сняли бунгало №1. В тот же день Гюнтер распорядился накрыть столы на лужайке возле бассейна.

Пожелать молодоженам счастья на банкет заглянули представители кинобизнеса, среди них Джеймс Мейсон и Дэнни Кей.

Брижит уже до этого встречала Кея в Лондоне — он как-то раз приехал на съемочную площадку, когда там снималась лента «Бабетта идет на войну». Гюнтер же был с ним не знаком. Между прочим, на Гюнтера произвело огромное впечатление, когда кто-то сказал ему, что кухня в доме Кея по

размерам не уступит кухне отеля, а сам он отличный повар, специализирующийся на китайских блюдах. Так что, когда Кей пригласил Брижит, Гюнтера и их друзей к себе на обед, все с радостью приняли его приглашение. Вскоре Кей уже вовсю заливал, что лично привез их из Лас-Вегаса, устроил для них свадебный банкет, потому что де они его старые добрые друзья, и, не дожидаясь десерта, спровадил их наверх, чтобы они могли довести союз до логического завершения.

Весть об очередном замужестве Брижит произвела во Франции фурор, оттеснив на страницах газет даже репортаж о том, как Шарль де Голль принимал парад в день взятия Бастилии. Если верить слухам, генерал метал громы и молнии.

Для придания этой истории пущей важности, репортеры принялись рыскать по всему Парижу в поисках ее бывших возлюбленных. По свидетельствам репортеров, Саша Дистель отмолчался. Боб Загури якобы ответил: «Я понятия не имел, что она собирается замуж». Позднее журналисты несколько расширят это его заявление и примутся утверждать, будто он ждал ее в «Мадраге» — что не соответствует действительности, потому что Загури в это время был в Париже, — и даже припишут ему следующее высказывание: «Я думал, что она отправилась за покупками». Ничего подобного Загури не говорил.

Одна газета в Рио-де-Жанейро напоминала своим читателям, что в Бузиосе только и говорили о свадьбе. «Интересно, — задавалась вопросом газета, — каким пляжем отдает предпочтение господин Закс?»

Одна боннская газета воспользовалась этой возможностью, чтобы выступить с политическим заявлением. Предварительно подчеркнув, насколько богат Закс, «Генерал Анцайгер» продолжала: «Давно прошли те времена, когда французские знамени-

тости не желали иметь ничего общего с нами, ужасными немцами. Сила наших денег наконец смела эти последние барьеры».

Тем не менее, некоторых эта новость повергла в состояние шока. В открытом письме на имя Брижит, опубликованном в еженедельнике «*Vie Catholique Illustrée*» («Католическая жизнь в иллюстрациях»), один французский священник писал: «В Лас-Бегасе, чтобы снова выйти замуж, у вас ушло всего восемь минут. Вы теперь не принадлежите ни месье Вадиму, ни месье Шарье, ни месье Загури. Вы принадлежите месье Заксу. И если завтра на сцене появится кто-то другой, с кем вы не знакомы сегодня, вы снова выйдете замуж? Настанет ли черед месье Заксу произнести слова, якобы сказанные вашим последним приятелем, месье Загури, когда тот узнал о вашем недавнем замужестве, — что это не более чем шутка?»

Возражая против оброненной как-то раз Бардо фразы, что ее личная жизнь, кроме нее самой, никого не касается и что ей все равно, если кто-то оскорбится по этому поводу, священник заявил: «Нет. Брак — это достояние общества».

Святой отец пояснил, что его возмущает отнюдь не развод как таковой — он просто ставил под сомнение взгляды Брижит на брак и тот факт, что в жизни она руководствовалась философией, позволявшей ей, пожив с одним мужем, сбрасывать с себя за ненадобностью священные узы брака и переходить к другому. «Это не любовь, — писал он. — И отнюдь не доказательство зрелости личности. Это образ жизни, выставляемый напоказ перед теми, кто готов бездумно перенимать привычки своего идола».

Ответ Бардо прозвучал со свойственной ей язвительностью: «Как мне кажется, он предпочитает, чтобы у меня были одни лишь любовники».

На протяжении трех дней в бунгало №1 беспрерывно звонил телефон.

Поскольку Брижит имела привычку лично отвечать на все звонки, одному американскому журналисту удалось до нее дозвониться. Брижит подняла трубку, и когда репортер попросил пригласить ее к телефону, она сказала, что это она и есть, и репортер ужасно разозлился. Он отказывался поверить, что самая знаменитая кинозвезда первой поднимает трубку. Журналист огрызнулся: «Я знаю, что вы ее секретарь и она велела вам так отвечать, так что хватит валять дурака и соедините меня с нею».

Кристиан Барбье, репортер радиостанции «Европа-1» в Париже, дозвонившись до Брижит в пятницу вечером, не стал тратить время на выяснение, кто у телефона. С места в карьер он ошарашил Брижит вопросом, помнит ли она, что когда-то клялась больше не выходить замуж. «Только идиоты никогда не меняют своего мнения», — прозвучало в ответ.

«А кто заставил вас изменить свое?» — не унимался репортер.

«Гюнтер, — ответила Брижит. — Я изменила свое мнение, потому что у меня есть он. Когда я говорила, что больше не выйду замуж, я еще не знала о его существовании».

Затем трубку взял Закс и пояснил, что они специально не объявляли о своих намерениях до отлета из Европы, потому что хотели, чтобы им никто не мешал, чтобы это стало событием для них, а не для прессы.

Надо сказать, что Закс отнюдь не напускал тумана, когда его спрашивали, где они проведут медовый месяц. Они еще не решили для себя вплоть до самого утра того дня.

Сегодня Закс рассказывает: «Дело в том, что

нам не хотелось, чтобы наш медовый месяц оказался испорчен. И поэтому воздерживались от принятия каких-либо решений. Я полагал, что наш медовый месяц продлится недели три-четыре, и объяснил Брижит, что не скажу ей, куда мы с ней поедем, потому что так гораздо романтичнее».

А все дело в том, признается Закс, что он вплоть до самой пятницы понятия не имел, куда они поедут.

«Я подумывал о южных морях, или об Акапулько, или о том, а не отправиться ли нам просто в западном направлении и вернуться в Париж, совершив кругосветное путешествие. Но в пятницу я решил для себя, что это будет Таити, потому что знал, что эта идея ей наверняка понравится. Я купил для всей нашей компании билеты, и в субботу мы уже держали курс на Полинезию».

К несчастью, вопреки ожиданиям новобрачных, Таити оказался не таким уж райским местом.

К тому времени как компания приземлилась на далеком острове, их там уже поджидал «Пари-Матч», правда надо сказать, что большую часть времени молодоженам удавалось обгонять фотографов на пару шагов.

Кроме того, их также поджидало приглашение от владельца одного атолла. Не просто какого-то там заурядного атолла, а такого, который обычно фотографировали для всех энциклопедий.

К приглашению прилагалось фото с подробным пояснением, ну а поскольку ни Закс, ни Брижит еще ни разу не бывали на настоящем атолле, а тем более па таком, который удостоился места в энциклопедиях, они с готовностью приняли приглашение.

На атолл их доставили из Папеэте в личном самолете — уже сам тот факт, что ей пришлось добираться туда по воздуху, стал первым очком не

в пользу атоллов. И хотя хозяин оказал им самый радушный прием, Брижит через десять минут уже была по горло сыта экзотикой.

«Здесь тучи москитов». Брижит заявила Гюнтеру, что это место ей неприятно, и настояла на том, чтобы поскорее вернуться в Папеезе.

Они вернулись к себе в крохотный отельчик, стоявший на пляже, однако злоключения Брижит на этом не кончились — она наступила на какой-то коралл и сильно поранила ногу. По словам Сержа Маркана, одной из положительных сторон их пребывания на Таити было то, что Гюнтеру удавалось держать прессу на расстоянии.

«Во время их медового месяца нам каким-то чудом удавалось избегать фоторепортеров. Не будет преувеличением сказать, что, когда рядом с ней находился Гюнтер, она чувствовала себя как за каменной стеной. Они пользовались частным самолетом лишь для того, чтобы избегать толпы. Ведь всякий раз при виде столпотворения Брижит впадает в панику. Так что Гюнтер был вынужден ее защищать. Он всегда подыскивал такие места, где они могли легко укрыться от толпы поклонников и папарацци».

Друг и адвокат Гюнтера, Петер Нотц, прилетел погостить у них пару дней, и когда он уехал, новобрачные последовали его примеру. С Таити они вылетели в Мексику навестить друзей в Акапулько. Все это само по себе не так уж и плохо, если бы рана на ноге Брижит не открылась снова. На протяжении всего медового месяца Филипп Д'Эксеа состоял при них официальных фотографом, и Брижит с Гюнтером дали согласие на то, что он вправе распространять фотографии через свое агентство в Париже. Теперь же Д'Эксеа утверждает, что через несколько месяцев ему позволил Закс и запросил 50% дохода от публикации каждого фото.

И это не выдумки.

Филипп и Гюнтер расходятся во мнениях лишь относительно причин. По словам Д'Эксеа, Заксу потребовались деньги, но в это с трудом верится, поскольку последний был отнюдь не стеснен в средствах. Закс же утверждает, что сделал это ради Маркана, и тот разделяет эту точку зрения. Если верить им обоим, то сделка была заключена при условии, что Сержу — а он держал наготове дополнительную фотоаппаратуру — причиталась половина. Когда же снимки были проданы через агентство Д'Эксеа, то возникло недоразумение. Позднее Филипп утверждал, что, будучи автором фотоснимков, он имел полное право оставить гонорар целиком себе.

Гюнтер и Серж с тех пор не разговаривают с ним.

Когда же компания после медового месяца возвратилась в Париж, первое, что отметили про себя представители прессы, это то, что Брижит на своей машине отправилась к себе домой, а Закс на своей — к себе. По Парижу быстро распространился слух, будто друзья уже заключали между собой пари, как долго продлится этот союз.

Сегодня Д'Эксеа утверждает следующее: «Я знал, что на их браке уже можно поставить точку».

Закс, опять-таки, предлагает иную версию. По его словам, поскольку у них с Брижит в Орли осталось по автомобилю, это вполне естественно, что каждый поехал к себе домой. «Пока мы с ней были женаты и жили в Париже, днем она обычно бывала у себя, но практически все ночи проводила со мной».

Спустя годы Брижит жаловалась: «У меня не было ключа от его квартиры. К тому же это незнакомое и непривычное место, и оно меня немного пугало».

Дело, однако, в том, что ключ ей вовсе не был

нужен. Гюнтер держал прислугу, так что всегда было кому открыть дверь. Правда, Гюнтер готов признать, что их вкусы с Брижит отнюдь не совпадали. «У меня в квартире имелась библиотека, полки которой были уставлены книгами в кожаных переплетах. Они не предназначались для чтения, а просто для антуража, чтобы придавать дому красоту».

Стоит ли удивляться, что Брижит чувствовала себя здесь не в своей тарелке. Ее собственные книжные полки были, да и сейчас остаются, не выставкой, а тем местом, куда она ставит прочитанные книги. «Его библиотека, безусловно, смотрелась лучше моей, но те книги просто невозможно читать».

Его жилище выглядело намного строже, чем ее — гораздо утонченнее. Было видно, что здесь поработала рука профессионального декоратора — каждая вещь была тщательно подобрана и знала свое место.

«Просто это было не ее жилище, — соглашался Закс. — Она совершенно права в том, что касается библиотеки. Все здесь было не в ее вкусе, потому что в ней нет ни капли притворства».

Не успели супруги вернуться в Европу, как там уже поползли слухи, будто Закс женился на пари. Газеты облетела история о том — кстати, Брижит читала ее собственными глазами, — будто Закс поспорил на громадные деньги с Сержем Марканом, что сумеет на ней жениться.

Правда, в те дни, у Гюнтера в кармане лежало порядка 30 — 40 миллионов фунтов, в то время как Серж Маркан вряд ли мог наскрести и сорока франков.

«Скажите, — искренне вопрошал Закс, — как, по-вашему, я мог держать пари с Сержем Марканом. Не было никаких пари. Это все выдумки газетчиков».

Маркан тоже утверждает, что пари не было и в помине. «Вся эта история объясняется тем, что Гюнтер вознамерился во что бы то ни стало ее соблазнить, сделать из Брижит подружку, а вот удастся ли ему это — представлялось довольно сомнительным. Брижит обычно предпочитала хороших мальчиков, в то время как ему было уже за тридцать. Ситуация осложнялась вдобавок и тем, что у Брижит все еще сохранились отношения с Бобом Загури. Так что поначалу для Гюнтера это было чем-то вроде новой авантюры. Но вот пари никакого не было. Никто не делал никаких ставок, не выкладывал денег. Просто Гюнтер сказал самому себе, что ему это вполне по силам, если он вложит всю свою энергию, всю свою хитрость, весь свой опыт и, конечно, побольше денег. Дело в том, что, пока Гюнтер осуществлял свой план, он угодил в устроенную им же самим ловушку. Пока он ухаживал за Брижит, он сам не заметил, как влюбился. Это произошло молниеносно. Он действительно был сильно в нее влюблен».

Супружеская жизнь постепенно входила в размеренное русло, и Брижит вернулась к работе. Ее новая картина называлась «С радостным сердцем». Продюсером фильма был Кон, а его партнером — Боб Загури. Павильонные съемки происходили в Париже, натуру снимали в Лондоне и Шотландии.

Прибыв в субботу 3 сентября в Лондон, Брижит уже в понедельник должна была приступить к съемкам в Шотландии. Разумеется, там ее уже поджидали представители прессы, которые тотчас обрушили на нее целый залп вопросов, главным образом, относительно того, действительно ли ее третий брак дал серьезную трещину. Брижит огрызнулась: «Я приехал сюда работать, поэтому буду отвечать только на вопросы о моем фильме».

Однако репортерам меньше всего хотелось вес-

ти разговоры о кино. Ну а поскольку Брижит была в мини-юбке, какой-то репортер поинтересовался, считает ли она себя по-прежнему секс-символом.

Бардо дала ему отповедь: «Секс-символ — это не я». Ее настроение быстро пошло на спад. Брижит вышла из зала после пресс-конференции и вместе с Филиппом Д'Эксеа и своей гримершей на машине уехала за 317 миль на север, в Камбию, точнее в Карлайл. Кинокомпания зарезервировала для нее один двухместный номер и два одноместных в отеле «Корона и митра».

Когда Брижит и ее спутники прибыли на место — почти в полночь, и причем в ужасную грозу, — в вестибюле отеля было полно народа. Брижит уже поджидали фотографы и гости с местного свадебного торжества. Засверкали блицы. Брижит развернулась спиной и заявила, что пока все эти люди не разойдутся, ноги ее в отеле не будет. С решительным видом она вернулась в машину и укатила прочь.

Через полчаса приглашенные на свадьбу гости уже разошлись, однако фотографы продолжали околачиваться в холле. Расталкивая их на ходу, Брижит подошла к дежурному портю и заявила, что она и ее друзья голодны. В холл вышел помощник управляющего и принялся объяснять, что рабочий день на кухне окончен, однако он лично приготовит для нее салат из цыпленка.

Все трое поужинали, и когда трапеза была окончена, Брижит объявила, что блюдо ей понравилось. А если уж говорить начистоту, то и отель тоже. «Мы не собираемся здесь останавливаться», — заявила она помощнику управляющего. Тот попытался втолковать ей, что ему стоило немалых трудов приготовить для них салат. «Я уезжаю», — заявила Брижит и, поинтересовалась, где у них черный ход — она не хотела попадаться на глаза фотографам.

Помощник управляющего со свойственной англичанам невозмутимостью произнес: «Как вам будет угодно» — и вручил ей счет за номера и ужин.

Брижит заявила, что не заплатит и пенса. «Ваш отель и без того нажился на мне, устроив балаган по поводу моего приезда».

В ответ на это помощник управляющего объяснил, что не в их правилах строить бизнес на подобных принципах и потребовал заплатить по счету. Тогда это было чуть больше 15 фунтов, что на сегодня равнялось бы сумме в десять раз большей.

Брижит это явно начинало действовать на нервы. Она вынула четыре бумажки по пять фунтов и так и стояла с протянутой рукой, пока помощник управляющего терпеливо отсчитывал сдачу.

Не проронив ни слова, Брижит пулей вылетела через черный ход, села в машину и правила сама всю дорогу, пока не добралась в отель «Open Arms» в Дирлетоне, где для нее был зарезервирован номер на все время съемок. Приехала она туда уже засветло и сразу легла спать.

Какие бы чувства Брижит ни испытывала по отношению к прессе, к мужу или предстоящей работе, рано утром в понедельник все они были отброшены в сторону. Бардо приступила к съемкам. Ведь ей платили за то, что она — Брижит Бардо, и уж она-то отлично знала, как превзойти всех и вся. Она так хорошо изучила свой экранный образ, что не допускала даже малейшего вмешательства со стороны кого бы то ни было.

Операторский сценарий фильма «С радостным сердцем» предполагал крупный план Брижит, когда она бежит по пляжу. Когда дело дошло до этого эпизода, режиссер, Серж Бургиньон, решил, что незачем беспокоить Брижит, поскольку можно воспользоваться дублершей.

Когда же Брижит днем просмотрела отснятый

материал, она пришла в ужас. «Но это же не мои ноги. Да вам любой скажет, что это не мои ноги. Вы не можете оставить эти кадры», — возмущалась она.

Разумеется, все сводилось к тому, что ноги Брижит, как и все остальное в ней, были само совершенство, чего не скажешь о ногах дублерши. Для Брижит не играл ровно никакой роли тот факт, что никто на свете не взялся бы отличить эти ноги от ее собственных, тем более, что кадр был размытым. Брижит же видела разницу. Только ей одной известно, кто она такая и как ее образ воспроизводится на экране.

Из Шотландии съемочная группа перекочевала на юг, в Лондон, и настроение Брижит заметно улучшилось.

Они остановились в отеле «Уэстбери», и как-то вечером Брижит заметила, что Филипп Д'Эксеа собрался на свидание. Когда он ушел, Брижит опустила его номер. Она вынесла оттуда все, что там было из мебели, и все его вещи, оставив лишь то, что было приколочено к полу или стенам. Когда Д'Эксеа уже за полночь вернулся с подружкой к себе в номер, он обнаружил лишь голые стены, а в соседнем — Брижит в состоянии истерики.

(Эта история повторилась, правда в несколько ином виде, спустя несколько лет. Тогда у Брижит была назначена встреча с Джоном Ленноном, но тот поставил условие, что прежде чем он к ней придет, она должна вынести из своего люкса в отеле «Мейфэр» всю мебель. Брижит исполнила это его пожелание, оставив пустую гостиную свечами. Правда, ей самой это показалось немного странноватым, а вот Леннон не усмотрел в этом ничего из ряда вон выходящего. Кстати, есть основания думать, что Леннон был от Брижит без ума — в какой-то период своей жизни он заводил

себе подружек, похожих на Брижит Бардо, а однажды даже надеялся сделать фильм с ее участием. Эта идея заинтересовала остальных «Битлз» и Брижит тоже. Брижит даже ездила в Лондон на встречу с Ричардом Лестером — режиссером картин «Ночь после трудного дня» и «На помощь!» — однако в конечном итоге из этой затеи ничего не вышло.)

Теперь же, во время съемок «Радостного сердца», Брижит снова пребывала в игривом настроении, на этот раз это был молодой актер по имени Майк Сарн.

До кино он пытался делать карьеру как попевец. Сарн был симпатичным парнем и мог привлечь внимание Брижит. По его словам, они оба, поняв, к чему идет, приехали к нему домой в Западный Лондон и уединились там на несколько дней, тем самым сорвав график съемок. Как только съемки завершились, Брижит вернулась к себе в Париж и — пожимает плечами Сарн — этим дело и кончилось.

«Она обожает то, что называется *coup de foude*, — говорит Сарн. — Этот режущий ухо перезвон колоколов, этот рев сирен, когда мужчина и женщина находят друг друга. Она всю свою жизнь искала тот электрический заряд, который оживил Франкенштейна».

И хотя Гюнтер приезжал к ней в Шотландию, в Лондоне его не было. Можно сказать, он совершил роковую ошибку, предоставив ее самой себе. Брижит тогда призналась участникам съемок: «Обо мне надо постоянно заботиться, постоянно меня опекать».

Женщина, о которой проявлял заботу Майк Сарн, произвела на него впечатление большой притворщицы: она строила из себя хиппи, хотя в действительности таковой не являлась.

«В глубине души она была трезвой, расчетливой, до мозга костей буржуазной барышней, весьма практичной и полной здравого смысла. Просто ей не было позволено оставаться самой собой. Внутри кинозвезды вечно сидит кто-то еще».

Главное для Брижит, по мнению Сарна, — это потребность любви.

«Этим она и занималась. Она влюблялась на пару лет, или на пару дней, или на пару недель. Все ее романы так или иначе имели отношение к любви, она влюблялась и надеялась сохранить влюбленность. И если она влюблялась в вас, значит, вам чертовски повезло. По крайней мере, на какое-то время. Быть с ней означало, что вся ваша жизнь должна вращаться вокруг нее. Брижит была богата, знаменита, красива, но она делала лишь то, чего ей хотелось. И пока окружающие были согласны с тем, что Бардо — это икона, с ней было не соскучиться, она заряжала всех своим весельем. Без этого она начинала хандрить».

Вскоре их отношения стали для Сарна просто невыносимы, ведь Брижит создавала вокруг себя некое всеобщее помешательство. «Там вечно окочалчивалось несколько десятков человек, которые делали несколько разных дел. Телефон трезвонил без умолку. Это был настоящий цирк. И дело не в том, что она постоянно требовала к себе внимания. Это само собой разумеется. Ей не надо было никого принуждать. Ни один мужчина не мог противостоять ей. Кстати, это тоже само собой разумеется. Она знала, что прекрасна, даже если временами пыталась утверждать обратное — потому что ей то и дело твердили, что она хороша собой. Она была порывистой и страстной. И когда вы оказывались в ее обществе, вам тотчас становилось понятно, как бледно смотрятся все те, кто пытается ей подражать».

«Когда ей того хочется, когда она в настроении, она умеет быть восхитительной, — Гюнтер не кривит душой. — А еще она наделена тонким умом. Вероятно, это наименее известное из ее достоинств. Она умело выражает себя и пишет удивительные письма. Друзьям известно, что она обожает исправлять в их письмах орфографические и грамматические ошибки. Люди редко осознают, насколько она умна. Не все понимали, что она просто ненавидит сниматься в кино».

Когда Закс говорит, что Брижит ненавидела кино, именно это он и имеет в виду.

«Каждый понедельник в газетах объявляют, сколько зрителей собрал тот или иной фильм во французских кинотеатрах. Это что-то вроде рейтинга бестселлеров. И все, кто имеет отношение к кино, всегда проверяют, что сообщат газеты в понедельник, чтобы узнать, какие сборы приносит каждая картина. Все, но только не Брижит. Ей это безразлично. Я ни разу не видел, чтобы она в понедельник открыла газету и поинтересовалась, как там идут дела. Ей просто нет до этого никакого дела».

Даже тогда, добавляет Гюнтер, когда ей не помешало бы проявить хоть толику интереса ради собственной же карьеры.

Однажды продюсер Джозеф Лози приехал обсудить с Брижит один новый проект. Дверь открыл Гюнтер. Просидев с Лози какое-то время вдвоем, он начал удивляться, куда подевалась Брижит.

Извинившись, он прошел в дальние комнаты и обнаружил ее в обществе Гуапы, одного из своих псов, которому, судя по всему, нездоровилось. Брижит пообещала, что буквально через пару минут выйдет к гостю. Закс и Лози мило побеседовали еще какое-то время, после чего Гюнтер извинился

снова и пошел напомнить Брижит, что ее ждет гость. На этот раз Брижит заявила ему, что должна отвезти собаку к ветеринару, а Гюнтер пусть объяснит Лози, что тому придется подождать еще.

И снова Гюнтер заверил Лози, что Брижит будет с минуты на минуту. Продав без толку битых три часа, Лози решил, что с него хватит, и уехал.

Гюнтер пожимает плечами. «У нее на первом месте всегда были какие-то свои дела. А уж животные наверняка шли впереди продюсеров».

Надо сказать, что политики также мало ее интересовали. Однажды Брижит удостоилась приглашения от президента Франции и мадам де Голль присутствовать на обеде в Елисейском дворце.

«До этого он приглашал ее раза четыре, если не пять, но она ни разу не воспользовалась его приглашением. Когда ей принесли очередное приглашение, она была ужасно горда — ей ни разу не доводилось бывать в Елисейском дворце. Брижит поставила приглашение на туалетный столик, чтобы оно было на виду. Конечно же, мы его приняли. Но по мере того как назначенная дата приближалась, Брижит заявила мне, что ей не хочется ехать. В последний момент я пытался ее переубедить. Она надела брючный костюм с золотой вышивкой на груди, который ужасно смахивал на униформу. Впервые за всю историю женщина вечером явилась в Елисейский дворец в брюках. Она очень походила на солдата».

Вполне в духе своего наряда, вместо того, чтобы обратиться к де Голлю «господин президент», когда их представили друг другу, Брижит произнесла «Bon soir, mon Jénéral» (Добрый вечер, мой генерал».)

Де Голль, окинув ее взглядом с головы до ног, ответил: «Лучше не скажешь».

Гюнтер вспоминает, что вечер получился довольно забавным. Как только все гости были в сборе, президент обошел зал и перекинулся парой слов с каждым из приглашенных. Подойдя к скульптору Сезару, он пожал ему руку и воскликнул: «Я хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали для французской медицины».

Когда же де Голь подошел к Заксу, зная, что тот по национальности немец, он сказал: «Мы рады видеть вас здесь», — после чего последовала долгая пауза. Наконец де Голль добавил: «Vraiment — «действительно»».

Позднее Гюнтер беседовал с французским министром культуры Андре Мальро об искусстве вообще, и в частности, о творчестве французского художника, мастера натюрморта, Жака Фотрие, — поклонниками которого они оба являлись. Мальро обмолвился, что в его кабинете висит картина кисти Фотрие. Но беда в том, что Фортие имел привычку накладывать краску на холст чересчур толстым слоем — а ведь картина требует к себе осторожного обращения, — и Мальро, по его словам, приходя на работу в понедельник утром, находил на своем столе крошечные кусочки краски.

Брижит, которую мало интересовало современное искусство, обернулась к Мальро. «Как забавно. А вы возьмите маленькую коробочку и собирайте в нее эти ваши маленькие кусочки краски, и вскоре у вас будет полная коробка культуры!»

ПОРА ПОДВЕСТИ ЧЕРТУ

Признавалась она себе в том или нет, но карьера Брижит потихоньку пошла под уклон. Критики не оставили от фильма «С радостным сердцем» камня на камне.

Ее следующей работой стала лента Луи Маля с участием Алена Делона. Это была короткая новелла — часть трилогии по мотивам рассказов Эдгара Аллана По, под общим заглавием «Невероятные истории». Режиссерами двух других частей картины были Роже Вадим и Федерико Феллини.

Правда, это мало помогло.

Затем состоялись съемки «Шалако», — и Брижит впервые в жизни оказалась на экране вместе с Шоном Коннери. За много лет до этого ей предлагали роль в одном из фильмов про Джеймса Бонда, но тогда Брижит отклонила это приглашение. Теперь же для участия в новом проекте Брижит с Гюнтером оправились на встречу с Коннери в Довилль. Партнеры по фильму понравились друг другу, и все надеялись на лучшее.

К сожалению, мечте не суждено было сбыться. «Если бы мне на протяжении всей моей карьеры предлагали бы лучшие сценарии, — объяснила Брижит в одном из интервью спустя десять лет после свершившегося факта, — возможно, я бы не наделала столько ошибок. Но мне просто неинтересно об этом говорить, потому что о них и без того всем известно. В «Шалако» мне хотелось испытать удачу, и я попробовала говорить по-английски. Во всяком случае я сделала попытку. Можно сказать, что, по крайней мере, я выучила английский. А язык в жизни всегда пригодится».

Великий французский актер Жан Габен когда-то говорил, что для того, чтобы сделать фильм,

необходимо три вещи: отличный сценарий, отличный сценарий и отличный сценарий. «Шалако» был тому наглядным доказательством.

Реклама картины выглядела следующим образом: «ББ + 007 = TNT». Но критики были куда безжалостнее. Один из них составил собственную формулу: «ББ + 007 = 0».

«Я думаю, что мне сильно везло, — бывало, хвасталась Брижит. — Невероятно везло. Я отказалась от нескольких потрясающих проектов и бралась за другие, откровенно идиотские. Я часто совершала ошибки, причем только потому, что мне понравился человек, который привез мне сценарий, или же мне понравилась какая-то тема. К счастью, сделав одну за другой несколько халтур, я всегда успевала наверстать упущенное».

Теперь же удача начинала изменять ей. В Англии некоторые критики разнесли «Радостное сердце» в пух и прах, заявив, что эта лента даже хуже «Шалако», а французская газета «Л'Орор» подвела итог: «Англичане разделались с ней».

Брижит, которую и вначале обычно мало заботило, что о ней скажут критики, а теперь ей и вовсе было безразлично, в ответ произнесла следующее: «Что ж, для мертвой женщины я еще в очень даже неплохой форме».

Летом 1968 года Брижит снялась в картине под названием «Женщины». Режиссером был Жан Орель — то самый, которого она восемь лет назад выставила со съемочной площадки, работая над лентой «Отпустив поводья». Кстати, в съемках также принимал участие молодой актер по имени Патрик Жиль. Вскоре Брижит посетила его в «Мадраге».

Все говорило за то, что ее отношения с Гюнтером Заксом безнадежно испорчены. И хотя сегодня Брижит уверяет, будто крушение ее треть-

его брака воспринималась ею как катастрофа, по мнению многих, подобный конец был вполне предсказуем. Среди тех, кто так думает, и Роже Вадим. Он вспоминает, как за год до этого приехал к ней в Рим, где Брижит и Гюнтер временно занимали дом Джинны Лоллобриджиды. Вадим застал ее сидящей в полном одиночестве в гостиной, и притом в слезах.

По словам Вадима, он услышал от нее следующее: «У меня есть камердинер, три горничных, четыре садовника, две герцогини, бывший король Греции или Испании — я точно не помню какой, — второй из главарей мафии в Неваде, друзья вроде Сержа Маркана, принца Савойского, Пола Ньюмана, Висконти, Авы Гарднер и мужа, который исполняет все мои капризы. А мне тоскливо. Мне так тоскливо, как никогда еще не было».

Брижит пожаловалась Вадиму, что ей до смерти надоело вечно переезжать с места на место. Она поведала своему Вава, что с Гюнтером они только и делают, что куда-то едут, а вечером еще ни разу не остались дома. Что еще хуже, Брижит больше была не в силах выносить постоянное присутствие посторонних людей. «Мы ни минуты не бываем одни».

Позднее она еще будет жаловаться на то, как провела медовый месяц. «Я думала, что мы будем только вдвоем. А вместо этого он захватил с собой еще десяток приятелей».

Оглядываясь на прожитые годы, Гюнтер считает, что не будет преувеличением сказать, что он открыл для нее другую сторону жизни. «Мне бы хотелось думать, что то была красивая жизнь. Я стремился вырвать Брижит из ее обычного окружения».

Какое-то время Брижит действительно была в восторге от гюнтеровского «ковра-самолета».

Когда он из вертолета осыпал розами «Мад-

раг» или же распевал для нее серенады, Брижит твердила: «Как он меня любит. Как он меня любит». Но уже через два года она говорила людям, что, в первую очередь, Гюнтера волнует то, какое впечатление он производит.

«Все это время он был озабочен исключительно тем, как бы ему пустить побольше пыли в глаза шаху Ирана или важным швейцарским банкирам».

Сегодня он не может слышать подобные заявления без смеха: «особенно, если учесть, что я встречался с шахом всего пару раз, и, если не ошибаюсь, второй раз она была со мной в Сен-Морице. Когда она сердится, от нее можно услышать что угодно, в хорошем же настроении она заявит нечто совершенно противоположное. Что же касается швейцарских банкиров, вы можете мне не верить, это ваше право, но уверяю вас, уж если я кого не выношу, то это банкиров, и сделал все, чтобы ни разу в жизни не встретиться ни с одним из Швейцарии».

По собственному признанию Закса, Вадим предупредил его, что жизнь с Брижит — отнюдь не сахар. Закс со всей откровенностью готов признать, что брак с ней — это самые бурные три года в его жизни.

«Никому не пожелал бы быть ее мужем. Невозможно предугадать, какой фортель она выкинет через десять минут. Да ей самой это неизвестно. Ее настроение меняется каждую минуту. Никогда не знаешь, чего от нее ждать. То она на седьмом небе от счастья, а уже через пару секунд ей белый свет не мил. Мне порой начинало казаться, что она того и гляди свихнется. Под конец я не мог избавиться от чувства, будто в воздухе постоянно витает угроза нервного срыва или даже самоубийства. Такое впечатление, будто у нее вот-вот сдадут нервы».

Закс повторяет, что испытывал к Брижит глу-

бокое чувство и что их совместная жизнь в самом начале была полна романтики. «Наш брак омрачало лишь одно обстоятельство — ее расшатанные нервы. Нас с ней приглашали к обеду, и она говорила: «Как здорово», но уже через полчаса она впадала в панику и отказывалась выйти из дома. Или же ей хотелось пойти, но она не могла себя заставить. И дело не в том, что это якобы были типичные для кинозвезды капризы. Просто ее никуда не годные нервы брали над ней верх. Такое не каждый выдержит. Допустим, вы ложитесь спать и все прекрасно, а наутро, проснувшись, она почему-то дуется на вас. Знаете, всему есть предел».

В конце концов, они оба решили, что с них достаточно.

«Что касается меня, — рассуждает Брижит, — то в моем представлении удачный брак, то есть такой, когда людям удастся избежать почти что неизбежного однообразия супружеской жизни, бывает при условии, когда два человека целиком и полностью отдадут себя друг другу. Однако наша с Гюнтером совместная жизнь вряд ли отвечает этому идеалу. Его жизнь построена на компромиссах, и он не способен расстаться с прошлым. Он пытается втянуть меня в светскую жизнь, которую я ненавижу и неизменно всеми силами старалась избегать. У нас противоположные вкусы. Он обожает все шикарное и громкое, он обожает, когда его снимают, когда о нем говорят и пишут. Когда он делает мне подарок, то это непременно должно быть нечто грандиозное, в то время как я бы предпочла обыкновенный брелок для ключей, лишь бы он только был выбран с любовью».

11 декабря 1968 года, накануне отъезда в Лондон на премьеру «Шалако», Брижит объявила: «С замужеством покончено. Я хочу жить своей жизнью,

и того же хочет мой муж. При желании он может подать на развод».

Что он и сделал. 7 октября 1969 года в Филинжуре суд округа Альбула, кантона Грison в Швейцарии, признал брак Бардо и Закса расторгнутым.

Однако судьба еще не раз сведет их вместе.

«Нет ни малейшего сомнения в том, что Гюнтер был слишком к ней привязан и окружил ее теплом и заботой, — говорит Боб Загури, человек, от которого Брижит ушла к Заксу. — Даже когда их брак оказался не столь удачным, как они оба надеялись, он все равно еще несколько лет оставался с ней».

В некотором смысле Загури поступил точно так же. Телешоу, которое они сделали вместе с Брижит, позволило ей — с песнями и танцами — войти в дома миллионов французов, появившись на малом экране, но сохранив при этом все очарование большого экрана. Она была забавна, она была счастлива, ей было весело.

В качестве ее музыкального режиссера был приглашен один из лучших музыкантов Европы — Клод Боллинг.

По словам Боллинга, Брижит пела всю свою жизнь, однако пение ее было любительским, ему не доставало профессионального мастерства. И хотя оно вполне могло сойти в компании друзей, расположившихся вокруг пианино, Боллинг без обиняков заявил Брижит, что такое вряд ли простиительно тому, кто стоит перед большим оркестром на экране общенационального телевидения. Он убедил ее, что она не имеет права выйти вместе с оркестром и запеть как кинозвезда. Он заставил ее петь как настоящую певицу.

«Клод подтолкнул ее, — поясняет жена Боллинга, Ирен. Между прочим, это та самая женщина, что помогла познакомить Брижит с Дистелем.

— Кстати, это оказалось не таким уж легким делом, ведь она привыкла получать комплименты от своих прихлебателей. Они прожужжали ей уши своими комплиментами. Брижит склонна остерегаться людей, которые утверждают, будто им от нее ничего не нужно; что же касается прихлебателей, то они не внушали ей особых подозрений. Клод заявил ей, что если она серьезно надумала петь, то ей придется как следует над собой поработать».

Она прислушалась к его совету и вскоре вошла во вкус.

«Пока ей это не наскучило, — продолжает Ирен Боллинг, — все шло просто прекрасно. Но у нее всегда так бывало. Когда-то мы с ней играли в шарады и карты. Нельзя сказать, что Брижит была заядлой картежницей, но довольно неплохо играли в покер. Прежде чем делать ставки, она поднималась из-за стола и обходила комнату, поглядывая на других играющих. Тем самым она пыталась снять напряжение у каждого из них. Вы мне не поверите, но иногда, в течение нескольких дней, ее просто не узнать, такая душка. С ней не соскучиться. А затем, глядишь, ей снова попала шлея под хвост. Брижит может вбить себе в голову, что всем от нее что-то нужно, или же ей просто становится скучно, и тогда она, ничего не говоря, возьмет и уйдет».

Надо отдать должное Клоду Боллингу — Брижит работала с лучшими музыкантами, для нее делались лучшие аранжировки, на нее работали лучшие композиторы-песенники. Ее новогодние телепрограммы в конце шестидесятых были в числе наиболее популярных.

Какое-то время Брижит на вполне законных основаниях могла считаться французской поп-звездой.

«Если не ошибаюсь, мы познакомились с ней

где-то в конце пятидесятых, — вспоминает владелец крупной французской фирмы грамзаписи Эдди Барклай. — Она немного брэнчала на гитаре, правда кого этим удивишь, но совсем не знала нот. В ее планы явно не входило стать кинозвездой. Но ей нравилось петь, и у нее был своеобразный голос, — что-то от девушки и что-то от сирены. Она не столько пела, сколько рассказывала песню. Сказать по правде, голосок у нее довольно слабенький. Но бог наградил ее редким умением донести песню до слушателя, да и вообще, она со всей серьезностью отнеслась к эстрадной карьере».

Когда Барклай подписал с ней контракт на несколько новых песен, у Брижит уже имелся опыт работы в студии.

«Обычно, — рассказывает он, — техников, работающих в студии, ничем не удивишь. Чего только они не насмотрелись. Кого они только ни видели. Но когда я первый раз привел в студию Брижит, видели бы вы, как они засуетились. Признаться честно, я даже не ожидал, что они способны на такое. Когда Бардо вошла в студию, они оробели, как малые дети. Просто невероятно, как повлияло на них ее присутствие. Да, собственно говоря, не только на них. С ней нельзя было находиться в одной комнате, и не ощутить при этом какого-то непонятного чувства».

В какой-то момент Барклай предложил ей создать совместную студию грамзаписи. Ему хотелось назвать это их детище «Барклай — Бардо» или просто «Б. — Б.», и Брижит с радостью ухватилась за эту затею. Они начали вместе проводить обеденные перерывы, затем начали вместе ужинать, а кое-кто утверждает, будто дело закончилось тем, что и завтракать они тоже вскоре начали вместе. Барклай намекает, что у них был роман, но мы позволим себе в этом усомниться.

Разумеется, они были друзьями, и Барклай не

скрывает того, что Брижит вскружила ему голову и он страстно мечтал на ней жениться. Однако Брижит не проявила ровно никакого интереса к идее стать еще одной мадам Барклай.

На сегодняшний день таковых было восемь. А вот идея фирменной наклейки ББ показалась ей более заманчивой. Правда дальше слов дело не пошло. Барклай надеялся, что Брижит подыщет исполнителей по своему вкусу и сумеет убедить их сотрудничать с ББ, а сам он тем временем занялся бы записью и сбытом продукции. Увы, им так и не удалось сработаться, и придуманный ими фирменный знак так и не нашел себе применения. Брижит постоянно находилась в разъездах и, судя по всему, не желала особо утруждать себя, а ведь такой бизнес, как грамзапись, требует постоянного внимания.

Барклай говорит, что Брижит от природы умна. Она — великолепное животное, которому выпало счастье жить, руководствуясь инстинктом. Ее отношения с другими людьми очерчены предельно четко. Некоторым приходилось довольствоваться одной ночью. Другие, предполагалось, войдут в ее жизнь навсегда.

Как и многие из ее старых друзей, Барклай не видел Брижит уже много лет.

«Так уж повелось в последние годы. Звонишь ей, а в ответ говорят, что мадам нет дома. Перезваниваешь попозже и снова слышишь в ответ, что мадам нет дома, и тогда пропадает желание звонить. Она отгородилась от всех своих старых друзей, причем самым бессердечным образом. Можно сказать, хлопнула дверью прямо перед носом. В старые времена она обожала вечеринки. Сегодня ей неизвестно слово «гостеприимство». Она боится, что другие просто желают воспользоваться ею в своих интересах. И этот страх вполне обос-

нован. Ведь Брижит в отношении многих вещей была крайне наивна. А сегодня она в некотором роде ловит какой-то свой странный кайф, распрошавшись со всем на свете. Чтобы защититься, она возвела вокруг себя непробиваемые стены. И это пугает ее друзей».

В студии Баркляя Брижит записала свой самый знаменитый хит «*Tu Veux? Ou Tu Veux Pas?*» («Так тебе хочется или нет?»). Во Франции в магазинах грамзаписи и сегодня можно приобрести компакт-диски или кассеты с видеоклипами, если вы желаете насладиться такими ее шлягерами, как «Харли Дэвидсон», «Все без ума от моей малышки», «*L'Appareil à Sous*», «Комикс», послушать французскую версию песни «Ты — свет моей жизни», которую она исполнила вместе с Сашей Дистелем, или же знаменитую «*Je t 'Aime, Moi Non Plus*».

Пожалуй, то был самый известный диско-хит шестидесятых — во Франции он считался «медленной песней», и под нее не принято было танцевать, с кем попало, — а написал его для Брижит несравненный Серж Гейнсбург.

Родился он в 1928 году в семье эмигрантов из России, и по-настоящему его звали Люсьен Гинсбург. В картине Брижит 1959 года «Хотите танцевать со мной?» его можно увидеть в одном крошечном эпизоде. Однако вклад Гейнсбурга в культуру Франции второй половины двадцатого столетия намного превзошел его весьма скромные актерские таланты. Ведь Гейнсбург по праву считался одним из самых знаменитых французских композиторов и поэтов-песенников.

Надо сказать, что за пределами франко говорящего мира он известен довольно мало — этот вечно дымящий сигаретой, небритый, издерганный выпивоха. Комичный, едва ли не жалкий с

виду человек, которому доставляло огромное удовольствие шокировать окружающих.

У Гейнсбурга имелся «роллс-ройс», но не было водительских прав, отчего этот роскошный автомобиль так и простоял в гараже. Время от времени хозяин вспоминал о нем, садился на переднее сиденье, закуривал сигарету и размышлял над тем, как, однако, забавно использовать автомобиль вместо пепельницы.

На публике никто не взял бы на себя смелость утверждать, что он выкинет в следующий момент или же, что еще хуже, какую очередную гадость он ляпнет. Как-то раз в телевизионной программе Гейнсбург ни с того, ни с сего вытащил из кармана пятисотенную купюру и, демонстрируя свое пренебрежение к деньгам, прилюдно ее сжег. В другой раз, когда его попросили исполнить «Марсельезу», он спел ее в стиле «реггей». Однако это не идет ни в какое сравнение с тем, что он отмолил, когда его познакомили с Уитни Хьюстон. После того как их представили друг другу в одном телевизионном шоу, Гейнсбург, обернувшись к ведущему, сказал, что она просто бесподобна, а затем, повернувшись к ней, на безупречном английском, заявил: «А я бы тебя трахнул».

И в этом весь Гейнсбург.

Его непревзойденный гений со всей полнотой проявляется в его музыке, в этом удивительном сочетании мелодии и виртуозного владения французским — самые простые признания в любви и страсти рождаются у него в оболочке будоражащей душу двусмысленности. Уже одно это закрепило за ним прочное место в современной французской культуре уже при жизни, а его поэзия изучается в школе наряду с творениями Бодлера.

В 1960 году Брижит записала его песню «Жевательная резинка», а в 1967 году хитом в ее исполнении стала «Бонни и Клайд». Брижит попро-

сила Гейнсбура написать для нее песню о любви — «Самую красивую песню, какую только вы можете себе представить»; так появилась на свет «Je t'Aime, Moi Non Plus».

В более-менее точном и дословном переводе ее можно назвать «Люблю тебя больше, чем себя». Звучала она четыре минуты и 20 секунд и представляла собой очень медленную, бередящую душу мелодию, сопровождающуюся непрерывными стонами и всхлипываниями. Записана она была ближе к ночи в один из январских вечеров 1968 года, причем в студии присутствовало всего несколько человек.

Кто-то пустил слухок, что Бардо с Гейнсбуром записали не что иное, как собственное траханье, что, разумеется, возмутило их обоих. Между ними ничего не было. И тем не менее, голос Брижит будоражил неприкрытой сексуальностью, что в фирме грамзаписи — которая планировала выпустить пластинку летом того же года — раздались осторожные голоса, предлагающие снабдить конверт предупреждающей надписью: «Не продавать несовершеннолетним».

Услышав эту песню, Гюнтер Закс отказывался поверить, что Брижит дала согласие выпустить нечто подобное. «Все было ясно как божий день, — вспоминает сегодня Гюнтер. — Мы с Сержем Марканом пришли в ужас, а такое случается не часто!»

Брижит рассказала Гейнсбуру о реакции Гюнтера, и Гейнсбур запер кассету с записью в сейфе, заявив, что там она останется навсегда.

Вскоре после этого, когда у Гейнсбура был роман с английской актрисой Джейн Биркин — один из самых нашумевших в истории современной — Франции, маэстро перезаписал песню с нею. Именно эта версия распалая танцующих в дискотеках всего мира.

Правда, надо отдать должное, Гейнсбур тер-

зался сомнениями относительно того, не обидел ли он Брижит этим своим шагом. Но затем, когда Гейнсбур признался Джейн, для кого была написана эта песня, та тоже приняла это близко к сердцу.

Гейнсбур якобы как-то раз признался Биркин: «Кто бы мог подумать, что с такой рожей, как у меня, я перетрахал всех самых красивых баб во Франции».

Среди его побед, если верить Биркин, и Брижит.

«У них был небольшой роман в шестидесятые годы. Так, ничего серьезного и на короткое время, но когда все было кончено, Серж сильно переживал. Она ему нравилась. Он рассказывал мне, что Брижит легко напугать, и это сильно его забавляло. А еще, по его рассказам, она, что бы там о ней ни говорили, вовсе никакая не извращенка».

Опять-таки, если верить Биркин, Серж и Брижит были сильно привязаны друг к другу.

«Спустя много лет, когда Серж уже находился при смерти, Брижит однажды позвонила ему, причем звонок был совершенно неожиданным. Они поговорили по телефону. И на протяжении последних нескольких месяцев они звонили друг другу и вели телефонные беседы. Но она ни разу не приехала к нему, хотя иногда, когда бывала в Париже, их разделяла всего пара кварталов. Но они продолжали свои разговоры, и это значило для Сержа все на свете. Он испытывал одиночество, и ее звонки, как мне кажется, помогли заново понять, что такое настоящая дружба».

Брижит потребовалось еще три года, прежде чем она наконец подвела черту под своей карьерой в кино.

«В тот день, когда я перестану быть на экране Бардо, — твердила она вот уже несколько лет подряд. — Я соберу вещи, и столько вы меня и видели».

Ее интерес к кино уже давно сошел на нет. Бардо до смерти устала вечно защищать себя — от нападок прессы, от нахальных поклонников, от людей, которых она и в глаза не видела.

Как однажды сама она выразилась: «Люди часто видели меня не такой, какой я являюсь на самом деле. Например, они находят в моих фильмах то, чего там отродясь не было. Меня критикуют за то, что я подаю дурной пример молодежи: «Бардо аморальна» или же «у Бардо отсутствуют принципы». Но люди говорят не только о моих фильмах, но и о том, как я предпочитаю жить. И все равно, мне кажется, я честнее и откровеннее, чем многие из них. Конечно, я могла бы прожить мою жизнь так, как того хочется другим. Но, по-моему, все мы должны жить так, как считаем нужным, не брать в голову, что скажут посторонние люди. Это моя жизнь. И этим все сказано».

По словам Брижит, это единственное, чего ей всегда хотелось. Но кинобизнес неизменно пытался диктовать ей свои правила.

«Кино — это мир абсурда. Я решила прожить свою жизнь, как того хочется мне, а не кому-то еще. Когда я снимаюсь, все идет прекрасно. Когда же у меня возникнет передышка и я начинаю задумываться обо всем этом, то прихожу в ужас, какой чудовищный миф сотворили вокруг моего имени. Я не какая-то там пустышка или неблагодарная личность. Я отдаю себе отчет в том, что происходит вокруг меня. Мне хотелось бы сохранить душевное равновесие и не дать другим испортить мою жизнь. Это нелегко. Потому что жизнь кинозвезды Брижит Бардо и жизнь Брижит Бардо, обыкновенной парижанки, как тысячи других, совершенно разные вещи».

В картине «Медведь и кукла» Брижит работала вместе со своим молодым возлюбленным Патриком Жилем и парнем по имени Ксавье Желен.

Это бы тот самый Ксавье Желен, только теперь уже взрослый, за которым Вадим был оставлен присматривать в тот день, когда ему на глаза попала обложка журнала «Эль» с фотографией Брижит.

За этим последовали «Послушницы», где кое-какие эпизоды были явно высосаны из пальца — например, с трудом верится, что у монахинь хватило бы духу появиться на пляже в бикини.

Затем был «Ромовый бульвар», где партнером Брижит стал Лино Вентура, актер, унаследовавший у Жана Габена титул ведущего киногероя Франции.

Когда они подписывали контракт, Лино еще не был с нею знаком, хотя, несомненно, наслышан о ее репутации, особенно о привычке втягивать своих партнеров во всякие сомнительные истории. Правда самого его сия чаша миновала.

Что никак не вяжется с расхожими представлениями, Лино гордился тем, что, уходя домой он превращался в обыкновенного человека. Его друзья не имели никакого отношения к кинобизнесу, и это были те же самые друзья, что и 20 — 30 лет назад, в то время, как Габен обнаружил его талант.

«Ромовый бульвар» был его фильмом — героиня Брижит не являлась здесь главным действующим лицом, — и Вентура поставил условие. Никаких фоторепортеров, что околачивались бы в павильоне или за его стенами. И, не считая фотопроб для картины, никаких совместных снимков с Бардо.

Вентура каждый день приходил на съемки, делал то, что от него требовалось, и уходил. Он никогда не вступал ни с кем ни в какие беседы и, что мгновенно бросалось в глаза, подчеркнуто дистанцировался от Брижит. По крайней мере, таково

было впечатление, на которое он и рассчитывал. Оказывается, по вечерам он приходил к Ольге Хорстиг-Примутц, у которой тогда жила Брижит, и все трое, в тишине и спокойствии, мирно сидели за столом и играли в карты.

Лино, обладающий суровой внешностью, под которой скрывалась мягкая, сентиментальная душа, был добрый, отзывчивый и любящий человек. Так что нет ничего удивительного в том, что Лино, как умел, пытался оберегать Брижит. Во время пресс-конференции, когда репортеры задали Брижит вопрос, касавшийся ее личной жизни, Лино тотчас натянул на себя маску «крутого парня» и заявил: «Месье, я здесь не для того, чтобы обсуждать личную жизнь Брижит Бардо». Лино поднялся и, строго посмотрев на Брижит, — сигнал, что она должна последовать его примеру, — вышел вон.

К несчастью для себя, Брижит не поняла смысл сигнала, и дело закончилось тем, что она, уже в полном одиночестве, продолжала отвечать на новые вопросы о ее личной жизни.

Ее следующей работой стал фильм «Нефтедобытчицы», где она снялась вместе с Клаудией Кардинале. Увы, эта картина получилась еще хуже «Послушниц».

Брижит это отлично понимала.

Прятать голову в песок было бесполезным делом. Перемены дали о себе знать прежде всего в ее гонорарах. Громадные суммы, которые выплачивались ей в середине шестидесятых, превратились в 800 тысяч франков за фильм.

В те дни, когда ее заработок превышал гонорары любых других звезд Франции, Брижит с поразительной честностью заявила репортерам: «Прежде всего я женщина, а потом актриса. Я не из тех, кто оживает только тогда, когда на них наведут камеру. Я живу в свободное от съемок время.

Как актриса, я предпочитаю, чтобы режиссер руководил мною и хорошо знал свое дело. Мне это нравится. Некоторые почему-то считают, что непременно нужно состариться и превратиться в уродину, прежде чем они наконец расщедрятся на похвалу. Я же предпочитаю быть красивой и молодой и уж как-нибудь обойдусь и без их похвал».

И вот теперь, после целого ряда неудач, Брижит, как и прежде, не кривила душой: «Актёрская профессия никогда не являлась смыслом моей жизни. Обычно я говорила себе: «Все, через два месяца начинаем. Через месяц. Через неделю». И потом вся покрывалась сыпью. И нам снова приходилось какое-то время ждать, и я опять говорила себе: «Вот сколько времени я выиграла!». Во время съемок от волнения я обычно не находила себе места. Что, однако, не помешало мне сняться более чем в сорока фильмах. Глядя на меня, легко подумать, что я какой-нибудь новичок, впервые оказавшийся на съемочной площадке. Как мне кажется, виной всему моя робость. Я не знаю, с чего начать. Как готовиться к роли. Все либо удастся само собой, либо не удастся вообще. Я не считаю себя настоящей актрисой, да и зрительницей тоже. По крайней мере в том, что касается кино».

Настало время уйти.

И она обратилась к тому единственному, кто мог помочь ей уйти красиво. В последний раз за всю свою кинокарьеру она обратилась к Роже Вадиму.

По его замыслу «Дон Жуан» был призван освободить ее от стереотипа «ББ», с тем чтобы обрести свое новое «я» в довольно-таки трудной теме. В отличие от ленты «И Бог создал женщину», где героиня Брижит — это еще женщина-ребенок, Вадим хотел, чтобы на сей раз она сыграла жен-

щину, которая на самом деле является мужчиной, с тем чтобы добраться до внешних границ женской половины общества. Когда Вадим только задумывал свой проект, он представлялся ему как серьезный фильм с серьезной философской подоплекой. Когда же он впервые взялся объяснять его Брижит, то прежде всего подчеркивал его серьезность, хотя это вовсе не значит, что там напрочь отсутствовали трогательные и веселые эпизоды. Затем Вадим спросил, хочет ли она сыграть в его новом фильме, и Брижит сказала: «Да, хочу». Однако, познакомившись со сценарием, она призналась Вадиму, что некоторые сцены ее пугают, и попросила переписать их заново. Играть женщину, которая на самом деле мужчина, совсем не то, что играть Брижит Бардо.

Вадим согласился ради нее внести в сценарий кое-какие поправки. «Однако, как только дело дошло до ее персонажа, она снова взялась за старое, подгоняя себя под рамки Брижит Бардо. В результате получился тяжеловесный фильм с несколькими интересными эпизодами. Что было отнюдь не то, чего мне хотелось. Брижит не могла или же не желала переступить границу, отделяющую на экране Брижит Бардо от подлинной актрисы. Она была просто не в силах убежать от самой себя. Ей представилась последняя возможность громко заявить о себе как киноактрисе, ведь она была уже не девчонкой, чтобы и дальше изображать на экране Брижит Бардо. И она сама это отлично понимала. Именно поэтому она перестала сниматься».

Одной из ее партнерш по картине была Джейн Биркин.

«Брижит — сама невинность, изображающая из себя маленькую девочку, «Бри-Бри хочет пить», «Бри-Бри хочет кушать», «Бри-Бри нуждается в любви и ласке». Бывали дни, когда она приходила

на площадку с опухшими глазами, и мне было ясно, что она проплакала всю ночь. Она была такая ранимая. Такая обидчивая. И в то же время пользовалась своей красотой как оружием».

Согласно сценарию обе актрисы в одном из эпизодов должны были сниматься обнаженными. И первое, что сделала Биркин, когда они вместе легли в постель, это закрыла свои ноги. Брижит поинтересовалась, почему.

И Джейн призналась в ответ: «Потому что они безобразно смотрятся».

Брижит успокоила ее: «Не волнуйся» — и положила свои ноги таким образом, что могло показаться, будто они принадлежат Джейн.

«Лежа рядом с ней, я разглядывала ее и, мне не к чему было придраться. И тогда она, чтобы сделать мне приятное, сказала: «А вот твой нос куда симпатичнее моего». Это, конечно, не так, но все равно, как мило с ее стороны».

Пока техники, готовясь к съемкам эпизода, расставляли вокруг них аппаратуру, Брижит спросила у Джейн: «Чем бы это нам заняться?»

Биркин недоуменно посмотрела на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай споем что-нибудь, — решила Брижит.

— Отличная мысль, — согласилась Джейн.

— «Мой милый за синим морем», — предложила Брижит.

— Идет, — ответила Джейн, и они запели.

Но вскоре выяснилось, что ни та, ни другая не помнят слов. Тогда Брижит предложила: «Знаешь, давай споем песню, которую и ты и я знаем». И они вдвоем затянули «Je t'Aime, Moi Non Plus».

В 1973 году французские газеты снова принялись муссировать слухи об уходе Бардо из кино, причем рассуждения на эту тему занимали те же

страницы, что обычно отводятся каким-нибудь важным политическим сенсациям. На сей раз газеты утверждали, что принятое Брижит решение окончательно и бесповоротно.

19 февраля в интервью газете «Экспресс» Бардо дала выход накопившимся чувствам: «Человечество мне противно. У меня на него аллергия. Я никого не вижу. Я сижу в четырех стенах. Я построила свою собственную вселенную, такую, какой я ее себе представляю, какой рисовала себе еще будучи ребенком. Я черпаю душевное равновесие в природе, в общении с животными».

Даже такая солидная газета, как «Монд», согласилась с тем, что Брижит пора уйти. В рецензии на «Дон Жуана», в частности, говорилось: «То, чего Вадим не замечает, это то, чего он не желает замечать. Мифам непозволительно стариться».

Брижит уже давно не заблуждалась на тот счет, будто кино способно дать ей нечто большее. Впрочем, и она, со своей стороны, вряд ли уже была способна хоть чем-то обогатить его. Подобно разъехавшимся супругам, ей и кинобизнесу уже нечего сказать друг другу. Настало время разойтись каждому своей дорогой.

Брижит убедила себя: «Даже если мы когда-то и пережили несколько приятных минут, то это вовсе не означает, что теперь до конца наших дней мы должны цепляться друг за друга».

Первоначально Брижит предполагала удалиться от дел и поселиться на ферме, когда ей исполнится сорок. Она намеревалась стать настоящей отшельницей. Брижит не имела ничего против того, что поначалу люди будут говорить: здесь живет ББ, та самая актриса. Она надеялась, что пройдет какое-то время и люди скажут: а вот и Брижит, хозяйка фермы.

К весне газеты уже заявляли с полной уверен-

ностью: «Она сойдет со своего пьедестала главного секс-символа мирового кино». Другие приводили якобы услышанные от нее слова: «Эти морщины вселяют в меня ужас. Я скоро уйду».

Одно ее телеинтервью только подлило масла в огонь. Брижит тогда произнесла: «Последние два года я начала замечать, что старею, и всякий раз, когда у меня появляется новая морщинка, мне становится не по себе».

Тем не менее, Брижит успокоила зрительскую аудиторию: «Нет оснований впадать в панику. Что может быть прекраснее пожилой седовласой дамы, умудренной годами и способной рассказывать немало увлекательных историй о своем прошлом?»

По словам Брижит, она с большим уважением относится к тем женщинам, что принимают свой возраст с достоинством, в отличие от «бабушек, работающих под своих внучек».

Это сказала женщина, которой в ту пору было всего 39, чья фигура оставалась такой же, как и в 16.

Пообещав, что никогда не будет делать подтяжек — «это противоестественно», — Брижит призналась, что ей стоит больших трудов выглядеть красавицей с утра до вечера. «Это просто кошмар».

Как бы то ни было, двадцати лет в кино с нее было достаточно. «После сорока будет 50, затем 60. И я не хочу в 50 расстраиваться из-за того, что не предлагают новых ролей, и вздыхать о прошлом. Я ухожу потому, что если я не оставлю кино, кино оставит меня».

Сценарист и режиссер Нина Компанеец предложила Брижит роль в фильме с довольно неуклюжим названием «Поучительная и веселая история Колино, любителя дергать за юбки». Компанеец уже доводилось работать с Брижит — по ее сценарию был сделан фильм «Медведь и кукла». Бри-

жит с понимаем отнеслась к тому обстоятельству, что режиссер — женщина, — ведь это все еще редкое явление для Франции, — и дала согласие, но при условии, что съемки займут не более десяти дней. Таким образом, Бардо последний раз появилась на экране во второстепенной роли.

«В те дни, — замечает Компапеец, — она окружила себя каким-то совершенно кошмарными личностями. Они вечно околачивались в павильоне. Особенно эти ее дружки. Она жить не могла без любовников. Ей вечно требовалось в кого-то влюбляться. Как я понимаю, она нуждалась в их присутствии, потому что терпеть не могла играть. Это причиняло ей боль. Съемки доставляли ей мало удовольствия. Она относилась к ним со всей серьезностью, но она не любила сниматься, поскольку считала их малоприятным занятием. Она ненавидела репетиции. Но у нее отличная память, и она всегда назубок знала свои реплики. Главная трудность заключалась в том, чтобы добиться от нее желаемого результата за первую пару дублей, пока она еще играла с душой. А потом ей просто начинало надоедать».

Компанеец отмечает, что, в отличие от многих других актрис, Брижит никогда не строила из себя звезду, не давала волю своим прихотям».

«Она никогда не стремилась застолбить свою территорию. Никогда не пыталась давить на окружающих. И никогда не обижалась, когда ее поправляли. И лишь в редком случае Брижит позволяла себе покапризничать на съемочной площадке. Обычно это было связано с тем, что от нее ушел любовник или только собирался уйти, и тогда она легко могла дать волю слезам, и нам приходилось заново накладывать на нее грим. Любые проблемы, возникавшие на съемочной площадке, так или иначе сводились к неудачному роману».

В отличие от Мэрилин Монро, продолжает Компанеец, Брижит ни разу не подверглась критике за плохую игру.

«Я бы не сказала, что она действительно из рук вон никудышная актриса. По-моему, просто ее красота была чересчур неотразима и чересчур опасна. И поэтому многие пытались найти, что бы им сказать о ней дурного. Это вполне естественная реакция тех, кого она пугала. Брижит же, наоборот, была из тех редких актрис, кто по-доброму относился к другим актрисам. Она никогда не видела в них угрозу для себя и, что еще более удивительно, считала, их всех намного красивее ее самой».

Правда следует заметить, что не все из окружающих вселяли в нее уверенность в себе.

«Сниматься для Брижит было не только мучительным занятием, некоторые из вещей ее просто-напросто пугали. Например, некоторые режиссеры наводили на нее ужас. Например, мне доподлинно известно, что она боялась Трюффо. А еще она боялась всего неизвестного. Ее страшила сама мысль о том, что ей придется провести на площадке два-три месяца в окружении незнакомых людей. А еще, смею заметить, Брижит подчас бывала излишне щепетильной. Ее, например, шокировала сексуальная революция на экранах кинотеатров. А еще она была страшно сентиментальной. В свое время ее отношение к мужчинам и наготе казались чем-то из ряда вон выходящим. Однако, когда она снималась нагой, то это было нечто совершенно естественное. В этом акте напрочь отсутствовала какая-либо двусмысленность. Таким же самым образом мы воспринимаем животных. Брижит никакая не эксгибиционистка. Просто ей нравилось собственное тело».

Как-то раз один из ее ассистентов пригласил на съемочную площадку свою престарелую мать. Это была маленькая старушка, и, по словам Компанеец, никто не знал, что с ней делать, потому что каждый был занят своим делом. Увидев это, Брижит взяла заботу о ней на себя. И хотя до этого она не была знакома с этой старушкой, она буквально не отходила от нее. В каком бы эпизоде Брижит не снималась, старушка была рядом с ней.

«Это так характерно для Брижит, — добавляет Компанеец. — У нее отзывчивое сердце. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что ее жизнь никак не назовешь легкой, а люди, прожившие нелегкую жизнь, как правило, плохо кончают. Брижит отказалась от воспитания собственного ребенка, потому что на тот момент считала, что не способна воспитывать его одна. Она была неуравновешенна и жила в выдуманном мире. Порой жизнь заставляла ее бросаться из крайности в крайность. Однако душа ее не выгорела до конца и не озлобилась. Я бы сказала даже, что, в конечном итоге, она закончила гораздо лучше других. Брижит ушла потому, что настал тот момент, когда она ощутила себя несчастной. Ей хотелось, чтобы ее оставили в покое, но все только и делали, что докучали ей. Возможно, что именно поэтому она порвала со своим прошлым. Ей оно просто ненавистно. Не думаю, чтобы у нее осталось слишком много добрых воспоминаний. Я бы не сказала, что ее жизнь представляла собой этакий сплошной «Бульвар Сансет». Но и «мизантропом» ее тоже не назовешь».

В последние десять дней ее работы в кино Брижит заявила Жильберу Пикару, репортеру радиошоу Ива Муруси с радиостанции «Франс Интер»: «Я согласилась сняться в этом фильме с тем, чтобы затем уйти с достоинством».

Компанеец тоже было известно, что это последняя работа Брижит в кино. «В этом не было ни малейшего сомнения. Однажды утром она пришла на площадку уже в костюме и со слезами в голосе произнесла: «Сил моих больше нет».

Тем не менее, некоторые из французских газет позволили себе усомниться и воспроизвели на своих страницах ее старые обещания уйти из кино. В то же самое время некоторые иностранные газеты высказывали предположение, что, мол, Брижит уходит исключительно потому, что слишком стара, чтобы исполнять сексуальные роли, намекая, что оно и к лучшему. В Великобритании, например, «Дейли миррор» опубликовала довольно-таки бестактный снимок, снабдив его не менее бестактным комментарием: «Новый стиль Бардо — секс-киска на пенсии. ББ не боится демонстрировать миру свои морщины».

Когда Брижит 17 июня 1973 года официально объявила о своем решении, газеты преподнесли его так, будто наконец произошло нечто неизбежное.

«Да, я хожу, — подтвердила Брижит. — Не вижу причин делать из этого факта событие. Мир от этого не перевернется». Брижит добавила, что, снявшись за 21 год в 48 картинах, она считает: с нее достаточно. «Я не могу продолжать заниматься делом, которое не приносит мне удовольствия».

По словам Брижит, сойти с карусели на землю отнюдь нелегко. «Но с меня довольно, успех или провал моих фильмов никогда меня не заботил. Меня больше занимало собственное счастье. Именно к нему я неизменно стремилась».

Деньги для нее не проблема, объяснила дальше Брижит. «Я хорошо зарабатывала и кое-что отложила на черный день». Брижит намекала, что

если в будущем у нее возникнут финансовые затруднения, может, она еще и вернется.

«Но на данный момент, знаете, чего мне хочется больше всего? Ничего!»

Ну а поскольку Брижит не собиралась хлопать дверью, а наоборот, оставила ее слегка приоткрытой, кое-кто остался пребывать в убеждении, что через год-другой она еще вернется, если подвернется подходящий проект.

И лишь двоим людям, тем, кто знал ее, как свои пять пальцев, было доподлинно известно, что Брижит не кривила душой, говоря об уходе.

Первым был Вадим.

Второй — мама Ольга.

По словам Вадима, Брижит приняла окончательное решение еще во время съемок «Дон Жуана». Она призналась ему, что хочет поставить точку.

«Никто ей тогда не поверил, — добавляет Вадим, — кроме меня. Я знал, что она уйдет, и знал, что она поступает правильно. Сниматься дальше было для нее равносильно самоубийству. Ведь люди запомнили Брижит Бардо такой, какой она была в лучшие времена.

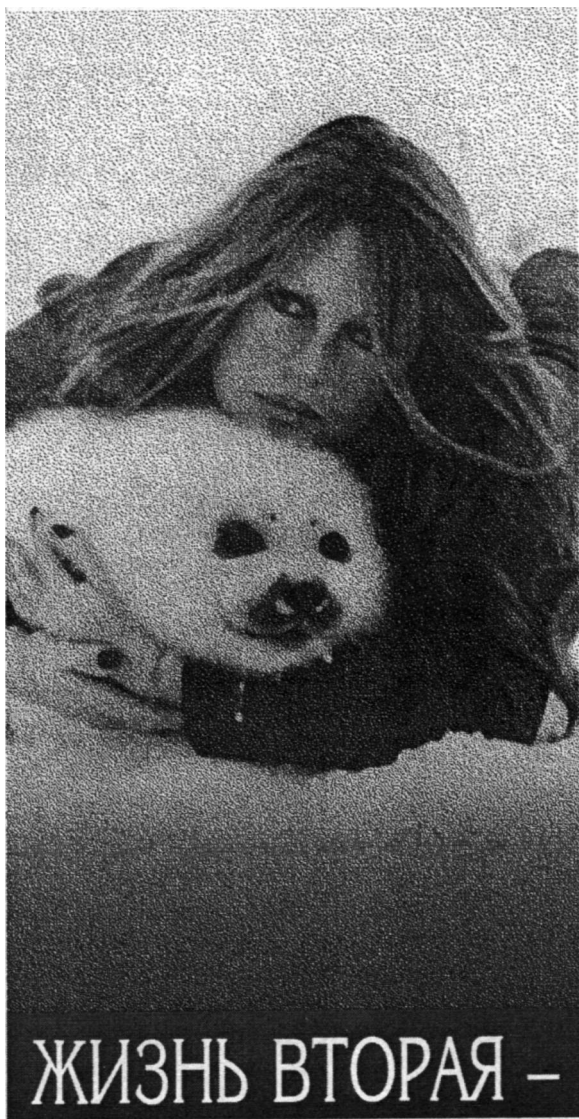
И если она снялась в целом десятке фильмов, из рук вон плохих, совершенно дурацких, — а, к сожалению, большинство тех неудачных картин приходится на последние годы ее карьеры, — все равно, они были бессильны стереть память о самых лучших ее работах. Она остается Брижит Бардо и в будущем останется таковой. Не думаю, чтобы она когда-нибудь пожалела о своем решении или же скучала по кино».

Ольге Хорстиг-Примуц это также было понятно.

«Я слишком хорошо ее знала, чтобы усомниться в искренности ее решения. Не в ее привычках

идти на попятную. Она никогда не меняет своих решений. На протяжении еще нескольких лет я продолжала получать для нее сценарии. И, как и раньше, я передавала их ей для ознакомления. Но она не заглянула ни в один из них».

Для ББ, киноактрисы, все было окончено. Но Брижит Бардо, женщина, была полна решимости начать все сначала.

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ –
РОЖДЕННАЯ ЗАНОВО

Вам. необходимо понять, что я родилась заново; что все, что было до того, как я начала заниматься животными, не имеет ко мне ровным счетом никакого отношения. Женщина, которая снялась во всех фильмах, — это не я. Это кто-то другой. Я не имею никакого отношения ни к ней, ни к целому периоду ее жизни. Сегодня моя жизнь всецело посвящена животным, а все, что было до этого, не мое.

Брижит Бардо, 1994 год.

ПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Невозможно сказать, что могло бы произойти, останься в тот день в 1949 году один из друзей Вадима дома и ему не пришлось бы звонить Брижит. Или же что могло произойти, если бы в тот момент, когда он набрал ее номер, ее не оказалось дома.

А что могло бы произойти, если бы, когда он ей позвонил, ее мать не разрешила бы ему прийти, что, несомненно, так и было бы, сними она трубку.

В параллельных мирах, как, например, о том пишут в научной фантастике, существует бесконечное количество возможных вариантов и все они существуют одновременно. В нашем мире, в тот конкретный день, Вадим вставил в телефонный аппарат свой последний жетон и нашел ее. В другом, параллельном мире, они так и не встретились.

Роже Вадим признается, что время от времени он рассуждал о том, стала бы Брижит Бардо той самой Брижит Бардо и в параллельной вселенной?

«Ответ таков — вряд ли. По крайней мере, я на 90% уверен, что если бы мы с Брижит никогда не встретились, ей бы никогда не стать той, кем она стала. Возможно, из нее бы получилась прославленная балерина. У нее бесспорно имелся талант, и она бы добилась в танце мировой славы. Не исключено, что в конечном итоге кто-нибудь обратился бы к ней с предложением сняться в

кино. Но то, как она превратилась в звезду, произошло почти молниеносно, и еще, прошу вас не забывать об этом, когда я смотрел на нее, то видел отнюдь не актрису — я видел Брижит Бардо».

Когда речь заходит о кинозвездах, очень часто личность и слава воспринимаются как нечто тождественное. Вадим убежден, что это не одно и то же. Существуют люди, которые как личности наделены редким обаянием и редкой красотой, но стоит попробовать им появиться на экране, куда что девается. По правде говоря, частенько случается так, что, встретив какую-нибудь знаменитость, вы никак не можете уразуметь, что, собственно, в нем или ней особенного.

Для иллюстрации можно привести такой случай. В начале шестидесятых Вадим как-то раз, остановившись в одном из бунгало отеля «Беверли-Хиллз», заказал себе завтрак. Когда, прождав довольно-таки долгое время и не дождавшись своего завтрака, Вадим набрал номер внутренней службы, чтобы узнать, в чем дело. Ему ответили, что завтрак уже несут. Услышав это, Вадим направился к двери и, высунувшись наружу, увидел, что через лужайку идет молодая женщина с подносом в руках. Решив, что это и есть его долгожданный завтрак, Вадим взял у нее из рук поднос и поблагодарил. Но вместо того чтобы повернуться и уйти, женщина осталась стоять, непонимающе на него глядя. Тогда Вадим вторично ее поблагодарил. Но это мой поднос, возразила она. Вадим не понял. И тогда незнакомка объяснила, что живет в соседнем бунгало. «Я пошла принести себе завтрак, так что это мой поднос». Вадим рассыпался в извинениях и вернул ей поднос, и в этот момент, присмотревшись внимательней, понял, что перед ним Мэрилин Монро.

«Какое бы там качество ни делало звезду звез-

дой, — размышляет далее Вадим, — это не обязательно нечто такое, что тотчас бросается в глаза, что тотчас будоражит ваше воображение. Мэрилин-женщине требовалось не менее трех часов, чтобы замаскировать себя и стать Мэрилин-звездой. Но стоило только ее загримировать, а ей самой войти в роль, как все тотчас становилось на свои места. Но на самом деле она — это нечто совершенно искусственное. Помню, как-то раз встретил ее в Нью-Йорке. Я тогда ехал вниз в лифте и, к своему величайшему изумлению, обнаружил, что стою рядом с этим неземным созданием. Но в тот день она была накрашена, волосы ее уложены, а сама она одета в одно из этих знаменитых платьев, что выгодно подчеркивали ее фигуру. То есть была загримирована под Мэрилин Монро — кинозвезду. А тем утром в «Бeverли-Хиллз» она остается сама собой».

В отличие от нее, Брижит, независимо от того, накрашена она или нет, одета или нет, причесана или нет, в любое время суток — какая разница? — всегда оставалась Брижит Бардо.

«Не существует разницы между Брижит Бардо — личностью и Брижит Бардо — кинозвездой. Это одна и та же женщина, один неделимый образ. И этим отличается от других. Разумеется, чтобы стать звездой, одного этого явно недостаточно, а, тем более, чтобы стать явлением всемирного порядка, как то было с ней. Право, мне порой непонятно, как это люди вообще ухитряются пробиться в кинозвезды. За исключением, пожалуй, тех, в ком действительно есть искра божья и кто способен перенести ее на экран. Когда я впервые увидел Брижит и мне стало ясно, что другой такой нет, что она такое удивительное, не похожее на других создание, я не думал о ней как о кинозвезде, я думал о ней как о человеке. Что мне сразу

бросилось в глаза, когда я увидел ее на экране, — это тот образ, который она перенесла сюда. На сто процентов это она сама».

И то, что она оставалась собой, утверждает Вадим, уже парадокс.

«Она ничего не боялась. И в то же время она боялась всего. Ни на малейшую долю секунды ей не пришла в голову мысль — мол, я должна соответствовать некоему образу, некоему представлению общества о красоте, или же — я должна соответствовать некоему стандарту, согласно которому, по мнению общества, обязана вести себя молодая женщина. Нет, у нее имелись свои собственные представления, свой собственный взгляд на жизнь, и все это поражало удивительной естественностью. Я понятия не имею, где Господь нашел такую форму, по которой он ее сотворил, или как он вообще перенес ее на эту землю, но после того, как он ее создал, он наверняка разбил эту форму — я в этом более чем уверен, потому что в целом мире нет никого подобного ей».

Некоторые люди полагают, что к тому времени, как Брижит ушла из кино, слава уже украла у нее жизнь.

«Особенность Брижит в том, — подчеркивает Вадим, — что она никогда не искала для себя славы. Это было ей более чем безразлично. Тем более, что слава доставляла ей одни неприятности. Ей хотелось одного общения с друзьями, жить, как она того захочет, и главное, чтобы ее оставили в покое. И поэтому, когда настал тот момент, когда она, как кинозвезда, столкнулась с обратной стороны славы, ничего, кроме разочарования от своего звездного статуса, она не испытала. Эта женщина стала кинозвездой не будучи при этом актрисой, не испытывая к кино никакой тяги. Она, бывало, говорила мне, как, например тогда, когда я хотел купить себе небольшую электронную шах-

матную доску — если ты снимешь этот эпизод за один дубль, я ее тебе куплю. Она не находила в своей карьере ничего такого, что компенсировало бы ей связанные со съемками неудобства. Брижит находила мало приятного в том, что ей приходилось нести тяжкое бремя славы, и в один прекрасный день просто решила поставить точку».

Но как бы ей самой того ни хотелось, она не могла в одночасье перестать быть Брижит Бардо.

В самом начале ее карьеры, когда Брижит только делала в кино первые шаги, она как-то раз сказала, что хотела бы сниматься лишь потому, что это один из самых легких способов заработать побольше денег, чтобы затем купить себе ферму и жить там в окружении животных.

Французский модельер Луи Ферро познакомился с Брижит на Каннском фестивале 1953 года. Он тогда еще не сделал себе громкого имени в *haut couture* — мире высокой моды, но Брижит понравились его работы, и она начала у него одеваться, как в частной жизни, так и для кино. Во многом благодаря ей, Ферро произвел фурор в мире французской моды своими платьями в клеточку пастельных тонов, с гипюровой отделкой.

Но лишь выйдя замуж за Жака Шарье, Брижит, — а вместе с ней и Ферро, — наконец получили возможность диктовать свой стиль. Для летнего сезона 1958 года Ферро — вместе со своим партнером Жаком Эстрелем — подготовили коллекцию симпатичных клетчатых платьев, которые так обожала Брижит, — причем настолько, что даже попросила Ферро сшить такое же для ее бракосочетания.

«И тотчас, — вспоминает Ферро, — стиль *à la* Бардо и французская мода в целом триумфально прошеествовали по всему миру. И все это благодаря Брижит Бардо. В пятидесятые годы она олицетворяла собой женственность».

Парижские магазины сообщали о том, что платья в клеточку не залеживаются на их полках и раскупаются мгновенно.

Из Франции повальная мода распространилась на всю Европу и Северную Америку. От дорогих магазинов до дешевых распродаж — все теперь было в клеточку. Сначала это было белье в розовую клеточку, затем в голубую, затем в желтую — куда ни глянь, везде клетка. Юбки, платья, брюки, шорты, купальники, жилеты и даже белье.

Один владелец магазинчика на лондонской Оксфорд-стрит сообщал, что каждый день к нему приходят до двадцати девушек, на вид вполне англичанок, и все они как одна покупают платья в клеточку, чтобы выйти из магазина похожими на Брижит Бардо.

Кстати, то был отнюдь не писк моды на один сезон. Клетка задержалась на целых пять лет и время от времени возвращается снова. Но в ту пору, на протяжении более 20 лет, гвоздем сезона могло стать не только пристрастие Брижит к платьям в клеточку, но и любая вещь, в которой ей только стоило появиться.

Стоило только ей в картине «Бабетта идет на войну» украсить себе голову стальным шлемом, как какой-то парижский шляпник начал производить шлемы — правда, фетровые. И они шли нарасхват. Удивительно, но о периоде «Бабетты» вспомнили вновь в 1993 году, когда в только что открывшемся музее французской моды на показ был выставлен костюм Брижит-парашютистки. А министр культуры Жак Ланг назвал его «столь же важным явлением в истории французской культуры, как, скажем, живописное полотно XVII века».

За «Бабеттой» последовал период увлечения стилем «хиппи». Брижит покупала кое-что из этих вещей у одного дизайнера из Сен-Тропеза, по имени Жан Букен. В середине шестидесятых его твор-

чество считалось довольно смелым, отражавшим веяния, доносившиеся из-за океана. Стоило только Брижит облачиться в его творения, как за ней тотчас последовали тысячи подражательниц.

В отличие от других магазинчиков, что обычно закрываются летом в самую жару, — с 1 до 5 часов, когда народ млеет под солнцем на пляже, а Сен-Тропез выглядит вымершим городом, — Букен держал двери своего заведения открытыми. Уже одно это обстоятельство привлекло Брижит. Ведь она, пусть даже только теоретически, могла незамеченной проскользнуть в город, сделать необходимые покупки и вернуться домой, прежде чем в магазин снова хлынут покупатели.

Правда, надо признать, что этот ее трюк редко когда срабатывал.

Симона Букен, помогавшая мужу вести дела в магазине, вспоминает, как однажды, в середине лета 1964 года, — а она готова поклясться, что на улице не было ни души, — Брижит подъехала к их магазинчику на своем «ситроене» и припарковала машину напротив. Брижит, как водится, была босиком и, как обычно, не одна, а с приятелем. Но уже через десять минут у входа толпилось два десятка зевак, которые, как всегда, расталкивали друг друга, чтобы взглянуть на нее в окно.

Ну а поскольку тысячи француженок только и занимались тем, что пытались ей подражать, стоит ли удивляться, что когда Букен в качестве вечернего туалета облачил Брижит в шорты и длинную бархатную безрукавку, то вскоре по всей стране девушки по вечерам стали появляться не иначе, как в шортах и длинных бархатных безрукавках.

Собственно говоря, для некоторых девчонок приезд в Сен-Тропез в начале сезона с целью пробежаться по модным магазинчикам, — разумеется, для того, чтобы разузнать, что нового появится в стиле Брижит Бардо этим летом, — было сродни

религиозному паломничеству. Они делали себе прически à la Бардо, они пытались подражать ее походке, они пытались перенимать ее манеру говорить. Они пробовали даже, как она, надувать губки — то повальное гримасничанье стало известно как «La moue à la Brigitte» — часами втягивая щеки и выпячивая губки с тем, чтобы, не дай бог, их старания остались бы незамеченными.

Гюнтеру Заксу так позабавила эта мода, что он даже открыл магазинчик-бутик с коллекцией одежды, названной им «Мик Мак». Он бойко торговал майками, на которых аршинными буквами было выведено «Мик-Мак Сен-Тропез», по 100 франков, в то время, как с тем же успехом вы могли приобрести точно такую же майку, с теми же аршинными буквами «Сен-Тропез», правда без Мик-Мака, заплатив за нее франков 40. Для этого достаточно заглянуть в любую сувенирную лавчонку, каких было полным-полно в порту и в которых привыкли заламывать за каждую ерунду тройную цену.

А еще у Брижит был любимый бутик под названием «Вашон». И она любила одеваться в стиле «Вашон» — обычно вылинялая, выцветшая джинса, — и вскоре это можно было увидеть на каждом втором.

Вскоре Брижит осенило, что на всем можно неплохо заработать, и, недолго думая, она принялась проталкивать собственную коллекцию под названием «Мадраг». Нацелясь главным образом на «таких же женщин, как я, которых не мучают комплексы и которые знают цену своей женственности», Бардо, не мудрствуя лукаво, шумно разрекламировала то, что сама носила вот уже несколько лет.

Все это — составные части массового помешательства, известного как «бардопоклонничество» — «Bardolatric».

Теоретически это слово должно означать «обожание Бардо». По крайней мере, так оно понималось во французском и вскоре легко проникло в английский. Разумеется, правильнее было бы писать «Bardotolatrie» — правда, в таком виде оно, согласитесь, смотрится довольно неуклюже и тяжеловесно. Однако в укороченном варианте, при прямом переносе из французского в английский, возникает путаница в значении: заглянув в Оксфордский словарь, вы найдете, что «Bardolatrie» означает «обожание барда».

Брижит вся эта шумиха неизменно казалась великой глупостью. Всякий раз, когда кто-нибудь рассказывал ей об этом, она отвечала ироничной фразой: «Когда я снималась в кино, меня постоянно критиковали то за мой комический стиль, то за мою прическу, то за то, как я одевалась, как я жила. И вот теперь, когда я на всем этом поставила точку, люди начинают превозносить все то, за что раньше меня ругали. Ну не смешно ли?».

Но тогда, в те дни, когда дело доходило до одежды, вряд ли она могла рассчитывать на победу.

«Стоит мне выйти откуда-нибудь в простеньком платье или джинсах, я слышу, как люди вокруг начинают ворчать, что, мол, с такими деньгами, как у меня, можно было надеть что-нибудь поприличнее. Стоить мне пересилить себя и надеть самое красивое свое платье, свое самое дорогое пальто и кольцо с бриллиантом, как те же самые люди укоряют меня тем, что я, мол, строю из себя кинозвезду».

И тем не менее смысл «бардопоклонничества» не ускользнул от широких масс. Как это ни парадоксально, но потребовалось довольно долгое время, прежде чем восковая Брижит Бардо заняла свое место среди других фигур мадам Тюссо. Правда, дело отнюдь не в том, что знаменитый лондонский музей запоздал с «бардопоклонничес-

твом». Скульпторы музея воссоздали лицо Брижит в воске еще в конце пятидесятих годов, но у них возникли проблемы с телом. В те годы женские фигуры выставлялись только одетыми, так что точность воспроизведения не играла особой роли. Немыслимое дело — королева в бикини! Как и Бардо в горностаевой мантии. Но поскольку в музее пеклись о приличиях, то для Брижит была выбрана мини-юбка, купленная по этому случаю в одном из модных магазинов в Париже. И все равно открытые бедра и плечи фигуры не давали администрации покоя. «До этого нам еще ни разу не удавалось создать идеальное женское тело, и, как нам кажется, фигура мисс Бардо получилась у нас не слишком удачно». Так что Брижит полностью увековечили в воске лишь в 1967 году.

Надо сказать, что остальной мир уловил поветрие «бардопоклонничества» гораздо раньше. К концу пятидесятих годов даже знаменитая кукла Барби начала щеголять длинными белокурыми локонами и фигурой точь в точь, как у Бардо, и носила платья в клеточку.

У некоторых людей хватило прозорливости вовремя сообразить, что пресловутая клеточка Бардо пахнет большими деньгами, и в Штатах колеса бизнеса закрутились вовсю. Чего здесь только не производили — купальники, солнечные очки, косметику — все, что угодно, но непременно в клеточку. На прилавках появилось фирменное белье, в комплект которого входил «бюстгальтер Бардо» — господи, свихнуться можно! — детище компании «Миленькие бюстгальтеры». Не верите? А чтобы покупатели, не дай бог, не прошли мимо, компания наняла неотличимых друг от друга блондинок из кордебалета клуба «Копакабана», и те усердно демонстрировали пикантную продукцию.

Иногда достаточно было быть приятелем Брижит.

Жан Букен прилетел из Ниццы в Испанию. У Брижит были там съемки, и он привез ей кое-что из одежды. На вид настоящий хиппи — длинноволосый и с развевающимся шарфом на шее — Букен тотчас привлек к своей особе всеобщее внимание в мадридском аэропорту, особенно, когда, подходя к кабинке паспортного контроля, никак не мог отыскать свой паспорт.

Испанские власти заявили, что без документов в страну его не допустят. Ну а поскольку Букену меньше всего хотелось, чтобы его отправили назад во Францию, он попытался объяснить, что прилетел в Мадрид по одному важному делу — а именно: встретиться со своей знакомой, Брижит Бардо.

Представители паспортной службы не могли никак взять в толк, что он им говорит. «Брижит Бардо, — твердил Букен, — Брижит Бардо. Я привез ей одежду».

По-прежнему никакой реакции.

На счастье, у Букена оказался постер с ее портретом. Развернув плакат, он поднял его повыше, картинкой к испанцам. «Брижит Бардо, — повторил Букен. — Mon amie. Mia amiga. Моя знакомая».

«А-а-а, — внезапно дошло до испанских пограничников. — Брижит Бардо, — и они закивали головой, — si, si, si».

Так, с одним только ее портретом в руках, Букен прошел через паспортный контроль.

Один из лучших французских журналистов Кристиан Бренкур, который был знаком с ней более тридцати лет, одним из первых понял, что сила притягательности Брижит может проявляться в самых неожиданных ситуациях.

Блестящий репортер и закаленный в боях военный корреспондент, он осознал масштабы ее

славы, когда однажды, находясь с заданием во Вьетнаме, стал свидетелем такой сцены. В Дананге американские врачи принесли тело только что убитого солдата. Проверив его карманы, они обнаружили две фотографии: одну — матери, а другую — Брижит Бардо.

«Бринк» и «Бри» — как они называли друг друга — не были любовниками, что, очевидно, и является одной из причин, почему им удалось сохранить многолетнюю дружбу. Они поддерживали друг друга, когда разваливались семьи их обоих, когда кому-то из них требовались забота и внимание. В каком только настроении не видел Бардо сдержанный бородатый Бренкур.

«Когда она злится, то перед вами настоящая фурия, она мечет громы и молнии и ей все равно, на кого направлен ее гнев. Робость ей не свойственна. Она всегда говорит то, что думает. Другие так часто пользовались ею в своих целях, что она научилась, постоять за себя. И ей никто не страшен. Она даст отпор любому, кто станет у нее на пути. И тем не менее, это хрупкая женщина, ей ничего не стоит расплакаться, как девчонке, если у нее что-то не ладится в сердечных делах».

Бренкуру также известно, лучше, чем кому бы то ни было еще, как мучительно тяжело давило бремя славы на плечи Бардо.

«Ей ненавистен этот миф, ей ненавистна эта легенда, что теперь окружает ее. Она не желает о ней слышать. Она отказывается ее понимать и никогда не понимала. Брижит не желает знать, что из нее сделали легенду. Она, конечно, отдает себе отчет, что повлияла на целое поколение молодых людей. Это она приемлет. Но все остальное, весь этот миф — этого она не желает знать, и это ей крайне безразлично».

Хотя у всякого правила имеются, пусть редкие, но исключения.

В 1965 году, после трех поездок во Вьетнам, Бренкур по заданию радиостанции RTL отправился на угрюмый северо-запад Канады пройти по следам Джека Лондона. Там Бренкур узнал об одном французском монахе, отце Робере Лемере, который провел последние 20 лет, опекая небольшое, затерянное среди бескрайней снежной пустыни селение эскимосов — Туктояктук. Когда-то оно называлось форт Брабан, но теперь известно просто как «Тук» — это самое северное из поселений в Канаде, на берегу моря Бофорта. Здесь полгода в крошечной тьме и полгода при незаходящем солнце, в окружении вечных снегов и льдов, обитают около 450 человек. К северу отсюда нет ничего и никого — одна лишь голая макушка нашего шарика.

Одного миссионера здесь более чем достаточно. Бренкур стал первым французом, которого отец Лемер увидел с тех пор, как двадцать лет назад покинул родную Бретань. Тихий добрый человек с густыми бровями и мутновато-голубыми глазами, Лемер жил по-спартански, даже по местным меркам. Искренне растроганный его неподдельным самоотречением, его самопожертвованием, его искренней готовностью прожить жизнь в самых суровых из существующих на нашей планете мест, Бренкур решил хотя бы на время оставить историю о Джеке Лондоне и вместо нее сделать основательный репортаж об этом удивительном человеке. Возвратившись через несколько недель в Париж, как-то раз за обедом в кругу друзей — среди которых была и Бардо, — он рассказал им историю Робера Лемера, чем сильно растрогал Брижит. До Рождества оставалось всего несколько дней, и Брижит приготовила подарок, попросив Бренкура, чтобы тот отослал его священнику. Внутри находилось кое-что из французских деликатесов, в том числе и три бутылки выдержанного

бордо, и фотография самой Брижит — разумеется, одетой — с посвящением «моему незнакомому другу».

Спустя несколько лет Бренкур возвратился в Арктику. Отец Лемер сказал ему, что имя Брижит Бардо кажется ему знакомым и, как следует подумав, вспомнил, что видел ее фото, вырезанное с обложки журнала «Лайф», на стене в одной из охотничьих избушек.

Бренкур получил новое задание — организовать для отца Лемера и двух эскимосских ребятшек поездку во Францию. Всех троих он привез к Брижит в гости. На Лемера произвели огромное впечатление ее искренность, приветливость и открытость. А еще от него не укрылось сильное духовное начало актрисы.

Спустя несколько месяцев после того, как Лемер вернулся в Арктику, Брижит получила от него известие в виде магнитофонной ленты. Отец Лемер рассказывал ей о своем одиночестве и сравнивал себя с ней. Он объяснял, почему они оба оказались так одиноки — он посреди белого безмолвия, а она посреди своей колоссальной славы. Его послание, такое мудрое и пронизательное, растрогало Брижит до слез.

Спустя несколько лет Лемер признался Бренкуру, что изобрел довольно забавный — и вместе с тем действенный — способ завлечь эскимосов на воскресную мессу. «Та фотография Брижит Бардо, — напомнил Лемер. — Я повесил ее на дверях церкви».

Когда Брижит исполнилось 30 лет, она пожала плечами и дала спокойное интервью радиостанции «Европа-1».

«Не понимаю, почему вокруг этого события подняли столько шума. Безусловно, это веха: Но я не ощущаю никаких перемен. Но мне было бы

грустно, если бы я оставалась точно такой же, как и десять лет назад. Правда прошу вас не заблуждаться на сей счет — даже если я остепенилась, это вовсе не значит, что я позволила засосать себя болоту. Я стала гораздо чувствительнее ко многим вещам, которые раньше попросту не замечала. Разве я могу оставаться равнодушной к несправедливости, нищете, болезням, предательству и страданиям?»

В свой тридцать пятый день рождения Брижит заявила в интервью: «В общем, как правило, я расстаюсь с мужчиной, если было нарушено правило взаимной честности. Кроме того, меня начинает мучить ревность. Я просто делаюсь от этого больной. Если бы существовало лекарство, способное излечить меня от этих страданий, я бы тотчас проглотила двойную дозу. Своей глупой ревностью я стольким людям причинила страдания».

И вот теперь, когда ей исполнилось 40, для многих ее жизнь по-прежнему представлялась сценой, на которой она все так же играла бесконечный праздник беззаботной молодости. Миф Бардо подпитывал себя сам, и людям по-прежнему казалось, что, как и раньше, они имеют полное право занимать места в зрительном зале.

Для многих Брижит, как и в былые годы, продолжала символизировать все, что было притягательного в раскрепощенности и свободе. Для других она навсегда осталась олицетворением противоположного — распушенности и отсутствия моральных устоев. Она могла соблазнять, но могла и внушать ужас. Брижит, сама того не осознавая, стала провозвестницей женского движения, хотя сама не принимала в нем ни малейшего участия, и, конечно же, не понимала, каковы последствия ее лобовой атаки на заведенный мировой порядок.

Некоторые женщины не могли без содрогания

слышать о ней, ведь ее имя приобрело скандальную известность как символ сексуальной свободы.

В глазах немалого числа мужчин она была примером эротической фиксации. Вот женщина, которая заводит романы, с кем ей заблагорассудится. Ей ничего не стоит оставить одного, чтобы уйти к другому. У нее был ребенок, и ей хватило откровенности признаться, что она не в состоянии его воспитывать и доверила воспитание его отцу. Все это было из разряда тех вещей, что вполне позволительно для женщины. Но в пятидесятые, шестидесятые и вот теперь, в семидесятые, годы такое вряд ли могло сойти с рук женщине.

А вот ей сошло.

Брижит жила своей жизнью, как то обычно свойственно мужчине. Более того, она была самонадеянна и могла позволить себе презирать чужое мнение. Она бесила людей своей независимостью, и ей было глубокого наплевать, что подумают другие. Она провоцировала, и это возбуждало некоторых, притягивая их к ней. Порой же от нее исходила угроза, что, однако, имело точно такой же эффект.

В некотором отношении она была той, кем было не дано стать Мэрилин Монро. Что бы она ни сказала, это тотчас начинали цитировать. Куда бы она ни пошла, это тотчас становилось событием. И никому, казалось, не было дела до того, что ей самой все это совсем не нужно. Ей никогда не нравилось то, какими глазами смотрит на нее окружающий мир. Она никогда не искала себе славы. Ей была ненавистна жизнь, ставшая для нее невыносимой.

«Мне то и дело говорят, что по популярности я догнала Рудольфо Валентино, — как-то раз заметила Брижит, причем мысль эта отнюдь не показалась ей забавной. — Но Валентино давно умер, а я хочу жить».

На свое сорокалетие Брижит устроила потрясающую вечеринку в «Клубе-55» на пляже Памплонн, где собрались все ее друзья. Музыку обеспечивала группа, которая в ту пору называлась «Chico et Los Gitanos» — «Чико и Цыгане», а позднее стала известна как «Gypsy Kings». Брижит была от них в восторге и любила попеть и потанцевать вместе с ними. Более того, какое-то время она считалась у них кем-то вроде полноправной «цыганки».

Она впервые услышала их, сидя за обедом в каком-то ресторанчике. Это была ее любимая музыка. Брижит поднялась из-за стола и станцевала фламенко, а затем спела вместе с музыкантами.

Когда вечер подошел к концу, Чико сказал, что, если ей когда-нибудь захочется поработать с ними, они примут ее с распростертыми объятиями. Полагая, что он шутит, Брижит сказала в ответ, что, если им понадобится вокалистка-танцовщица, она всегда к их услугам.

Он не замедлил воспользоваться ее любезностью. В один прекрасный день он позвонил ей, чтобы сказать, что их ансамбль собирается играть на свадьбе. «Если тебе это интересно, — предложил Чико, — можешь к нам присоединиться». И так Брижит нарядилась в свое лучшее цыганское платье, посильнее накрутилась, чтобы сойти за участницу ансамбля, и проработала всю свадьбу наравне с другими музыкантами.

Не удивительно, что на протяжении всего вечера к Чико подходили люди и говорили ему: подумать, как ваша вокалистка смахивает на Брижит Бардо. Однако, если верить легенде, никто ее так толком не узнал.

Какое-то время у Брижит была привычка критиковать тех, кому за сорок, — мол, им давно пора «на свалку». И вот теперь она с помпой отметила собственное сорокалетие.

Ведь, как ни круги, то была важная веха в ее жизни. «Плейбой» опубликовал специально посвященную ей статью, к которой прилагался этюдню, выполненный ее тогдашним любовником, тридцатилетним фотографом Лореном Верга. Между прочим, это фото само по себе возвестило о начале моды на «зрелую женщину», что захлестнула журналы для мужчин в середине семидесятых. «Плейбой» приводил следующее высказывание Брижит: «Ни один мужчина не может быть до конца уверен в себе, увлекшись мною. Проблема в том, чтобы удержать меня, а это нелегко».

Одно из телеграфных агентств возвестило о том, что Брижит наконец вступила в зрелость.

«Когда мне было 20, мне нравились мужчины — прожигатели жизни, мужчины в шикарных автомобилях, любители потанцевать и рассказать глупый анекдот. Сегодня мне нужно от мужчины нечто более серьезное. И вообще, если бы я на протяжении десяти лет держала при себе одного и того же мужчину, то наверняка умерла бы от скуки».

Тем временем одна французская газета привела цитату, в которой еще заметнее было наступление новой эры: «Я — женщина, которой, несомненно, удалось сделать успешную карьеру, чего, однако, нельзя сказать о личной жизни. Миф о Бардо изжил себя. Но Брижит — это я. Возможно, лет через пять я наконец смогу жить так, как и все. Я жду-не дождусь этого момента. Меня уже не назовешь прекрасным творением, я просто человек».

Через год, когда ей исполнилось 41, она сняла ресторан «Пальмьер», в двух шагах от «Клуба-55», чуть дальше по пляжу, чтобы устроить очередную грандиозную вечеринку.

«Диву даешься, как Бардо в сорок один год, — замечала одна газета, — все еще удается создать в общественном сознании образ бесшабашной гу-

лящей девчонки, которая положила начало новому образу жизни для ее поколения. Ни одна актриса не вызывала к жизни такого повального подражания. Не только другие актрисы, но и молоденькие девчонки во всех уголках света перенимали ее стиль, подражали ее растрепанной прическе, ее едва заметной косметике, ее страсти к простой, облегающей одежде (платьям в знаменитую клеточку, джинсам и свитерам, которые скорее напоминали вторую кожу) и, что немало важно, воспринимали ее дерзкое — по крайней мере для 50-х годов — убеждение, что женщине позволено предаваться радостям жизни и менять возлюбленных столь же смело, как и мужчине».

Но буквально накануне Брижит отменила вечеринку.

А через несколько недель произошел очередной драматический случай, когда она опять глотнула лишнюю таблетку снотворного.

Немало воды утекло за время между двумя днями рождения.

Брижит перестала быть ББ — кинозвездой. И, тем не менее, помешательство продолжалось. Это было сродни ломке, когда человек обнаруживает, что не в силах избавиться от пагубного пристрастия.

В ворота ее виллы по-прежнему ломились обнаглевшие толпы, к ней по-прежнему приходили полные ненависти письма, ее по-прежнему преследовали на улицах. К ней по-прежнему пробирались какие-то наглые типы, они по-хозяйски располагались на пляже или же, сидя в лодке, наводили на нее объективы фотоаппаратов.

Бульварная пресса не давала ей ни минуты покоя — шустрым репортерам было чем поживиться, — хотя ни один из опубликованных материалов не появился с ее согласия. Газетки и газетенки, смакуя, писали о бесконечной череде ее

молодых любовников, и у читателей возникло впечатление, будто Бардо в иллюзорной попытке сохранить собственную молодость пустилась во все тяжкие.

«Стоит мужчине ей понравится, она не останавливается, пока не приберет его к рукам, — писала французская журналистка Маргарита Дюри. — Ей ничто не помеха. Ей все равно, дома ли он или сидит с друзьями в кафе. Где бы они не находились, она тотчас удаляется вместе с ним, при этом не бросив даже прощального взгляда в сторону его предшественника».

Может показаться забавным, но Жак Шарье утверждает, что Бардо ни разу не пыталась строить из себя «*femme fatale*» («роковую женщину»). «Когда Брижит с мужчиной, то он для нее — все на свете. Когда же все кончено, она даже слышать о нем не желает. Любовь прошла, а с ней и все остальное, и Брижит переходит к другому, не оглядываясь и не вспоминая о том, кого бросила, словно его и в помине не было».

Вадим целиком и полностью разделяет это мнение.

«Когда она уходит от одного любовника к другому, уже ничто не может остановить ее. У нее талант на неверность, поверьте мне. А еще она ужасно страдала, если у нее одновременно бывал роман сразу с несколькими мужчинами. Страсть для нее, как наркотик. А как и любое зелье, оно сделало ее своей рабыней на всю жизнь».

И все-таки, когда она говорила парню, что любит его, то вовсе не кривила душой. Разумеется, за исключением того, что на следующий день могла совершенно забыть о нем.

В прежние дни пресса сверяла этапы жизни Бардо с ее фильмами. Теперь же главным материалом для газетчиков стали ее мужчины.

Кристофер Уэдоу, красивый рослый лондонец,

познакомился с Мижану и ее мужем Патриком в 1968 году в Париже. Они, в свою очередь, познакомили его с Брижит. Однако лишь в конце лета, когда он снова оказался с нею в одной компании, на этот раз на званном обеде в Сен-Тропезе, между ними вспыхнул страстный роман. Бардо нравились парни его типа. Ей тогда было 34. Ему — 22.

Без малейших колебаний Брижит привезла его к себе домой, и он прожил у нее три недели — по его собственным воспоминаниям, «это было похоже на сон». Но лето кончилось, и Уэдоу уехал.

Когда газеты пронюхали об этом новом романе, они попытались сделать из него нечто больше, чем мимолетное летнее увлечение. Пресса представила Уэдоу «застенчивым юношей из Уондсворта, который не таскается за юбками». Газетчикам удалось даже вырвать интервью у его матери, и они цитировали следующие ее слова: «Порой и мне кажется, что между ними просто дружба». Однако вскоре им показалось, что из этой истории можно выжать гораздо большее, и тотчас была запущена утка о том, что миссис Уэдоу ужасно переживала, что ее любимый сынок угодил в лапы злодейки Бардо, и, набравшись смелости, мамаша позвонила в Мадраг: «Верните моего сына домой».

Это выдумки. И наглядный пример того, что стоит что-нибудь напечатать, затем перепечатать, и еще раз и еще, и чем чаще вы повторите сплетню, тем охотнее в нее верят.

Был еще и Патрик Жиль, двадцатилетний студент-политолог, который также пару раз снялся вместе с нею в кино. А кроме него, Кристиан Кальт, 30 лет, бармен и бывший инструктор по лыжам, на которого Брижит положила глаз в 1972 году.

Она отдыхала в Мерибеле с Филиппом Летельером, его женой, Жикки и Анной Дюсар, и как-то раз вся их компания отправилась в ресторан, при-

надлежащий Жаклин Вейсьер, в Куршевель, где тогда работал Кальт. Брижит сразу заметила его за стойкой бара, нашла, что он симпатичный, и поинтересовалась у Жаклин, кто он такой, добавив, что хотела бы с ним познакомиться. Жаклин была вполне согласна с тем, что ее бармен — парень симпатичный, однако напомнила Брижит, что сейчас он находится на работе.

Тогда Брижит предложила, чтобы Жаклин что-нибудь придумала, а сама она снова придет сюда завтра вечером. Выход из положения был найден благодаря Филиппу и Жикки. На следующий день они уже стояли за стойкой бара, а Брижит ужинала с Кристианом Кальтом. Их роман продолжался несколько лет.

Разумеется, очередной любовник тотчас становился газетной сенсацией. Благодаря цветным фотографиям на обложках, еженедельные журналы увеличивали свои тиражи. И каждый новый мужчина в ее жизни, в особенности вереница молоденьких любовников, тотчас согласно «надежным источникам» становился кандидатом в «месье Бардо».

Молодых приятелей Бардо окружала такая необузданная газетная шумиха, что Ольга Хорстиг как-то раз поинтересовалась о них у Брижит, намекая, что некоторые из них — как бы это помягче выразиться — не вызывают особых симпатий. Брижит со всей откровенностью ответила ей: «Мне всегда нравились красивые мальчики. Я становлюсь старше, но мой вкус остается прежними. И если мне до сих пор удается соблазнять их, то почему бы нет?»

Разговаривая как-то раз на пляже с Андре Пуссе, Брижит рассказала ему об одной замужней женщине, у которой был роман. Причем муж не только не имел ничего против, но даже имел привычку

приглашать любовника жены провести вместе с ними отпуск.

«Это выше моего понимания, — сказала она. — Я просто не понимаю, как у нее получается иметь двух мужчин одновременно, в то время как я порой не способна разобраться с одним».

«Что ж тут удивительного. — отвечал Пуссе. — Неужели ты и впрямь надеешься, что мужик останется с тобой после того, как обнаружил в твоей постели 14 собак?»

Пуссе, часто встречавшийся с ней в эти годы, полагает, что Брижит привыкла обманывать себя. «Нет, не с одним мужчиной, а со всеми ними вместе взятыми. Частично проблема заключалась в том, что, если вы звезда такой величины, как Бардо, вам постоянно приходится спрашивать себя, нужна ли я ему сама по себе или же из-за того, кто я есть?»

Очень часто ответ бывал очевиден.

Спустя десять лет она начнет задаваться вопросом, действительно ли мужчины занимают в ее жизни столь важное место. К тому времени она уже немного научится жить самостоятельно. Возможно, ей это еще не удастся до конца, однако она поняла, что нет ничего хорошего в том, чтобы все время опираться на мужчину. «Мужчина — не трость».

Брижит даже готова признать, что некоторые из ее романов были явной ошибкой. «Я порой спала с теми, с кем не следовало. Просто так получилось».

В те дни Брижит была твердо убеждена, что больше не выйдет замуж. По ее словам, она не видела в замужестве особого смысла. В любом случае, трех попыток с нее достаточно, а кроме того, развод — это слишком хлопотно. Но дело в том, что каждый раз, влюбляясь, она мечтала сно-

ва выйти замуж. «Если бы я всегда прислушивалась к внутреннему голосу, то побывала бы замужем не менее десяти раз».

И вот теперь, не обремененная никакими заботами, она могла позволить себе влюбиться. Но чего бы она ни искала, к чему бы ни стремилась, судя по всему, ее поиски оставались безуспешными. По крайней мере, среди толпы молодых людей.

Брижит по натуре «fleur bleue». Это значит, что она от природы романтик, а не хищница, что, подобно школьнице, которая влюбилась первый раз в жизни, она робеет и заливается краской.

«В ней особенно трогательно то, — замечает Кристина Гуз-Реналь, — что каждый раз, влюбляясь, она думает, что это навсегда. При этом необходимо понять, что Брижит отнюдь не реалист. Она редко когда спускалась с небес на грешную землю. Может, теперь ей это удастся. Но тогда вряд ли. Большинство ее друзей ужасно переживали за нее, потому что понимали, как она одинока. А еще им было понятно, что до некоторой степени она сама повинна в собственном одиночестве. Она никогда не стремилась удержать подле себя человека — будь то любовник, друг, прислуга или муж».

В моменты крайнего одиночества Брижит плакала Гуз-Реналь: «Мне не на кого опереться, не от кого ждать поддержки. Я совсем одна».

Гуз-Реналь пыталась поддержать Брижит, когда той бывало невмоготу. Нельзя сказать, чтобы это ей всегда удавалось.

«Моя дружба с ней берет начало в юности. Мы вместе провели наши лучшие годы. И я многим ей обязана. Когда я пришла в кино, Брижит уже была там, а став звездой, выбрала меня. Однако я никогда не стремилась становиться частью

ее круга, ее антуража. Когда сердце у Брижит не занято очередным душещипательным романом, она мила, она восхитительна, она просто чудо. И вместе с тем — я говорю это с симпатией — она просто ненормальная. Этакая ходячая инфантильность. Откровенно говоря, ей вряд ли когда-либо довелось испытать настоящую любовь. Правда Вадим занимал в ее жизни особое место. И она не может забыть, что именно он открыл для нее жизнь. Но другие? Я сильно сомневаюсь».

По словам Гуз-Реналь, надо обладать недюжинным характером, чтобы уметь противостоять Брижит. Уметь дать ей отпор. А иначе она сделает вам больно. «Она не понимает, что ранит вас. Однако это слабое утешение для тех, кому она причиняет страдания. И единственный способ оградить себя — это не пресмыкаться перед ней. Она потому окружает себя животными, что они целиком и полностью находятся в ее власти. Те немногие из друзей, что еще у нее имеются, не подвластны перепадам ее настроения. Единственный способ сохранить с ней дружбу — это избегать ее, как только ей в очередной раз попадет шлея под хвост. Ее друзьям хорошо известно, когда пройдет у нее эта дурь, а как только та проходит, Брижит снова восхитительна и неотразима».

Майк Сарн видел ее с близкого расстояния, и хотя это удалось ему лишь на несколько дней, увиденное не вызывало ни малейших сомнений.

«Женственность Брижит настолько органична, что стоит ей войти в комнату, как все цвета в ней начинают восприниматься совершенно иначе. Ее присутствие сказывается на всем, и это потрясающе. Вы совершенно иначе начинаете воспринимать ее лицо, ее прическу, ее тело, и все в ней — само совершенство. В ней нет ничего вторичного».

«Главное для нее, — говорит Сарн, — это вклю-

биться, причем со всей откровенностью и ничуть не стыдясь».

«Нет, ее стиль ничего не имеет с раскрепощенной, необузданной сексуальной революцией. Для Брижит секс и любовь неразделимы. Многие люди, например Вадим, видят в сексе нечто вроде товара. Брижит воспринимает все совсем по-другому. Это своего рода слабость в ее сильном мужском характере, которая делает ее воистину поразительной женщиной. На редкость вспыльчивой. И на редкость знаменитой».

Как ни странно, считает Сарн, женщины всегда понимали Бардо лучше мужчин. «Для них она не представляла опасности. Она была где-то далеко по сравнению с остальным человечеством. Женщины просто не имели возможности соперничать с ней на каком бы то ни было уровне и поэтому даже не предпринимали попыток. Вместо этого они подражали ей — в одежде, в прическе, в походке, как и она, пробовали надувать губки и, подобно ей, пытались быть свободными в любви».

Для Брижит же величайшая дилемма заключалась в том, что она затмевала собою мужчин. По мнению Сарна, это делалось непреднамеренно, но, увы, было неизбежно.

«Когда она влюбляется в кого-то, то берет жизнь мужчины в свои руки. Ей трудно идти на компромиссы. Главное, чтобы все было так, как ей хочется. А иначе она просто не умеет. И как бы настойчиво она ни пыталась внушить мужчине, что ему ничего не угрожает — причем делает это совершенно искренне, — его мужское самолюбие нашептывает ему: «Я ей неподвластен».

В первые пару лет ухода из кино Брижит Бардо сделала для себя открытие, что взрослеть далеко не просто. Не нашлось никого, кто помог бы ей преодолеть переход от девушки к женщине. И однажды она обнаружила, что молодость прошла.

В некотором смысле Брижит позволила заманить себя в иллюзию и, польстившись на нее, совершила свою главную ошибку.

И дело не в том, что через ее жизнь прошла вереница молодых людей. Для Франции это своего рода честь. Ведь французам хочется, чтобы весь мир верил в то, будто они одни знают толк в любви.

Дело в другом — просто многие мужчины пользовались ею в собственных небескорыстных целях, как если бы они жаждали заполучить в свои руки скрипку Страдивари, хотя были не способны извлечь из нее даже нечто отдаленно напоминающее музыку.

СПАСАЯ МОРСКИХ КОТИКОВ

Жерар Монтель — известный в Сен-Тропезе как «le perruquier» — «производитель париков», как-то раз позвонил Брижит и сказал: «Le Shah est mort» — «Умер шах».

Но Брижит решила, что он сказав «Le chat est mort» — «умер кот», и ей страшно захотелось узнать, «который?»

Жерар не понял: «Как это который?»

И тогда Брижит повторила: «Умер кот. Будь добр, не тяни, скажи мне, какой кот».

«Да нет же, — поправил ее Монтель. — Умер шах Ирана» — «Le Shah d'Iran est mort».

«А, — ответила Брижит, — слава Богу».

Еще в начале 1962 года Брижит открыто выразила свой протест против жестокого обращения с

животными на бойнях, став первой знаменитостью во Франции, занявшей по этому вопросу твердую позицию. Под ее давлением французскому правительству пришлось наложить запрет на устаревшие методы убийства животных, что все еще были в ходу в ту пору, и после длительной кампании был наконец-таки принят акт, предписывающий бойням применять быстродействующие, а значит, и более гуманные электрошоковые пистолеты. Этот законодательный акт вошел в историю как закон «Б. Б».

На протяжении многих лет Брижит сражалась за более гуманное отношение к животным в зоопарках. Благодаря ее усилиям были закрыты четыре французских зоопарка, где условия содержания животных невозможно назвать иначе, как ужасающими. Еще девять — закрыты временно, для приведения их в надлежащий вид. К этому еще можно добавить 18 официальных предписаний и штрафов, полученных зоопарками, в которых условия были далеки до идеальных.

Затем Брижит предприняла крестовый поход против меховщиков, во всеуслышание возмущившись действиями охотников-промысловиков, обрекавших раненых животных на жуткие страдания. Несколько раз она лично брала на себя расходы по уходу за подстреленными животными, которые оказались брошены на произвол судьбы и обречены на мучительную смерть.

Вот почему, распрощавшись с кинематографом, Брижит успела нажать себе немало серьезных врагов.

Первыми в списке ее недругов шли охотники и мясники, в особенности мясники, специализировавшиеся на конине. Они осыпали ее оскорблениями, угрожали ей, терроризировали ее и даже убили нескольких из ее животных. Они ненавидели Брижит за все те неприятности, что она доста-

вила, им или, как в случае с мясниками, за тот ущерб, что она нанесла их бизнесу своими публичными протестами.

Даже в период относительного затишья они всякий раз плевались, услышав ее имя, утверждая, что она неисправимый мизантроп и ей ненавистно все человечество.

Желчь, которой исходили мясники и охотники — и, в особенности, торговцы кониной, — верный признак того, что даже если она не смогла одержать победу во всех своих битвах, по крайней мере, другой стороне понятно, что им пришлось повоевать.

Уйдя из кинематографа, Брижит теперь все чаще высказывала свое несогласие — причем с каждым разом все громче — против бесчеловечного обращения с животными. Со своей стороны, недруги принялись оскорблять ее, называя стареющей актрисой, которая не знает, чем ей заняться. Но Брижит решила доказать им, что ее оппоненты неправы. Ведь она была всего на шаг от поистине выдающегося успеха — хотя и начинала с ряда неудачных и откровенно неуклюжих фальстартов.

Когда закончился ее двухлетний роман с Лораном Верга, Брижит увлеклась мускулистым блондином, скульптором, чехом по происхождению, Мирославом Брозekom, который был на восемь лет ее младше. Они познакомились, катаясь на лыжах в Мерибеле. Она называла его для краткости Мирко и, прожив вместе с ним несколько месяцев, начала говорить направо и налево: «Я от него без ума. Он надежный человек. С ним я чувствую себя как за каменной стеной. На него можно положиться».

Когда ее спросили о планах на будущее, Брижит ограничилась следующим заявлением: «Я придерживаюсь старомодных взглядов. Прежде чем выходить замуж, необходимо все как следует взве-

силь и продумать. После трех неудач кому это знать, как не мне». И тем не менее, вскоре пресса начала всю прочесть Мирко на роль мужа номер четыре.

Судьба распорядилась иначе, но именно во время ее романа с Мирко Брижит начала кампанию по защите котиков, и в особенности их детенышей. Когда ей впервые стало известно о массовом истреблении животных в восточной Канаде, где ежегодно весной на льдинах гибнут десятки тысяч котиков — эскимосы традиционно забивали их палками, чтобы не испортить мех, — Брижит нашла это настолько омерзительным, что прожужжала всем уши.

Не удивительно, что однажды вечером, в начале марта 1976 года, это стало главной темой разговора за обедом в кругу друзей, среди которых были Кристиан Бренкур и Филипп Летельер.

Брижит рассказала им об истреблении ластоногих, причем так распалилась, что в конце концов заявила присутствующим, что больше не допустит подобного, а лично приедет в Канаду, чтобы положить конец массовому истреблению животных.

Летельер, который теперь работал главным редактором журнала «Parents», младшего брата «Пари-Матч», заинтересовался ее рассказом и даже предложил лично написать репортаж для всех изданий группы «Пари-Матч».

Бренкур, который к этому времени являлся старшим журналистом телеканала TF1, тотчас присоединился к их компании: «Я захвачу с собой операторов, и мы все снимем на пленку».

В срочном порядке был составлен план, как Бардо и ее приятелям перенестись из Франции на Ньюфаундленд. Летельеру и Бренкуру пришлось отпрашиваться на работе. Последний взял на себя договориться об операторе, звукооператоре и ос-

ветителе. Вместе с Брижит и Мирко им всем пришлось приобрести специальную защитную одежду. Но как только это было улажено, впереди их ждало путешествие.

Как оказалось, кратчайший путь в Канаду лежал через Лондон. Прилетев из Парижа в аэропорт Хитроу, они переседают на лайнер авиакомпании «Эр Канада», выполнявший рейс на Ньюфаундленд. Бардо, как обычно, побаивалась лететь, но, тем не менее, друзья договорились встретиться в десять утра в воскресенье, 28 марта, в аэропорту имени Шарля де Голля, чтобы одиннадцатичасовым рейсом вылететь в Лондон.

В 10.15 ни Брижит, ни Мирко еще не было. В 10.30 Летельер и Бренкур пытались убедить представителей «Эр Франс» задержать рейс. Не успели представители наземных служб поставить в известность Летельера и Бренкура, что не могут ждать ни минутой дольше и поэтому прекращают регистрацию, как откуда ни возьмись появилась Брижит — в длинной накидке, — а за ней едва поспевал Мирко.

Было видно, что они поссорились.

Первое, что она произнесла: «Я никуда не еду».

Летельеру и Бренкуру понадобилось несколько минут, чтобы урезонить ее, и все это время представители «Эр Франс» пытались добиться от них окончательного ответа — летят они все-таки или нет, и если да, то будьте добры, пройдите на борт самолета; после чего потребовалось еще несколько минут, чтобы убедить Брижит, что все будет, как надо, лишь бы она села в самолет.

Как только они поднялись в воздух, Брижит немного поостыла.

Брижит сидела рядом с Мирко, держа его за руку, а позади них расположились Филипп и Кристиан. На протяжении всего получаса, пока они летели в Лондон, Брижит то и дело оборачивалась

к ним, чтобы сказать: все: в порядке, мы доберемся до места.

Обоим ее друзьям было известно, что Брижит боится летать и что ее особенно страшит долгий перелет в Канаду. Знали они и то, что она сильно устала за последние несколько недель и чувствовала себя не лучшим образом. Но теперь, казалось бы, все было в порядке, и Филипп заметил про себя, ну вот, все идет как по маслу.

В Лондоне ее как будто подменили.

Им надо было перейти на другой терминал, обслуживавший рейсы «Эр Канада», и они как раз направились туда, когда Брижит заметил один фотограф, работавший для «Дейли мейл». Он явно получил от кого-то информацию о ее прилете. Фотограф принялся щелкать камерой, отчего Брижит рассвирепела.

Она с криком накинулась на репортера, а затем, завернувшись в плащ, попыталась скрыться, нырнув в ближайший туалет. Когда Брижит наконец соизволила выйти оттуда, то заявила, что слишком плохо себя чувствует и поэтому не в состоянии продолжать путешествие. Короче, она возвращается в Париж. Летельер и Бренкур отвели ее в специальный зал ожидания «Эр Канада» и вызвали к ней врача.

Пока Брижит лежала на кушетке, врач проверил ее пульс, произвел общий медицинский осмотр. Поговорив с ней несколько минут и убедившись, что нет ничего серьезного, он заверил ее, что она вполне в состоянии продолжить полет. Но Брижит все твердила: «Нет, никуда она не полетит» и заявила Летельеру и Бренкуру, что ближайшим рейсом возвращается в Париж. Ее спутники пытались урезонить ее, но Брижит упорно стояла на своем

За дверями их зала к фотографу из «Дейли мейл» уже присоединилась компания журналис-

то и фоторепортеров, регулярно промышлявших в аэропорту. Репортерская братия желала знать, что здесь происходит. На переговоры с ними был выслан Мирко, который объяснил, что Брижит плохо себя чувствует. У нее поднялась температура, и она возвращается домой, к своему личному врачу.

Тем временем Летельер оставался подле Брижит, а Кристиан отправился за билетами назад в Париж. К сожалению, все парижские рейсы были забиты до отказа. По крайней мере, путешественникам ничего не светило до самого воскресного вечера, а значит, весь остаток дня им придется проторчать здесь, в Хитроу. Кристиан объяснил все это Брижит в надежде, что она передумает. Но она и слышать не желала — немедленно посадите меня на самолет до Парижа, прямой рейс или чартерный — мне без разницы или, на худой конец, на поезд, но я возвращаюсь домой, и все тут!

Для этого пришлось приложить немалые усилия — не раз подчеркнув, о ком идет речь, — но Летельеру с Бренкуром в конце концов удалось раздобыть два места на парижский рейс во второй половине дня. Вот тогда-то Мирко отвел обоих мужчин в сторону.

Быстро сообразив, что сможет этим привлечь внимание к своей особе, Мирко предложил отправить Брижит домой одну. Они же втроем продолжат свое путешествие и сделают фильм в защиту котиков без ее участия.

Правда, подобная перспектива показалась малопривлекательной как для «Пари-Матч», так и для TF1, и Летельер с Бренкуром вежливо отказались. Всего через несколько часов приземления в Хитроу, Брижит и Мирко уже летели назад в Париж. Тем временем Летельер, Бренкур и трое телевизионщиков застряли в Лондоне.

На следующий день Брижит сделала заявле-

ние о том, что одна только мысль об истреблении котиков была для нее столь невыносимой, что она была не в состоянии продолжить путешествие.

Через девять дней, 6 апреля, Брижит приняла участие в акции протеста напротив посольства Норвегии, оказавшись в самой гуще пятитысячной толпы. Когда репортерам наконец удалось подобраться к ней, Брижит публично осудила норвежцев за убийство ластоногих, заявив, что намерена продолжать свою борьбу против истребления животных, независимо от того, где происходит эта бойня, и через прессу обратилась о личной встрече к канадскому премьер-министру Пьеру Трюдо. И хотя Брижит так и не появилась в окрестностях Ньюфаундленда, поднятый ею шум привлек внимание общественности к ежегодным кровавым бойням.

И реакция людей — большинство которых безоговорочно поддержали ее — придала ей новые силы. В известном смысле, Брижит выпустила из бутылки джинна, причем последний оказался не просто кошмарно уродлив, но и превратился в настоящий бич ее жизни. Ее утренняя почта, которая теперь из привычных 200-400 писем в день разбухла до тысячи, приносила все новые известия о бесчеловечном обращении с животными.

Опыт подсказывал ей, что она взвалила на свои хрупкие плечи непосильную ношу. Столкнувшись лицом к лицу с хорошо организованным сопротивлением по всему фронту — взять хотя бы меховую торговлю, у которой имелось мощное политическое лобби, — Брижит поняла, что ей никак не обойтись без собственной организации. И она задумала создать фонд Брижит Бардо.

Благодаря своему громкому имени, ей удалось заручиться поддержкой двух всемирно известных экологов — исследователя морских глубин Жака Кусто и полярника Поля-Эмиля Виктора. Они оба

дали согласие, что поддержат ее кампанию и займут места в совете директоров ее фонда. Виктор также предложил административную помощь со стороны Филиппа Коктеро, который в ту пору являлся генеральным секретарем «Группы Поля-Эмиля Виктора в защиту человека и среды его обитания».

Созданный ею фонд, по словам Бардо, ставил себе целью объявить войну тем страданиям, которым ежедневно подвергаются в мире миллионы животных. С этой целью она намерена использовать все имеющиеся у нее возможности и средства для защиты их прав и интересов, а также охранять от полного исчезновения редкие виды. Каждый год, подчеркивала Бардо, мы будем проводить новую крупную акцию. Она намерена вести непримиримую борьбу против истребления ластоногих, против торговли мехами, против охотников-промысловиков, против использования животных в медицинских экспериментах, против использования животных продуктов в косметической промышленности. Она также возьмет под свою защиту бездомных животных.

Когда ее спрашивали, почему она ставит жестокость к животным выше жестокости к человеку — очевидный, и поэтому частый упрек, — ответ неизменно бывал точен и резок: «От жестокости к животным до жестокости к человеку один шаг. Война произошла от охоты. Кровь вызывает о крови. Необходимо отыскать корни зла. Я всегда относилась к животным с величайшим уважением, я никогда не рассматривала их как безгласные объекты. И мне хотелось бы одного — стать тем катализатором, который бы пробудил общественное мнение, потому что без общественного мнения я бессильна что-либо изменить».

В считанные дни к ней начали поступать пись-

ма и пожертвования — из Франции, Бельгии, Швейцарии, Канады и США.

Вскоре был составлен бюджет фонда на первый год его деятельности — около 1,2 миллиона фунтов. Бардо внесла личный вклад, пожертвовав делу третью часть своих гонораров, а остальное надеялась получить от сочувствующей публики. На что она не рассчитывала, так это на то, что публика окажется более заинтересована в ней самой, нежели в ее работе, а руководить фондом — значит взвалить на себя руководство целой организацией, а это непосильная ноша, даже если учесть несомненную искренность ее начинаний.

Пришлось даже отказаться от приема с шампанским в модном парижском ресторане «Пре Кателан» — туда хлынули громадные толпы поклонников, что сильно смахивало на пресловутое массовое помешательство в лучшие годы ее кинокарьеры. Бардо намеревалась сказать, что планета находится в состоянии войны, и если ее обитатели не предпримут решительных действий, то в скором времени начнется тотальное и безвозвратное вымирание целых видов живых существ. Но ей не дали даже рта раскрыть. Началась повальная свалка, пришлось вызывать полицию, и, ради ее же собственной безопасности, Брижит пришлось вывести из ресторана. Филипп Коктеро остался утешивать буянов. Ему не понадобилось утруждать себя никакими заявлениями, потому что репортеров и фотографов как ветром сдуло. Им нужна была только Брижит.

А еще через несколько месяцев фонд Брижит Бардо приказал долго жить.

Брижит приняла неудачу близко к сердцу. Она пыталась объяснить, что проблемы, которые взяла решать ее фонд, оказались чересчур сложны и слишком дорогостоящими для такой небольшой группы энтузиастов. По словам Брижит, на их пути

было слишком много всяких препон, хотя лично ее до глубины души тронула готовность людей помогать ее фонду, искренность, с которой они откликнулись на ее призыв; расходы на его содержание перекрывали средства, предназначенные на непосредственное решение проблем. Брижит добавила, что будет более честно с ее стороны и более действенно продолжить борьбу в одиночку, используя для этого собственные средства.

«Я надеялась, что фонд мог бы стать коллективным усилием людей доброй воли, направленным на решение общей цели. Но объем получаемой нами почты, диапазон стоящих перед нами проблем требовали создания руководящих и административных структур, которые просто не по силам добровольцам, а мне бы не хотелось, чтобы получаемые нами пожертвования шли на содержание армии бюрократов».

На протяжении последующих нескольких месяцев стало ясно, что кончина фонда имела под собой более серьезные причины, нежели финансовые. Брижит не поладила со своими партнерами — а именно с Виктором и Коктеро. Она почему-то прониклась к ним подозрениями, усомнившись в правильности ведения бухгалтерских книг. Все вышло наружу, когда Брижит докопалась до истины. Как оказалось, жалованье, аренда помещений, офисные и почтовые расходы — все это вместе взятое более чем в два раза превышало те средства, которыми располагал фонд.

Возмущившись тем, на что шли — или, вернее, не шли — собранные ею деньги, Брижит воскликнула: «Уж лучше бы я купила двадцать пять тысяч банок собачьих консервов и лично бы раздала их бездомным псам!»

Оскорбившись, Коктеро сделал выпад в ее адрес, обвинив Брижит в дилетантстве. «Она — всего лишь богатая дамочка, которая предпочитает иг-

рать с друзьями в карты, сидя у себя на вилле в Сен-Тропезе, чем заниматься реальной помощью животным».

По его словам, телеканал Си-Би-Эс в Соединенных Штатах был готов пожертвовать фонду два миллиона франков, если Бардо согласится сняться в документальной ленте, над которой они тогда работали в одном из американских заповедников. Когда телевизионщики обратились к ней с предложением, Брижит ответила отказом, сославшись на то, что не любит долгих перелетов.

Коктеро не отрицал: «Да, она любит животных, — но спешил добавить: — беда в том, что лично она не готова и пальцем пошевелить, чтобы облегчить им существование».

К январю 1977 года, когда обе стороны, не стесняясь, поливали друг друга грязью, Брижит подала на Виктора и Коктеро в суд. Она потребовала возмещения ущерба в 72 тысячи франков. В эту сумму входила арендная плата, уплаченная ею Виктору и его группе защиты окружающей среды, что, согласно ее иску, являлось противозаконным, жалование Коктеро, на которое он не имел ни малейшего права, и стоимость 20 чучел животных, которые Коктеро приобрел без ее на то согласия, якобы для украшения приема в «Пре Кателан», а затем перепродал по завышенной цене и разницу передал в распоряжение фонда. К этой сумме был также символически присовокуплен один франк на возмещение морального ущерба, нанесенного якобы действиями этой парочки доброму имени фонда Брижит Бардо.

Коктеро возражал, что его жалование оставалось точно таким, как и когда он работал у Виктора, а фонд не вносил ему никакой арендной платы — зато он был вынужден оплачивать, поскольку дал на это согласие, ежемесячные расхо-

ды. Всякий раз, когда он пытался добиться от Бардо, чтобы она проверила grossбухи фонда, она отказывалась обсуждать их. По словам Коктеро, в какой-то момент он был вынужден вылететь в Сен-Тропез, чтобы вместе с Брижит обговорить счета, чтобы она имела представление, на что идут деньги, но вместо этого Бардо, рассвирепев, схватила бумаги и швырнула их на пол.

Виктор подал ответный иск за клевету, добавив, что своими действиями Бардо нанесла серьезный ущерб делу защиты животных. Более того, подчеркивал он, вместо того, чтобы бороться за права живых тварей, Бардо предпочитала проводить время, нежась на солнышке в Сен-Тропезе.

В ответ Бардо заявила, что любит животных и готова пожертвовать ради них частью своей жизни — кстати, именно по этой причине она и взялась за создание фонда, но яростно возражала против того, чтобы собранные фондом средства оседали в карманах бюрократов. И вообще, заметила она, ей хорошо заметен загар на Викторе, приобретенный недавно на Таити, который «куда темнее моего».

Ее адвокат, Жиль Дрейфус, счел нужным сказать свое веское слово: «Мадемуазель Бардо исполнила взятые на себя обязательства, но, судя по всему, она никак не ожидала, что фонд потребует от нее трудиться все 24 часа в сутки. Это не для нее. Будучи красивой женщиной, она оказалась не готова вступить в «Священный орден животных».

В это время с Бардо познакомились активисты защиты прав животных и французский телепродюсер Ален Бугрен-Дюбур. Последний в конечном итоге пополнил ряды ее любовников и прожил с ней не один год. Вместе они выпускают несколько телепередач, посвященных животным, а также трехчасовой сериал о ее жизни.

Бугрен-Дюбур вспоминает, как остро переживала Брижит постигшую ее неудачу.

«Она долго не могла прийти в себя. Но в ту пору Брижит еще не хватало зрелости. Как и тем людям, кого она попросила взять на себя руководство фондом. Организация дела была из ряда вон плохой. А Брижит — слишком наивна и не знала даже, с чего начать. Ей хотелось, чтобы все до последнего франка тратилось на животных. Например, она отказывалась понять, что без административных издержек просто не обойтись».

Кроме того, ей не хватало опыта по защите прав животных. «Тогда у нее еще не было необходимых знаний, какими она располагает сейчас. Она закрыла свой первый фонд, потому что ощутила себя заложницей его административной структуры. Сегодня ей понятно, что подобные вещи делаются на тех же принципах, что и любой бизнес. Сегодня ей понятно, что управление — составная и неотъемлемая его часть. Сегодня у нее имеется богатый практический опыт решения проблем и она знает, как и что делать с самыми сложными из них. Бумажная работа утомляет ее до слез. Она терпеть не может читать финансовые документы. Но зато теперь она умеет управляться с делами, что и делает. Ее опыту можно только позавидовать. Правда, все это пришло с годами. А тот первый фонд Брижит Бардо оказался несколько преждевременным».

Во вторник, 15 марта 1977 года, в день, когда в северо-восточном Ньюфаундленде началось массовое истребление котиков, Брижит Бардо обратилась с прошением к королеве Великобритании, которая также является и сувереном Канады, положить конец кровавой бойне. Бардо отлично понимала, что королева в данном случае бессильна, но

была готова разыграть любую сцену, лишь бы привлечь внимание общественности.

На следующий день, когда в Сен-Энтони уже собрались десятки протестующих против массовой живодерни, Брижит charterным рейсом вылетела на Ньюфаундленд вместе с Мирко, швейцарским экологом Францем Вебером и репортерами из фотоагентства «Сигма». Последних пришлось взять с собой, поскольку «Сигма» согласилась оплатить транспортные расходы.

Предупредив, что если «охота пойдет в том же темпе, то к 1985 году на севере не останется ни одного котика», Брижит намеревалась привлечь к этой проблеме канадское правительство. «Весь мир восстал против истребления детенышей котиков, и если ситуация не изменится, то Канада рискует оказаться втянутой в дипломатические конфликты».

Бардо пообещала, что не остановится ни перед чем, чтобы оградить природу от подобной дикости, повторив при этом, что желает видеть Трюдо.

Помощники премьер-министра, отлично понимая, что не обращать внимания на Брижит Бардо, значит заведомо ставить себя в глупое положение — право, никому из них нет нужды напоминать о том, что независимо от того, кто из двоих окажется в центре внимания прессы, Бардо или Трюдо, ссоры из-за этого не произойдет, — предложили, что если Бардо желает видеть премьер-министра, «то в соответствии с принятыми правилами она должна либо позвонить в его секретариат, либо послать письмо».

Тем временем, участники акции протеста, в том числе представители «Гринпис» и Всемирного фонда охраны животных, сообщали о том, что уже в первый день бойни было уничтожено 11930 котиков.

Полиция не знала, что ей делать с протестующими, и на третий день разразилось настоящее побоище. Так что в этот момент правительству только не хватало Бардо. И вот в пятницу, 18 марта, когда ее самолет приземлился в Блан-Саблон на границе Квебека и Лабрадора, там ее уже ждали.

Первым делом был арестован ее самолет — на том основании, что пилот по пути в Блан-Саблон делал посадку на Ньюфаундленде, не спросив при этом разрешения таможни, что, между, прочим, предписывалось правилами.

Во-вторых, представитель Королевской канадской конной полиции потребовал, чтобы пилот представил документы, удостоверяющие его профессиональный статус. Иными словами, полицейскому захотелось взглянуть на его летные права. Представитель правопорядка затребовал также официальный маршрут, согласованный с канадской авиацией и дающий право на посадку в стране.

И в довершение, аэропортовые власти «осчастлививли» летчиков, выставив им счет в несколько сот долларов за посадку и наземное обслуживание.

Правительство Трюдо потрудились на славу, лишь бы поставить ей палки в колеса, и эта гнусная затея ему в общем-то удалась. Брижит не успела на вертолет, который должен был доставить ее к месту побоища.

Правда, она не пожелала давать себя в обиду и высказала все, что думает по этому поводу. И тут замысел правительства сработал против его же создателей. То, что могло стать не более чем иллюстрацией и в общем-то проходным материалом, в один момент обернулось сенсацией, тотчас привлекая к себе всеобщее внимание. То была уже не просто Брижит и ее котики, то была Бардо против Канады. Пока команда ее самолета была вынуждена биться лбом об стенку, доказывая

местным чинушам, что имеет право на посадку, Брижит решила дожидаться их и сняла себе жилье, переехав в единственный на всю деревню дом, в котором имелась кровать.

К этому времени счет убитым котикам дошел до пятидесяти тысяч.

Казалось, еще немного и Брижит одержит победу — как оказалось, все летные документы были в полном порядке, — но тут ей все испортила погода. На протяжении последующих трех дней Бардо пришлось томиться бездельем, а вокруг бушевала снежная буря.

Правда, она использовала это время, чтобы договориться с промысловиками. Если они согласятся прекратить бойню, Брижит поможет наладить в их местности производство искусственного меха, то есть создаст новые рабочие места. Более того, она согласна позволить им, в целях рекламы их продукции, совершенно бесплатно пользоваться ее именем.

В ответ на свои предложения Бардо слышала лишь презрительные насмешки. По мнению охотников, ее меньше всего заботило их благодеяние и своими действиями она просто надеялась заработать себе лишние очки.

Брижит дала им резкую отповедь: «Я не из тех, кто набивает себе цену. У меня в голове не укладывается, как они только могут говорить подобные вещи». Увы, к ней никто не прислушался.

Как только погода прояснилась, Брижит села в вертолет и приготовилась преодолеть последние 90 миль. И снова удача отвернулась от нее. Машина угодила в снежную бурю, видимость упала ниже допустимого предела, ну а поскольку их болтало ветром из стороны в сторону, пилоту ничего не оставалось, как повернуть обратно.

Бардо возвратилась в Блан-Саблон в слезах и подавленном настроении.

«Лед стал красным от крови. Я видела это с самолета — на многие мили вокруг он был обга-рен кровью. Куда ни глянь — повсюду валялись трупики. Их убивают железными крючьями, этих крошечных двухнедельных детенышей, эти безза-щитные комочки меха, такие теплые и очарова-тельные. С них тут же на месте сдирают шкуру, и можно видеть, как посреди этой кровавой массы все еще бьются их крошечные сердечки».

И хотя сама Брижит так и не добралась до места побоища — ей так и не довелось броситься между котиком и охотником, подобно тому, как поступали многие из протестующих, — ей все-таки удалось сфотографироваться с несколькими детенышами. Она леглась рядом с ними на лед, прижимаясь к ним лицом, и эти снимки впослед-ствии стали символизировать отказ человечества от истребления котиков.

Правительство Трюдо и охотники-эскимосы, однако, оставались при своем мнении, не упуская случая напомнить миру, что, дескать, есть одна немолодая актриса, которая с горя занимается са-морекламой.

Через пару дней Брижит возвратилась в Па-риж, готовая выступить с предупреждением для канадцев. «Мне все равно, что про меня говорят. На следующий год я сделаю то же самое».

Тогда же в кровавом побоище было уничтоже-но 170 тысяч детенышей котиков.

Брижит не желала сдаваться и при первой же возможности заводила речь об истреблении этих животных, не давая общественному мнению успо-коиться. Она обратилась с петицией к правитель-ству Франции и, можно сказать, постоянно дер-жала Трюдо и его правительство на крючке. В конце года она вновь обратилась с письмом к канадскому премьер-министру, напомнив ему в ко-

торый раз о том зверстве, которое он, судя по всему, готов поощрять и дальше.

В январе 1978 года Брижит перенесла свою битву в Совет Европы и даже лично отправилась в Страсбург выступить в поддержку предложения наложить двухлетний запрет на промысел гренландских котиков — являясь частью Дании, Гренландия попадала под юрисдикцию Общего Рынка, — а также установить квоты, резко сокращавшие число убитых животных.

Датские и норвежские парламентарии пробовали защитить свою позицию, начав с того, что Бардо-де явилась на заседание в неприличном виде. На ней был свитер, юбка и сапоги, однако по выступлениям скандинавов можно было предположить — кто их знает, какие там у них традиции и представления о том, в каком виде полагается являться на парламентские заседания, — будто ей следовало явиться сюда не иначе, как в вечернем платье, тиаре и на высоких каблуках.

Далее, они обрушили на Бардо обвинения в том, будто она намеренно превратила сессию парламента в цирк, притаскив вслед за собой огромные толпы. Как ни прискорбно, но не нашлось никого, кто напомнил бы скандинавским делегатам, что ни появившись она здесь, они бы и дальше прозябали в полной, хотя и довольно, комфортабельной, неизвестности.

Во время пресс-конференции Бардо охарактеризовала предложения в законодательстве как шаг на пути к достижению цели, однако, по ее мнению, настоящая борьба только разворачивалась.

Один из журналистов, имеющий о жизни столь же смутное представление, как и скандинавские парламентарии, спросил у Брижит, а правда ли, что ее кампания это не более, чем игра на публику, попытка саморекламы.

Бардо даже не удостоила его ответом, и другой журналист заметил: «Она отказывается отвечать».

Не успела пресс-конференция закончиться, как канадский вице-консул в Страсбурге вручил Брижит послание от Пьера Элиота Трюдо.

В ответ на ее письмо от предыдущего месяца Трюдо делал натужные попытки извиниться перед ней за то, что в глазах тысяч людей оставалось вопиющим злом. Он призывал ее проявить понимание. «Котиков убивают более быстрыми и более гуманными методами, чем домашних животных в цивилизованных странах».

Не замечая отсутствия смысла в собственных словах, Трюдо продолжал: «Мы настаиваем на использовании определенных способов убийства в целях предотвращения ненужной жестокости. Избиение дубинками на льдинах и специальный топор на бойнях никак не отнесешь к разряду приятных вещей, но для нас важно, что от них животное теряет сознание».

Это была жалкая попытка оправдать то, что не поддается оправданию, причем исходила она от вполне разумного человека.

Тем, что сегодня во многих странах мира, в том числе в странах Европейского Сообщества, принят запрет на торговлю котиковым мехом, мы целиком и полностью обязаны Брижит Бардо.

Через четыре месяца после ее возвращения с Ньюфаундленда Кристиан Бренкур получил известие с борта французского рыболовецкого судна, ведущего промысел у берегов Канады, что им известно о проводимой Брижит Бардо кампании. Рыбаки как раз обнаружили на льдине оставшегося без матери детеныша котика и хотели бы привезти его Брижит в качестве подарка.

Когда Бренкур по телефону рассказал Брижит

эту историю, она ответила, не раздумывая: «Да, да, я хочу себе этого малыша». И Бренкур обговорил с капитаном необходимые детали.

Через несколько недель их рыболовецкое судно вошло в порт Фекам, в Нормандии, неподалеку от Гавра. Причал был полон женщин и детей, которые уже долгие месяцы не видели своих мужей и отцов. Но как только команда приготовилась сойти на берег, ко всеобщему удивлению на причале появилась — кто бы вы думали? — ну конечно же, Брижит Бардо!

К величайшей досаде поджидавших их жен, рыбаки полностью переключили внимание на нее. Понадобилось какое-то время, прежде чем все успокоились. Как только жены разобрали своих мужей, команда приподнесла Брижит малыша-котика, которого она тут же назвала Шу-Шу. Актриса была готова прыгать от радости. Она посадила малыша-белька в специально приготовленный для него ящик и на машине отправилась с ним в Базош.

Там он какое-то время жил у нее в бассейне и не ел ничего, кроме рыбы, это стало ясно Брижит после нескольких, довольно напряженных дней методом проб и ошибок.

Правда к этому времени малыш заметно приуныл. Брижит вызвала ветеринара и двух специалистов по котикам, и те решили сделать ему пару уколов. Однако, опасаясь, что это скорее нанесет котiku вред, нежели пойдет на пользу, Брижит не позволила им этого.

Через три месяца она была вынуждена признать, что ее котик нуждается в более просторном жилище. Как ни грустно ей было расставаться со своим любимцем, тем не менее, Брижит подарила его «Маринленду» в Антибе.

В последующие годы Брижит Бардо можно было нередко увидеть в «Маринленде». Стоя у края бас-

сейна, она звала своего бывшего питомца: «Шу-Шу!»

Правда в ту ночь, когда она привезла его из Фекампа, случилось так, что Летельер и Бренкур обедали вместе, и неожиданно Филиппу взбрело в голову выяснить, как там поживают Брижит и Шу-Шу. Он набрал номер телефона Брижит. Вот что она сказала ему в ответ: «Малыш отогревается под радиатором».

«А что ты с ним собираешься делать?» — поинтересовался Летельер.

«Не волнуйся, — ответила Брижит с присущим ей энтузиазмом. — Я сделаю из него настоящего мужчину».

БИТВА У СЕН-ТРОПЕЗА

Существует Сен-Тропез, жить в котором одно удовольствие — с сентября по май. И есть Сен-Тропез, где жизнь — сплошное мучение — с июля по август.

С осени и до начала лета здесь обитает всего пять тысяч человек, живущих сонной, размеренной жизнью — утром позавтракать в кафе, после обеда посидеть за пастисом на Пляс-де-Лис.

С наступлением сезона отпусков все меняется прямо на глазах.

Город подвергается нашествию, по меньшей мере, стотысячной армии отдыхающих. Они приезжают на автобусах, в вагончиках-караванах, на «мерседесах», вытесняя местных жителей на задворки. Их огромные яхты выстраиваются у набережной, сами они оккупируют красные парусино-

вые шезлонги у «Ле-Сенекье», голубые парусиновые шезлонги у «Ле-Гориль» и ведут ожесточенные битвы за иностранные газеты у киоска в порту, в котором кроме прессы вы всегда можете купить фотографии загорелых красоток — как в купальниках, так и без оных, причем в верхней части открытки крупными, бросающимися в глаза буквами неизменно бывает выведено «Привет из Сен-Тропеза».

Магазинчики, которые большую часть года закрыты, кстати, в большинстве своем, это бывшие конюшни в нижней части дома — летом открывают двери. Здесь можно приобрести маску или ласты, или же пресловутые футболки с надписью на шести языках, которая гласит: «Мои родители ездили в Сен-Тропез и привезли мне только эту вшивую майку».

Здесь также продается лосьон для загара, дешевенькие одноразовые фотоаппараты «Фуджи» и бейсбольные кепки «Сиэтл Маринер». Если желаете, можете купить надувные круги в виде рыбы, которые легко надеваются на ребенка, купальные костюмы с рисунком в виде британского флага, а к нему в тон — «espadrilles» — парусиновые пляжные туфли.

В разгар сезона завтрак в пятизвездочном отеле «Библос» — чашка кофе и пара круассанов — обойдется вам в 12 долларов. В иное время года это заведение стоит под замком. Есть тут пиццерии и магазинчики готовой одежды, чьи владельцы за пять месяцев зарабатывают себе денег на целый год вперед, и булочные, в которых местные жители покупают длинные батоны, а приезжие — сэндвичи «*pan bagnat*».

В любом табачном киоске вы можете приобрести пестрые телефонные карточки, без которых вам не позвонить из городских автоматов, находящихся в конце причала или же возле небольшой

стоянки напротив местной жандармерии, причем будки украшает весьма ценный совет «Скажи «да» презервативу».

Когда в своих комфортабельных автобусах с кондиционером, гидом и двумя туалетами в Сен-Тропез прибывают путешествующие по Европе туристы — немцы, финны, британцы, японцы, американцы, а сегодня и представители восточноевропейских стран, — они сначала заполняют собой весь город, сметая с прилавков все, что только попадется им на глаза, после чего устремляются на пляж, где разгуливают при полном параде, увешанные фотокамерами, разглядывая тех, кто не одет.

Каждый час из порта отправляются прогулочные катера, и до сих пор «Мадраг» преподносится как гвоздь программы.

Улицы патрулируются жандармами, «Не парковать!» — рывкают они по-французски, итальянски, немецки и английски. Туристы тем временем выстраиваются у банков и меняльных контор, чтобы поменять свои дорожные чеки на французские франки — а чем еще прикажете платить за плохо разогретый хот-дог в дешевой кафешке или акварельку, которыми торгуют здесь два десятка уличных художников, — они тем и живут весь год, что успеют «настрелять» за лето.

По вечерам рестораны выставляют столики прямо на улицы, и отдыхающие, глядя на напечатанные на шести языках меню, начинают ломать голову — 120 франков, это много или мало, а затем спрашивают издерганных официантов: входит ли в эту сумму обслуживание? А вино? А правда ли, что эту вашу «tarte Tropezienne» непременно нужно попробовать?

В ресторан входят парни с гитарами — ночь напролет они кочуют из одного заведения в другое, где, сыграв несколько песенок, обходят пуб-

лику со шляпой в руках. Вслед за ними появляются девушки с розами, а в довершение художники со своими акварелями — на тот случай, если кто-то из туристов не успел купить их произведения в порту.

Позднее, когда открываются дискотеки с их оглушающей музыкой и выпивкой по 15 долларов, мужчины все как один приходят сюда в узких белых брюках, черных шелковых рубашках с открытым воротом и белых туфлях на босу ногу. Женщины надевают белые брюки в обтяжку, красные шелковые блузы с открытым воротом и белые туфли на высоких каблуках — впрочем, здесь можно гулять и босиком.

Мужчины уверяют, что они киноактеры и снова приступят к съемкам в новом фильме или просто артисты, и это лучше, ибо кто узнает артиста, или же, что средства позволяют им приятно проводить время.

Женщины же, в свою очередь, утверждают, что они киноактрисы и у них перерыв между съемками, или же, что они модели с парижских подиумов. Собственно, какая разница, кто что говорит, поскольку эти заведения вообще не предназначены для разговоров.

Музыка терзает вас децибелами до самого утра, когда кафе начинают снова заполняться посетителями, а в город прибывают все новые и новые туристические автобусы.

И так все лето, с июня по август.

Брижит обычно старается уехать до начала нашествия, иногда, в начале июня, и часто не возвращается до самого октября, пока наконец окончательно не схлынет волна отдыхающих.

Хотя это, разумеется, не останавливает репортеров, которые, подобно туристам, слетаются сюда каждый год как мухи на мед.

В те годы, когда Брижит еще снималась в кино,

если репортерам было нечего написать, они обычно сочиняли какую-нибудь глупость. Причем в свое оправдание они обычно заявляли, что, дескать, тем самым способствуют ее карьере, и вообще, какая разница, что они там о ней напишут, лишь бы не допускали орфографических ошибок в ее имени. По их мнению, они взвалили на себя священную миссию — не дать умереть мифу.

Брижит смотрела на эти вещи иначе.

Что касается ее самой, она вообще не считала, что чем-то им обязана. И если пресса и способствовала росту ее популярности, то делалось это отнюдь не из филантропических побуждений.

Теперь же, когда Брижит отошла от дел, газеты по-прежнему изобретают все новые глупости. Например, одна газетенка который год твердит о том, будто Бардо принадлежит сеть закусочных и прачечных-автоматов. Вранье чистой воды. Но налоговая инспекция из года в год читает подобные сообщения и, конечно же, время от времени навешивается к Брижит, желая получить причитающуюся им долю.

Другая газета недавно дала своим репортерам задание, чтобы те как следует покопались в любом мусоре, какой те найдут вокруг «Мадрага». Редактору и в голову не могло прийти, что нет там никакого мусора. В конце концов у Брижит для этого имеется дворник. По всей вероятности, не играет для них существенной роли и тот факт, что Брижит практически полная вегетарианка и крайне редко ест мясо. Однако, основательно покопавшись в чьем-то мусоре, газетчики пришли к выводу, что Брижит питается исключительно мясными консервами.

И все-таки бывали редкие моменты, когда в Сен-Тропезе Брижит имела возможность ощутить себя такой же, что и все простые смертные. Однажды, еще когда у нее был роман с Бобом Загу-

ри, они за несколько часов до рассвета прогуливались по порту. Вокруг не было ни души. Боб и Брижит остановились у причала, где покачивались рыбацкие лодки, и долго сидели там, разговаривая.

Спустя какое-то время к ним подошли двое местных полицейских, совсем еще молодые парни. Жандармы взяли под козырек, а один из них вежливо произнес: «*Papiers, s'il vous platit*» — «Будьте добры, предъявите документы».

Брижит была ошарашена. «Мои документы?» Она не могла верить собственным ушам. Что-то непохоже, чтобы эти жандармы были не из местных и поэтому — каким бы невероятным это ни казалось — не узнали ее. Не похожи эти парни и на представителей Национальной полиции — летом сюда для поддержания порядка обычно присылают подкрепление из Парижа. Нет, эти ребята явно из муниципальной полиции Сен-Тропеза.

Брижит пристально посмотрела на них, а затем спросила: «Ну вам же наверняка известно, кто я такая?».

На что один из них смущенно ответил: «Разумеется, мадам. Но мы обязаны это сделать. Мы получили приказ и теперь разыскиваем одну блондинку».

Легенда гласит, будто Тропез был центурионом. Он принял христианство, за что был обезглавлен Нероном. Его тело положили в небольшую лодку — вместе с его собственной головой, петухом и собакой, — после чего оттолкнули ее от берега. Приспешники Нерона рассчитывали, что, проголодавшись, пес и петух — сожрут бедного Тропеза. Но, о чудо из чудес! — когда лодчонку наконец снова прибило к берегу, тело оказалось в целости и сохранности. И поэтому то место, где была найдена лодка, было названо в честь обез-

главленного, но не съеденного центуриона-христианина.

По словам местных жителей, в их подсознании до сих пор живет ностальгия по давно утраченной автономии, поскольку Сен-Тропез с XV по XVII века был независимой республикой. Сен-Тропез вплоть до предыдущего столетия — это крошечный порт, доступный исключительно со стороны моря, живший за счет весьма процветающей рыбоперерабатывающей промышленности. И лишь когда в 1892 году здесь поселился художник Поль Синьяк, о Сен-Тропезе узнала вся остальная Франция.

Под впечатлением благодатного южного солнца — а Синьяк позднее назвал эту рыбацкую деревушку «восьмым чудом света» — он убедил других художников, таких как Анри Матисс, Кеес ван Донген и Пьер Боннар, приехать туда к нему, и, сам того не подозревая, навсегда перевернул здесь всю жизнь. Сен-Тропез вскоре стал тем местом, где зародился знаменитый «пуантилизм» — направление живописи, возвестившее о приходе во французское искусство импрессионизма.

За художниками последовали писатели. Здесь работал Ги де Мопассан, а позднее — Коlette, приехавшая сюда в 1934, чтобы написать свое «Лето 34» («L'Ete'34»). Правда уже на следующий год она уехала отсюда, поскольку Сен-Тропез показался ей слишком шумным и многолюдным, слишком *à la mode*, помпезным.

За писателями в Сен-Тропез устремились театральные деятели, а вслед за ними — и представители кинематографа.

А потом их примеру последовали немцы.

Гитлеровская армия оккупировала большую часть юго-восточной Франции и оставалась здесь вплоть до ночи с 14 на 15 августа 1944 года, когда в Сен-Тропезе приземлились 15 американских па-

рашютистов — то была первая волна десантов союзнических сил. Янки целились захватить участок побережья от Сен-Максима до Сен-Рафаэля, но их отнесло в сторону. Так, по чистой случайности, высадка союзников на средиземноморское побережье Франции началось с Сен-Тропеза.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов в Сен-Троpez в поисках тихих развлечений в полном составе прибыли «Le Tout St Germain des Prés» — те, чье имя хоть что-нибудь значило на левом берегу Сены. К этому времени туризм стал определяющей стороной местной жизни.

А благодаря картине «И Бог создал женщину» это место приобрело едва ли не мифический статус. Здесь до сих пор найдутся те, кто, стоит вам завести речь о Вадиме, тотчас расскажут вам, что он обычно парковал свой серебристо-серый калифорнийский «феррари» внутри «Ле-Горилль», развернув его носом к стойке, бара.

Надо сказать, что это льстит его самолюбию. «Вы или сноб или не сноб. Надо выбирать одно из двух».

Что он и делал. Но это были воистину пьянящие дни. Время, когда, по его словам, человек без гроша в кармане мог позволить себе жить как миллионер, а миллионер мог позволить себе немного богемной жизни.

Семейство Бардо проводило время в Сен-Тропезе задолго до того, как Брижит снялась здесь в фильме. Она впервые побывала здесь — вместе с Пилу, Тоти и Мижану — в 1948 году. В 1951 году они вернулись опять, сняв на этот раз небольшой дом. Вскоре после этого Пилу приобрел здесь виллу «La Miséricorde» («Милосердие»). В 1964 году, после того как Пилу отошел от дел, они с Тоти купили себе новый дом, расположенный посреди небольшого леса прямо в центре мыса — «La Pierre Plantée».

К тому времени как Брижит приобрела «Мадраг», Сен-Тропез уже успел войти в моду. Брижит же — разумеется, без всякого умысла — превратила эту моду в банальность. И если автобусы привозили сюда орды туристов, то вовсе не потому, что те соскучились по теплему южному солнцу или тихим развлечениям — нет, лишь потому, что им не терпелось хоть краем глаза взглянуть на нее.

Сен-Тропез и Брижит Бардо стали неразрывно связаны друг с другом, и почти одновременно символом этой связи стала нагота. Сен-Тропез превратился в одно из самых знаменитых мест на свете, потому что здесь жила она, а она — одна из самых знаменитых на свете людей.

До того как Брижит переехала в Сен-Тропез, пляжи были практически пусты.

Люди, скинув одежду, поклонялись солнцу, купались в море, и никому не было ни до кого дела. Когда же одежду сбросила с себя Бардо, многих это не оставило равнодушными и пляжи изменились в одночасье. Совершенно неожиданно Брижит дала толчок новой волне нудизма — это было поколение людей, стремившихся и на других посмотреть, и себя показать, так на смену культу солнца пришли вуайеризм и эксгибиционизм.

Отыскать ее дом не составляет труда.

И даже если местные жители изо всех сил старались сбить приезжих с толку, когда те обращались к ним с вопросом: «А где здесь живет Брижит?», и обычно посылали любопытных в совершенно противоположном направлении, все равно, досужий турист так или иначе находил то, что ему нужно.

Через пять лет после приобретения «Мадрага» — то есть через пять лет, проведенных в настоящей осаде — Брижит начала задумываться о том, а нельзя

ли каким-либо образом обезопасить себя, оградить от вторжения извне.

Однажды августовским днем 1962 года, когда Брижит — на веранде «Мадрага» — обедала с Эдди Барклаем, из моря вылез какой-то мужчина и как ни в чем не бывало направился к ней.

«Вы окажете нам большую любезность, если сейчас же уйдете отсюда, — крикнула она. — Это мой дом. Будьте добры, оставьте меня в покое».

Но это его не остановило. Незнакомец шагнул на веранду и размахнулся, как будто собираясь дать ей пощечину. Барклай сгреб его в охапку, но тот увернулся, бросился назад в воду и поплыл прочь.

«Каждый день одно и то же, — пожаловалась Брижит Барклаю. — Ни минуты покоя».

Позднее она начала донимать друзей вопросом: «Ну почему первой реакцией людей, когда они видят меня, бывает агрессивность?»

Ей все труднее было оградить себя — ведь дом практически не защищен с моря, — тем более, что во Франции существует закон, доживший до наших времен с 1861 года, который гласит, что первые четыре метра суши от кромки воды являются всеобщим достоянием. Иными словами, во Франции нет и быть не может частных пляжей. Любой гражданин может пользоваться любым пляжем при условии, что не переступает этой четырехметровой границы.

А это значит, что даже если вам захочется устроить пикник прямо под окнами ее дома, никто не сможет привлечь вас к ответственности за вторжение в частные владения, разумеется, вам наверняка придется иметь дело с ее собаками или даже испытать на своей шкуре гнев самой мадам, однако полиция в подобных ситуациях бессильна.

Именно поэтому Брижит вбила себе в голову, что если она возведет высокую стену от дома до

моря, даже метров на пять-шесть от берега, это, по крайней мере, оградит ее от вторжения со стороны пляжа. И она обратилась за разрешением на строительство. Однако, поскольку сооружение подобной стены можно рассматривать как посягательство на право граждан пользоваться общественным пляжем — а это противозаконно, — получить разрешение на строительство оказалось отнюдь не легким делом.

С одной стороны, Брижит была вынуждена признать, что, безусловно, сия мера ограничит доступ посторонних людей на пляж. Но ведь именно для этого она и хочет построить стену.

С другой стороны, она отдавала себе отчет в том, что любой, кто не сможет противостоять соблазну взглянуть на нее, может запросто обойти эту стену по воде. Следовательно, если она получит разрешение на строительство, незванным гостям-туристам и репортерам волей-неволей придется мочить ноги.

Дебаты по поводу того, выдавать ей разрешение или не выдавать, затянулись на несколько месяцев. Наконец в 1963 году было вынесено решение в ее пользу. Правда, лишь «временного» характера.

Не дожидаясь, пока кто-нибудь начнет допытываться, что, собственно, означает эта формулировка, Брижит построила стену, убедив себя, что так будет гораздо безопаснее.

Однако как только строительство завершилось, тотчас последовали протесты. В муниципалитет Сен-Тропеза начали пачками приходить письма от состоятельных местных жителей, которые также были не прочь отгородить себе кусок пляжа. В свою защиту Брижит доказывала, что в ее намерения отнюдь не входило устроить себе шикарный частный пляж. Все дело — в ее личной безопасности.

«Безобразия, — недовольно ворчали ее сосе-

ди, — значит, ей можно иметь частный пляж, а нам, выходит, нельзя».

Вопрос законности возведения ею стены постепенно преодолел все узлы и шестеренки бюрократической машины, именуемой французским правительством. А тем временем вторжение зевак продолжалось.

К этому времени Брижит успела выйти замуж за Гюнтера Закса и все чаще подумывала о том, а не пора бы подвести черту. Но чем настойчивее она пыталась уйти в тень, тем ярче становился свет, неотступно за ней следовавший. В отличие от Гарбо, которой удалось обрести относительную анонимность, Брижит потерпела в этом полнейшее фиаско, и как результат — каждое лето в ее владения вторгались все новые орды поклонников и злопыхателей.

«Мне в Сен-Тропезе совсем не стало житья, — жаловалась Брижит. — Мне невозможно здесь оставаться».

Неожиданно подвернулось другое решение. Пусть Брижит продаст «Мадраг» и переедет куда-нибудь на новое место. Гюнтер предложил Довилль.

Но погода в Нормандии была отнюдь не та, к которой она привыкла здесь на юге, хотя Довилль и обладал своим особым очарованием и, что самое главное, там она могла чувствовать себя в гораздо большей безопасности. Гюнтер приобрел там участок земли размером в один акр, на котором намеревался возвести дом, и Брижит выставила «Мадраг» на продажу, запросив за него 2,5 миллиона франков.

Стоит ли говорить, в какой восторг пришли жители Довилля. Они отлично понимали, что Брижит приведет в их городок туристов, да и вообще дела пойдут здесь на лад. Мэр пообещал, что участок по соседству с гюнтеровским — кстати, он

пустует до сих пор — не будет продан никому из охотников за автографами. Что касается владельца казино, настаивавшего, чтобы все являлись к нему при полном параде, то для месье и мадам Закс он сделал широкий жест, заявив, что они могут в любое время заглянуть к нему в казино, одетые во что угодно, даже в джинсы.

Одного французского журналиста ужасно позабавила сама мысль, что Брижит вздумала продать «Мадраг» за два с половиной миллиона франков, и он даже принялся обзванивать потенциальных покупателей, желая выяснить, что они думают о цене. Среди тех, к кому он обратился, был Жак Шарье.

«Как только у вас язык повернулся задавать мне подобный вопрос!» — огрызнулся тот.

Единственным препятствием для продажи «Мадрага» стало для Брижит полное отсутствие покупателей. К тому времени как их брак с Шарье распался, Брижит уже радовалась, что не продала этот дом. Через несколько лет Джанни Аньелли, глава «Фиата», предложил купить у нее «Мадраг» за любую цену, и она едва не рассталась с домом. Правда, в конце концов, она рассудила, что, может, стоит построить бассейн — и тогда ее наконец оставят в покое. И Брижит сказала Аньелли «нет» и построила бассейн.

В те годы, когда она жила с Мирко, последний был при ней кем-то вроде телохранителя. Однажды напротив «Мадрага» объявился какой-то тип в лодке, покрытой сверху брезентом. Под брезентом была спрятана камера. Этот тип проторчал у берега целый день, пытаясь сфоторафировать Брижит, когда та выйдет из дома, чем ужасно раздражал как ее, так и гостей.

В конце концов Мирко вышел из себя.

Он забрался на плот и, огибая стену, поти-

хоньку подкрался к наглецу в лодке. Оказавшись на достаточно близком расстоянии, он протянул руку и выхватил пленку.

Брижит была в восторге.

Правда, тот тип тоже оказался не промах. Он позвонил в полицию и пожаловался, что у него украли пленку. Вскоре к месту происшествия прибыли жандармы, и Мирко с Брижит пришлось пережить несколько неприятных минут.

Мирко крупно не повезло и в другой раз, когда горничная подняла неожиданный шум из-за пропажи кошелька, в котором находились все ее деньги. По ее словам, она лишилась всех своих сбережений за неделю.

Брижит никак не могла поверить в случившееся, ведь кроме них с Мирко в доме никого не было. По крайней мере, так ей казалось.

Горничная же сказала ей, что ей на глаза попался какой-то молодой блондин в шортах. Брижит позвала Мирко, и он тут же прибежал на ее зов — молодой блондин в шортах.

Брижит понимала, что он никак не мог взять деньги, у нее в голове не укладывалось, как вообще горничная могла принять его за вора. Однако в тот момент она заметила, что на крыше малого «Мадрага» сидит какой-то человек — молодой блондин в шортах.

Она позвонила в полицию, умоляя, чтобы те приехали как можно скорее, пока воришка не убежал. Жандармы спросили ее, как он выглядит, и Брижит подробно им его описала. Пока она разговаривала по телефону, Мирко залез на крышу и поймал вора, после чего стащил его вниз и связал веревкой. Однако, когда Мирко обыскал его карманы, кошелька горничной там не оказалось. Тогда Мирко снова залез на крышу проверить, не найдется ли там пропажа.

И в этот момент в «Мадраг» прибыли полицейские с целью арестовать молодого блондина в шортах, сидящего на крыше.

«Нет! — закричал Мирко. — Я не тот, кто вам нужен!»

«Ну разумеется, — заметили жандармы, — что еще можно услышать от вора».

И тогда Брижит, которая к этому моменту уже покатывалась со смеху, была вынуждена им объяснить, что — хотите верьте, хотите нет, — но у нее тут два молодых блондина в шортах, и что тот, на земле, и есть тот самый воришка, которого им надо арестовать.

Стена еще долго преследовала ее в кошмарных снах.

То один, то другой муниципальный чиновник в Сен-Тропезе, а то и в департаменте Вар, а порой из самого Парижа брался решать, насколько законно ее строительство. И пока чиновники ломали копья, пытаясь решить этот вопрос, по всему Сен-Тропезу потихоньку начался самострой.

Король Бельгии Леопольд счел, что имеет полное право обзавестись стеной из соображений личной безопасности. Его примеру последовал дирижер Герберт фон Караян. Чем мы хуже, решили соседи Брижит, представители семейства Опель.

Брижит удалось придержать принятие окончательного решения вплоть до 1981 года, когда президентом страны стал Франсуа Миттеран. Дебаты о стене в конечном итоге перекочевали в его коммунистическо-социалистический коалиционный кабинет, и месье Луи де Пенсек, морской министр, призвал нарушителей закона к ответу.

Пенсек продиктовал постановление, в котором говорилось, что не может быть и речи ни о каких привилегиях для тех, кто и без того находится в привилегированном положении.

А дабы продемонстрировать, что он слов на ветер не бросает, на следующее лето министр лично снес бульдозером одну стену. Правда, вскоре выяснилось, что снесенная им стена принадлежала мадам Люсетт Томазо, известной личности в рядах французской коммунистической партии — сия особа входила в состав редколлегии газеты французских коммунистов «Юманите», что вызвало серьезные нарекания со стороны других членов кабинета.

Впрочем, хватит о тех, кому мало имеющихся у них привилегий.

Брижит, которая к этому времени каждый год уезжала на лето в Базош, тем не менее во всеулышание заявила, что если месье де Пенсек осмелится снести ее стену, то она переедет в Мексику. В ответ Пенсек лишил ее временного разрешения на стену, а вскоре издал приказ о том, что к полночи 31 декабря 1982 года стена должна быть разобрана хотя бы частично.

Брижит подала апелляцию, и ее спасла отсрочка. Не желая создавать никому не нужной конфронтации, правительство Миттерана положило дело в долгий ящик.

Опасаясь, как бы другое правительство не взялось за его пересмотр и не в силах более выносить присутствия вездесущих туристов и папарацци, Брижит приобрела участок земли по другую сторону мыса и взялась за постройку небольшого ранчо. Уж если все пойдет прахом, то, по крайней мере, ей будет где искать спасения.

Правда Брижит упустила из вида одно, что, пока стоит стена, ей придется пожертвовать Сен-Тропезом.

Каждый год с началом хорошей погоды, Брижит берет всех своих псов, переезжает с ними из Сен-Тропеза в Тулон и частным самолетом летит в Бурже.

Осенью она проделывает тот же самый путь в обратном направлении.

Частные рейсы влетают ей в копеечку, однако Брижит не желает, чтобы ее животных, затолкав в ящики, перевозили в трюмах коммерческих рейсов.

С восьмидесятых годов, когда Брижит начала свою сезонную миграцию, так получилось, что с каждым разом ее летний сезон в Базоше становится все дольше и дольше, а отъезд из Сен-Тропеа сопровождался все большей спешкой.

В 1986 году от туристов и фоторепортеров (как и два десятка лет назад) не было отбоя, и Брижит, более не в силах терпеть их назойливость, объявила: «Все, хватит с меня. Надоело играть роль Микки Мауса в этом Диснейленде. Я уезжаю».

И она уехала и отсутствовала почти год.

Правда, в конце концов вернулась, а вместе с нею туристы и фоторепортеры.

Но через три года терпение ее иссякло. Последней каплей, переполнившей чашу, стала стычка с мэром Аленом Спадой.

Сухощавый, темноволосый мужчина, по профессии военный инженер, Спада — уроженец здешних мест. Здесь же, в Сен-Тропезе, выросли его дети, и Спада всей душой болеет за родной городок. С Брижит они знакомы долгие годы. В начале восьмидесятых Спада уже успел побывать мэром, однако не был переизбран, и его место занял кардиолог, по имени Жан-Мишель Кув. Правда в 1989 году Спаде удалось вернуть себе эту почетную должность.

По мнению Спады, пляжи были чересчур переполнены — и чересчур коммерциализированы, и поэтому одним из первых его проектов стало намерение превратить один плохо используемый отрезок у самой кромки воды в семейный пляж. Предполагалось, что здесь не будет никакой час-

тной собственности, никаких пляжных кабин, никаких соляриев, никаких баров и ресторанов, ведь пляжей, где всего этого было более чем достаточно, хватало с избытком. Спаде хотелось, чтобы это было тихое, спокойное место, как когда-то, десятки лет назад, точно такое, каким запомнилось ему с детства.

Но именно на этом пляже Бардо выгуливала своих собак.

Вскоре здесь появилась табличка «Interdit aux Chierns» — «С собаками вход запрещен».

Когда однажды, выгуливая там своих собак, Брижит попала на глаза двоим жандармам, те на первый раз ограничились устным предупреждением. Брижит же не лезла за словом в карман, и жандармы в спешке ретировались.

В обычных обстоятельствах Брижит забыла бы об этом инциденте уже на следующий день. Но теперь ее все сильнее пугало то, что в ее глазах было «кошмарным упадком, олицетворяющим собой Сен-Тропез».

По мнению Брижит, Сен-Тропезу полагалось быть воплощением очарования и элегантности. Она приходила в ужас от «организованного нудизма», заполнившего собой пляжи, ее оскорбляла бесцеремонность наводнивших город туристов. «Они не знают, что такое стыд».

А еще ее раздражала табличка, запрещающая появляться на пляже с собаками. Она просто взяла и сняла ее.

Спада тотчас распорядился поставить новую.

Новая табличка здесь тоже долго не задержалась.

Вот что Бридит сказала мэру: «Если вам очень хочется, вы можете хоть каждый день ставить на пляже свои предупреждения. Но я буду каждую ночь их убирать. Если вам нужны ваши таблички, можете зайти и забрать их у меня. Но каждый

раз, как вы поставите новый знак, я обязательно сниму его».

Не успел еще Спада до конца осознать смысл происходящего, как репортеры всех мастей были уже тут как тут — понаблюдать, как они с Брижит столкнутся лбами.

В открытом письме на имя Спады Брижит разразилась гневными обвинениями: «Бесстыдство, эксгибиционизм, порок, алчность, гомосексуализм — все это стало символами той деградации нашего городка, за которую вы несете полную ответственность».

Брижит отмечала, что каждый год с наступлением лета она вынуждена спасаться бегством от туристов, которые, в большинстве своем, невоспитаны, грязны и грубы. Более того, Брижит восприняла как личное оскорбление, что ее, защитницу животных, и ее четвероногих друзей, превратили в изгоев, запретив им вместе появляться на пляже.

«Человеческие экскременты, презервативы, всевозможный мусор — чем только не завалены наши пляжи. Человеческая грязь распространяется, как чума».

Ощущая себя чужой в собственном доме, Брижит заявила, что не желает больше оставаться в Сен-Тропезе. «С меня хватит. Я уезжаю, пусть все остается приезжим».

Такого демарша Спада не ожидал. «Ни для кого не секрет, что она ужасно капризна. Но она никак не могла, вернее, не желала понять, что это общественный пляж, а не ее частные владения. Людям не хочется, чтобы на их пляжах гадили собаки. Я решил прекратить это безобразие, но она почему-то восприняла это как личное оскорбление».

Брижит возражала: «В городе некуда деваться от хулиганья, наркоманов, всевозможных мошенников и мусора. Да это же Майами! Где тот чистенький порт шестидесятых годов, куда девались

хорошенькие девушки, манекенщицы и начинающие актрисы? Сегодня здесь правят бал чипсы с хот-догами».

Поначалу Спада не обращал внимания на ее резкие выпады. «Я пытался не придавать этому особого значения. Я сказал себе — она просто устала и у нее сдают нервы. Мне казалось, что она однобоко воспринимает происходящее. Но затем она обрушилась с нападка на весь наш город, на его жизнь, на людей, и я не мог больше этого терпеть. Я слишком хорошо ее знал и поэтому счел своим долгом положить всему этому конец, прежде чем она натворит новых бед».

Брижит была уже немолода, обозлена и более замкнута. По мнению многих, не всегда отдавала себе отчет в своих действиях. Тем не менее, была полна решимости добиться своего. Положа руку на сердце, следует признать, что она всегда считала Сен-Тропез чем-то вроде своего ленного владения. Но, с другой стороны, Сен-Тропез был ей не просто вторым домом — как, например, для многих ее соседей, — он был ее жизнью.

По мнению Брижит: «Наш поселок остался беззащитен перед бесконтрольной урбанизацией, как, впрочем, и перед лихорадочной индустриализацией. Никто в Сен-Тропезе ни разу не осмелился нажать на тормоза или хотя бы как-то упорядочить происходящие перемены. Этим объясняется и хаотичность застройки, и вторжение армии всяческих придурков и ненормальных, превративших наши чудесные пляжи в туристические бордели».

С годами ситуация в Сен-Тропезе ничуть не улучшилась и отнюдь не соответствовала той жизни, к которой стремилась Брижит. Ей хотелось жить в таком месте, где она могла бы спокойно гулять со своими животными, не опасаясь, что местные жандармы вздумают оштрафовать ее за незаконный выгул собак.

«Можно подумать, собаки грязнее или опаснее пустых шприцев, которые валяются по всему пляжу».

По словам Брижит, она навсегда сохранит в сердце память о том, старом Сен-Тропезе. Она заявила, что больше не вернется сюда.

Со всего света в мэрию начали поступать просьбы об интервью. Эта история получила широкую огласку не только во французских и итальянских газетах. Средства массовой информации — «Би-би-си» в Лондоне, «Си-Би-Си» в Монреале, «Эй-Би-Си Ньюс» в Нью-Йорке, телеграфные агентства в Японии и ежедневные газеты Австралии и Новой Зеландии — пристально следили за развитием событий.

А стол мэра был давно завален горами корреспонденции.

Автор письма из юго-западной Франции выражал свое мнение: «Она внесла огромный вклад в процветание вашего города, а вы, значит, вот что отблагодарили ее?»

Другой автор, из департамента Вар, замечал: «Вам должно быть стыдно, господин мэр, за то, как вы отравили жизнь нашей дорогой Брижит Бардо».

Одна женщина из Ниццы рассказывала Спаде такой случай: «Мы были одни на пляже, и примерно к полудню я закончила готовить салат. Неожиданно, в метрах тридцати от нас, появилась звезда собственной персоной, с приятелем, тремя псами и осликом. И весь этот зверинец разгуливал свободно, без всяких поводков. Одна из собак бросилась прямо к нам и насыпала нам в салат песка».

Некая старушенция из Лиона тоже не удержалась и написала мэру: «Когда мадам Бардо критикует эксгибиционизм и падение нравов, осмелюсь заметить, что у нее короткая память».

Кто-то еще прислал Спаде фотографии обнаженной Бардо, опубликованные во «Франс-Ди-манш», сопроводив их следующим предложением: «После того как она была международной звездой такого типа, право, ее отвращение кажется нам удивительным. Только не ей говорить о приличиях».

По мнению одной женщины из Бреста, «успех Брижит в деле спасения животных вскружил ей голову».

Другая женщина из Парижа была с этим не согласна: «Мадам Брижит Бардо всегда останется знаменитостью в наших глазах, независимо от ее поведения. И если она уедет, Сен-Тропез многое потеряет».

Одна местная жительница сказала так: «В конечном итоге, любой, кто хоть что-то создал в Сен-Тропезе, кто открыл здесь свой бизнес, кто заработал здесь хорошие деньги, кто получил здесь неплохую работу, кто живет здесь — не должен забывать, что все это благодаря Брижит Бардо. Сен-Тропез обязан ей своим существованием».

Один мужчина из Перпиньяна был целиком и полностью с этим согласен: «Вы лично и жители вашего города многим обязаны мадам Бардо. Для нашего поколения она являет собой миф о женщине столь же яркий, как и Мэрилин Монро для поколения предыдущего. Она принесла всемирную известность вашему городку, Франции, французской культуре и той мужественной кампании, которую она ведет на благо животных».

В июне 1992 года между ними произошло очередное столкновение.

Спада задумал модернизировать городскую канализацию. Для того чтобы завершить начатое дело, требовалось произвести кое-какие незначительные работы на дороге, ведущей к «Мадрагу». Муници-

пальные инженеры решили на время перекрыть движение. Всех дел здесь было не больше, чем на пару дней — с этой задачей легко бы управились несколько парней с лопатами и небольшой экскаватор. Но Брижит знать ничего не желала. И она во всеуслышание выразила свое несогласие: «Я резко протестую против того, чтобы по вине ваших фантазий я на двое суток оказалась пленницей. Это посягательство на мою свободу. Я имею право свободного передвижения, мне необходимо съездить за покупками, выгулять моих собак, пригласить гостей, я имею полное право уехать и возвратиться, когда этого захочу, я плачу местные налоги и не намерена подвергать себя насильственному заключению лишь только потому, что так решил мэр».

Добавив к этому, что дорожно-земляные работы ставят в опасность жизнь примерно 60 кошек, проживающих на ее участке — тем более, что теперь будет невозможно, если возникнет такая необходимость, показать их ветеринару, — Брижит велела своему адвокату подать в суд иск, чтобы работы были немедленно приостановлены. Понадобилось целых три дня, чтобы суд наконец-то взялся за рассмотрение этого дела, но к этому времени яма была уже засыпана и движение на дороге восстановлено. Разумеется, судья вынес решение в пользу мэра.

Правда, надо отдать Брижит должное, поражение она приняла с достоинством и даже послала мэру букет цветов.

Пляс-де-Лис поросла платанами, в тени которых старики играли в шары.

Слово «Лис» (Lices) судя по всему означает турнир. Говорят, что в средние века, когда Сен-Тропез был крохотной рыбацкой деревушкой,

именно на этой площадке происходили рыцарские турниры.

Это весьма романтическое предание и, по всей видимости, правдивое. Хотя, конечно, с трудом верится, что у рыбаков бывали турниры.

По воскресеньям площадь превращается в рынок.

С самого раннего утра и до середины дня Пляс-де-Лис занята торговыми рядами. Под бело-красно-голубыми полосатыми навесами здесь продают фрукты и овощи, майки, специи, детские вещи, колбасу, сыры и дымящиеся макароны.

Здесь же открытые ряды — с сувенирами, псевдопровансальской керамикой, картинами, старинными деревянными инструментами, подержанными пластинками, портретами киноактеров и даже, иногда, со старинным французским серебром.

В воскресенье на сен-тропезском рынке можно купить 30 сортов маслин, которые продаются здесь в огромных керамических горшках, и 50 сортов сыра. Насколько видно глазу, высятся горы апельсинов, сыров, свежих помидоров, тут же белые джутовые мешки с травами и специями, рядом кто-то продает мыло, вручную произведенное здесь же, в Провансе, источающее ароматы ромашки и липы. Есть здесь также палатки с рыбой. В соседних — торгуют мятой. А еще дальше можно купить сласти, и не какие-нибудь, а целые километры старомодного лакричного кружева, свернутого в рулончики.

Неподалеку какой-то старик играет на аккордеоне, а дети выстраиваются в очередь к карусели.

Брижит приходит на рынок ближе к полудню. Она покупает сыр, фрукты, овощи, хлеб, причем останавливается только возле тех торговцев, которых хорошо знает. Она редко, вернее сказать, никогда, не смотрит в глаза завсегдатаям рынка,

да и те сами стараются держаться поодаль. И никогда не делают этого в присутствии туристов.

Ее вспыльчивый характер стал притчей во языцех. Ни для кого не секрет, что ее легко вывести из себя, и тогда всем не сдобровать.

Однажды, пару лет назад, ее заметили двое каких-то туристов. Не говоря ни слова, они почти вплотную подошли к ней и сфотографировали. То была сцена, происходившая буквально тысячи раз на протяжении ее жизни. Однако стоит чему-то подобному произойти здесь, на рынке, то держись обидчик, ты еще пожалеешь о своей дерзости. Брижит с проклятиями обрушилась на горе-туристов, рискнувших ее сфотографировать, и даже съездила по физиономии тому, у кого был фотоаппарат.

А ведь когда-то здесь все было совсем не так. Было время, когда она могла позволить себе не спешить, когда люди не таращились на нее, как на выставленный напоказ товар, словно она — не женщина, а какая-нибудь спелая дыня, или же лучший *fougasse*, что означает провансальский оливковый хлеб; когда она могла не таясь понюхать фрукты, попробовать маслины или же просто прогуляться босиком по Пляс-де-Лис.

«Но стоило ей превратиться в звезду, — говорит Ален Спада, — как люди начали проявлять интерес к ее жизни. Когда же из просто звезды она превратилась в явление мирового порядка, не осталось даже самых последних шансов на то, что она сможет жить обыкновенной человеческой жизнью».

Ее приятель Джо де Салерн признает: «Это печально». Ведь для него и других местных жителей рынок — это не просто место, где можно купить сыр и фрукты, овощи и хлеб, это также место, где можно переброситься друг с другом

последними новостями, посплетничать, ощутить себя частицей городской жизни.

В разгар сезона Салерн ведет по местному радио прямые репортажи с рынка. Но в мертвый сезон, когда туристы оставляют город и он снова становится достоянием его жителей, наступает время сполна насладиться жизнью.

Вы ощущаете ее на вкус и на запах, и лучше всего, если вы прогуляетесь по рынку с де Салерном.

Вот он обменивается рукопожатиями со стариками. Когда мимо проходит пожилая дама, он прикладывает пальцы к козырьку своей новой бейсбольной кепки. Затем пускается в объяснения на своем журчащем провансальском диалекте, почему, например, эти маслины лучше тех. Де Салерн убеждает женщину за прилавком дать вам попробовать *paté* — лучший из всех паштетов, уверяю вас, ибо он домашнего приготовления. Он протягивает вам *piment* и уверяет, что лучшего вы ни разу не пробовали.

И когда вы воскресным утром тусуетесь с местными обывателями на рынке, а затем сидите вместе с ними в кафе, наслаждаясь до обеда пастисом и кто-то подает на стол свежий фенхель, а кто-то другой нарезает свежие помидоры, а еще откуда-то на столе появляются свежие артишоки — вот тогда-то вам становится ясно, что это такое, рынок, *le marché*.

Именно в этот момент вы начинаете понимать, что украдено у Брижит — простые человеческие радости.

«Она приходит сюда, но никогда долго не задерживается, — поясняет Салерн. — Это не для нее, — продолжает он. — Ведь она не может перестать быть Брижит Бардо».

«Поймите, ведь она просто не в состоянии взять

и перечеркнуть свой звездный статус. Даже если бы ей того хотелось. Но то исключено».

Зимнее солнце просачивается сквозь листву платанов каким-то особым светом, и Спада негромко добавляет: «Возможно, так было с самого начала».

СКЛОЧНАЯ ОСОБА

Брижит по натуре ужасная склочница. На протяжении почти сорока лет она активно использовала своих адвокатов и суды, с тем чтобы хорошенько прижать тех, кто осмелился ей перечить. Стоит ли удивляться, что, привыкнув карать, она сама не раз была вынуждена тратить время и деньги на то, чтобы оградить себя от судебных преследований.

Ее болезненное пристрастие к юриспруденции не ослабло с возрастом. И если вы прислушаетесь к самым нелцеприятным слухам, которые ходят о ней, наверняка найдутся люди, которые скажут, что Бардо недурно увеличивает свои доходы за счет тех сумм, что ей то здесь, то там удастся отсудить. Однако все это неправда. Разумеется, кое-кто, тем не менее, склонен верить, что именно деньги являются, в первую очередь, причиной того, что она с такой настырностью устраивает одну тяжбу за другой. Другие же считают, что это всего лишь один из способов напомнить миру о своем существовании.

По всей видимости, Брижит не забыла, как ловко ее отец в 1952 году воспользовался услугами адвокатов, дабы защитить честь своей дочери пос-

ле того, как она снялась в картине «Девушка без вуали».

Через несколько лет ей показалось, будто один парижский журнал неправильно привел ее слова и в искаженном свете представил ее мнение. Недолго думая, Брижит напрягла свои «юридические мускулы», поручив адвокатам добиться судебного решения об изъятии тиража журнала из газетных киосков. Правда, Брижит в этом деле была еще новичком и к тому же столкнулась с противником, который провел на «юридическом ринге» не один год. Журнал успешно отстоял свою правоту, представив суду веские доказательства того, что Бардо лично, причем в письменном виде, дала согласие на публикацию серии материалов о своей персоне.

В 1958 году отец с дочерью объединили силы с тем, чтобы поставить на место «Комеди Комартен», — небольшой парижский театрик, задумавший озаглавить свое последнее ревю «a Va Bardot». К этому времени Бардо уже была звездой №1 французского экрана и сочла себя вправе подать на театр иск, обвинив его в беспардонной эксплуатации ее имени. Продюсеры согласились изменить заглавие на «Ta Bouche, Bébé», что условно можно перевести как «Твой ротик, Б. Б.», однако Брижит не желала идти ни на какие уступки, даже пригрозила, что пришлет в театр судебного пристава, чтобы тот приостановил представление. По всей видимости, Брижит несколько переоценила свои возможности, ибо вскоре суд вынес решение, в котором говорилось, что в действиях продюсеров отсутствует злой умысел.

По этому поводу «Парижский журнал» заметил: «На сегодня она пленница собственной славы, трепещущая при мысли, что вдруг они что-нибудь такое возьмут да и напишут. Малейший намек, даже вышедший из-под дружеского пера, и

Б. Б. уже слышится громкое эхо, от которого сотрясаются стены Великого Каньона».

В 1960 году Брижит подала в суд на одного немецкого кинопрокатчика за то, что тот, не спросив согласия, использовал ее фотоснимки. Когда же, в том же самом году, во время всемирной выставки в Брюсселе в одном из павильонов появилась целая стена ее фотографий, символизирующих «порочный дух плоти», родители Брижит пришли в такой ужас, что отец набросился на нее с кулаками, а затем подал в суд на устроителей выставки с требованием немедленно убрать снимки.

Примерно в то же самое время на Брижит в суд подала одна французская фирма грамзаписи — за нарушение контракта. Где-то за год до этого Брижит дала согласие начитать текст нескольких волшебных сказок, однако у нее так и не нашлось времени, чтобы хотя бы раз появиться в студии. В конце концов терпение студии иссякло, и она подала иск на 10 тысяч франков. Судья счел иск вполне обоснованным — Брижит, как сторона, нарушившая контракт, должна была возместить убытки.

Бардо, в свою очередь, подала в суд на другую фирму грамзаписи за то, что те, без ее согласия, поместили на конверте одной пластинки ее фотографию, хотя ни одна из песен на этом диске не имела лично к ней ни малейшего отношения.

Весной того же года Брижит пошла войной на «Перье». Эта французская компания по розливу минеральной воды незадолго до этого приобрела в Альпах источник, который по чистой случайности назывался Шарье. Ну а поскольку минеральная вода полезна маленьким детям, фирма развернула мощную рекламную кампанию, использовав для этого фото полуторагодовалого малыша. В руках он сжимал бутылку минералки, а рядом — круп-

ними буквами лозунг «Bébé aime Charrier» — «Бэби любит Шарье».

Бардо тотчас увидела в этом крамолу и заявила своим адвокатам: «На слух Bébé — это я, независимо от того, как это пишется. А Шарье — это Жак. Из этого следует, что они имеют в виду нас».

Вряд ли кто возьмется отрицать, пояснили ей адвокаты, что Bébé — или Б. Б., независимо от написания — стало чем-то вроде международного фирменного знака их клиентки, и поэтому нет ни малейшего сомнения в том, что использование подобного лозунга отнюдь не совпадение. Однако вряд ли им удастся доказать это в суде.

Приятель Брижит, бизнесмен Жан-Клод Симон, убеждал ее, что она наверняка проиграет. Пусть лучше она, вместо того, чтобы платить адвокатам, попробует обернуть ситуацию себе на пользу. Симон обратился с предложением к компании «Виттель», и те согласились выплатить Брижит вполне приличное вознаграждение, если она позволит им вывесить по всей стране громадные плакаты, на которых она будет держать бутылку минералки их фирмы под лозунгом «Да, но Бардо пьет «Виттель»».

Нет, заявила Брижит, я подаю в суд на «Перье», и точка.

Адвокаты же «Перье» доказывали, что поскольку их фирма поместила на рекламе изображение ребенка, не может быть двух мнений о том, что она имела в виду. К тому же, разве где-нибудь написано «Б. Б. любит Шарье»? На рекламных плакатах однозначно стоит «бэби любит Шарье», а это не одно и то же. Более того, поскольку этот источник действовал с 1930 года, то «бэби любил Шарье задолго до того, как мадам Бардо появилась на свет».

Судья занял сторону «Перье».

18 ноября 1963 года Брижит снова решила, что ее именем кто-то воспользовался в собственных целях. Тогда певец Ги Беар выпустил пластинку под заглавием «Боббоб ББ». Поскольку в то время Брижит жила с Бобом Загури, она пришла к выводу, что Беар переступил границы дозволенного.

Собственно говоря, он зашел так далеко, что упомянул в своем творении еще кое-кого из приятелей Брижит — Роже (Вадима), Жана-Луи (Трентиньяна), Сашу (Дистеля), Жака (Шарье) и Сэми Фрея, снабдив каждого соответствующим комментарием.

Мало того, что это был, прямо скажем, плевок в лицо. Беаровская пластинка вышла в свет на фирме знакомого Брижит Эдди Баркляя. Но даже их дружба не остановила Бардо от того, чтобы подать на него в суд. К иску присоединился Роже Вадим, и в конечном итоге суд вынес решение, что личная жизнь Бардо не может служить темой для поп-музыки, и распорядился об изъятии тиража.

В тот же самый день, когда Брижит положила Баркляя с Беаром на лопатки, ей самой пришлось выступать в роли ответчицы по иску одного сценариста, пославшего ей на прочитку свое произведение. То была в высшей мере типичная ситуация, и большинство людей искусства так или иначе сталкивались с подобными вещами. Я послал вам мою идею, вы ее воспользовались, где она теперь, извольте заплатить! Поэтому большинство людей искусства — особенно те, кто уже испытал нечто подобное на собственной шкуре — знают, что не следует читать ничего из того, что вам подсовывают. Сценарии, пьесы, песни, рукописи — все, что приходит к вам по почте без вашего на то согласия — немедленно возвращаются.

Правда, в случае с Брижит, тот тип не осмелился утверждать, будто она украла его идею. Его просто возмутило то, что она даже не удосужи-

лась вернуть ему сценарий, и поэтому потребовал 200 тысяч франков компенсации. Надо сказать, что у Брижит имелись веские аргументы: во-первых, она не просила присылать ей сценарий, а значит, не брала на себя перед автором никаких обязательств. Во второй раз в один и тот же день суд занял ее сторону.

В 1965 году она подала в суд сразу на несколько газет за публикацию снимков, сделанных без ее согласия. Все они были получены посредством мощного телеобъектива, когда Брижит находилась в пределах своих личных владений, в «Мадраге» или Базоше. «Ненавижу, когда меня снимают исподтишка. Терпеть не могу телеобъективы».

Пресса съязвила по этому поводу: «Брижит Бардо, женщина, которую снимают чаще других, похоже, становится слишком застенчива».

В ответ Брижит повторила сказанное ею уже не раз. Она сравнила себя с индейцами Амазонии, которые ненавидят, когда их фотографируют, потому что, по их убеждению, тем самым у них крадут частицу их души. «Кто-нибудь наверняка скажет, что это звучит наивно или же примитивно. Что ж, значит, я и наивна, и примитивна, поскольку считаю, что любой фотограф, мелькая камерой, уносит затем с собой кусочек меня».

Суд поддержал ее иск, символически присудив один франк за нанесенный моральный ущерб.

«Я в восторге», — заявила Брижит, а парижские газетчики тем временем зубоскалили: «Это равносильно профессиональному самоубийству».

Вторая такая двойная встреча с правосудием имела место в 1964 году.

Во время утреннего заседания ее адвокат пытался выселить одного молодого человека из однокомнатной квартиры на улице Компань-Премьер, которая принадлежала Бардо. Этот парень прожил там уже более года, не заплатив ни единого фран-

ка, отчего Брижит решила выставить его на улицу. Однако парень отказался съезжать с квартиры. Суд предложил ему подыскать себе жилище по карману.

На дневном заседании рассматривался иск Бардо к одной косметической фирме, которая для рекламы своей продукции самовольно воспользовалась кадром из фильма «Вива, Мария!» с изображением ее и Жанны Моро. Дело в том, что данная фирма выбросила на рынок губную помаду двух оттенков, один из которых назывался «Брижит», а другой — «Жанна». В свою защиту фирма выдвинула следующий довод — они начали рекламную кампанию лишь после того, как было получено официальное согласие продюсеров фильма. Однако адвокат Бардо прибыл в зал суда, имея при себе копию контракта, в котором имелся пункт, недвусмысленно запрещающий подобную практику. Более того, 17 января 1959 года Брижит, можно сказать, положила всех на лопатки, зарегистрировав имя «Брижит Бардо» в качестве официального фирменного знака. Тем самым она оградила свое имя против любых попользований использовать его в коммерческих целях, будь то производство «духов, косметики, крема для загара, мыла, зубной пасты, румян, туши для ресниц, средств по уходу за кожей и кукол».

В 1981 году Брижит Бардо отметила свой сорок седьмой день рождения в зале суда в качестве ответчицы по иску о клевете.

По Сен-Тропезу гулял слух о том, будто местная цветочница, семидесятилетняя мадам Одетт Жиро, насмерть забила палкой свою кошку. Когда этот слух достиг ушей Бардо, та тотчас направилась в магазинчик мадам Жиро, чтобы выяснить, верно ли это.

В ответ цветочница только огрызнулась: «Это не ваше дело».

Однако Брижит продолжала вымогать у нее признание и, не выдержав, в конце концов вспылила: «Вы жесточайшим образом убили бедное животное. Вы старая потаскуха и преступница».

Ну а поскольку мадам Жиро никакой кошки не убивала, она подала на Бардо в суд. Как выяснилось, кошку убил сын мадам Жиро, потому что, по его словам, та взбесилась. Более того, Жиро-младший был твердо уверен в том, что оказал животному величайшую услугу, избавив его от страданий.

Правда, тот факт, что он забил кошку ногами, после чего выбросил мертвое животное в мусорный ящик, вряд ли снискал ему и его матери сочувствие других горожан.

Суд рассмотрел это дело только спустя полтора года, 14 января 1983 года. Заседание проходило в Драгиньоне, поскольку именно этот городок является административным центром департамента Вар. Мадам Жиро сочла свое присутствие в зале суда излишним, а вот Брижит явилась лично.

Когда она на белом «рейндж-ровере» прибыла в Драгиньон, там ее уже с нетерпением поджидали 50 фоторепортеров, которые, толкая и отпихивая друг друга, пытались сфотографировать ее крупным планом.

Сопровождаемая двумя адвокатами, Бардо с трудом протиснулась сквозь толпу.

Внутри ее поджидало то же столпотворение и гам.

Когда Брижит — в высоких кожаных сапогах, велюровых джинсах и индийском вязаном жилете — заняла свое место на скамье подсудимых, фотографы, вконец обнаглев, принялись кричать наперебой:

- Эй, Б. Б. посмотри сюда.
- Нет, лучше в мою сторону.
- Б. Б., пожалуйста, улыбочку!

А в это время в зал ломились досужие поклонники, подбадривая свою любимицу криками:

— Брижит, мы с тобой!

— Держись молодцом, Брижит!

— Одну секундочку, посмотрите в мою сторону, — и снова слепящие вспышки блицев.

— Bravo, Брижит! — выкрикнула сухонькая старушенция, простоявшая в очереди всю ночь, чтобы только занять место в первом ряду.

— Улыбнись, Б.Б, не ленись! — и снова фото-вспышки.

Бардо повернулась к ним спиной, уставившись куда-то в стену и всем своим видом показывая, что не желает принимать их правила игры.

Судьи наконец заняли свои места, и председательствующий был вынужден прикрикнуть на репортеров:

— Довольно. Никаких снимков. Немедленно прекратите! — призвал он их к порядку.

— Давай, Б.Б, — фоторепортеры и не думали останавливаться.

— Брижит, дай-ка я тебя щелкну еще раз.

— Довольно! — сердито стучал молоточком судья. — Если вы не прекратите, в два счета я вас выдворю отсюда!

Фотографы угомонились лишь через несколько минут. Правда, они наотрез отказались покинуть дальний конец зала. Сгрудившись там, они продолжали расталкивать друг друга в надежде занять позицию поудобнее.

В конце концов, когда шум в зале поутих, председательствующий спросил Брижит, признает ли она себя виновной.

Вскочив с места, Брижит разразилась короткой, но гневной речью: «Я остаюсь при своем мнении. Я пытаюсь защитить животных. Я сражаюсь с человеческой глупостью и жестокостью по отношению к нашим меньшим братьям. Мне не

стыдно за свои слова. И если люди и дальше будут вести себя столь же низко, я не побоюсь высказать все, что думаю по этому поводу. Я не убиваю животных ни при каких обстоятельствах. А ту кошку, даже если она и взбесилась, следовало усыпить, как полагается в подобных случаях».

Очевидно, присутствие в зале Брижит не могло не сказаться на судьбе:

— И когда вы об этом узнали, то не сумели сдерживать своих эмоций?

Бардо кивнула.

— Ни для кого не секрет, что то животное приняло жестокую смерть, — продолжал судья. — Нам понятен ваш гнев, мадам Бардо.

Тут с места вскочил адвокат мадам Жиро:

— Так, значит, говорите, вам нечего стыдиться?

— Разумеется, — огрызнулась Брижит. — Если бы мадам Жиро убила ребенка, меня никто ни в чем не упрекнул бы.

Толпа в зале разразилась аплодисментами.

— Животные не способны выступить в свою защиту, — Брижит пыталась перекрыть возникший в зале шум. — Поэтому я говорю от их имени...

И снова аплодисменты.

Адвокат мадам Жиро доказывал, что в данном случае речь идет не о смерти кошки. В зале слушается дело о дезинформации и несдержанности мадам Бардо. Речь о том, подчеркивал адвокат, что запятнанной оказалась репутация уважаемой женщины, владелицы цветочного магазина. «Необоснованные нападки на мою клиентку, причем столь грубые по форме, нельзя расценивать иначе, как пятно на репутации мадам Бардо, что, в свою очередь, бросает тень на репутацию Франции».

Лишь по чистой случайности, подчеркивал адвокат мадам Жиро, перед лицом столь оскорби-

тельных обвинений моя клиентка не наложила на себя руки. «Будь у нас на руках труп, и мадам Бардо несла бы за это полную ответственность».

От имени своей клиентки он просил суд возмещения понесенных ею убытков в размере всего 8 тысяч франков, что примерно равняется ее скромным расходам. И, в знак того, что в ее намерения не входит сводить счета, ее удовлетворит чисто символическая сумма в 1 франк в возмещение нанесенного ей мадам Бардо морального ущерба.

Со своей стороны, адвокаты Бардо доказывали, что происшедшее, а именно бесчеловечное убийство беззащитного животного, не подлежит никакому оправданию. А вот их клиентка, мадам Бардо, вполне оправданно отреагировала на этот чудовищный эпизод, а именно: употребив весьма уместное в данном случае слово «salope» — «потаскуха». В подтверждение своих доводов адвокаты привели словарное толкование слова «salope»: «Женщина, презревшая нормы морали и общепринятого поведения». Так что, в этом отношении, утверждали адвокаты, мадам Бардо никоим образом не опорочила мадам Жиро. Более того, слово было подобрано ею с величайшей точностью.

Зеваки, до отказа набившие зал, были от происходящего в восторге. Такого увлекательного зрелища их городишко давно не видывал.

Пресса также была в восторге.

Газеты захлеб писали о триумфе Брижит, даже несмотря на то, что судья отложил вынесение приговора на 15 дней. По их мнению, Брижит непременно должна была выиграть дело. То, с каким самозабвением она защищает животных, заслуживает похвалы, но никак не осуждения. Кто хоть на минутку способен усомниться в исходе этой тяжбы? Газеты подчеркивали, что на скамье подсудимых оказалась не какая-то там никому не извес-

тная личность, а «наш последний идол», а он «неприкасаем».

Так что ни для кого не явилось сюрпризом, когда через две недели решение было вынесено в пользу Бардо.

Уже через месяц она снова перешла в наступление. Причина? В феврале 1980 года сатирический журнал «Харакири» опубликовал фотомонтаж, на котором была изображена голая Бардо с дряблой кожей и целлюлитом. Оскорбившись, Брижит подала иск на 50 тысяч франков. Судья отметил, что поскольку Брижит на протяжении всей своей жизни неизменно являлась эталоном красоты, то, по его глубокому убеждению, данный фотомонтаж, изображающий ее такой, каковой на самом деле она не является, — следует расценивать не иначе, как злобный умысел. Опубликованный снимок, подчеркнул судья, мог ввести людей в заблуждение, и те могли поверить, что она действительно утратила былую красоту и грацию. А это, по сути своей, обман.

На ее пятидесятилетие испанский журнал «Интервью» опубликовал большую статью с вынесенным на обложке заголовком: «Бардо нагишом на пляже».

С цветных снимков, занимавших с полдюжины страниц, читателю представал далеко не лестный для нее образ. Фотографии явно были получены при помощи телеобъектива, с расстояния никак не менее пятисот метров. Бардо теперь пользовалась услугами Жилия Дрейфуса, того самого адвоката, который двадцать лет назад во время ее развода с Шарье представлял интересы ее бывшего мужа. С его помощью она подала на журнал иск о возмещении ей морального ущерба в размере 200 тысяч франков.

Нелестные фото — как сделанные при помо-

щи телеобъектива, так и вблизи — неизменно вызывали ее раздражение.

В сентябре 1986 года французский журнал «Курьер дю кер» опубликовал фотомонтаж, озаглавленный «Невероятные, загадочные фото», хотя, скорее, его следовало бы назвать «Чьи это сиськи?»

Журнал напечатал с полдюжины снимков обнаженной женщины, постаравшись при этом, чтобы голова ее не попала в кадр, а затем пригласил читателей угадать, кто это изображен здесь. При этом журнал сделал пару-другую туманных намеков, мол, не исключено, что бедра и груди на картинках принадлежат Катрин Денев, Жанне Моро и Клаудии Кардинале. Но, с другой стороны, кто их знает.

Бардо выступила с заявлением, что на этих снимках изображена она, а сделаны они лет 30 назад. Публикация же этих снимков сегодня есть не что иное, как вторжение в ее частную жизнь. Бардо велела своему верному Дрейфусу, чтобы тот подал на журнал иск в размере 500 тысяч франков.

Брижит также обрушилась на один английский журнал за то, что тот без разрешения опубликовал ее фото обнаженной — даже несмотря на то, что она сама позировала для него, а снимок был приобретен на вполне законном основании через одно французское фотоагентство.

Бардо вновь повела бой против «Харакири» за то, что там напечатали один фотомонтаж, снимок изображавший ее всего с одним зубом во рту. Заголовок над ним гласил: «Двадцать лет назад мой рот был полон зубов».

Уже одного этого было довольно, чтобы послать за Дрейфусом.

«В глазах всего мира, — заявил он, — Брижит Бардо является олицетворением красоты. На этом фото ее изуродовали, создав впечатление старой и

безобразной женщины. Этот снимок был отретуширован без ее согласия и является посягательством на ее право иметь собственный образ».

В ответ на это журнал заявил: «Нам известно, что у Бардо здоровые зубы. Просто она никак не может примириться с мыслью, что ей уже 45». Однако суд вынес решение, что злополучный монтаж является очернительством образа Бардо, и присудил ей около 25 тысяч франков компенсации за моральный ущерб.

Когда другой французский журнал воспользовался ее отретушированной фотографией, сделавшей из нее старуху, для рекламы чудодейственного средства от морщин, Брижит тотчас бросила Дрейфуса в бой, и на этот раз он вернулся назад с добычей, отсудив у обидчика 45 тысяч франков.

Любой журнал, любая газета, независимо от места издания, рисковали навлечь на себя ее гнев, посмей они напечатать ее фотографии, сделанные при помощи телеобъектива. Стоит ей только узнать об этом, как нарушителя тотчас ждет письмо от ее адвоката. Не один из таких смельчаков в конечном итоге оказался в зале суда. Например, в 1992 году, когда французский журнал «Voici» опубликовал несколько таких снимков, на которых Брижит с мужем была изображена в лодке в компании друзей, среди которых затесался пресловутый политик Жан-Мари Ле Пен, Дрейфус тотчас ринулся в бой, причем не только против «Voici», но и еще двух изданий — испанского и итальянского — за вторжение в ее личную жизнь. На этот раз моральный ущерб от публикации оскорбительных для его клиентки снимков оценивался в 250 тысяч долларов.

Стоит ли удивляться, что и сама она не раз оставалась в проигрыше.

Например, в июне 1989 года суд признал ее виновной в клеветнических измышлениях, высказанных ею в декабре предыдущего года в одной телевизионной программе, когда она обвинила сотрудников приюта для животных в жестоком обращении со своими подопечными. Тогда судья оштрафовал ее на 10 тысяч франков. Спустя неделю Бардо вторично признали виновной в клевете, на этот раз за обвинения, брошенные ею в адрес одного исследователя-врача, которого она обозвала истязателем.

Брижит во всеуслышание возмутилась тем, что для того, чтобы собака не действовала ему на нервы во время экспериментов своим лаем, он перерезал ей голосовые связки. Экспериментатор подал в суд на Бардо и еще два журнала, употребившие в печати слово «истязатель», и, ко всеобщему удивлению, сумел-таки добиться 4 тысяч франков компенсации за моральный ущерб.

Но, в целом, общий счет складывается в ее пользу.

Когда одна французская фирма по производству очков, не спросив согласия Бардо, разослала по оптикам серию снимков, на которых она была изображена в очках, за этим немедленно последовал судебный иск.

Когда какой-то немецкий мебельщик выпустил несколько моделей стульев, спинки которых чем-то напоминали ее губы, Бардо, не раздумывая, выставила ему счет в 30 тысяч франков.

Когда одна газета высказала предположение, будто как-то раз Брижит, обнаружив на лице три морщинки, оборвала работу над фильмом в самой середине и немедленно сделала пластическую операцию, Бардо тотчас подала на обидчика иск в 25 тысяч франков.

Брижит привлекла к ответственности обозрение «Минута», «нагрев» газетчиков на 80 тысяч

франков за то, что те опубликовали серию статей, в которых намекалось, будто свою кампанию по защите котиков Бардо начала исключительно из корыстных побуждений.

Та же участь постигла такие издания, как «VSD», «Жур де Франс», «Иси Пари», «Франс-Диманш», и «Л'Юньон де Реймс», за публикацию материалов о якобы имевшей место попытке самоубийства, что, если верить Бардо, не соответствовало действительности. Жиль Дрейфус, который к этому времени на протяжении целых 15 лет представлял в суде интересы Брижит не менее 150 раз, в январе 1987 года выиграл иск против одного французского автора, употребившего по отношению к ней слово «миф». Бардо это слово почему-то пришлось не по вкусу, и она отсудила в свою пользу 60 тысяч франков. Это представляется довольно-таки странным, поскольку Брижит, судя по всему, понравился общий доброжелательный тон книги, и к тому же слово «миф» в данном контексте вряд ли блещет оригинальностью.

Дважды — что, впрочем, на нее не похоже — она позволила эмоциям взять верх не только над собой, но и над своими близкими.

В начале 70-х годов Бардо приобрела новую квартиру в Париже на бульваре Ланн, что совсем рядом с Булонским лесом, решив при этом продать одну свою старую трехкомнатную квартиру на улице Клеман в 6-м столичном округе по соседству с рынком Сен-Жермен-де-Пре. Правда, возникла одна загвоздка — на тот момент в этой квартире жила ее сестра Мижану со своим мужем Патриком Бошо и восьмилетней дочерью Камиллой.

Чтобы ускорить продажу, Брижит предложила, чтобы сестра с семьей переехала с улицы Клеман в ее старую квартиру, на авеню Поль-Думер.

По словам Бардо, Мижану с Бошо могут поселиться там на тех же условиях, что и в занимаемой ими на данный момент квартире — то есть не внося никакой квартирной платы и покуда им там нравится. Однако Мижану встала на дыбы, заявив, что Брижит подарила ей эту квартиру десять лет назад в качестве свадебного подарка. Более того, она прикипела душой к оживленному 6-му округу и ей меньше всего хотелось переезжать в 16-й, и вообще она как раз планировала открыть рядом с домом магазинчик. Брижит никак не ожидала от сестры подобного упрямства и в пику ей призвала своих адвокатов. Дело было передано в суд, однако, вместо того, чтобы принять по нему какое-либо решение, судья предложил сторонам договориться между собой и дал на это три недели.

Эта отсрочка позволила сестрам мирно уладить возникшие разногласия, и Бошо, в конечном итоге, согласилась переехать.

Второй случай связан со смертью ее матери, скончавшейся 1 августа 1978 года в американском госпитале в Нейи-сюр-Сен в возрасте 66 лет.

Тоти положили в больницу за три дня до смерти, то есть в субботу 29 июля, а в понедельник днем прооперировали по поводу опухоли кишечника. Брижит приехала проводить Тоти, которая все еще находилась в послеоперационной палате, во вторник вечером. Примерно в двадцать минут или половине восьмого Тоти пожаловалась на боли в грудной клетке. Позже Брижит заявила, будто мать тогда сказала ей: «Мне уже не встать на ноги».

Брижит в панике бросилась искать врачей. Но ей никого не удалось найти, даже тех, кто жил здесь же при клинике. Единственный, кто подошел к ее матери, была медсестра, да и та сумела лишь сделать кардиограмму. По словам Бардо, медсестра заверила ее, что в восемь часов на де-

журство должен заступить специалист. И тогда Тоти попросила, чтобы послали за ее личным кардиологом.

Примерно без пяти восемь появился тот самый хирург, что накануне прооперировал Тоти. Бардо пыталась объяснить ему, что состояние ее матери ухудшается. Хирург позвонил личному врачу Тоти и попросил его приехать к своей пациентке, пояснив, что у той, судя по всему, сердечная недостаточность.

Позднее этот врач оправдывался, будто не заметил в просьбе хирурга повода для особого беспокойства. Анн-Мари Мюсель Бардо скончалась в считанные минуты.

16 декабря Бардо, которая до сих пор не могла оправиться после смерти матери, отправила заказное письмо руководству клиники с жалобой, что персонал вверенного им заведения халатно отнесся к своим обязанностям, и потребовала объяснений. По словам Бардо, когда она прибыла в клинику, то не застала там ни души.

Администрации ничего не оставалось, как рассмотреть ее жалобу, поскольку по французским законам бросить человека на произвол судьбы, когда ему грозит опасность, считается преступным, уголовно наказуемым деянием. Но спорить с врачами — это все равно, что биться лбом о стену.

Администрация утверждала, будто проживающий при клинике врач находился на месте.

Нет, доказывала Брижит, его нигде не было. Он отсутствовал как раз в тот момент, когда ее мать нуждалась в его помощи.

Руководство клиники отмело ее инсинуации, будто в отношении ее матери была проявлена вопиющая халатность, и попыталось списать дело в архив на том основании, будто Бардо приняла смерть матери слишком близко к сердцу. Медики даже договорились до того, что это вполне объяснимо.

Брижит, однако, ожидала от них иного ответа.

«Когда вы теряете мать, — сказала она тогда, — вы тотчас становитесь взрослым. Пока она жива, над вашей головой есть нечто вроде зонтика, защищающего вас от невзгод, вы всегда знаете, что есть на свете пара рук, готовых в любую минуту согреть и приласкать вас, не требуя никаких объяснений. И даже если порой она бывала чересчур строга, все равно оставалась мне матерью. И теперь ее нет. Это трудно пережить, это просто несправедливо, и все-таки в жизни самое надежное — это смерть».

Взбешенная отношением к себе и матери со стороны администрации клиники, Брижит подала на врачей в суд. Иск, принятый к производству в Нантере, был направлен против безымянного лица, не пожелавшего оказать помощь той, чьей жизни угрожала опасность.

«Врачи отнюдь не сделали все от них зависящее, чтобы спасти ее», — заявила Брижит, объясняя, что заставило ее обратиться в суд.

Администрация клиники опротестовала ее действия.

Брижит так и не удалось ничего добиться, но, по крайней мере, она сумела дать выход накопившемуся гневу, и кроме того, кое-кто в клинике наверняка сделал для себя соответствующие выводы.

Друзья, бывшие любовники, бывшие работники и торговцы подержанными автомобилями тоже не были застрахованы от ее нападков.

В 1960 году Бардо подала в суд на Алена Карре, когда тот объявил, что намерен опубликовать мемуары о тех четырех годах, когда он состоял у нее на службе. Карре, предосторожности ради, показал ей экземпляр рукописи, попросив сделать

необходимые замечания и исправления. В ответ на его просьбу она через четыре месяца вынудила его обзавестись адвокатом.

Что довольно странно, если учесть, что серия из десяти заметок рисовала довольно мягкий портрет его бывшей работодательницы. Тем не менее, Бардо заявила, что там содержатся как ложные, так и несправедливые по отношению к ней утверждения. В ответ Карре возразил, что за три месяца до ее жалобы она и ее супруг Жак Шарье оба одобрительно встретили его рукопись. Бардо сочла подобные заявления возмутительными и потребовала изъятия рукописи. Дело рассматривалось в июле в Париже. Судья вынес решение, что, поскольку рукопись еще не опубликована, изъятие по суду невозможно. Иными словами, суд открыл дорогу публикации.

После того как Карре, которому Бардо платила в месяц всего тысячу франков, якобы заработал на каждой статье сумму в десять раз большую, другой человек из числа ее челяди — камердинер по имени Гвидо Альбер — тоже решил взяться за перо. Он сочинил статью, которую Брижит также не удалось изъять, о царящей в «Мадраге» распушенности нравов.

Пытаясь не допустить в будущем повторения подобных вещей, Бардо потребовала от нескольких своих бывших служащих, чтобы те подписали контракт о неразглашении, подобно тому, что делает каждый, идя в услужение английской королеве. Французская пресса давно уже об этом догадывалась, и как-то раз один из журналов язвительно обмолвился, долго ли еще осталось ждать, прежде чем Бардо потребует соблюдения тех же условий от своих любовников.

Через несколько лет одна из ее горничных решила, что негоже, если и остальным не станет

известно обо всем том, что она видела и слышала, и посему продала свою историю одной бульварной газетенке. К тому времени как материал появился на газетных страницах, он уже был значительно приукрашен, причем, как и следовало ожидать, к нему добавили изрядную порцию клубнички, поскольку рынок диктует, что чем больше пикантных подробностей, тем выше гонорар за публикацию.

В 1985 году Бардо подала в суд на Дистеля за то, что тот посмел написать свои откровения. Дистель утверждал, будто Брижит имела привычку подолгу дуться, частенько выходила из себя и была скуповата. Кроме того факта, что холодильник у нее, как правило, бывал пуст, она еще частенько ставила его в неловкое положение, лаская и целуя на глазах у посторонних людей, и, что самое главное, беспардонно ему изменяла. По словам Дистеля, однажды, приехав к ней, он застал ее полураздетой, а в ванне скрывался какой-то мужчина. Вне себя от бешенства, он разбил дверное стекло и пулей вылетел из ее квартиры.

По словам Дистеля, Бардо прислала ему счет за разбитую дверь. Бардо, которая в свою очередь «не ожидала такой низости» от своего бывшего возлюбленного, подала на него иск на сумму 150 тысяч франков.

Еще через пять лет она вторично пыталась призвать к ответу Эдди Барклая. В тот момент Барклай как раз был занят созданием видеофильма о Сен-Тропезе, потихоньку вставляя в него видеоклипы с ее участием.

Бардо заявила: «Я не позволю кому бы то ни было использовать мою персону, мое имя, мой голос или мой образ без моего на то согласия. Я пока что не общественная собственность. Я намерена всеми силами противостоять этой порочной практике сейчас и далее».

Особенно ее возмутило то, что Барклай, «который нагло притворялся моим другом», даже не потрудился позвонить и спросить ее разрешения на использование кадров с ее участием.

Барклай рассказывает: «Дрейфус выбивает для нее 10 тысяч франков, 20 тысяч франков или даже 50 тысяч франков, стоит ей только обнаружить в газетах что-нибудь такое, что ей не по вкусу. Кое-кто вполне серьезно полагает, что она живет этим».

В 1968 году Бардо ввязалась в тяжбу с модельером Пако Рабаном после того, как лично позировала в коричневом с металлическим блеском платье от Рабана для разворота «Вога». Дело в том, что когда съемки закончились, Брижит прихватила платье с собой. Рабан попросил ее вернуть наряд, поскольку уже продал его кому-то еще. Когда же стало понятно, что Бардо ни за что не отдаст это платье, Рабан выставил ей счет на 2400 франков плюс 15-процентов НДС.

«Я не намерен делать никаких подарков мадам Бардо, — заявил он. — Мне известна ее репутация. Мне прекрасно известно, что она никогда не платит тем, кто снабжает ее теми или иными вещами. Но со мной этот номер не пройдет».

Полагая, что она и без того осчастливила его тем, что согласилась позировать в его платье, однако, действуя не настолько грубо, чтобы это могло отрицательно отразиться на его репутации, Бардо просто-напросто выставила Рабану счет за фото-сеанс — 2400 франков плюс 15 процентов налога на добавленную стоимость.

В наши дни Рабан всякий раз смущается, когда речь заходит об этом случае. Лучшее, что сумел выдать по этому поводу его пресс-секретарь, было: «Это спорный вопрос».

А еще через несколько месяцев Бардо пошла в любовную атаку на «Роллс-Ройс».

В 1965 году она за 35 тысяч франков приобре-

да подержанный «роллс-ройс» — той же самой модели 1958 года, на которой в то время разъезжала английская королева. Через четыре года из строя вышел обогреватель, и Бардо отвезла его для ремонта в парижское представительство «Роллс-Ройса».

Там ей не только починили обогреватель, но и выставили счет за 121 час работы, в том числе и тяжелого труда по разборке и сборке, так что общая стоимость ремонта достигла 11 тысяч франков. Когда же Брижит отказалась оплатить предъявленный ей счет, в мастерской отказались вернуть автомобиль.

Брижит отправила жалобу прямехонько начальству в Лондон. Французская мастерская подала на Бардо в суд, чтобы взыскать с нее один франк сатисфакции за моральный ущерб, который она якобы нанесла, обратившись через их головы непосредственно к лондонскому начальству. И словно вознамерившись довести это дело до полного абсурда, роллс-ройсовские адвокаты заявили, что «мадам Бардо чересчур скупа. Так что, если она больше не купается в деньгах, ей нечего разъезжать на «роллс-ройсе». На что адвокат Бардо возразил: «Если «Роллс-Ройс» и дальше намерен держать марку самого престижного автомобиля, ему не к лицу вести себя под стать какой-нибудь мелкой заурядной конторе».

В конечном итоге Бардо продала свой «ройс» под тем предлогом, что это «тачка для мужланов».

И в какой-то момент, в перерыве между другими своими тяжбами, она подала в суд на «Вава».

В 1986 году, спустя целое десятилетие после выхода в свет своей первой автобиографии «Мемуары дьявола», Вадим решил опубликовать историю своей жизни с тремя красивейшими женщинами на свете под названием «Бардо. Денев. Фонда». Когда он прислал экземпляр рукописи Джейн Фонда,

та отнеслась к этому чисто по-американски и лишь пожала плечами. Чего не скажешь о Катрин Денев и Брижит Бардо.

Они дружно, в один голос, призвали Дрейфуса.

«Странно, однако, — замечает Вадим. — Брижит только и делает, что подает на кого-то в суд. Она готова призвать к ответу всех и каждого. Помнится, в наши годы она такой не была».

Порой Вадим начинает подозревать, что здесь не обходится без участия Дрейфуса, который подсказывает ей, к чему можно придраться. Ну а поскольку Дрейфус представлял также интересы Денев, то, по всей видимости, он сказал Бардо, что Катрин намерена подать в суд, и Брижит решила: а чем я хуже — и присоединилась к иску.

Когда же суд наконец вынес решение, рассказывает Вадим, оказалось, что он должен заплатить каждой из них по 30 тысяч франков, однако имеет полное право оставить в книге все как есть. «Вплоть до последней запятой».

По мнению Вадима, Дрейфус весьма проницательный субъект, у которого наметан глаз на подобного рода дела. Ну а поскольку все, что ему удается отсудить для своих клиентов, не облагается подоходным налогом, стоит ли удивляться, что последние рады каждой новой возможности испытать судьбу.

Вадим тоже не раз слышал домыслы о том, что Бардо неплохо наживает на всех этих тяжбах, однако не склонен этому верить. «Нет, не думаю, чтобы в этом была хотя бы толика правды. Сомневаюсь, что Брижит настолько богата, сокровищ она себе не нажила, но и бедной ее не назовешь. Разумеется, ей нет необходимости работать, что уже видно из того, что она не работает, и даже если предположить, что за последние десять лет она заработала миллион франков, это не так уж много, если сравнить с ее заработками в прежние

времена. Так что вряд ли она ввязывалась во все эти тяжбы исключительно ради денег. Но, с другой стороны, кто, как не она, все время говаривала, что маленьких доходов просто не бывает».

Но самой идиотской тяжбой — по крайней мере на настоящий момент — стала тяжба о кастрации ослика.

Жан-Пьер Маниве — удалившийся от дел лионский промышленник — высокий седовласый мужчина с седыми усами. Сейчас ему за 70. Маниве ни разу лично не встречался с Бардо. Но как соседу по Сен-Тропезу — его дом стоит на склоне, что спускается к «Гарригу» — ему нередко доводилось видеть ее купающейся на пляже. Прежде не раз случалось, что, обнаружив возле дома то кошку, то собаку, он отводил животное к воротам «Гаррига» и вручал ее садовнику.

В апреле 1989 года Маниве за 4 тысячи франков купил себе у одной антикварши ослика по кличке Шарль. Он намеревался держать животное у себя все лето, пока сам находился в Сен-Тропе, а на зиму решил оставить его на попечение антикварши. Маниве согласился платить за питание животного, а антикварша, в свою очередь, согласилась бесплатно за ним присматривать — в обмен за «обслуживание» ее ослицы. Правда, последнее условие предполагало, что Шарль способен выполнить свои мужские обязанности.

Примерно через месяц Маниве как-то раз заметил, что подруга Бардо, Милен де Мюльдер, прогуливает мимо его дома несколько псов его соседки. Ну а поскольку Маниве собирался отлучиться из дома на несколько дней, ему пришла в голову мысль, а не оставить ли ему ослика у Бардо. И поэтому он вежливо поинтересовался у Милен, не согласится ли мадам Бардо присмотреть за его Шарлем. В ответ Милен объяснила, что, поскольку

в «Гарриге» у Брижит и без того много животных, вряд ли ей захочется брать к себе еще одного четвероногого питомца. Тем не менее, Милен пообещала спросить.

Где-то через пару дней Милен пришла, чтобы сказать садовнику Маниве, что Брижит не против присмотреть за осликом.

Обычно, рассказывает Маниве, он отводил Шарля в небольшой загончик на другом конце пляжа и оставлял его там. «Кроме того, это давало мне возможность взглянуть на мою знаменитую соседку».

Итак, за несколько дней до отъезда в Лион Маниве попросил своего садовника Жильбера сходить в «Гарриг» и передать мадам Бардо, что он приведет к ней ослика. Жильбер позвонил в колокольчик у ворот, но ему никто не ответил. И тогда он отыскал в городе одну знакомую Брижит, и та пообещала связаться с ней.

Маниве утверждает, что эта знакомая позвонила Жильберу тем же вечером, чтобы сообщить, что все в порядке. Единственное, что Брижит спрашивает, «оприходован» ли ослик. Иными словами, объясняет Маниве, «она интересовалась, кастрирован ли мой Шарль».

Брижит неизменно опровергала эту часть истории.

В воскресенье 21 мая Маниве и Жильбер оставили Шарля в «Гарриге» под присмотром прислуги Бардо.

«Я отправился в поездку с чистым сердцем, полагая, что поступил правильно, — рассказывает Маниве. — В конце концов, кто сможет присмотреть за моим питомцем лучше, чем она? Я даже отправил ей благодарственную записку, которую подписал «Шарль».

Через две недели Жильбер позвонил Маниве

в Лион, чтобы сообщить ему следующее. На днях он столкнулся с садовником Бардо, и тот сказал ему: «Она кастрировала ослика месье Маниве».

По словам Маниве, садовник сказал Жильберу, что он лично пытался воспрепятствовать ей и не допустить столь крутых мер по отношению к ослику, но Бардо не желала его слушать. Она якобы заявила ему, что вольна поступать у себя дома, как ей вздумается.

Правда, это утверждение идет в разрез с версией самой Бардо.

Обе истории, однако, сходятся в одном — Шарль оказался не таким уж безобидным гостем.

Не успел он переехать на житье к Брижит, как начал, к великому ужасу последней, оказывать знаки внимания ее 32-летней кобыле по кличке Герцогиня, которую Бардо спасла от бойни. Шарль оказался страшно похотливым типом — вскоре он положил глаз на ее ослицу Мимозу, у которой в тот момент как раз была течка.

Твердо уверенная, что страдания животных отчасти проистекают от того, что их расплодилось слишком много, а также будучи убежденной сторонницей стерилизации домашних питомцев, Бардо в четверг 25 мая послала за ветеринаром.

Доктор Жак Обертен, чья клиника находится неподалеку от Сен-Максима, уже через несколько часов прибыл в «Гарриг» и якобы предупредил Бардо, что, если Шарль «обрюхатит» ее Герцогиню, старая кобыла не выдержит подобных трудов и наверняка издохнет. Ну а поскольку Брижит не имела возможности держать животных порознь, а кроме того, ей никак не удавалось дозвониться до владельца ослика, Маниве, по ее собственным словам, ей ничего не оставалось, как кастрировать бедного Шарля.

По мнению Маниве, это более, чем странное утверждение. «Вы когда-нибудь видели, чтобы ослик

гонялся за старой кобылой, когда рядом находится молодая ослица, да притом в охоте? И как вообще ветеринар мог утверждать, будто Шарль представляет для кобылы смертельную опасность; можно подумать, ему неизвестно, что кобыла, которой за тридцать, уже много лет как бесплодна. Как бы то ни было, даже если предположить, что Шарль проявил повышенную активность — не стану спорить, он вполне мог гоняться за Мимозой, — худшее, что могло произойти, так это то, что она от него забеременела бы. И если вы и впрямь любите животных, то что на свете может быть симпатичнее новорожденного ослика? Я на ее месте только обрадовался бы».

Когда Маниве позвонил Обертену, чтобы спросить, на каком основании тот кастрировал Шарля — по мнению Маниве, любой уважающий себя ветеринар вначале бы поинтересовался, чем вызвана такая необходимость — «по крайней мере, он должен был выяснить кому, собственно, принадлежит этот ослик», — Обертен заявил ему, что не намерен обсуждать «тот маскарад».

Позднее Обертен заявил, что его меньше всего касается тот факт, кто является владельцем ослика. Сегодня он отмечает любые расспросы под довольно странным предлогом; «Я обязан уважать медицинские тайны моих клиентов».

Даже если принять на веру довольно комичное утверждение, что и пациент-осел имеет право на медицинскую тайну, остается непонятным, почему Обертен отказывается объяснить, почему, например, он не сделал чересчур активному Шарлю успокоительный укол или просто напросто не порекомендовал содержать его отдельно от Герцогини и Мимозы.

Как бы там ни было, как только Маниве услышал эту новость, он тотчас вернулся в Сен-Тропез и отправился в «Гарриг» забрать своего теперь

уже «оприходованного» ослика. Однако, когда он туда пришел, ему было сказано, что мадам Бардо уехала и, вообще, вернется не раньше конца сентября, и, самое главное, уезжая, она запретила отдавать ослика кому бы то ни было без ее разрешения.

Когда же Маниве поинтересовался, на каком основании она оставила Шарля у себя, садовник Бардо сказал, что его хозяйка хотела убедиться, что месье Маниве хорошо обращается со своими, животными.

Маниве и так уже страдал от того, что ржание его Шарля звучало на пару октав выше и никто при этом даже не соизволил извиниться перед ним за содеянное, но теперь он и вообще потерял дар речи, услышав, что Бардо пытается воспрепятствовать ему забрать своего питомца назад.

Маниве потребовал, чтобы перед ним извинились. Когда же ответа не последовало, он позвонил своему адвокату, чтобы тот велел судебному приставу привести Шарля, после чего подать иск на Бардо.

Поскольку французские законы не проводят никакого разграничения между животными и любым другим видом собственности, в основу иска был положен тот факт, что Маниве попросил свою соседку присмотреть за принадлежащей ему вещью и, хотя Бардо ответила согласием, эту вещь она вернула ему в поврежденном виде.

Маниве требовал компенсации в 4 с половиной тысячи франков за нанесенный ему материальный ущерб, то есть за кастрацию ослика, плюс еще десять тысяч за моральный.

Дело рассматривалось в суде Сен-Тропеза 23 октября 1989 года.

Адвокат Маниве согласился с тем, что ослик вел себя похотливо — он употребил при этом французское словечко «chaud lapin», то есть «горячий заяц», — однако подчеркнул, что бедняга заплатил

за свою страсть слишком высокую цену. «Этот случай можно приравнять к краже семейных драгоценностей в деревне, где больше не придают значения подобным вещам».

Поскольку Брижит не могла присутствовать на разбирательстве лично, она 16 октября собственноручно и на официальном бланке ее фонда написала в адрес судьи послание, в котором извинялась за свое отсутствие. Видите ли, объясняла она, дела держат ее в Париже, где она сейчас готовит телепрограмму о правах животных. В конце письма Бардо сообщала о том, что, когда Маниве пришел забирать Шарля, ее возмущению не было предела.

«Я люблю всех животных, что оказываются у меня, и я подумала, что этот малыш — и это об осле весом в 250 кг! — теперь мой. Я никогда в глаза не видела никакого Маниве и слыхом о нем не слыхивала. Ни он, ни его садовник, ни кто бы то ни было другой не просили меня присмотреть за бедным животным, моя доброта говорит сама за себя. Я никогда не берусь присматривать за чужими животными, потому что я потом слишком сильно к ним привязываюсь».

По ее словам, она кастрировала Шарля — которого она переименовала в Перишоля, — потому что тот был слишком агрессивен по отношению к Мимозе и Герцогине. «Мне жаль, что этот случай обернулся в нечто столь смехотворное, жаль, что я больше не увижу моего Перишоля, жаль, что в эту историю оказалось втянуто французское правосудие».

Когда же суд вынес вердикт, было ясно как божий день, кто в городе хозяйка. Местный судья посчитал, что Маниве не располагает вескими доказательствами того, что он однозначно объяснил мадам Бардо, что именно он является владельцем ослика, отчего та решила для себя, что ослик теперь перешел в ее собственность, и, пре-

бывая в этом убеждении, она имела полное право поступить так, как считала нужным. А посему, иск Маниве следует считать необоснованным. Более того, по мнению судьи, Маниве нанес Бардо и ее репутации как активистке по защите прав животных невосполнимый моральный ущерб и должен заплатить штраф в размере 20 тысяч франков.

Такой несправедливости Маниве никак не ожидал. «Он меня оштрафовал! Он, видите ли, считает, что я своими действиями бросил тень на доброе имя мадам Бардо и ее деятельность по защите прав животных! Да в этом мире все вверх тормашками!»

Маниве опротестовал решение.

1 октября 1992 года дело слушалось в апелляционном суде города Экс-ан-Прованс. На этот раз судьи сняли с Маниве штраф, однако отказались изменить первоначальную формулировку. Апелляционный суд согласился с тем, что Маниве не в состоянии доказать, будто Бардо было в действительности известно, что у ослика имеется законный хозяин и он отнюдь не бездомное животное. Судя по всему, согласно французским законам, вещь стоимостью менее 5 тысяч франков может быть передана на хранение другому лицу лишь на страх и риск ей владельца, если, конечно, тот заранее не потребовал расписки. Отсутствие такой расписки, а также свидетелей, способных подтвердить обратное, означает, что суд нижней инстанции был совершенно прав, вынеся решение в пользу мадам Бардо.

Качая головой и до сих пор отказываясь верить, Маниве задается вопросом: «Ну как, по-вашему, я мог прийти к ней и сказать, не будете ли вы так добры присмотреть пару недель за моим осликом, только, прошу вас, дайте мне расписку?»

На всех, кто только был причастен к этой тяжбе,

тотчас обрушилась лавина корреспонденции. В ратушу Сен-Тропеза пришла открытка следующего содержания: «Брижит не дала мне сыграть в «крик-кряк», вместо этого она сделала мне «крик и кряк».

Другая открытка с изображением ослика гласила: «Слава Богу, у нас все в-порядке. Жизнь прекрасна. Не то что для Шарля в Сен-Тропезе».

Третья отличалась предельной лаконичностью: «Бедный Шарль, теперь Шарлотта».

Пока апелляционный суд рассматривал это дело, судья высказался на тот счет, будто ослик приобрел прямо-таки мифический статус. Именно в этом ключе Маниве теперь воспринимает эту историю.

«Дело в том, что столкнулись два неравных мифа. Мифический статус моего ослика с мифическим статусом Брижит Бардо. Честное слово, будь у меня выбор, с кем вместе мне попасть в рай — с моим Шарлем или с Брижит Бардо, ей богу, я бы, не раздумывая, взял бы с собой осла».

ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА

Однажды вечером в «Мадраг» заявила на обед компания друзей, прихватив с собой 10 великолепных средиземноморских лангустов.

Разумеется, все десять еще подавали признаки жизни. Как только Брижит их увидела, она тотчас набросилась на пришедших с обвинения-

ми, что те-де мучают несчастных животных, и, схватив лангустов, побежала на пляж, чтобы выпустить их обратно в море.

Когда в 1962 году Брижит и Жак Шарье наконец развелись, их двухлетний сын оставался с отцом. По-настоящему мать с сыном встретились лишь через пять лет, когда Николя уже было семь. На протяжении всего этого времени мальчик то и дело расспрашивал о матери, но всякий раз слышал в ответ, что она занята на съемках и разъезжает по белу свету. В конце концов Шарье женился во второй раз. Вместе со второй женой он воспитывал ребенка Бардо наравне с другими своими детьми, живя на небольшой ферме недалеко от Базоша.

«Дети меняют женщин, — говорит Жак Шарье. — В материнстве есть нечто такое, что вызывает к жизни глубоко запрятанные инстинкты. Но вот Брижит ребенок не изменил. Уму непостижимо. Ну, может, раз-другой в ней проснулись материнские чувства, да и то ненадолго».

Вадим впервые увидел Николя, когда тому от роду было всего несколько дней.

«Ни для кого не секрет, что Брижит не любит детей, и ей было нелегко примириться с мыслью, что и она стала матерью. Я отправился навестить ее сразу после того, как малыш появился на свет. Она склонилась над кроваткой ребенка, а на голове у нее была огромная шляпа. Младенец зашелся в крике. Возможно, он испугался этой шляпы. Но Брижит без конца твердила мне, что он кричит потому, что якобы ее ненавидит».

И отношения между матерью и сыном были полны непонимания.

Когда мальчику исполнилось 12, он поехал к ней в гости в Сен-Тропез. В те годы он еще боготворил мать. Но поскольку в «Мадраге» и без него хватало всяких гостей, комнаты для Николя не

нашлось, и Жак Шарье договорился с Вадимом, чтобы мальчик остановился у него и его жены, Катрин Шанелль.

Когда на следующее утро за Николя приехал шофер, чтобы отвезти его в «Мадраг», радости мальчика не было предела. Мать дала ему урок игры на гитаре, а затем они вместе с ней катались на лодке. Но затем Брижит объяснила сыну, что с удовольствием бы оставила его у себя на обед, но поскольку вечером к ней приглашена большая компания друзей, то это, увы, невозможно.

Николя, весь в слезах, уже к шести часам вернулся к Вадиму.

В 1983 году Брижит попыталась объяснить, почему она отказалась от воспитания Николя.

«Я была неспособна заботиться о себе самой, так как, скажите, я могла воспитывать ребенка? Это было мне не по силам. Мне требовалась мать, а не ребенок. Я сама нуждалась в надежной опоре, в постоянной опеке. Одной мне просто не выжить, ведь я — как вырванное с корнем дерево, как песчинка, потерянная в этом безумном, огромном мире. Как я могла привязаться к маленькому ребенку, который только что появился на свет? И что бы я ему дала? При той безумной жизни, которую я вела, вечно в слезах, вечно где-то разъезжая с первым встречным».

По словам Брижит, они с Николя пытались как-то наладить их отношения. «Когда он был маленьким ребенком, мне становилось немного не по себе при мысли, что я мать. Мне было не по себе от того, что происходило со мной. Материнство, пожалуй, удивило меня, но не принесло мне счастья». Теперь же, по ее словам, повзрослевший Николя показался ей «основательным, прямодушным, крепким и очень милым».

Увы, идиллия длилась недолго, хотя Кристина Гуз-Реналь — кстати, она крестная мальчика —

отмечает, что случались моменты, когда Брижит изо всех сил старалась быть образцовой матерью.

«Когда ему исполнилось 18, могло показаться, будто Брижит как бы заново хочет ввести его в свою жизнь, словно стремясь загладить свою вину, и заново открывает для себя сына. Она словно просила прощения, словно пыталась объяснить сыну, чтобы тот понял, какую жизнь она вела, как позволила закружить себя вихрю, который называла жизнью, как это все случилось с ней, когда она была в его возрасте и как ей не хватало сил справиться со всем самой. Брижит молила о прощении. И сын простил. Он сказал ей, что все понимает, и пусть она знает, что случись нечто подобное с ним, то и он наверняка бы не сумел с этим справиться. Слышать все это было очень горько».

Но так уж повелось, что Брижит просто не в состоянии поддерживать отношения дольше, чем несколько месяцев. «Спустя какое-то время она взялась за старое и вновь оттолкнула его от себя».

Мижану пытается выгородить сестру и спешит подчеркнуть, что одной из причин, почему Брижит проявила к собственному ребенку такое вопиющее равнодушие, были те мучения, что ей пришлось вынести во время беременности.

«Она родила ребенка в кошмарных, нечеловеческих условиях. Ей не доставало счастья. Ей не хватало уверенности в себе. Возможно, роди она ребенка при других обстоятельствах, ее отношения с Николя были бы совершенно иными. Но ей сначала требовалось заполнить пустоту внутри себя, и когда это у нее не получилось, ей нечего было дать своему ребенку».

Мижану согласна с тем, что между матерью и сыном накопилось немало обид, но в последние годы они все-таки пытались найти общий язык. «Истина, пожалуй, заключается в том, что Брижит не столько бросила своего ребенка, сколько согла-

силась с его отцом, что мальчик должен воспитываться в нормальной обстановке, без преследования со стороны прессы, что у него должно быть нормальное детство и ему не стоит раньше времени сталкиваться с безумством этого мира».

Жак Шарье хотел, чтобы его сын был обыкновенным ребенком, таким как все, а не музейным экспонатом под названием «сын Брижит Бардо». Брижит поняла это и согласилась.

Подобно Мижану, Ольга Хорстиг-Примуц грудью встает на защиту Брижит. «Она оказалась намного честнее многих женщин. Она честно призналась, что не в состоянии воспитывать Николя, и позволила заниматься этим Жаку. С ее стороны было бы просто нечестно самой заняться воспитанием сына. Я знаю немало женщин, у которых не хватает духу признаться, что мать из них не получилась, и, не взирая на это, они воспитывали своих детей, и дети заплатили за это слишком высокую цену».

Другие люди не столь склонны к прощению, некоторые даже высказывают предположение, будто конфликт проистекает из того факта, что по-французски «Б. Б.» произносится так же, как и «Bébé», то есть ребенок. То есть где-то в подсознании у нее засел вопрос, кто эта «bébé», если я считаюсь «Б. Б.»?

Николя изучал в парижском университете экономику, учился игре на фортепьяно — он даже сочинял музыку и занимался аранжировкой, — а когда ему исполнилось 22, Пьер Карден пригласил его в качестве манекенщика. С такими родителями, как у него, стоит ли удивляться, что Николя, ростом за 180, весьма привлекательный мужчина.

Именно в те дни, когда Николя работал манекенщиком, он познакомился с норвежской девушкой, Анне-Лин Бьеркан, на полтора года его младше. Она была дочерью дипломата и тоже под-

рабатывала манекенщицей. Они поженились в 1984 году и вскоре переехали в Осло, чтобы он мог жить просто как Николя Шарье, не опасаясь, что в него начнут показывать пальцем, вот, мол, глядите, сын Брижит Бардо.

Сейчас Николя занимается компьютерами. У них с женой две дочери. И хотя Anne-Lin общается к дочерям по-норвежски, между собой супруги разговаривают по-французски.

Брижит помогла сыну с покупкой квартиры в Париже, да и в иных случаях, когда в том возникала необходимость, тоже старалась помочь.

Однако, поскольку на протяжении долгих лет им не доставало взаимного понимания, неудивительно, что у обоих накопилось немало обид. Например, Брижит глубоко оскорбилась, когда Николя, не сказав ей ни слова, женился и даже не счел нужным пригласить ее на свадьбу. Но, с другой стороны, Николя понимал чем чревато подобное приглашение, а ему меньше всего хотелось, чтобы присутствие матери превратило его собственную свадьбу в цирк с участием журналистской братии. Так что, по крайней мере в первые годы его женитьбы, контакты между матерью и сыном носили случайный характер.

Бардо не видела своей невестки вплоть до 1989 года. По ее словам, она ждала, чтобы инициатива исходила от Николя. Более того, Брижит ничуть не кривила душой, когда жаловалась друзьям, будто Николя не хочет с ней знаться. «Он прячется от меня и от всего света у себя в Скандинавии».

Ответ Николя был предельно краток: «Она любит своих котиков, а я люблю свою жену».

Через несколько лет, когда он послал ей фото своей первой дочери, Брижит отослала снимок обратно.

Дочь Мижану, Камилла Бото, когда ей было шестнадцать лет, какое-то время гостила у тети в

«Мадраге». Тем летом там гостил и Николя. Ему было уже 19. Двоюродные брат и сестра проводили все время вместе, и Николя учил кузину виндсерфингу. В какой-то момент Камилла свалилась с доски и угодила прямо в водоросли, где глубина всего сантиметров двадцать.

Брижит, наблюдавшая за сыном и племянницей с берега, увидев, что Камилла упала в воду, тотчас бросилась на небольшой деревянный причал у пляжа и попыталась привлечь внимание других спортсменов, носившихся на своих досках взад и вперед перед «Мадрагом».

Посигналив им, словно голосуя на шоссе, Брижит крикнула: «Спасите мою племянницу. Она вон там!»

Когда до серфингистов дошло, что выйти в море им предлагает не кто иной, как Брижит Бардо, на спасение Камиллы бросились около двух десятков молодых людей.

«Николя очень мил, — рассказывает Камилла. — И очень жаль, что они с матерью упустили так много лет, которые могли провести вместе. Моя тетя ужасно обиделась, когда Николя не сказал ей о своей женитьбе. А еще она ужасно обиделась, когда он не сказал ей, что у него родилась дочь, то есть ее первая внучка. Но, как мне кажется, сейчас они пытаются не ворошить прошлое».

Примирение, если это, конечно, можно считать таковым, состоялось в 1992 году, когда Брижит и тот, кому суждено было стать ее четвертым мужем, прилетели в Осло.

По словам Бернара д'Ормая, ему казалось, что мать с сыном должны ближе узнать друг друга, и поэтому он горячо поддержал идею этой поездки.

Брижит и Николя не виделись целых десять лет. И Бардо впервые увидела своих внучек.

И все-таки, наверное, это было примирение,

потому что на следующий год Николя, Анне-Лин и две их дочери, Анна-Камилла и Теа-Жозефина, приехали погостить к Брижит и Бернару в Базош.

На протяжении всей своей карьеры Брижит не раз отвергала соблазнительные контракты, потому что не желала иметь никаких дел с Голливудом. Ей была обещана баснословная сумма, если она сыграет главную роль в картине «История О». Брижит отказалась. После этого ей вновь предложили бешеные деньги, если она согласится сняться у Питера Селлерса в «Розовой пантере». И снова отказ. Продюсеры «Дела Томаса Крауна» предложили ей за 500 тысяч долларов сыграть в паре со Стивом Мак-Куином — эта роль впоследствии досталась Фей Данауэй. Очередной отказ.

Будь она звездой в наши дни, она вполне могла бы требовать для себя трехмиллионных гонораров. А хорошенько поупиравшись, наверняка сумела бы «расколоть» продюсера и на сумму в два-три раза большую. Но этого не произойдет. Брижит полагает, что кино отняло у нее лучшее, что в ней было, чтобы затем бросить это лучшее на широкий экран на потребу праздной публике. Ей ни разу не случилось взгрустнуть о том, что эти годы позади. «Когда я переворачиваю в жизни очередную страницу, то это навсегда. Пока я ее не переверну, я не слишком об этом задумываюсь. Но стоит мне ее перевернуть, все, точка».

Более того, говорят, будто однажды она произнесла следующую фразу: «Я никогда ни о чем не жалею. Бывает, я испытываю небольшое раскаяние, но жалеть о чем-то — никогда».

На предложение одной фирмы вновь вернуться на экран и сняться в паре с Марлоном Брандо, за что ей было обещано 2 миллиона долларов, Брижит ответила решительным «нет».

Точно такой же резкий отказ последовал на

предложение одного американского продюсера, пытавшегося заманить ее назад в кино, в надежде, что она клюнет на роль Елены Чаушеску, жены покойного румынского диктатора.

Другой продюсер строил планы вокруг ее имени, — также поговаривая о двухмиллионном гонораре за пару недель съемок, — если Брижит согласится сыграть бабушку в картине «Трое мужчин и ребенок». Однако Бардо вновь продемонстрировала свое упрямство — нет, и все тут.

Вскоре после ее ухода из кино Брижит заработала кругленькую сумму, рекламируя мужскую парфюмерию. В 1973 году, когда Франция обратилась к ней за помощью в деле развития туризма, Брижит согласилась представить для этих целей свое лицо и имя. А за несколько лет до этого она позволила, чтобы ее фото — работа Филиппа Хальсмана для книги «Прыжок» — украсило собой лондонские рекламные щиты кампании «Эр Франс».

Английское рекламное агентство «Лигас-Шафрон-Дэвис-Чик-Айер» обратилось к ней с просьбой разрешить им использовать ее фото. Ко всеобщему удивлению Брижит ответила согласием. Ей нравился этот снимок — на нем она получилась настоящей красавицей, а кроме того, руководство «Эр Франс» видело в ней нечто большее, чем символ авиакомпании. Для них Брижит олицетворяла собой Францию.

Агентство послало ей эскиз рекламы с пояснением, что и как они намерены сделать, и в качестве гонорара предложили сделать взнос в ее фонд. По их собственному признанию для них явилось великой неожиданностью, когда она письмом засвидетельствовала свое согласие. Но то было редкое исключение из правила. Любая попытка заманить ее назад на экран наталкивалась на твердый отказ. Более того, ее не только не заманишь сни-

маться в кино, но и просто посмотреть новую картину. Лишь изредка Брижит смотрела фильмы по телевизору. Случалось ей смотреть и свои собственные старые работы, когда их вновь вытаскивают на телеэкран. Но в кино она не ходит.

«В фильмах я пытаюсь в первую очередь отыскать какую-нибудь небольшую мечту, какую-то красоту. Я ненавижу вульгарность, а насилие повергает меня в ужас, — замечает Бардо. — Когда же я в фильмах вижу себя, что случается не так уж часто, мне кажется, что я вижу кого-то другого, того, кто, возможно, похож на меня, кто мог бы быть моей дочерью».

В 1988 году в Париже прошла грандиозная ретроспектива ее фильмов. Были показаны 22 работы под общим заглавием «Образы Мифа». Наряду с этим состоялась крупная выставка ее фотографий, афиш и всего прочего, что связано с ее именем. Для многих людей впервые представилась возможность увидеть картины с ее участием на большом экране.

Для самой Бардо это стало напоминанием о той, прежней ее жизни. Ее то и дело донимали вопросами, вернется ли она в кинематограф, отчего Брижит каждый раз сердилась и говорила, что кино никогда не было ей в радость и, вообще, она снялась в таком количестве фильмов, что ей просто противно о них думать.

Брижит вот уже шестнадцать лет как не сделала ни одной новой картины, и в какой-то момент, когда ее вывели из себя, она не выдержала и вспылила: «Да неужели вы думаете, что все это мне и впрямь сейчас интересно. Сказать по правде — эта работа для идиотов. Мне наплевать на все это кино вместе взятое».

Более того, она однозначно дала понять в интервью «Пари-Матч»: «Не может быть и речи о моем возвращении в кино, ни при каких услови-

ях. Мне больше неинтересно выставлять себя напоказ. Да и вообще, не кажется ли вам, что с меня хватит?»

Как раз накануне открытия ретроспективы Брижит получила приглашение на закрытый просмотр «Истины» и, поскольку она не видела этой картины почти 30 лет, то согласилась пойти. По ее словам, это была, пожалуй самая любимая ее работа. Однако впоследствии вряд ли кто сумел бы затащить ее в кинопрошлое.

Спустя год американскому театральному и кинопродюсеру, Алену Карру, пришла в голову потрясающая идея, почему бы ему не пригласить Брижит Бардо в качестве ведущей на раздачу Оскаров. Первоначально он планировал заманить ее в Голливуд. Однако, на всякий случай, если она вдруг откажется приехать в Штаты или же не сумеет выкроить для этого времени, Карр надеялся, что всегда сумеет осуществить живой телемост с Парижем.

Главное — заманить ее для участия в шоу.

Карр связался с Бардо через свою парижскую представительницу и спросил, ее согласия. Ко всеобщему изумлению, ответ пришел положительный. Правда были поставлены определенные условия.

«Если вам хочется, чтобы я приняла участие, — заявила Бардо, — оповестите всех заблаговременно, что никаких мехов — ни одна живая душа в мехах не будет допущена до порога театра, — после чего предоставьте мне несколько минут эфирного времени выступить в защиту прав животных».

Запретить меха не составляло особого труда, однако Карр, а с ним и представители академии киноискусства сомневались, насколько уместно будет превратить церемонию вручения наград в пропагандистское мероприятие для кого бы то ни было.

Подобные вещи уже имели место в прошлом; например, тот памятный вечер несколько лет назад, когда Марлон Брандо выступил со страстной речью в защиту американских индейцев.

Правда, следует заметить, что академия была отнюдь не намерена поощрять подобные вещи. По мнению Карра, согласиться на условия Бардо означало бы создать опасный прецедент. Он поставил ее в известность, что подобная речь будет вряд ли уместна, в ответ на что Бардо сказала: «Что ж, в таком случае на меня не рассчитывайте».

Карр вспоминает: «Это было вполне законное предложение, и ответ на него дан своевременно, и хотя к тому моменту, когда прессе об этом стало известно, писать было уже практически не о чем, газетчики постарались сделать из мухи слона. «Это финиш», — кричали они, живописуя, как Бардо гордо удалилась, «оставив организаторов с носом».

В наши дни единственная связь, которую она поддерживает с шоу-бизнесом, выражается в форме международной награды Брижит Бардо, ежегодно присуждаемой в Голливуде в рамках фонда «Ковчег».

Президент комитета, актриса Гретхен Уайлер, в 1992 году обратилась к Брижит с предложением: не согласится ли та предоставить свое имя награде, присуждаемой фильмам о животных. Брижит согласилась, но выдвинула два встречных условия: первое — эта награда будет присуждаться съемочным группам, члены которых постоянно проживают за пределами США, сумевшим посредством киноискусства внести значительный вклад в дело защиты животных, и второе — перед вручением награды ее будут ставить в известность относительно предполагаемых кандидатов, с тем, чтобы окончательное слово осталось за ней.

Первая награда, за 1993 год, досталась москов-

ской телепрограмме новостей за репортаж о деятельности центра по гуманному обращению с животными, первой в России организации по защите прав животных.

В своем письме на имя Брижит Уайлер спрашивала, не согласится ли та принять приглашение фонда «Ковчег», чтобы лично вручить награду. Нет, это для нее слишком обременительно.

То же самое прозвучало в ответ, когда ее муж попытался уговорить ее устроить грандиозный обед со сбором средств на нужды ее фонда.

«Может, я и рискнула бы, если, конечно, можно было появиться там в обычном наряде (в джинсах и свитере), вручить награду или произнести небольшую речь — это еще куда ни шло, но ничего больше. Только не сидеть за столом с другими людьми, не делать ради этого прическу и не заводить знакомств».

Она умолкает, на минуту задумывается и качает головой: «Нет, скорее всего, нет. Не люблю строить из себя бог знает что перед чужими людьми. Сейчас мне это просто неинтересно».

В 1982 году в возрасте всего 44 лет неожиданно ушла из жизни актриса Роми Шнайдер, и эта смерть потрясла многих близких друзей Брижит. Согласно официальным сообщениям, это был добровольный уход. Правда те, кто близко знал немецкую актрису, утверждал, что она никогда не помышляла о самоубийстве. Да, она пила, говорили они, и принимала таблетки, и это сочетание алкоголя и наркотиков и свело ее в могилу. Для друзей Бардо этот случай стал напоминанием об их собственных давних страхах и опасениях.

Брижит ужасно боится смерти, говорит один из них, и постоянно об этом думает. Но в этом нет ничего нового. Вадим подметил эту ее черту еще в 1953 году.

«Смерть останавливает часы», — говорила она ему. Или еще хлеще: «Смерть — единственный банкир, который обогащается, теряя свой капитал».

Еще через несколько лет она призналась ему: «Смерть сводит меня с ума. Иногда мне хочется испортить ее планы и заявиться к ней раньше времени, без предупреждения, чтобы только разозлить ее так, чтобы можно было сказать: «Я тебя перехитрила!»

Из-за ее многочисленных попыток самоубийства некоторые люди склонны видеть в ней жертву любви или же мученицу успеха. У Вадима на эти вещи иное мнение.

«Мне она представляется скорее той, кто пожирает тех, кого любит. Я бы даже сказал, что, пожирая их, она кажется мне наиболее прекрасной». Вадим усмехается: «Надеюсь вам понятно, что быть съеденным Брижит — это редчайший кулинарный опыт».

В октябре 1983 года, вскоре после разрыва с Аленом Бугрен-Дюбуром, а также неделю спустя после ее 49-летия, садовник ночью обнаружил Бардо лежащей в воде в полубессознательном состоянии. В результате она угодила в клинику «Оазис» в Гассене. Друзья настаивали, что это всего лишь следствие переутомления.

Через два месяца Ален Бугрен-Дюбур сделал с нею серию телешоу.

Вот что он рассказывает: «Сначала ей не хотелось за это браться. Да и потом, когда она согласилась, это было весьма деликатным делом. Она ненавидит сниматься и, в особенности, ту суету, что обычно со съемками связана. Поэтому мы были вынуждены обходиться парой-тройкой вспомогательного персонала и, чтобы ее не нервировать, минимумом аппаратуры и осветительной техники.

У нас не было ни гримеров, ни парикмахеров, ни даже сценария».

Порой случалось, что, заведя телевизионщиков, Брижит куда-нибудь пряталась. Не раз сама мысль о том, что ей придется предстать перед камерой, доставляла ей физический дискомфорт. Но она превозмогала себя. И даже если Брижит не удосужилась просмотреть отснятый материал до самого его выхода на экран, и даже если эта передача, в некотором смысле, — размытое изображение ее собственной жизни, все равно в память врезались ее отдельные меткие замечания.

О кино: «С меня достаточно, прощайте и спасибо вам».

О старости: «Я воспринимаю приближение старости без какой бы то ни было тревоги, но и без умиротворения. Я просто вижу ее приближение. Я не буду делать никаких подтяжек. Я не пользуюсь кремами. Мало приятного замечать, что у тебя новые морщины, но это не так уж страшно, если учесть то, что мне известно».

Об уходе из кино: «Продолжи я тогда сниматься, все кончилось бы просто безобразно, ведь это гнилая среда».

О любовных сценах на экране: «В конце концов мне становилось просто не по себе, и в самых страстных сценах я отказывалась обращаться к другим актерам, настаивая на том, чтобы мне было разрешено смотреть на кусок картона и с ним разговаривать. Так мне удавалось произнести то, что иначе мне было бы никогда не выговорить из-за стыда, потому что, стоило мне взглянуть партнеру в глаза, как у меня отнимался язык. Так мне было страшно».

О животных: «Временами мне кажется, что невозможно дальше жить в этом кошмарном мире. Но, значит, и от меня была какая-то польза, если

мне удалось добиться хоть чего-нибудь для животных. Вся моя жизнь посвящена им и только им. Они дают мне силы смотреть в будущее».

О любви: «Как мне кажется, всю свою жизнь мы ждем любви. Или же мы устаем, или же пресыщаемся, а это невыносимо. Я жду любви, нахожу ее, беру и теряю. Она то уходит, то возвращается снова».

О своем имени: «В былые дни за ним не скрывалось ничего хорошего. Кинозвезда, что делала один за другим фильмы, несколько раз побывала замужем, которую фотографировали. Теперь же, все чаще и чаще, люди приходят мне на помощь, потому что я уже не такая, как раньше».

В первые три дня после выхода передачи на телеэкран Бардо получила три тысячи писем.

Одинокая и страдающая от этого одиночества, в 1986 году она призналась одному своему знакомому в Сен-Тропезе: «Мне бы хотелось снова выйти замуж. Первые несколько раз мне не повезло, может быть, потому, что я еще не созрела для замужества. Мне нужен человек умный, порядочный, тот, который бы меня понимал, пусть даже немного несдержанный, но непременно веселый».

И вот еще ее слова: «Теперь, когда весь мир только и делает, что разводится, мне хочется противоположного — создать настоящую семью».

Ей казалось, что она все еще способна отказаться ради избранника от всего па свете. «Мужчинам хочется одного — переспать со мной. Мне же это больше просто неинтересно. Мне нужен кто-то для души».

Но тут же, на одном дыхании, она предостерегает: «Впрочем, на мужчин никогда нельзя полагаться».

По мнению того же знакомого из Сен-Тропеза, ее проблема проста: «Все пришло к ней слишком

рано. Слава. Деньги. Толпы поклонников. Красота. Всемирное признание. Сегодня же она сосредоточилась на животных, потому что они любят ее такой, какая она есть, а это именно то, чего ей всегда недоставало в людях».

Как-то раз Брижит произнесла нечто подобное в разговоре с Андре Пуссе. Вот ее слова: «Нетрудно найти, с кем переспать. Выбор настолько богат, что его хватило бы на пару жизней. Но найти человека, с которым можно было бы делить кров, — почему это мне не удается?»

Зная Брижит как свои пять пальцев, Пуссе заявляет, что ее образ такой женщины далек от действительности. «Разумеется, в ее жизни было немало мужчин, однако чаще всего эти отношения бывали скоротечными. Все дело в том, что найдется гораздо больше тех, кто утверждает, будто спали с ней, чем тех, кто действительно провел с ней ночь. И к тому же, ей обычно попадалось не те, кто надо. По-моему, Гюнтер Закс единственный, кто ей действительно пара. Однако и он скорее играл роль супруга при королеве. Стоило им куда-то приехать, как все вокруг принимались таращиться на нее. Ведь она звезда. А жить со звездой — это, скажу я вам, не сахар».

Разумеется, продолжает Пуссе, Вадим был единственным в своем роде и поэтому всегда занимал место в ее жизни. Однако Пуссе отнюдь не уверен, что это то самое место, как многие полагают.

«Я познакомился с ней вскоре после того, как они с Вадимом разошлись. Осмелюсь высказать предположение, что даже если она никогда бы не встретила Вадима, ей все равно была бы уготована большая карьера. Может, ей понадобилось бы чуть больше времени, но было в ней нечто такое, присутствующее только ей одной, что так или иначе дало бы о себе знать. Бардо всегда оставалась Бардо. А что

касается Вадима, то в те дни он прежде всего гонялся за сенсациями. Я не хочу сказать, будто он был неразборчив в средствах, но, безусловно, в первую очередь, его интересовало, как тот или иной человек окажется ему полезен».

По мнению Пуссе, Брижит скорее состоялась как актриса, нежели чем женщина, которая состоялась в жизни благодаря любви.

«Нет ни малейшего сомнения в том, что при желании она могла бы сделать более блистательную карьеру. Добиться гораздо большего. Но вторую половину жизни вряд ли можно отнести к разряду успехов. Многие мужчины ее попросту опасались, они боялись превратиться в месье Бардо, они боялись затеряться в лучах ее славы, боялись оказаться на вторых ролях при столь подавляющей личности, как она. А теперь — трудно сказать. Когда-то ей нравилось общество друзей, веселье и развлечения. Тогда она была совершенно другим человеком. Теперь же она превратилась в непробиваемую крепость. Она никого не желает видеть. Возможно, она просто перестала верить людям — после всех их низостей и обманов. Но в конечном итоге, разве животные способны заменить людей?»

Лет через десять после их развода до Брижит дошла информация, будто Гюнтер Закс желает восстановить с ней отношения. Она не отвечала на его звонки, причем вовсе не потому, что ей не хотелось с ним разговаривать, а потому, что тогда вообще никого не желала знать из старых своих знакомых. Однако Гюнтер не унимался, и всякий раз, когда экономка говорила: «Мадам нет дома» — он с завидным терпением заявлял, что перезвонит. В конца концов он взял ее измором, и Брижит сняла трубку. По словам Закса, он звонил ей

потому, что надеялся получить от нее приглашение к чаю.

Брижит не из тех, кто любит переноситься в прошлое, и делает исключение разве что для Вадима, которого видит довольно часто. Все ее бывшие любовники и мужья являлись именно таковыми — бывшими. Но Закс тоже был крепкий орешек, и в конце концов Брижит сдалась. «Ладно, — сказала она, — если тебе этого так хочется, приходи на чай».

Через несколько дней в назначенное время Закс появился на пороге «Мадрага» со своей женой Мирей.

И хотя Брижит держалась приветливо, этот визит немного выбил ее из колеи — с какой стати ему понадобилось звонить ей спустя все эти годы и, вообще, что за этим всем кроется.

Хозяйка и гости поговорили приличия ради, после чего Гюнтер вручил Брижит небольшую коробочку.

Брижит спросила его, что это такое.

В ответ Закс объяснил, что только что за хорошие деньги продал одно из своих предприятий, и теперь ему пришла в голову идея сделать подарки всем женщинам, которые его когда-то любили.

«Когда мы разводились, ты даже словом не обмолвилась об алиментах. И теперь я хочу, чтобы ты взяла вот это».

Поначалу Брижит категорически отказывалась принимать подношение. Затем, все-таки открыв коробочку, она обнаружила внутри кольцо с бриллиантом. Это был камень чистой воды редкого белого оттенка, граненый «маркизой» и размером в 8,7 карат. Смутившись, Брижит пробормотала, что не примет столь дорогой подарок. Ей это совсем ни к чему. Нет, упиралась она, ему придется взять кольцо назад.

Однако Гюнтер стоял на своем. Брижит не-

пременно должна принять его дар, потому что ему хочется таким образом выразить все те теплые чувства к ней, что еще сохранились в его душе.

И Брижит была вынуждена согласиться.

И почти через десять лет после этой истории, когда ей понадобилось собрать средства для своего фонда, подаренное Гюнтером кольцо стало главным лотом аукциона — единственной дорогой и самой красивой вещью из всех выставленных на продажу.

В начале восьмидесятых годов, когда она гостила в Провансе, Бардо обнаружила в груди уплотнение. В клинике имени Поля Бруссе в Вильжюоре, что возле Парижа, ей была сделана операция, за которой последовала небольшая радиотерапия, совершенно, однако, ее измучившая.

Известно об этом было лишь родственникам и самым близким друзьям и, пожалуй, все. Больше ни с кем Брижит эту проблему не обсуждала, и ей удалось избежать ненужного внимания со стороны прессы.

Правда, тем своим знакомым, что пребывали в неведении относительно перенесенной ею операции, она начала говорить следующее: «Меня угнетает не столько конец молодости, сколько то, что это обычно начало проблем со здоровьем».

Ее поединок с раком груди, окончившийся полной ее победой, стал известен лишь спустя шесть лет. Брижит узнала, что немецкий актер Рене Колльденхоф страдает болезнью Паркинсона, и, совершенно для него неожиданно, написала ему письмо.

Ей хотелось поддержать его, и ради этого она даже решилась открыть свой секрет. «Я победила, — писала она. — Я перенесла операцию, и вот, несмотря на все страдания, я жива».

Через несколько лет Мижану позвонила сестре, чтобы сказать, что врачи обнаружили у нее в

груди уплотнение и теперь обеспокоены тем, что это может быть рак. По словам Мижану, она собиралась лечь в больницу на трехдневное обследование. Брижит ответила, не раздумывая: «Я еду к тебе».

Она велела сестре, чтобы та заказала себе палату на двоих, и когда Мижану легла в больницу, Брижит заняла вторую кровать, проведя рядом с сестрой все три дня, пока та находилась на обследовании.

К счастью, рака не обнаружили. Но до сих пор, когда Мижану вспоминает эту историю, на глаза ей наворачиваются слезы. «Мы словно перенеслись в детство».

И еще одна трогательная история. Пару лет назад Брижит поддержала сестру, когда ту покусали ее же собственные собаки. Разъяренные псы вцепились друг другу в глотки, и Мижану совершила огромную ошибку, пытаясь разнять их. В результате дело обернулось для нее больницей. И вновь Брижит окружила сестру вниманием и заботой. Каждый вечер она ездила из Базоша в Париж, чтобы привезти ей на ужин домашнего супа.

Когда Мижану наконец выписали, Брижит послала ей по этому поводу несколько бутылок шампанского.

В своей автобиографии Саша Дистель писал, что Брижит прижимиста.

Да и сейчас те, кто знаком с ней многие годы, не смогли бы обвинить ее в том, будто она сорит деньгами.

Сама Бардо спешит заявить следующее: «Я не привыкла бросать деньги на ветер, именно поэтому кое-кто считает меня прижимистой».

И хотя невозможно отрицать очевидный факт, что она экономна, назвать ее прижимистой было бы преувеличением. Правильнее будет сказать, что

она выросла в семье, где действовало правило, что деньги любят счет и ими не принято сорить.

«Когда речь заходит о деньгах, — говорит Вадим, — это значит, что речь заходит о той стороне ее характера, которая, впрочем, как и многое другое в ней, представляется мне парадоксальной. Когда мы только поженились, она тратила немало времени и сил, бегая по городу, чтобы купить какой-нибудь товар хотя бы чуть-чуть дешевле, чем в соседней лавчонке. Или же она на чем свет стоит чехвостила горничную за то, что та заплатила за что-то там на базаре по 14 сантимов, в то время, как кто-то сказал ей, будто видел в каком-то магазине то же самое по 12».

По мнению Вадима, это нельзя считать прижимистостью, скорее, в том, что касается денег, Брижит — чистой воды прагматик.

«Она ведет учет каждому франку, и у нее всегда отложено на черный день». Но абстрактная ценность денег или, скажем, та сумма, которую она могла бы накопить, — нет, этому она не придает особого значения. Разумеется, это не значит, что она автоматически отвечала отказом любому, кто предлагал ей хорошие деньги. Однако, прежде чем дать ответ, Брижит прежде всего думала, как это отразится на ее жизни. На ее комфорте. Нельзя сказать, чтобы деньги для нее вообще ничего не значили. Просто она никогда не позволяла им взять над собой верх, никогда не была их рабыней».

То же самое, по мнению Вадима, можно сказать об ее отношении к толстосумам. Они никогда не производили на нее особого впечатления. Как-то раз Аристотель Онассис пригласил их обоих к обеду. В то время Онассис был едва ли не самым богатым человеком в мире.

Брижит наотрез отказалась.

«Деньги, богатство, власть, громкие имена — все это было для нее пустым звуком. Когда она

отказалась пойти на обед к Онассису, ей не было еще и двадцати. Можете легко себе представить, как гордится она этим сегодня».

Брижит не гнушалась спросить дельного совета в том, что касалось денег, и всегда внимательно к таким советам прислушивалась. Большую часть своих гонораров она вкладывала в недвижимость, и сегодня эти вложения приносят ей неплохой доход. Разумеется, это не было бог весть что, однако вполне недурно, так что она до конца своих дней не будет ни в чем нуждаться.

Более того, она может себя чувствовать в полной безопасности в том, что касается денег, поскольку практически ничего не тратит на себя. У нее есть два дома в Сен-Тропезе, ферма в Базоше и квартира в Париже, но при всем при этом, даже имея четыре дома, она не привыкла шиковать. На стенах ее жилищ вы не увидите полотен Пикассо. Она не устраивает пирушек на пятьсот гостей. Не тратит денег на наряды и драгоценности, не коллекционирует автомобили.

«Брижит привыкла жить по средствам, — замечает Кристиан Бренкур. — Ей чужды замашки голливудских звезд. Она сама готовит, сама ходит по магазинам. Ей чужда расточительность. И, в то же самое время, деньги для нее мало что значат. Ей все равно, если кто-то вдруг возьмется размахивать у нее под носом чеком на крупную сумму. Она всегда делала то, что считала нужным. И деньги не имели к этому ни малейшего отношения».

Между прочим, факты свидетельствуют о том, что Бардо подчас бывает на редкость щедр.

Сама она недавно сказала: «Я отдаю все свои силы и все свое время моей работе с животными. Меня постоянно о чем-то просят. Люди пишут мне, будто я сам Господь Бог. Положить конец какому-нибудь безобразию, найти хозяина приبلудной собаки, приструнить владельца какого-нибудь при-

юта. Невозможно быть одновременно во многих местах. Это обходится мне в круглую сумму. Это те деньги, что я могла бы потратить себе на обновления. Но вместо этого я трачу их на братьев наших меньших, поскольку те нуждаются в них в первую очередь».

Но животные не единственные, кто ею благодетельствован. Родственники и близкие друзья не раз имели возможность убедиться, что брошенное Дистелем обвинение в скаредности вряд ли справедливо по отношению к ней.

Когда ее племянница, Камилла — ей было тогда шесть или семь — приезжала погостить у бабушки и дедушки в Сен-Тропезе, Брижит, чтобы доставить радость девочке, купила для сада качели и набор детских спортивных снарядов. Кроме того, уже в дар Пилу и Тоти Брижит за свой счет построила бассейн.

К свадьбе Филиппа д'Эксеа она послала ему сделанный собственными руками подарок. В овальной рамке золотыми монетами она вывела дату его свадьбы — 23 июня 83. И хотя в слове «июнь» всего четыре буквы, все равно на это потребовалась целая пригоршня золотых монет, так что этот подарок вряд ли из разряда дешевых. К рамке прилагалась написанная от руки записка: «Спасибо, что ты не женился в сентябре».

На 81-й день рождения Ольги Хорстиг Брижит совершила рейд по парижским антикварным лавкам, пока наконец не нашла зеркало, которое один к одному соответствовало тому, какое она в подарок преподнесла собственной матери. И хотя, несомненно, большую часть своих средств она тратит на животных, факт остается фактом — когда дело касается тех, кому в жизни не повезло, Брижит вряд ли можно упрекнуть в скаредности.

Как-то раз она прочитала в местных газетах об одной женщине в Сен-Тропезе, которая угоди-

ла в тюрьму за то, что уклонялась от оплаты счетов. В заметке говорилось, что у этой женщины семеро детей и что если она не рассчитается с долгами, то так и останется сидеть за решеткой. Абсурдность ситуации заключалась в том, что, сидя в тюрьме, она никак не могла заработать денег, чтобы расквитаться с долгами. Вот почему Брижит, не говоря никому ни слова, сняла телефонную трубку, набрала номер своего адвоката и договорилась, чтобы тот помог женщине заплатить по счетам и выйти на волю.

Никому ничего не говоря, Брижит Бардо совершала такие поступки на протяжении всей своей жизни.

В начале 1962 года во Флоренции, во время съемок ленты «Отдых война», они с Вадимом остановились на вилле Сан-Микеле, можно сказать, прямо над городом, в соседнем городке Фьезоле. Случилось так, что однажды ночью к ней в комнату ворвался какой-то мужчина. На вид ему было уже лет за 60, изможденный, беззубый и, что самое главное, — с самострелом в руке.

Когда Брижит потребовала у него ответ, что он здесь делает, незнакомец протянул ей тетрадь. Брижит удивилась, что это такое. Оказывается, он сочинил в честь нее поэму и велел ей читать вслух.

Оказавшись наедине с человеком, у которого явно не все дома, актриса решила, что неразумно его раздражать, и подчинилась. Однако Брижит никак не могла разобрать его почерк, и когда она начала запинаться, незнакомец начал на нее кричать, угрожая, что сейчас перережет себе горло.

Каким-то чудом Брижитхватило самообладания спросить у него, не будет ли он против, если она пригласит своего наставника по актерскому мастерству. Незнакомец не возражал при условии, что она все-таки прочтет его поэму, и Брижит позвонила Вадиму и попросила, чтобы он сейчас

же пришел к ней, потому что к ней в комнату ворвался какой-то псих с самострелом и собирается ее прикончить.

Сначала Вадим позвонил продюсеру картины Франсису Кону и велел, чтобы тот вызвал полицию. После чего бросился спасать Брижит.

Человек с самострелом пустил его в комнату, но не успел Вадим сообразить, что к чему, как незнакомец бросился в кресло и разрыдался.

Вскоре за ним прибыла полиция. Однако было в этом жалком безумном старике нечто такое, что растрогало Брижит до глубины души. Через несколько дней она за руку поволокла Вадима в больницу, где ее полуночный гость находился под охраной полиции. Сборник его виршей был конфискован у него в качестве вещественного доказательства, но Брижит так и не удосужилась прочитать, что же он все-таки написал о ней. Однако, когда ей предложили подать на него в суд, она отказалась. Более того, она даже послала ему немного денег, с тем чтобы он как-то смог снова обустроиться в жизни.

Подобно большинству знаменитостей, Бардо без конца получает письма с мольбой о помощи от совершенно посторонних людей. Лавина корреспонденции обрушивается на нее ежедневно. Согласно данным местного почтового отделения, Брижит Бардо на протяжении почти 35 лет была их главной клиенткой. Более трех с половиной десятилетий она являлась основной получательницей поступавшей в город корреспонденции.

И все эти годы почтальон, Пьерро Бонне, с разрешения Бардо занимался сортировкой ее почты. Брижит предоставила ему право самостоятельно решать, что вручить лично ей, что передать ее секретарю, а что возвратить отправителю. Например, заказные письма, за исключением официаль-

ных, — почти без исключения отправлялись назад не вскрытыми. Брижит ни за что не желала расписываться за них. И дело не в том, что она опасалась их содержания, просто это чисто французское отношение к подобным вещам. Никогда ни за что не расписывайся, если можешь этого не делать.

В подавляющем большинстве случаев, когда к ней взывают о помощи, Брижит не желает ни во что ввязываться, главным образом, потому, что таких просьб слишком много, а она одна. Большинство знаменитых людей считает, что лучший выход в данном случае — не обращать внимания на подобные послания. Ведь помочь всем до единого им просто не по силам.

Однако некоторые письма — по той или иной причине — привлекают ее внимание.

Однажды Брижит получила записку от одного молодого человека. Он писал ей, что сильно болен и потому прикован к инвалидной коляске. А еще есть у него заветная мечта — научиться играть на аккордеоне, но ни у него самого, ни у его матери нет таких денег, так что, по всей видимости, в конечном итоге ему придется расстаться со своей мечтой. Если, конечно, Брижит не будет так добра и не купит ему аккордеон.

Брижит попросила секретаря убедиться в правдивости этой истории, и как только факты подтвердились, Брижит отправилась покупать аккордеон. Однако оказалось, что новые аккордеоны чересчур дороги, а вот подержанный можно приобрести за вполне приемлемую цену. Поразмыслив, Брижит купила своему юному поклоннику подержанный, но хороший аккордеон, причем в весьма приличном магазине, и отослала ему инструмент с самыми наилучшими пожеланиями.

Ответ заставил себя ждать целых два месяца.

Обидевшись, что за все это время у него не нашлось ни минуты, чтобы сказать «спасибо», Брижит просто выбросила этот случай из головы, но неожиданно к ней наконец пришло письмо. И вот что писал ей тот молодой человек: «Не в моих привычках получать в подарок подержанные вещи. И если вы не хотите, чтобы этот случай получил огласку, то я советую вам прислать моей матери стиральную машину».

Мать этого парня, по всей видимости, до сих пор стирает ему рубашки вручную.

Однажды, еще до своего ухода из кинематографа, Брижит получила письмо от одной совершенно не знакомой ей женщины, которая лежала в больнице и теперь писала ей, что нуждается в операции, не знает, где взять на это деньги и, вообще, Брижит — ее последняя надежда. Брижит послала ей чек на небольшую, однако вполне приличную сумму. Женщина получила по чеку деньги, а затем села писать ответ. Она бросила в адрес Брижит обвинения в том, что та, не будучи стесненной в средствах, поскупилась прислать ей больше.

Спустя какое-то время актрисе написала другая особа — на этот раз восемнадцати лет, которая жаловалась на то, что ей срочно надо исправить нос и она уже почти скопила на операцию достаточно денег, но теперь ей не хватает сущей ерунды — всего нескольких тысяч франков. Бардо выслала недостающую сумму.

И еще один случай подобного рода. В съемках одного из фильмов принимала участие некая особа, чей нос был далек от совершенства. Девушка призналась Брижит, что мечтала сделать карьеру в кино. Отлично понимая, какую роль играет в этом внешность, Брижит дала ей денег на пластическую операцию.

Не говоря ни слова, не привлекая к себе вни-

мания, Брижит регулярно посылает цветы и конфеты в дома для престарелых. Случается, например на Рождество или День Матери, она даже навещает их лично и проводит целый день в обществе, по сути дела, совершенно посторонних людей.

Однако классическая история — это, пожалуй, история с кольцом.

В середине шестидесятых среди прочей корреспонденции Брижит получила письмо от одной незнакомой женщины — звали ее Сюзанн Пеньер, — которая писала, что страдает раком горла. Мадам Пеньер рассказывала о том, что врачи перерезали ей голосовые связки и, вообще, она уже не жилец на этом свете.

Вместе с письмом пришло старинное обручальное кольцо, украшенное бриллиантами. Мадам Пеньер писала, что кольцо принадлежит ей, а поскольку своих детей у нее нет, то и в наследство его оставить некому. Женщина призналась, что сильно симпатизирует Брижит и хотела бы доставить ей приятное и, подарив кольцо, как бы поделиться с ней всем тем хорошим, что было у нее в жизни.

Брижит была растрогана до слез, однако велела секретарю проверить правдивость этой истории. Когда же секретарь подтвердил, что все это истинная правда, Брижит отправилась навестить эту женщину в парижской клинике.

Было Рождество. Брижит вошла в палату, неся с собой елку, телевизор и кое-какие подарки. Как только мадам Пеньер поняла, что рядом с ней стоит не кто иной, как Брижит Бардо, старушка от неожиданности лишилась чувств.

Брижит провела остаток дня у ее постели. Перед тем как уезжать, она сказала мадам Пеньер: «У меня больше не осталось бабушек. Поэтому вам придется еще пожить».

И она начала регулярно навещать старушку.

«Я приходила ее провести не как Брижит Бардо, а как если бы я была ее внучкой».

Когда мадам Пеньер выписалась наконец из клиники, Бардо сняла для нее небольшой домик. А поскольку старушка была не в состоянии говорить, она общалась с Брижит при помощи записок.

Пока Сюзанн Пеньер была жива, Рождество они, как правило, встречали вместе.

И хотя врачи уже опустили руки, расписавшись в собственном бессилии, Сюзанн Пеньер буквально вернулась к жизни благодаря заботе и вниманию со стороны Брижит.

Она скончалась в возрасте 84 лет в 1981 году. Брижит до сих пор носит ее кольцо.

В НАСЛЕДСТВО ПОТОМКАМ

В то воскресенье она появилась у полуразрушенного дома всего за несколько минут до того, как это место оцепила полиция. Оно напоминало собой кровавое побоище.

Бардо была в джинсах в обтяжку, футболке и кожаной куртке, с распущенными по плечам — как и тридцать пять лет назад — белокурыми волосами, лицо спрятано за огромными стеклами солнечных очков. Рыдания сотрясали ее.

Пастух, поселившийся в заброшенном доме среди руин замка Сен-Ам между Сен-Троpezом и Раматюэллем, утверждал, будто соседи ночью втиха-

ря выпустили пастись его стадо и несчастных животных растерзали собаки.

Однако это отнюдь не объясняло того, почему один ягненок утонул в небольшом водоеме. По соседству обнаружился растерзанный труп овцы. Брижит заметила еще девять мертвых овец, сваленных в кучу друг на друга в кустах позади стены. И, в довершение ко всему, ей попалась на глаза прибитая к дереву голова козы.

Брижит содрогнулась от ужаса, а затем набросилась с обвинениями на замызганного бородатого бомжа, — он-де варвар, кровавая бойня его рук дело, он нарочно прикончил принадлежавших ему овец.

Бродяга обитал среди развалин вот уже более года, обходясь без электричества, без воды и, судя по всему, живя впроголодь — как сам, так и его стадо.

А вот теперь, в конце октября 1992 года, оставшиеся у него животные — 30 овец, 10 коз и ослик, которых он всех собрал в небольшой загон, — находились от голода на последнем издыхании.

Брижит продолжала обвинительную речь.

Прибывшим на место происшествия жандармам ничего другого не оставалось, как только постараться не допустить рукоприкладства, поскольку страсти накалились до предела.

Вскоре по вызову полиции подоспел ветеринар, однако, осмотрев мертвых животных, он заявил, что не в состоянии определить причину их гибели. Брижит с пеной у рта принялась доказывать, что причина гибели ясна как божий день — пастух пустил под нож собственное стадо. И теперь, не унималась Брижит, долг полиции арестовать его.

Когда же старший жандарм поинтересовался, согласна ли она подать официальный иск, Брижит, не раздумывая, согласилась.

Пастуха увезли на допрос.

Как только его увезли, Брижит взялась за дело. Она доставила корм для оставшихся животных, собственноручно притащив из машины несколько охапок сена, и принялась нежно поглаживать тех из них, кто был слишком слаб и не мог самостоятельно есть. Немного позднее в тот же день — правда, лишь после того, как она убедилась, что животным ничего не грозит, — Брижит отправилась в жандармерию и подала иск на несчастного пастуха. Кроме того, она велела своему адвокату, чтобы тот добился от суда формального постановления, что отныне животные переходят под ее опеку.

Правда, уже к вечеру полиция отпустила пастуха. По словам блюстителей порядка, у них не нашлось неопровержимых улик, чтобы выдвинуть против него обоснованное обвинение.

Брижит сочла этот предлог неубедительным. Ну а поскольку жандармы уже не раз имели возможность на собственной шкуре испытать ее горячий нрав, им ничего не оставалось, как обвинить пастуха в нарушении общественного порядка, поскольку он якобы не сумел, как положено, то есть в 24 часа, известить власти о гибели животных.

Брижит это тоже мало удовлетворило, и она, для пущей важности, решила воспользоваться своим громким именем. Брижит растрезвонила об этом случае по всей стране, и сочувствующие ей люди приходили в ужас, что такое возможно и, главное, что полиция проявила такое преступное равнодушие, такую вопиющую апатию, словно позабыв о том, что такое справедливость.

Через четыре дня бедняга-пастух был избит до полусмерти какими-то тремя типами в плащах, в руках у которых были бейсбольные биты.

Разумеется, ни у кого язык не повернулся утверждать, будто Брижит каким-то образом при-

частна к этому избиению. Однако никто в Сен-Тропезе не усомнился в том, что это не что иное как *règlement de comptes* — что на гангстерском жаргоне означает «сведение счетов».

Однако Брижит это было совсем ни к чему. Ей было глубоко наплевать на бедолагу-пастуха. Она болела душой исключительно за животных, не в силах смириться с той вопиющей жестокостью, которой стала свидетельницей, переживая, что все это может повториться опять. Брижит отправила гневное послание на имя раматюэлльского мэра, в котором частично возлагала на него ответственность за то, что, как представитель власти, он не сумел предотвратить злодеяние. В свое оправдание мэр робко попенял на законодательство, где отсутствует соответствующая статья, которая позволяла бы изгонять бродяг с самовольно занимаемых ими домов.

Брижит не позволяла замять эту историю. Кому-то она написала, другим — позвонила лично, чтобы ни у кого не осталось сомнений на тот счет, что ее возмущению нет предела. Она твердо решила идти до конца. Однако, столкнувшись с равнодушием властей, Бардо вскоре ощутила собственное бессилие — как говорится, плетью обуха не перешибешь.

Примерно в 8 часов вечера, в субботу 14 ноября, ровно через две недели после кровавого побоища в Сен-Ам, Брижит смешала свое обычное успокоительное со стаканом вина, а через несколько мгновений лишилась чувств.

Ее муж, который, кстати, являлся таковым всего как три месяца, вызвал скорую. Брижит в срочном порядке доставили в клинику «Оазис», где ей было сделано промывание желудка.

Как только жизнь ее была вне опасности, Бернар д'Ормаль сделал заявление для прессы. По его словам, Брижит страдала от крайнего переутомле-

ния, которое оказалось усугублено ее переживаниями по поводу массовой гибели животных. Д'Ормаль отрицал, что то была очередная попытка самоубийства. «Она хранит подобные вещи в себе, — замечает он, — копит до тех пор, пока ей становится невмоготу. А ведь это не может не отразиться на ее состоянии».

«С ней мне довелось пережить удивительные минуты», — замечает Ален Бугрен-Дюбур.

Когда ему было 10 лет и он был еще слишком юн, чтобы попасть в кинозал, где демонстрировалась лента «И Бог создал женщину», Ален основал клуб защитников животных. В те времена подобное начинание было для Франции в новинку. Когда мальчик подрос, его заинтересовала естественная история, и он начал выступать в школах, предупреждая об опасности загрязнения окружающей среды, об исчезновении видов и, в конечном итоге, его каким-то чудом занесло на телевидение.

Сегодня его телепрограммы, посвященные животным, одни из самых популярных во Франции.

Бугрен-Дюбур познакомился с Брижит, когда она отправилась в торосы спасать котиков. Они нашли друг в дружке родственную душу, и когда Брижит разошлась с Мирко, их дружба переросла в роман. Сила их совместных интересов была такова, что Бугрен-Дюбур — один из немногих бывших ее любовников, с которым она до сих пор поддерживает контакты.

«Вначале, — поясняет он, — люди говорили, что она лишь затем взялась защищать животных, поскольку это привлекает к ней внимание со стороны прессы. Мол, она больше не снимается, и это единственно доступный для нее способ оставаться в центре всеобщего внимания. В то же самое время ежедневно со всех уголков света к ней поступали просьбы об интервью. Ежедневно находились люди, которым было интересно узнать ее мнение. Но она

всем без исключения отказывала. Вот так, она отказывалась от интервью, не желая, чтобы вокруг нее поднимали шумиху, и все равно находились те, кто утверждал, что она лишь потому защищает животных, чтобы избежать полного забвения».

Не будет преувеличением сказать, что, когда Брижит и Бугрен-Дюбур познакомились, они обрели в лице друг друга надежную опору, способную помочь им обоим поднять свою деятельность по охране и защите животных на новый уровень. Брижит помогала Алену войти во вкус этой деятельности. Он же, в свою очередь, сумел убедить ее, что если вы рассчитываете на успех, одной только личной увлеченности недостаточно.

По его словам, «Брижит целиком отдавала себя любимому делу. В самом начале, стоило ей узнать об очередной жестокости, как ей казалось, что достаточно во всеуслышание заговорить об этом. Бардо полагала, что, сорвав завесу молчаний, она уже одним этим способна решить проблему. Она ненавидела изучать документы. Вся эта бумажная работа, весь этот сбор материалов нагоняли на нее скуку. С течением времени она усвоила для себя истину, что успеха невозможно добиться, не поработав как следует головой. Мало-помалу она досконально изучила все, что связано с проблемой охраны животных. И хотя Брижит не утратила боевого духа, теперь ей стало понятно, что одними только истошными воплями и причитаниями по поводу творимых зверств делу не поможешь. Теперь она чаще пускает в ход имеющиеся у нее знания и опыт и пытается вступить в диалог».

Ну а поскольку знаний и опыта ей теперь не занимать, она наконец сумела обрести ту уверенность в себе, которой ей страшно не хватало в бытность кинозвездой.

По словам Бугрена, «в те дни она была мифом. Сегодня она — реальность».

Одной из сильных ее сторон, по его мнению, является здравый смысл. «Порой люди разевают от удивления рты, стоит лишь ей сказать что-нибудь, особенно что-нибудь резкое или такое, что представляется на тот момент совершенно невероятным — в ее устах все сразу обретает смысл. Она мыслит в высшей степени логично. И частенько ошарашивает этим тех, кто привык видеть в ней лишь бывшую актрису не первой молодости. Но надо отдать ей должное: в том, что касается общественного мнения, ей удалось убедить людей в серьезности своих намерений. Безусловно, найдутся такие, кто скептически относится ко всем ее заявлениям, немало людей убеждены в том, что ей, в первую очередь, следовало бы позаботиться о людях и лишь затем думать о животных. Но даже те, кто критикуют ее, в конечном итоге вынуждены признать, что она в высшей степени честна как в своих словах, так и в поступках».

Стремясь убедить власти, что без поддержки свыше им никак не обойтись, Брижит и Бугрен-Дюбур в октябре 1984 года отправились на прием к президенту Франции Франсуа Миттерану.

При обычных обстоятельствах вряд ли бы кто-нибудь взял на себя смелость утверждать, что президент Французской республики примет активистку движения по защите прав животных с распростертыми объятиями. По крайней мере раньше за ним такое не водилось. Но в данном случае не лишним оказалось то обстоятельство, что вышеупомянутая активистка приходилась старой подругой Кристины Гуз-Реналь, чья сестра Даниэль, в свою очередь, была не кем иной, как супругой президента. И все-таки истинная причина заключалась в том, что этой активисткой была сама Брижит Бардо, и президент никак не мог ей отказать в личной встрече. В конце концов она по сих пор, пожалуй, единственная во Франции, кому

удается привлечь к своей персоне больше внимания со стороны прессы, чем то положено даже самому президенту.

Миттеран, со своей стороны, казалось, был искренне рад ее видеть и произвел на своих гостей впечатление личной заинтересованности в проблемах, связанных с правами животных. Брижит с Бугрен-Дюбуром вручили ему перечень из 30 безотлагательных мер, которые, как они надеялись, он поможет воплотить в жизнь на благо и процветание наших четвероногих братьев, и Миттеран пообещал на досуге изучить этот документ.

Было видно, что президент ей симпатизирует. И не только потому, что Брижит была дружна с его золовкой, но и потому, что для людей его поколения Брижит навсегда осталась мифом.

Одновременно президент отдавал себе отчет в том, что любой шаг с его стороны во имя животных — а это, с точки зрения политика, жест совершенно нейтральный — навсегда свяжет его имя в глазах людей с именем Бардо. А если учесть ее популярность среди французов, то оказаться так или иначе с нею связанным — это мудрый политический ход, причем такой, что не повлечет за собой никаких осложнений.

Фотографии Брижит, Миттерана и Бугрен-Дюбура на ступеньках Елисейского дворца облетели все до единой французские газеты. С тех пор пролетело более десяти лет, но ни одна из тридцати предложенных мер так до сих пор и не воплощена в жизнь.

Среди тех вещей, против которых были направлены их протесты, имелся и так называемый закон Вердюи. Это типично французский образец законотворчества, первоначально задуманный ради удобства охотников на фазанов и позволявший им, преследуя дичь, вторгаться в частные владения. Однако, поскольку данный закон был сфор-

мулирован довольно невнятно, охотники всех мастей полагали, что имеют право охотиться там, где им вздумается. И если такой охотник в пылу преследования нарушит границы ваших владений, вы не имеете права мешать ему, даже если присутствие постороннего лица вам неприятно.

В качестве классического довода против этого несуразного законодательного акта приводится случай, имевший место несколько лет назад неподалеку от Тулона, когда человек, не пожелавший пустить к себе охотников, стал жертвой их гнева и был убит.

Бардо на протяжении многих лет выступала против этого закона, и до сих пор, на пару с Бугрен-Дюбуром, она активно добивается его пересмотра. Как результат — они с Дюбуром постоянно получают в свой адрес угрозы и оскорбления со стороны любителей охоты. А однажды Брижит в буквальном смысле оказалась взята на мушку охотничьего ружья.

В лесах, окружающих «Гарриг», когда-то водились кабаны, и однажды мимо ее дома, преследуя кабана, неслась компания охотников человек из пятнадцати. Бугрен-Дюбур тотчас выскочил из-за стола — они с Брижит как раз обедали — и заявил, что намерен положить конец этому безобразию. Он догнал охотников и попытался остановить их. Однако те все как один оказались пьяны и предупредили его, что если он и дальше будет путаться у них под ногами, то пусть пеняет на себя.

Брижит, испугавшись, что они и впрямь, того гляди, пристрелят Алена, позвонила в полицию, а затем также вступила в перепалку с охотниками, обзывая их кретинами.

Кабан убежал — как на то надеялись Алэн и Брижит, — но стычка с охотниками вскоре переросла в крайне неприятную конфронтацию. 15 раз-

горяченных бугаев с ружьями наперевес вряд ли могли смириться с тем, что какой-то сопляк и его стареющая подружка-актриса осмелились указывать им здесь, кого можно убивать, а кого нет. И все пятнадцать горячих голов были слишком пьяны, чтобы отстаивать свою правоту в устной форме.

Слава Богу, жандармы подоспели как раз вовремя. Но с их прибытием ситуация приняла совершенно неожиданный поворот. Жандармы предупредили Брижит, что, увы, будут не в состоянии оказать ей сколько-нибудь существенную помощь, потому что среди 15 охотников обнаружилось несколько жандармов во главе с их начальником.

«Страсти накалились до предела, — вспоминает Бугрен-Дюбур. — Мы простояли там битый час, пытаюсь хоть как-то вразумить их. Между прочим, налицо было явное нарушение существующих законодательных актов, ибо даже закон Вердюйи запрещает охотникам приближаться к жилым домам более, чем на 150 метров. Но, слава Богу, в конечном итоге все кончилось миром и нарушители удалились».

Проблема пересмотра законодательства, как не раз на собственном опыте убеждалась Брижит, упиралась в тот факт, что охота во Франции традиционно считается спортом. Более того, охотничий сезон продолжается семь месяцев в году, в то время как в большинстве других стран он ограничен примерно половиной этого времени.

Брижит вскоре поняла, что в одиночку, и даже при поддержке такого преданного друга, как Бугрен-Дюбур, она просто не в состоянии пробить лбом стену, не имея за спиной авторитета общественной организации. И вот спустя десять лет после неудачного опыта с первым фондом Брижит Бардо, она вновь, засучив рукава, взялась за дело, Брижит отдавала себе отчет в том, что найдется

немало желающих посудачить по этому поводу, но теперь она была на десять лет старше и, как ей хотелось думать, на 10 лет мудрее.

Для сбора средств в пользу нового фонда Брижит Бардо актриса устроила самую шикарную в мире домашнюю барахолку.

Войдя в 1986 году в долю с ассоциацией в Сен-Тропезе, она поставила себе целью собрать как минимум три миллиона франков — эта сумма, была оговорена французским законодательством для получения статуса неприбыльной благотворительной организации. Брижит в буквальном смысле опустошила подчистую все свои шкафы, собрав в одну кучу все, что, по ее мнению, могло найти своего покупателя, и устроила грандиозную распродажу.

Парижский аукцион «Адер-Пикар-Тажан» запланировал торги на 17 июня 1987 года. Первоначально они планировали использовать для этого два зала в «Нуво-Друо», где обычно проводятся подобные распродажи. Однако эта не имела себе равных. Интерес к ней был столь велик, что торги пришлось перенести в просторный зал Центра международных конгрессов. По иронии судьбы он располагался лишь в десяти минутах ходьбы от дома на площади Вьоле, где родилась Брижит.

Стоило ей только в тот вечер переступить порог конференцзала, как более тысячи человек, до отказа заполнившие помещение, словно по команде поднялись со своих мест и встретили ее аплодисментами.

У нее же на глаза навернулись слезы. Рукоплескания не стихали.

И тогда Брижит сказала: «Я отдала свою молодость и свою красоту людям. Теперь же я отдаю свою мудрость и опыт, лучшее, что у меня есть — животным».

На аукцион было выставлено 116 лотов. Они

включали: книги, фотографии, литографии работ Корзу, Сезара, Шагала, Клаве, Дали, Фини и Фоллона; акварели Клаве и Лорансено; гуаши, рисунки, картины, скульптура Армана и Аслана, а именно ее бюст в образе Марианны; ее костюмы из «Шалако», «Женщины и паяца» и «Ромового бульвара», а также ее свадебный наряд, в котором она венчалась с Вадимом; различные личные вещи, как, например, хрустальные бокалы для шампанского, набор косметики, гитара, игровой автомат, ювелирные изделия, в том числе трехцветные браслеты от Картье, которые Гюнтер Закс заказал для нее в качестве свадебного подарка, и кольцо с бриллиантом в 8,7 карат, которое он подарил ей на десятую годовщину их развода.

Кольцо было продано за один миллион триста тысяч франков, то есть за чуть меньшую сумму, чем та, которую Вадим затратил на съемки картины «И Бог создал женщину».

Трехцветные браслеты пошли за общую сумму в 216 тысяч франков, причем покупатель не пожелал назвать себя.

Как оказалось впоследствии, то был агент, действовавший по распоряжению Закса.

«Ее интересуют только животные, — улыбается тот. — Именно поэтому мне уже дважды приходилось выкупать мои же драгоценности. Знаете, как мне кажется, для мужчины это очень нетипично. И я отправил на аукцион моего агента, чтобы он купил их для меня. В какой-то момент, когда они снова оказались в моих руках, я подумал, а не подарить ли их ей опять, но все как следует взвесив, я убедил себя, что все повторится снова. Она их продаст. Я их куплю, она опять их продаст, я опять их куплю. И так — до бесконечности».

Первые три года штаб-квартира «Фонда Брижит Бардо» оставалась в Сен-Тропезе. В 1989 году

Брижит перевела ее в Париж, ведь к этому времени ее детище выросло настолько, что им уже нельзя было управлять из-за кухонного стола. Сегодня ее фонд может похвастаться, что насчитывает 27 тысяч членов в 42 странах мира, включая США, Англию и Германию.

Философия Бордо проста — облегчить страдания животных, где в том есть необходимость. А когда Брижит берется за дело, то для нее не существует разницы, идет ли речь о тысячах животных или считанных единицах. Главное для нее — животные как таковые.

Когда в Южной Африке избиение грозило 30 тысячам котиков, Брижит написала лично президенту ЮАР Ф.В. де Клерку с просьбой позволить ей выкупить всех их сразу. Именно ее личное вмешательство заставило южноафриканское правительство призадуматься, насколько оправданно грядущее избиение, и в конечном итоге власти запретили этот жестокий промысел.

Узнав, что власти Тулузы дали разрешение на проведение в их городе родео, Брижит тотчас обратилась к мэру с петицией, призывая его не допустить подобного зрелища.

«Родео, — писала она, — для Соединенных Штатов то же самое, что коррида для Европы. Это смехотворная и постыдная эксплуатация несчастных животных, которая не делает чести ни тем, кто ее смотрит, ни тем, кто в этой клоунаде участвует».

Когда две беременных самки дельфина погибли в неволе из-за инфекции печени, Брижит тотчас воспользовалась этой информацией, чтобы гневно заклеить содержание дельфинов в неволе ради устройства разного рода представлений на потребу публики.

«Отлов дельфинов, страдания животных, которые обычно влечет за собой содержание их в

неволе, — всему этому раз и навсегда следует положить конец. Заточение в неволю невинных чувствительных животных с тем, чтобы на них затем глазела горстка зрителей, есть не что иное, как вопиющее безобразие, которое мы не в праве терпеть дальше».

Когда Брижит стало известно, что отель «Бич-комбер» в Нумее, Новая Каледония, решил устроить гигантский аквариум с десятком дельфинов, она тотчас обрушилась на его администрацию, подчеркивая, что считает варварской саму идею запустить этих животных в аквариум.

Надеясь на поддержку и понимание министра окружающей среды Мишеля Барнье, фонд тотчас ринулся в бой, добиваясь, чтобы были задействованы соответствующие французские законы, которые поставили бы крест на планах администрации. Правда, Барнье поначалу было заартачился, заявив, что французские законы по охране животных не распространяются на заморские владения метрополии, однако он явно недооценил ее решимость.

Брижит напомнила ему, что согласно подписанным Францией международным договорам — а это касается и ее заморских владений — отлов дельфинов разрешен только в научных целях.

Благодаря вмешательству фонда власти Новой Каледонии смогли на основании этих договоров отозвать разрешение на деятельность фирмы под названием «В поисках дельфина», которая намеревалась вести отлов дельфинов для гостиничного аквариума.

Французское правительство записало эту победу целиком и полностью на свой счет.

Однако в глазах Брижит то был не более чем первый шаг, и она надеялась заручиться поддержкой общественности, чтобы прекратить сооружение самого аквариума.

Когда Бардо стало известно, что какие-то ловкие дельцы сумели провезти во Францию пантеру и теперь животное сидит в клетке в каком-то ресторане, фонд встал на ее защиту. Однако оказалось, что пантере уже вырвали когти, а, значит, ей уже никогда не выжить на свободе, и поэтому фонд взял заботу о бедном животном на себя и опекал пантеру до конца ее дней.

Когда какой-то человек на юге Франции запер собаку в чулане, а затем загнал ей в морду гвоздь, чтобы она не лаяла, Бардо не только пришла на спасение несчастному животному, но и добилась вынесения судебного приговора на основании статьи о жестоком обращении с животными — впервые, кстати, примененной при подобных обстоятельствах.

Когда ей стало известно о том, что аргентинский приморский курорт Мар дель Плата планирует прогнать по улицам быков в подражание знаменитой фиесте в испанской Памплоне, Бардо обратилась лично к президенту Карлосу Менему, призывая его не допустить проведения «архаичного и жестокого шоу».

Когда французские фермеры прошли маршем по Елисейским полям в знак протеста против маастрихтских соглашений, ведя на поводке кур, представители фонда тоже вышли на улицы, чтобы избавить кур от жестокого обращения фермеров.

Когда в одном из магазинов Брижит наткнулась на корову — исполнительницу представления в рождественском вертепе, — она тотчас ее выкупила и на машине отвезла в «Гарриг».

Когда один французский журнал опубликовал материал о том, что-де треть всех кошек в стране заражены вирусом СПИДа — легко представить себе, какая после этого поднялась паника. Владельцы котов сотнями выбрасывали на улицу

бывших своих любимцев. Недолго думая, Брижит, объединив свои силы с другими организациями по защите животных, подала на журнал в суд. Однако судьи не нашли в действиях редактора состава преступления. И тогда группа активистов обратилась непосредственно к издателям с просьбой предоставить им такую же полосу для ответной статьи. Те отказались это сделать. И тогда Брижит, взяв это дело в свои руки, обратилась в журнал «Жур де Франс», предложив следующую сделку — сеанс фотопозирования в обмен на статью. Брижит появилась на обложке этого издания с кошкой в руках, а в середине журнала была напечатана статья о том, что кошки не являются переносчиками СПИДа.

Когда учащиеся одной католической школы в Париже, что по соседству со старым представительством фонда на улице Франклина, отмечали то, что они называли своей ежегодной традицией, кидаясь в лицо друг другу живыми птицами, сотрудники фонда тотчас поспешили положить конец этому безобразию. Как ни странно, их замечания приняли в штыки не только учащиеся, но и учителя. Правда, достаточно только было появиться прессе, желавшей рассказать миру, какие, однако, «шалости» позволяют святые отцы своим подопечным, как этот нелепый разгул прекратился. И ежегодная традиция навсегда была запрещена.

Когда в штате Нью-Джерси к смертной казни был приговорен огромный пес, покусавший ребенка, Брижит направила прошение на имя губернатора Джима Флорио с просьбой о помиловании животного. Она была готова даже лично приехать и забрать животное, если ему будет сохранена жизнь. Участие, проявленное ею к судьбе пса, сыграло на руку американским активистам движения по защите животных, и в 1993 году «соба-

чий вопрос» стал стержнем избирательной компании. Кристи Уитман нанес поражение Флорио, и виновника преступления пощадили.

Когда же во Франции закрылся один знаменитый зоопарк, Брижит на средства фонда выкупила животных и разместила их в парках, где они могли вести жизнь, максимально приближенную к естественной.

Только в мае 1989 года во Франции вышло в эфир около десяти специальных телепрограмм, сделанных Бардо для и от имени фонда. Брижит открыла эту серию передач «Спасем слонов!», в которой вскрывались нелицеприятные факты, связанные с добычей слоновой кости. Брижит даже решилась предстать перед камерой — она бы ни за что не стала этого делать при других обстоятельствах, — чтобы подготовить серию телепередач, в которых бы не было расшаркивания перед большой политикой.

В программе «Спасем слонов!» она заставила французов взглянуть на леденящие душу кадры, снятые во время кровавой охоты на серых гигантов в Африке.

«Каждые четыре с половиной минуты в Африке погибает слон», — поясняла Брижит, стремясь разжечь во французах возмущение, причем такое, чтобы правительство больше не могло, как в былые времена, закрывать глаза на проблему. И хотя, разумеется, Бардо была не единственной участницей в этой борьбе, именно благодаря, в первую очередь, ее усилиям Франция стала первой страной в Европе, запретившей ввоз слоновой кости.

За передачей о слонах вскоре последовала серия других под общим заголовком «Спасем!», в которых шла речь об опытах над животными, охоте, бойнях, незаконной торговле животными, о печальной участи морских млекопитающих, о кор-

риде и собачьих боях, лошадях и человекообразных обезьянах. Брижит никогда не смягчала краски. Большинство показанных ею кадров просто шокируют. Бардо заставила своих соотечественников осознать, каким мучениям подвергаются животные.

В одной из своих программ Брижит даже выступила с поистине сенсационным заявлением, обратив внимание французов на тот факт, что ежегодно в стране пропадает около 60 тысяч собак, причем половина из них бывает украдена у хозяев для дальнейшего использования в медицинских опытах.

Частично благодаря ее настойчивости 20 человек были арестованы и предстали перед судом по обвинению в краже нескольких тысяч собак, которых они затем перепродавали в медицинские лаборатории для вивисекции. На скамье подсудимых, помимо всех прочих, оказался один университетский профессор, два ветеринара и шайка бандитов. Один из посредников, осуществлявших контакты с бандитами, признался, что одной только лаборатории на юго-западе Франция продал 5 тысяч собак.

От собак Брижит перешла к медведям, обратившись с петицией к правительству КНР положить конец выращиванию в неволе черных азиатских медведей ради их желчи, которая является основой китайской медицины.

Прибегнув, в который раз, к своему излюбленному приему «открытого письма», Брижит напомнила китайскому лидеру Цзянь Цзэминю, что эти медведи, кстати, занесены в Красную книгу как исчезающий вид, выращиваются в Китае на 36 фермах в ужасающих условиях. Брижит подчеркивала, что животные содержатся в тесных клетках, а в желчный пузырь им введен катетер, при помощи которого из их организма откачивается желчь.

«Никакие медицинские качества не в состоянии оправдать подобную жестокость, — подчер-

кивала Бардо. — Индустрия восточных снадобий, приносящая баснословные барыши, в наши дни не что иное, как позор, ибо ей чуждо всякое уважение к чему бы то ни было, и по ее вине идет уничтожение редких видов животных, причем самым омерзительным способом». Брижит добавляла, что медведи впоследствии подвергаются бесчеловечному издевательству — им ампутируют конечности, которые затем поставляются в ресторанную сеть как деликатес под названием «медвежья лапа».

Позднее Брижит повела атаку на мэров французских городов, добиваясь от них принятия налога на содержание собак и кошек. По ее мнению, подобная мера могла бы сократить число «избыточных» четвероногих любимцев, а затем взялась за корриду и петушинные бои, требуя полного их запрета. Следующим пунктом ее программы стало создание специальных зон для животных в парках, стерилизация бездомных кошек и раздача специальных гранул городским голубям — смешанное с кормом, это средство вызывало у птиц бесплодие и вело к резкому сокращению их числа.

«Избыточное кошачье и собачье население можно держать под контролем, — говорит Бардо. — Следует регистрировать каждый случай появления на свет потомства, а каждое животное должно получать свой номер. Мы же делаем это с машинами. Необходимо также ввести обязательную кастрацию самцов и стерилизацию самок. Это приведет к резкому сокращению кошачье-собачьего поголовья. Так что вместо облав на бездомных животных и отправки их в газовую камеру почему бы не вводить им вакцины и не стерилизовать их. Это обойдется не дороже живодерен».

Брижит отдает себе отчет в том, что она и ее фонд вязались в настоящую битву и что шансы на победу не столь велики, гораздо чаще им при-

ходится познавать горечь поражения. Но это ей не помеха. Она знает, что всякий раз, когда протестует против корриды в Испании — «Что касается жестокости к животным, то эта страна в ряду самых худших», — испанцы не поднимутся, чтобы выкрикнуть «Brigitte si, corrida по!»*, и в одночасье откажутся от многовековой традиции.

Тем не менее, она убеждена, что просто обязана сделать первый шаг. Брижит твердо уверена в том, что, как, например, в случае с корридой, и в Испании найдется не один десяток людей, разделяющих ее мнение, но лишенных возможности во всеуслышание заявить о своем несогласии с устаревшими обычаями. Когда же они видят, что у нее хватает смелости заговорить, это вселяет мужество и в них самих, хотя до этого они не осмеливались подать голос.

Порой же ей случается одерживать победу там, где она того менее всего ожидала.

К ее собственному удивлению, ей совсем недавно удалось положить конец одному древнему обычаю в Испании, когда священники во время праздника влезают на верхушки колоколен и затем оттуда на землю сбрасывают живых коз. Пусть это всего лишь незначительная уступка, но теперь животных ловят в сети, не давая им разбиться о землю.

Когда ее собственный пес по кличке Дус заболел и ветеринар сказал, что животное не протянет до утра, Брижит просидела возле любимца всю ночь и даже заключила нечто вроде сделки с Богом — кстати, Брижит нередко прибегает к подобной практике, — пообещав, что если собака выживет, она не выкурит ни единой сигареты и не возьмет в рот ни капли алкоголя. «Дус» протя-

* «Брижит — да, коррида — нет!».

нул еще пять недель, и все это время Брижит оставалась верна данному слову.

Одна очень странная женщина по имени Франсуаза Капбланк-Бег содержала неподалеку от Парижа в деревне Муро приют для животных.

Это было весьма необычное заведение, основанное на довольно сомнительной философии: животные в нем не знали никаких клеток и им позволяли свободно размножаться. В приюте не было ни водопровода, ни электричества. Животные питались остатками пищи, которые их владелица собирала по ресторанам, школам и столовым. Все животные до единого были грязны, не получали никакой медицинской помощи и, тем не менее, окружены теплом и заботой.

Эту женщину вечно ругали все общества защиты животных вместе взятые, однако ее преданность четвероногим нашим братьям — кошкам и собакам, — то, что она позволила им жить, не навязывая им никаких выдуманных людьми правил, — заставляло других прислушаться к ее мнению. Один из французских телеканалов решил сделать о ней небольшую передачу, чтобы дать ей возможность открыто высказать свои убеждения. Кто-то заранее оповестил ее об этом, и Капбланк-Бег пришла в такой восторг и так растрогалась, что с ней случился сердечный приступ, и она тут же скончалась.

Всего в каких-то сорок шесть лет, положив все физические и душевные силы на создание приюта для животных, она была уже ходячей развалиной.

Для деревни этот приют всегда оставался бельмом на глазу, и теперь, когда его хозяйки не стало, односельчане тотчас прибрали к рукам небольшой участок земли и объявили, что если у животных не объявится новый хозяин, всех их усыпят.

Это был тот классический образец стопроцентной жестокости и бессердечия, узнав о котором, Брижит никак не могла остаться в стороне.

Вместе с сотрудниками фонда, а это более десятка человек из тех, кто работал в Париже, она тотчас, засучив рукава, взялась за дело. Во-первых, фонд вступил в переговоры с местными властями, добиваясь передачи всех животных в свои руки.

Как только цель была достигнута — то есть, добившись гарантии, что ни одно животное не погибнет, — Брижит и ее помощники принялись решать, что с ними делать.

Фонд с самого начала замысливался отнюдь не как придаток «Общества по предотвращению жестокости по отношению к животным». В большинстве стран, в том числе и Франции, существует давно устоявшаяся инфраструктура для подобных начинаний и организаций, в равной мере способных взять на себя заботу о животных.

Брижит же представляла для себя фонд в качестве эдакого зонтика, в качестве ассоциации, способной, в частности, влиять на законодательство и оказывать поддержку тем организациям, что располагают всеми необходимыми условиями для гуманного содержания животных. Однако история Капбланк-Бег ее так растрогала — хотя они ни разу не встречались, — что Брижит никак не могла взять на себя грех и позволить властям умертвить животных. Поскольку их так и не удалось никуда пристроить, фонд, по распоряжению Брижит, приобрел в Нормандии старый дом с просторным участком, где этим животным был бы обеспечен неплохой присмотр и где бы они могли счастливо прожить остаток своих дней.

Спасение нескольких сотен кошек и собак прошло довольно гладко. Спасти 80 волков, незаконно вывезенных в Венгрию, оказалось гораздо сложнее.

Брижит дала интервью для венгерского телевидения, в котором рассказала о своей работе с животными, и это навело мэра Будапешта на мысль обратиться к ней. Мэр рассказал, что в его страну из Монголии было незаконно вывезено 80 волков, которым уготована печальная участь стать жертвами торговцев мехами. Полиция конфисковала животных, но город не знал, куда их теперь девать. По его словам, мэр уповал теперь на помощь Брижит, а иначе животных придется уничтожить. И снова Брижит ринулась в бой.

Разумеется, она согласилась помочь. Но сказать «да» и оказать реальную помощь — это две совершенно разные вещи, ведь последнее требует времени, усилий и огромных денег. Фонду понадобилось около трех месяцев только на то, чтобы преодолеть всяческие бюрократические препоны, не позволявшие переправить 80 волков через несколько европейских границ. Бардо и ее помощникам пришлось иметь дело с пятью различными законодательствами, заполнить пять папок разного рода документов. Сегодня эти 80 волков и их потомство живут на свободе в парке-заповеднике Жеводан, что возле Лозера во Франции.

Решив в один прекрасный день избавиться от ненужного барахла в чуланах, Брижит в одно воскресное утро заняла место за прилавком на сен-тропезском рынке. Стоя босиком, она бойко распродавала платья, шали, халаты, велосипед, а также подписывала открытки. Вырученные деньги поступили прямиком на счет ее фонда. Опыт оказался настолько удачным, что Брижит открыла магазин. Она подыскала магазинчик на приморском бульваре, сняла его на пару сезонов, набила его товаром и продавала для туристам сувениры своего фонда.

Как в свое время она говаривала Вадиму, маленькой выгоды просто не существует.

В начале 1993 года Брижит и Ален Спада заключили наконец перемирие, после того как мэр выделил в Сен-Тропезе постоянное место для ее фонда.

«Она давно мечтала основать региональное представительство, так что Спада отдал ей небольшой киоск на Пляс Бланки, по соседству с жан-дармерией. Внутри находится всего одна крошечная комната, стол со стеклянной крышкой и три белых плетеных стула с мягкими голубыми сиденьями. Окна залеплены карточками с объявлениями: потерялась собака или кошка, найдена собака или кошка и так далее. Здесь же продаются поводки с надписью «Фонд Брижит Бардо» и такие же майки. На обратной стороне двери висит цветная фотография — разумеется, Брижит — причем сама она выглядит просто потрясающе, а вот детеныш котика рядом с ней — донельзя трогательно.

Спада первым готов признать, что Брижит своей кампанией по защите животных добилась заметных успехов. «У нее есть два преимущества. Первое заключается в том, что в большинстве случаев ее позиция основана на здравом смысле и нравственных началах. Второе — что уже одно ее имя заставляет многих прислушаться».

«Животные — бесправные из бесправных, — говорит Брижит. — Мы судим о характере той или иной культуры, того или иного общества по отношению к животным». Многим людям это понятно. Другим — нет.

В ответ на ее деятельность по защите прав животных — по словам самой Брижит, «это не

работа, это религия» — ей приходит гораздо больше всякой корреспонденции, чем в бытность ее кинозвездой.

Многие из писем написаны детьми, которые видят в ней «крестную — фею животных». Для Брижит это как бальзам на душу. Это те ее поклонники, что еще слишком молоды, чтобы помнить ее в образе «секс-киски», дети, которых с нею объединяет любовь к животным. А Брижит отлично понимает, что, если ей сейчас удастся воспитать в их душах любовь ко всему живому, они будут следовать ее примеру до конца своей жизни.

Разумеется, имеются у нее и недруги, что непрочь покритиковать ее, говоря, что было бы гораздо больше пользы, направь она свою энергию и деньги на помощь людям.

«Будь у меня силы и возможности облегчить людские страдания, покончить с войнами, голодом, преступностью, нищетой, будь у меня силы сделать что-то нужное для остального человечества, я бы сделала, — утверждает Бардо. — Но я борюсь за права животных вот уже с 1973 года, и мне еще очень далеко до решения всех проблем. Возьмись я за решение проблем человеческих, боюсь, я бы достигла еще меньшего. Это не значит, будто я на них закрываю глаза. Просто я пытаюсь делать все, что в моих силах, там, где мне это лучше удастся».

Как бы там ни было, подчеркивает Бардо, те, кто ее критикует, — «это те самые люди, что и пальцем не пошевелинут ради кого бы то ни было. Я же, по крайней мере, делаю то, что могу».

Не секрет, что Бардо когда-то носила меха. Правда, это было так давно, что неудобно даже вспоминать об этом. Она отказалась от шуб, как только поняла, на какие страдания и муки обрека-

ет животных меховой промысел, и с тех пор ни разу не надела ничего из натурального меха.

Пример Брижит Бардо оказался заразительным — нашлись французские подростки, которые сумели убедить своих матерей отказаться носить меха. Брижит удалось, одной только силой своих убеждений, превратить меховое манто из символа общественного положения в политическую категорию.

«Любой, кто носит меха, — категорично заявляет Бардо, — таскает на плечах целое кладбище».

Брижит также не осталась в стороне и попыталась прекратить так называемый «палио» — древний обычай, согласно которому вот уже более восьмисот лет по мощеным булыжником улицам Сиены гонят лошадей. Эти бега неизменно заканчиваются серьезными травмами животных, а частенько и их гибелью.

Точно так же Брижит не осталась в стороне и сочла своим прямым долгом вмешаться и любым способом сорвать так называемую традиционную охоту на голубей во французской провинции Медок.

Каждый год в течение трех недель птицы возвращаются из Северной Африки на родные гнездовья выводить потомство, и, не взирая на то, что охотничий сезон официально давно окончен, на холмах Медока выстраиваются, словно пехотный полк, до тысячи людей с ружьями. Они с азартом палят по пролетающим у них над головами птицам, в результате чего ежегодно погибает около тридцати тысяч голубей.

Брижит при первой же возможности спешит в Медок и всеми правдами и неправдами пытается остановить стрелков. И хотя для ее безопасности, как правило, присылают жандармов — ведь каждый год ей приходится слышать в свой адрес угрозы, — однако правительство не решается применить против охотников силу.

«Что и говорить, — замечает Доминик Жакоб, один из активистов фонда, — политикам до этого нет дела. Все равно, кто они — правые или левые, правительство и пальцем не пошевелит, чтобы добиться хоть сколько-нибудь ощутимых перемен. Существует масса законов, якобы направленных на защиту животных, но они не работают. И если люди начинают во весь голос протестовать против жестокости по отношению к животным, то это всецело заслуга Брижит, которая заставила нас посмотреть правде в глаза и устыдиться самих себя».

Сила ее имени такова, что к Брижит не раз поступали просьбы со всего мира оказать поддержку тому или иному начинанию.

Однажды к ней обратились из Уругвая с просьбой принять участие в акции в поддержку прав меньших наших братьев, направленной против истязания подопытных животных в лабораториях Медицинской школы при Национальном университете. Брижит тотчас откликнулась на этот зов.

В другой раз ей написали активисты из России, рассказав о массовом истреблении котиков на севере страны. Брижит обратилась с посланием лично к президенту Борису Ельцину. Вот что она писала о котиковых фермах в Койде, к северу от Архангельска, на побережье Белого моря, где молодняк содержался на привязи, пока не наступала пора их убивать. «Есть вещи, слушать которые нельзя без содрогания, а я-то надеялась, что мне больше никогда не придется услышать ни о лагерях смерти, ни о ГУЛАГах».

Как ни странно, но это послание каким-то чудом преодолело железный занавес — после падения коммунистического блока в Восточной Европе на Брижит обрушилась целая лавина писем, в которых, среди всего прочего, рассказывалось об ужасающих условиях содержания животных, например, в московском и белградском зоопарках.

По мнению Брижит, одна она была бессильна что-либо изменить, однако сочла своим долгом написать и, по крайней мере, попытаться расшевелить группы активистов на местах, а также тамошних политиков.

С другой стороны, Брижит не побоялась встать на защиту красного тунца. Ей сообщили, что ежегодно в Средиземное море захотят японские и южно-корейские суда и длинными сетями, которые тянутся буквально на несколько морских миль, по-браконьерски загребают морские богатства. А поскольку подобные действия есть не что иное, как грубейшее нарушение принятых Европейским Сообществом законов, Брижит привлекла к ним внимание брюссельских законодателей и потребовала принятия срочных мер.

Брижит уже не впервой вступать в поединок с японцами.

«У них ни к чему нет ровно никакого уважения. Они только и делают, что по всему миру ищут себе каждый раз все более сильный новый афродизиак* и ради этого не брезгуют ни чем. Они калечат животных, то им нужны тюлени члены, то рога носорогов, то еще что-нибудь в этом роде. Это полнейшее безобразие. Вы только взгляните на их гигантскую китобойную промышленность. Пора одернуть этих японцев, чтобы они не рыскали по всему свету, уничтожая все, что попадется им под руку».

Вот что утверждает Жакоб:

«Это еще мягко сказано, будто Брижит не боится наезжать со своими требованиями. Если ей что-то нужно, она не отступится, пока не dokonает вас. Она, как бульдозер, идет напролом. Диву даешься, откуда у нее столько упорства. Она будет капать вам на мозги, пока не добьется своего. А

* Афродизиак — средство, усиливающее половое влечение.

политики этого не любят. Одно дело, когда правительство расточает хвалебные речи в адрес какого-нибудь фонда, что носит знаменитое имя, и совсем другое — реальная помощь. Однако Брижит равнодушна к этим славословиям».

Более того, если верить Жакоб, Брижит никогда не лезет за словом в карман: «Она всегда говорит то, что думает, и не робеет ни перед кем. Она разговаривает с политиками и министрами точно так же, как она говорит с любым другим человеком, а им это не по вкусу. Как мне кажется, это объясняется тем, что в глубине души она ранимая натура и принимает все слишком близко к сердцу. Она настолько серьезно относится к любимому делу, что не желает, чтобы кто-то другой ей мешал. Однако не забывайте, что все это она делает не для себя, а исключительно ради животных».

Мижану согласна, что решительность ее сестры, стоит той только взяться за дело, порой не знает границ.

«Она не боится ввязаться в драку, потому что по натуре она боец. Она готова с кулаками отстаивать свои убеждения. Когда она видит жестокость по отношению к животным, она очертя голову бросается в бой и готова вести за собой целый мир. Она знает обо всем не понаслышке, каждый день сталкиваясь с теми или иными проявлениями жестокости к животным, и не боится взглянуть правде в глаза. Я знаю, какие чувства она при этом испытывает, потому что иногда по ночам, когда она одна, она звонит мне, чтобы излить душу. Так что кому, как не мне, знать, как глубоко она переживает».

Ради избранного дела Брижит готова бесстрашно столкнуться с кем угодно — с медицинскими лабораториями, политиками, правительствами, ей все равно, что станет у нее на пути. Она не боит-

ся, если ей самой при этом расквасят нос. Ведь она берется за то, во что свято верит».

«Изменить общественное мнение не так-то легко, — продолжает Мижану. — Но это не значит, что Брижит нужны лишь громкие скандалы. Она делает также много такого, что не сразу бросается в глаза. Была у нее одна знакомая старушка, которая держала полный дом собак и кошек, так вот несколько лет назад она умерла незадолго до Рождества, и Брижит взяла всех ее питомцев себе и отвезла в Базош. Она не любит говорить об этом, но когда у фонда не хватает средств, а тут как раз наклеывается очередной проект, тогда Брижит платит за все из своего кармана. Она делает вид, будто ей все по плечу. Но это лишь для того, чтобы никто не заподозрил ее в слабости».

Для Брижит в наши дни каждый новый день приносит все новые печальные известия. «Порой это невыносимо, — признается она. — Я только и делаю, что сражаюсь, а сдвигов почти не видно. Наоборот, кажется, будто все вокруг становится все хуже и хуже. Может, если я буду сражаться и дальше, насколько хватит сил, кто-то затем придет мне на смену, тот, кому удастся чего-то достигнуть. Мне бы хотелось оставить в наследство людям мой фонд. И если завтра я попаду под автобус, то, смею надеяться, что моя работа на благо животных и на благо фонда не будет забыта».

Некоторые люди полагают, что пройдет какое-то время, и именно этим она увековечит свое имя — не как кинозвезда, чье имя прогремело на весь мир в ее первой жизни, а благодаря той деятельности, которой она посвятила свою вторую жизнь.

«Вы только задумайтесь о том, чего ей удалось достичь, — говорит Ален Бугрен-Дюбур. — А это не так уж и мало. С нее хватило бы одного ее главного успеха — кампании по спасению коти-

ков. Но когда я сказал ей, что она победила, когда я сказал ей, что Европа собирается бойкотировать ввоз меха котиков, и предложил откупорить по тому поводу бутылку шампанского, она не проявила особого восторга. Я тогда сказал ей: «Но мы же так долго и так упорно боролись». И она ответила: «Но это же так просто. Иначе и быть не могло, вот мы и победили». И в этом вся она. И если ей удастся спасти жизнь трем десяткам псов в каком-нибудь приюте, то для нее это не меньший успех».

После того как она распродала все свои ценности, чтобы учредить фонд, Брижит объяснила: «Я не придаю особого значения материальным вещам. Для меня самое главное — это сама жизнь. Но борьба требует денег. Цель моей кампании заключается в том, чтобы дать животным шанс выжить, чтобы возвратить им то уважение, которое мы им недодавали. А это стоит всех бриллиантов на свете вместе взятых».

Вскоре ей стало ясно, что для того, чтобы продолжать свою деятельность, фонд нуждался в постоянном притоке средств, а пожертвований было явно недостаточно. Во Франции следующим шагом от статуса бесприбыльной благотворительной организации является весьма ценное звание «общественной собственности». Это дает отдельным благотворительным обществам право именоваться наследниками разного рода собственности и не платить при этом налога на наследство.

И если найдутся люди, кто пожелает завещать фонду нажитое состояние или имущество, рассуждала Брижит, то это станет гарантией того, что ее работа будет продолжаться и дальше после ее смерти. И вот, проконсультировавшись с адвокатами, Брижит подала прошение. Она просила правительство

предоставить фонду Брижит Бардо статус общественной собственности и в 1991 году получила отказ.

Главный довод правительства заключался в том, что, как благотворительное общество, ее фонд располагал слишком малым капиталом и потому никак не тянул на звание общественной собственности.

Брижит продала все, что было у нее более-менее ценного, а правительство лишь весьма туманно намекало, сколько ей еще нужно выложить денег, чтобы достичь заветной цели. При более внимательном рассмотрении оказалось, что у нее практически ничего не осталось.

За исключением одной вещи — «Мадрага».

В декабре 1992 года Брижит подписала бумагу, в которой уступала права собственности на «Мадраг» фонду Брижит Бардо. Она оценила его в 20 миллионов франков, и правительство согласилось с этой суммой.

Теперь, когда «Мадраг» числился в активах фонда, Брижит вторично подала заявление о признании ее детищу статуса общественной собственности. И через несколько месяцев ее просьба была удовлетворена.

Теперь, в соответствии с уставом, три министра правительства — окружающей среды, культуры и внутренних дел — являются членами правления фонда и проверяют его бухгалтерию. Но зато за будущее фонда, как общественной собственности, можно не беспокоиться.

Согласно заключенному договору, Брижит позволено жить в «Мадраге» до конца ее дней. С ее кончиной дом, как собственность фонда, становится музеем Брижит Бардо.

«Я отдала мой дом животным. — Брижит с улыбкой пожимает плечами. — Теперь я живу в их доме».

Д'ОРМАЛЬ

В то воскресенье шел дождь. Д'Ормаль с Брижит заметили крошечную церквушку, притулившуюся в конце фиорда, посреди угрюмого норвежского пейзажа.

И им тотчас пришлось в голову пожениться.

Парадная дверь церкви оказалась на замке, и они отправились на поиски священника, которого обнаружили в деревне. Святой отец очень удивился, узнав, что именно нужно незванным гостям. Однако те убедили его в серьезности своих намерений, и он, в конце концов, согласился, при условии, что новобрачные найдут себе двух свидетелей. И тогда Брижит и д'Ормаль попросили двух первых встречных — шофера такси, что привез их сюда, и женщину, прибиравшую в церкви быть их свидетелями.

16 августа 1992 года после скромной церковной церемонии, когда они обменялись брачным обетом, Брижит Бардо превратилась в мадам д'Ормаль.

Его настоящее имя Бернар ди Кьяра д'Ормаль. Родился в Марселе в 1941 году и все свои детские годы провел, переезжая с места на место, сначала он жил в Париже, а затем его на какое-то время занесло аж в Южную Америку.

В начале шестидесятых — жизнь тогда забросила его во французскую часть Африки — он пытался сделать деньги на экспортно-импортных сделках и как-то раз застрял в либерийской столице Монровии, где в течение восьми дней никак не мог попасть на самолет.

То было кошмарное место, где он не знал, чем ему заняться — разве что ошиваться без дела в баре отеля, и тут однажды вечером ему подвер-

нулся один ливанец, который также пытался вырваться из Монровии. Они разговорились, и этот тип — кстати, какое-то время он жил в Бразилии — рассказал Бернару, что у него вроде бы как есть интерес в кинобизнесе. Бернар поинтересовался подробностями и тогда ливанец объяснил ему, что владеет правами на черно-белый фильм о бразильской футбольной знаменитости Пеле.

Поскольку Бразилия уже за несколько лет до этого выиграла кубок мира по футболу, Пеле, вполне возможно, был самым прославленным из спортсменов. Однако изюминка этой ленты заключалась в том, продолжал ливанец, что в ней рассказывалось о Пеле, когда будущей звезде футбола было лет 13—14.

Д'Ормаль немного поразмыслил и решил про себя, что вполне бы мог крутить этот фильм по всей Африке. И вот в баре отеля в центральной части Монровии, застряв там, пока наконец не возобновятся рейсы в Европу, д'Ормаль купил у ливанца права на картину.

На протяжении года или что-то около этого д'Ормаль разъезжал по Африке, продавая ленту прокатчикам, и сумел положить себе на этом в карман вполне приличный по тем временам доход в 21 с половиной тысячу фунтов.

«В те дни это были колоссальные деньги, — рассказывает д'Ормаль. — Но их хватило ненадолго. Я приехал в Париж и, что называется, отвел душу».

Надо сказать, что эта картина открыла ему новые возможности. Д'Ормаль утвердился как прокатчик в Африке, а затем некоторое время подвизался в Риме, принимая участие в создании художественных фильмов, а также телесериалов для американского телевидения. Именно в тот период он пришел к выводу, что его мудреная фамилия только сбивает людей с толку, и поэтому, отказав-

шись от части ди Кьяра, он оставил себе ту, что попроще — д'Ормаль.

«Ее легко выговорить».

Спустя много лет французские газетчики разыскивали людей, которые еще не забыли его старую фамилию, и принялись рассуждать — с какой это стати он стал величать себя д'Ормалем — не иначе как в прошлом за ним водились кое-какие грешки.

Когда ему приходится слышать подобные рассуждения, д'Ормаль лишь удивленно поднимает брови и качает головой. Поскольку его имя вот уже несколько лет как неотделимо от имени Бардо, он не перестает удивляться, в какие тяжкие пускаются некоторые, лишь бы только втоптать ближнего в грязь.

Вернувшись в начале семидесятых годов в Африку, д'Ормаль получил от одного своего приятеля приглашение испытать счастья в Южных Морях, выращивая на продажу черный жемчуг. Однако, взвесив все за и против, д'Ормаль решил, что неплохо устроился в кинопрокате — а этот бизнес, надо сказать, позволял делать неплохой навар — и, вообще, Тихий океан далеко, а вот одна знакомая в Париже — гораздо ближе. Так что еще раз все хорошенько взвесив, д'Ормаль решил, что нечего искать судьбу, и остался в Африке.

Разумеется, это в некотором роде история о том, что близок локоть, да не укусишь. Приятель д'Ормалю отправился за тридевять земель, имея в кармане всего 5 франков, и уже через несколько лет продал свое дело за 5 миллионов.

«Да, чутье подвело меня», — с готовностью признает д'Ормаль.

Десять лет спустя это же самое чутье подвело его вторично, когда он услышал, что киностудия «Викторин» в Ницце выставлена на торги.

Д'Ормаль проанализировал деятельность 60

киностудий по всему миру, после чего создал консорциум инвесторов для того, чтобы выкупить «Викторин». Можно сказать, он спал и видел, как превратит Ниццу в некое европейское подобие Голливуда.

Д'Ормалю удалось собрать 25 миллионов долларов, причем половину этой суммы он сколотил в странах Персидского залива, главным образом, Саудовской Аравии и Эмиратах, а вторую наскреб в Штатах. Кроме того, ему удалось разжиться заемными обязательствами администрации города Ниццы и всеми необходимыми для начала строительства бумагами, которые давали ему право модернизировать студию, и таким образом, сделать ее конкурентоспособной. Все, казалось бы, шло на лад — по крайней мере, до мая 1981 года. В этом году французы избрали своим президентом социалиста Франсуа Миттерана, а Миттеран, в свою очередь, сдержал предвыборные обещания и ввел в состав кабинета четырех коммунистов.

«Это был конец всему. Как только американцам стало известно, что коммунисты получили четыре министерских портфеля, они тотчас пошли на попятную и изъяли свои капиталы, а вскоре их примеру последовали и другие инвесторы».

Понадобилось десять лет, чтобы к д'Ормалю вернулось былое чутье.

7 июля 1992 года один его приятель, адвокат из Сен-Тропежа Жан-Луи Бугюро, пригласил его к себе на обед. Дело было дождливым воскресным вечером, и, по крайней мере, одна из гостей чуть было не пришла. Это была знакомая и одновременно клиентка Бугюро, а значит, местная жительница, которая сначала сказала нет, не хочется ей ни в какие гости, а затем передумала и сказала, что придет. Но в последний момент ей вновь захотелось — шел дождь и на душе у ней было паршиво, и, вообще, выше ее сил одеваться и

ехать куда-то на ночь глядя, и, тем не менее, дело закончилось тем, что она все-таки объявилась.

В тот вечер Бернар д'Ормаль — который всю жизнь проходил в холостяках — понял, что в его жизни называют какие-то важные перемены.

«Стоило мне увидеть Брижит, как я тотчас понял, что, сам того не осознавая, искал ее всю свою жизнь».

В конце вечера он подошел к ней и вежливо поинтересовался, можно ли ему ее поцеловать. Они начали встречаться, и через два месяца в один прекрасный день им на глаза попала маленькая церквушка в конце фиорда, затерянная среди угрюмого норвежского пейзажа, но уже в то дождливое воскресенье они точно знали, чего им хочется.

После церемонии жених с невестой пригласили священника и обоих свидетелей отпраздновать вместе с ними это событие в небольшом деревенском ресторанчике. Они не сочли нужным делать какие-либо официальные заявления, поскольку этот брак не имел ровным счетом никакого отношения к официальным заявлениям. Это было их сугубо личное дело — полное романтики и никого не касавшееся.

Пресса оставалась в неведении относительно происшедшего до 20 сентября, когда Бардо под руку с д'Ормалем появилась в Сен-Тропезе на избирательном участке, чтобы принять участие в референдуме по маастрихтскому соглашению. Бардо вскользь обмолвилась друзьям, что они с д'Ормалем недавно поженились. На следующий день эта новость перекочевала на первые полосы газет.

Один журналист попытался проверить эту историю и позвонил Жилью Дрейфусу, однако тот и духом о том не ведал.

«Меня, случалось, просили выступить по делу о разводе, — заявил он. — Но впервые в жизни меня просят выступить по делу о браке».

Еще один журналист решил убедиться, есть ли запись о регистрации брака в мэрии Сен-Тропеза — разумеется, ее там не оказалось, — и тогда он поставил под сомнение законность их союза с точки зрения французского брачного кодекса.

«Мы скрепили наш союз перед лицом Господа Бога, — отвечала Брижит, — перед лицом друг друга и вовсе не обязательно в присутствии других людей». Ее слова подтвердил Бернар: «Нас меньше всего волнует то, что мы поженились не по французским законам. Мы поступили так, как считали нужным, то есть поженились в церкви, перед очами Господа Бога. А это для меня и Брижит — самое главное».

Вскоре в прессу просочились слухи о том, что на протяжении семи лет до знакомства с д'Ормалем Брижит вела едва ли не монашеский образ жизни. Сама она весьма задорно отзывается по этому поводу: «Я целых семь лет не видела волка».

По словам ее друзей, она очень сильно изменилась за эти годы.

Раньше вокруг нее вечно ошивалось с десятков, а то и больше, прихлебателей. Ей вечно куда-то надо было — то в ресторан, то в клуб. Когда ее приглашали в незнакомое место, где она никого не знала, Брижит неизменно прихватывала с собой пару-тройку приятелей, потому что в те дни, если поблизости не было знакомых лиц, она терялась и робела.

Теперь же, практически ни с кем не встречаясь, совершенно разочаровавшись в людях, она искала душевного отдохновения в обществе животных.

Ей нравилось слушать пение птиц по утрам, и когда они для нее пели, Брижит кормила их, рассыпала для них зерно. Она заселила свою ферму козами, овцами, осликами и лошадьми, кошками и собаками, завела себе уток, причем не стала подре-

зять им крылья — пусть себе улетают, когда им вздумается.

«Я разочаровалась в любви, — твердила Бардо, — жутко разочаровалась, потому что всякий раз она оборачивалась для меня улицей с односторонним движением».

Отгородившись от внешнего мира — а эта склонность к уединению стала характерной чертой ее второй жизни, — Брижит, казалось, обрела наконец душевное спокойствие.

«Раньше я была не такой, потому что в те дни все было по-другому. И если бы мне сейчас предложили прожить ту мою жизнь заново, я бы не смогла. Сегодня я в большей степени живу в гармонии с самой собой».

В этой второй своей жизни у нее наконец-то появилось время для чтения. До этого, если она и читала что-то, то только сценарии. Ей вечно приходилось заучивать реплики для следующего дня съемок. И вот теперь она с жадностью набросилась на книги. «Когда я нахожу книгу по душе, у меня такое чувство, будто я обрела друга в тот момент, когда собиралась идти спать или поуютнее устроиться у камина. С некоторыми книгами, у которых нет продолжения, я обычно как можно дольше растягиваю последние несколько страниц, и как только они прочитаны, у меня такое ощущение, будто я потеряла друга».

Брижит также находит время помузицировать. У нее большая коллекция записей классики, и, кроме нее, она больше ничего не слушает, потому что, по ее словам, классика умиротворяет и поднимает настроение. «Она заставляет меня думать о возвышенном и отрешиться от всего земного».

Музыка неизменно жила в ее танце — «это самовыражение моего тела». Но дискотека, составлявшая неотъемлемую часть ее первой жизни, ушла в прошлое. Сегодня ей и в голову не придет отпра-

виться на танцы — это все равно, что принять решение покататься в парижском метро в часы пик. Нередко от нее можно услышать: «Я хочу простоты. Я пытаюсь вести здоровый образ жизни. Я гуляю по полям с моими животными, я очень мало ем. Никаких соусов. Как можно меньше мяса. Люблю овощи, рыбу и яйца от моих кур. Стараюсь не принимать никаких лекарств. Всевозможная химия вредит организму — отрицательно сказываются на всех его системах. Я стараюсь держаться как можно дальше от подобных вещей, потому что вижу в них яд».

Она до сих пор не прочь поднять бокал шампанского. «Шампанское бодрит». Но сегодня предпочитает ему различные экзотические сорта чая, поскольку это в большей мере соответствует ее нынешнему образу жизни, ее стремлению насладиться каждым мгновением отпущенной жизни.

Брижит также окружает себя экзотическими ароматами — сандалом, розмарином, тимьяном, лавандой, всевозможными засушенными травами.

Она больше не путешествует. Но, с другой стороны, она и раньше не была особой любительницей и всякий раз, уезжая куда-то, с радостью возвращалась домой.

На протяжении семи лет ее уединения от мира, те немногие из людей, с кем Бардо продолжала общаться, поняли, что она наконец взрослеет и, среди всего прочего, постепенно открывает для себя одну из важнейших человеческих добродетелей — терпение.

Среди тех, кто так считает, — Мижану. «Когда мы были детьми, Брижит вряд ли можно было назвать образцом терпения и выдержки. Но теперь, кажется, до нее дошло, что глупо требовать во всем безупречности и совершенства. Порой куда мудрее идти на уступки».

Вот что думает по этому поводу д'Ормаль: «Един-

ственное, что вам надо знать, чтобы понять Брижит, что в душе она — сельская жительница. Ей нравятся незамысловатые вещи. Она обожает все в крестьянском стиле. И не любит пускать пыль в глаза. Если Брижит что-то делает, то лишь потому, что ей это нравится. Она поступала так всю свою жизнь, но люди отказывались ей верить. Им казалось, что когда она начала носить платья в клеточку, то лишь для того, чтобы создать на них моду. Нет, такое не в ее привычках. Брижит нарядилась в платья в клеточку лишь потому, что сельские женщины носили их и сто лет назад. После той жизни, которую ей приходилось вести и которая была ей ненавистна, она вернулась к природе, потому что именно к ней лежит ее душа. Это то, что ей по-настоящему дорого. Это то, в чем сама она».

Во время французских региональных выборов в марте 1992 года д'Ормаль помогал в организации личного офиса Жан-Мари Ле Пена в Ницце. Ле Пен — противоречивая фигура, лидер крайних правых в лице так называемого «Национального Фронта».

Однако д'Ормаль с пеной у рта доказывает, что его отношения с Ле Пенем не касаются «Национального Фронта».

«Я не состою в НФ. Просто мы давно знакомы с Жаном-Мари. И как мне кажется, люди несправедливы ко мне, когда смешивают эти две вещи. Да, я помогал наладить работу его личного офиса, но вовсе не предвыборную кампанию «Национального Фронта»».

Несмотря на все его заверения, д'Ормалю так и не оставили в покое, ведь его имя самым непосредственным образом связано с именем Брижит. В свою очередь, за ней тоже потянулся шлейф дурных слухов, так как многие во Франции реши-

ли, что уж коли ее муженек связан с НФ, то они больше не желают иметь ничего общего с ее фондом.

«Я аполитична», — утверждает Брижит. И друзья готовы подтвердить, что она никогда не интересовалась политикой. Ей безразличны политические деятели, а их взгляды и подавно. Бернар — да — большой любитель пускаться в политические дискуссии, но только не Брижит. Однажды, будучи приглашенной на небольшой скромный обед к соседям, Брижит не выдержала и заранее позвонила, чтобы предупредить их: «Только прошу вас, никаких разговоров о политике». Пока беседа не касалась политических тем, рассказывают ее соседи, она просидела за столом, словно девчонка-подросток, держа д'Ормая за руку, и буквально смотрела ему в рот.

По правде говоря, случались и исключения из правил, когда Брижит оказывалась куда менее аполитична, нежели на словах. В 1974 году она поддержала избирательную кампанию Валери Жискар д'Эстена и даже расхаживала по Сен-Тропезу в футболке с надписью «Жискара в президенты».

В целом она была о нем высокого мнения, хотя неизменно критиковала за пристрастие к охоте. При каждой встрече она заводила старый разговор о том, что-де пора прекратить эту бесчеловечную забаву. При первом же удобном случае она считала своим долгом напомнить ему, что это не только низменное занятие само по себе, но и дурной пример для подрастающего поколения. Брижит не стеснялась высказывать все, что думает. «Это в ваши-то годы. Неужели вы до сих пор не понимаете, что пора зачехлить оружие!»

В лучшем случае он мог ответить ей: «Да, да» — и уклониться от каких-либо обещаний.

Однажды она не на шутку на него рассердилась, причем не где-нибудь, а во время телепрог-

раммы, и он не удержался и спросил ее: «Неужели вы никогда не бываете терпимы по отношению к вашим недругам?»

Но Брижит тотчас поставила его на место, заявив: «Я как раз-таки очень терпима, но не приемлю варварства».

Подобно Миттерану, все эти годы французские политики оказывали ей знаки внимания — собственно говоря, то была цена за право быть сфотографированным с нею рядом, — поскольку многие из них, в особенности пришедшее к власти поколение, выросшее на фильмах с ее участием, все еще воспринимало ее как Б. Б.

Стоит ли говорить, что она не упускала случая, чтобы высказать им все, что думает. Им тотчас давалось понять, — причем прямым текстом, — что она — Брижит Бардо и поэтому здесь хозяйка, и единственное, о чем она намерена вести с ними разговор, — это о благоденствии животных.

Не секрет, что политики от этого не в восторге, ведь Бардо порой ставит их в щекотливое положение. Она срывает с них маски, причем ей совершенно безразлично, какая партия находится сейчас у власти. Она донимает их. Сначала она заманивает их в сети «Б.Б», а затем, обнажив шпагу, бросается в поединок уже как Брижит Бардо.

У нее есть свои четко обозначенные приоритеты, и политики — даже те, что вызывают у нее восхищение, — явно не входят в их число.

Когда в 1988 году Францию с визитом посетил польский президент Лех Валенса, он заявил, что, в первую очередь, желал бы сделать две вещи — взглянуть на Эйфелеву башню и познакомиться с Брижит Бардо. Брижит получила приглашение лично от Франсуа Миттерана, и поскольку к Валенсе она относилась с глубочайшим уважением за то, что при нем страна наконец-то смогла вздохнуть полной грудью, то дала согласие встретиться с ним в

неофициальной обстановке. Никакой прессы, никаких фоторепортеров. Никаких политических заявлений. Лишь встреча с глазу на глаз. Казалось бы, все было улажено. Но в то утро в Сен-Тропезе нездоровилось одному из ее псов. Брижит принесла свои глубочайшие извинения — ей, право, искренна жаль — и осталась дома лечить собаку.

А с Жан-Мари Ле Пенom ей довелось встретиться несколько раньше.

В 1962 году она навещала в госпитале солдат, вернувшихся домой после ранения в Алжире. В тот же самый день к солдатам приехал Ле Пен. Они не были знакомы, но он знал, кто она такая, и попросил, чтобы их вместе сфотографировали. Через тридцать лет, когда в ее жизнь вошел д'Ормаль, какой-то настырный исследователь сумел-таки откопать эту старую фотографию и, конечно же, опубликовал, намекая, будто Бардо некогда была лично знакома с Ле Пенom.

Это та самая разновидность журналистики, что неизменно возмущала Брижит.

Это из того разряда вещей, что, начиная с 1957 года, заставили ее относиться к «акулам» пера с подозрительностью и возмущением.

Как и другие выдающиеся личности во Франции, Брижит удостоилась ордена Почетного Легиона. Выдвинула ее на эту награду Кристина Гуз-Реналь. И даже если это событие и имело какую-то политическую окраску, Брижит, казалось, была несказанно рада оказанной ей чести. Ведь, в конце концов, Брижит до мозга костей французенка, а орден Почетного Легиона — это типично французская награда, квинтэссенция французского духа.

Но Гуз-Реналь спешит подчеркнуть аполитичность Брижит. «Полученное ею воспитание можно скорее отнести к правому крылу политического спектра. Консервативному или республиканскому. Это

было частью ее буржуазного окружения в семье. Именно в такой обстановке она выросла. Но сама она чужда политики. Когда Франсуа Миттеран помогает ей в деятельности ее фонда, она сторонница Франсуа Миттерана. Когда то же самое делает Жак Ширак или Валери Жискар д'Эстен, она сторонница их обоих. Но истина заключается в том, что у нее отсутствуют твердые политические убеждения».

Ее истинным друзьям это прекрасно известно. И тем не менее, кое-кто из них был откровенно шокирован, когда Брижит объявила, что вышла замуж за д'Ормалья, а тот, в свою очередь, связан с Ле Пенем. Ей не могли простить, что она позволила себе увлечься человеком, который так или иначе ставит ее имя в один ряд с Национальным Фронтом.

В особенности это потрясло Кристину Гуз-Реналь. Дело в том, что Гуз-Реналь замужем за актером Роже Аненом, евреем по национальности, и, по ее словам, у нее в голове не укладывалось, как это Брижит уговарило выбрать себе в мужья человека, дружного с Ле Пенем. Более того, она сочла всю эту затею настолько шокирующей, что на протяжении нескольких месяцев отказывалась даже позвонить Брижит, не желая с ней знаться. И лишь однажды вечером, переключая кнопки на телевизоре, она случайно наткнулась на один старый фильм, который они сделали вместе, и тотчас почувствовала непреодолимое желание позвонить Брижит.

«Как только я услышала ее голос на другом конце провода, так тотчас расплакалась. Брижит сказала мне: «Я знаю, почему ты не звонила. Я все отлично понимаю. Я сама не знаю, куда мне деваться из-за всего того шума, что подняли вокруг нас. Прошу тебя, успокойся, Кри-Кри, спасибо, что ты мне позвонила». Любой, кто близко знаком с Брижит, знает, что подчас она бывает резка до

грубости, а порой просто жестока — даже с друзьями. И ее поведению нет никаких оправданий. Но одновременно в ней есть нечто обезоруживающее, нечто такое, перед чем невозможно устоять. Порой ее мысли поражают какой-то особой глубиной, но в иные моменты ее суждения отличаются поразительной поверхностностью. Она подчас бывает то взрослой, то ребенком. Просто поражаешься, как только люди могут на нее злиться, ведь в конечном итоге они все равно уступают и готовы простить ей все, потому что есть в ней нечто подкупающее».

Лучше не скажешь. Но ведь на грубость, а порой и на жестокость, тоже нельзя закрывать глаза. Это главное противоречие ее жизни.

«В ней сидят две женщины, — говорит Мадлен Венан, проработавшая у нее экономкой почти 18 лет. — Одна — просто чудо, такая добрая, такая щедрая, а другая — какой-то кошмар, сплошная грубость и придирки. Не знаю, почему так. Ведь она умеет быть такой обаятельной. Но уже через секунду — сущая мегера. Она такой человек, которого никто никогда не поймет до конца, но одновременно такую, как она, будешь помнить всю жизнь».

Уж кому, а Вадиму это известно лучше других. «Когда мы еще жили вместе, я заметил, что у нее прирожденный талант врать. Нет, не со зла, а просто и вполне логично, как это обычно делают малые дети ради того, чтобы жизнь совпадала с их желаниями. И эта часть ее натуры, которая так и осталась жить в детстве — очередной образчик ее колоссального эгоизма. Но, с другой стороны, даже в себялюбии дети остаются невинны. Ведь им не дано понять невыполнимость их требований».

Мижану это тоже отлично знакомо. «Она не понимает, что делает кому-то больно. Ей это просто не дано. Не понимает, и все тут. Как правило, она живет настоящим моментом. И поэтому не в

состоянии понять, если кто-то на нее обижается. Ей вообще непонятно, что она способна кому-то сделать больно».

В их первое совместное лето, вскоре после того, как они познакомились, газеты запестрели заголовками о том, что Бардо вместе с Бернаром отправились отдохнуть на яхте Ле Пена.

Более того, ушлым папарацци удалось-таки снять их за завтраком на палубе.

Д'Ормаль считает, что «поскольку вокруг Брижит вечно царит ажиотаж, то истина оказалась просто никому не интересна. Эта никакая не лепе-новская яхта. Она принадлежит одним нашим общим знакомым из Сен-Тропеза. И мы на ней никуда не плавали. По крайней мере, не удалялись далеко от берега. Ле Пен был приглашен к завтраку, и наши общие друзья решили, что неплохо пригласить и нас. Вот и все. Эти друзья пригласили нас позавтракать вместе с ними, потому что им было известно, что Жан-Мари мой хороший знакомый. И вот что еще я вам скажу. Сидя за столом, мы ни разу не коснулись политики. Мы просто были компанией друзей, собравшихся позавтракать на свежем воздухе. Брижит никогда не делала Национальному Фронту никаких пожертвований, как то утверждали газеты».

Не успели Брижит с Бернаром прийти в себя после этой новости, как газеты уже цитировали ее слова, что будто на местных выборах она поддержит кандидата от НФ. Возмущению большей части французов не было границ.

«Если бы она действительно сказала это, — подчеркивает д'Ормаль, — что ж, тогда их возмущение было бы вполне оправданным. Но она ничего подобного не говорила. Она вообще никогда никому не объявляет, за кого собирается голосовать. Насколько мне известно, единственный раз,

когда она позволила себе пооткровенничать, — это публично заявив, что будет голосовать против маастрихтского соглашения. Пожалуй, и все».

И все-таки, учуяв опасность, Бардо тотчас постаралась отмежеваться от политики и, в особенности, от Национального Фронта, хотя не раз считала необходимым подчеркнуть: «Я замужем за Бернаром, а не за Национальным Фронтом».

Тем временем Бернар пытался внести в их жизнь некую упорядоченность. По его словам, «Брижит стремилась к простоте, хотя при этом сама не обязательно проста по натуре». Начал он с того, что внес кое-какие изменения в их быт. Теперь за обедом кошки больше не лазают по столу, а собаки больше не спят с ними в одной постели. Д'Ормаль считает, что на протяжении долгих лет многие откровенно злоупотребляли гостеприимством Брижит, и поэтому сейчас он медленно, но верно пытается отвадить прилипал. И конечно же, уже нажил себе врагов. Например, он позволил себе несколько нелюбезных замечаний в адрес кое-кого из фонда, потому, что убежден, что они могли бы проявлять побольше инициативы. А еще ему удалось убедить Брижит, что их прежний офис, занимавший несколько этажей одного старого дома, никуда не годен.

Кое-кому в фонде показалось, будто он сует нос не в свои дела, однако д'Ормаль помог им подыскать новое помещение — более похожее на настоящий офис, — и фонд вскоре сменил адрес.

Д'Ормаль также пересмотрел целую кипу ее старых контрактов и обнаружил, что ей до сих пор кое-что причитается — как гонорары, так и права.

Брижит недостает деловой хватки, да она никогда и не притворялась, что обладала ею. Вот почему д'Ормаль счел своим долгом вмешаться и навел некое подобие порядка в ее делах.

Одновременно он пытался почаще вытаскивать ее из дому, заставлял выступать с публичными речами на благо фонда, встречаться с людьми, агитировать в поддержку своих новых проектов.

До конца 1993 года Брижит, казалось, оставалась ко всему этому равнодушна. Но постепенно ее отношение начало меняться. Она начала понимать, что нельзя сбрасывать со счетов общественное мнение, ибо это тотчас сказывается на финансах фонда. Кое-кто из состоятельных французов изъяли свои средства в знак протеста против симпатий д'Ормалья к Ле Пену. Громче всех возмущались французские евреи, протестуя против какой-либо связи, пусть даже самой призрачной, между Бардо и Ле Пеном, ибо усматривали в деятельности фонда откровенную антисемитскую и расистскую направленность. Завещания отзывались назад. Членства и пожертвования сократились на треть, что стоило фонду около двух миллионов франков, и у него возникли проблемы с наличностью.

Надеясь прекратить утечку средств — и при непосредственном участии Бернара, — Брижит дала согласие выступить по телевидению в вечерней общепольской программе новостей. Брижит пошла на этот шаг, чтобы урезонить своих бывших сторонников. Она надеялась переубедить их, заставить понять, что политические взгляды ее мужа и ее собственная работа — это совершенно разные вещи и их просто несправедливо смешивать между собой. «И если это нанесет мне невосполнимый ущерб, — заявила Брижит, — мы будем вынуждены расстаться. Однако, как мне кажется, будет просто несправедливо по отношению ко мне, если я кончу свою жизнь в одиночестве».

Затем — как бы реплика в сторону — она призналась, что провела целых семь лет совсем одна и пока не встретила Бернара, ощущала себя несчастной и подавленной. «Он занимается поли-

тикой, я занимаюсь животными. Хотя, возможно, мне бы более повезло, влюбись я в какого-нибудь торговца обувью».

В первые две недели на нее, как из рога изобилия, посыпались пожертвования, значительно перекрыв двухмиллионные убытки. Брижит не отрицает, что политические пристрастия ее мужа в той или иной мере бросили тень на репутацию ее фонда. Однако она спешит напомнить своим критикам, что пожертвовала всем, что имела, на благо избранного дела. «Все, что у меня было, я отдала животным. Я отдала им мое здоровье. Мои драгоценности, мой дом. В некотором роде фонд — это вся моя жизнь, это мое детище».

Брижит, не привыкшая скрывать своих чувств, говорит, что НФ представляется ей чересчур экстремистским, что она как-то раз пыталась убедить Бернара вступить в голлистскую республиканскую партию, возглавляемую мэром Парижа Жаком Шираком. Д'Ормаль на это не пошел, однако постоянно напоминает своим критикам, что не является членом НФ и никогда им не был. «Вся эта история началась потому, что я вот уже много лет знаком с Жан-Мари Ле Пенем. Мы с ним друзья. Вот и все».

Хотя, казалось бы, его дружба с Ле Пенем и ее работа на благо животных — взаимоисключающие вещи, тем не менее, приходится признать, что это с трудом укладывается в голове у многих людей.

Частично этому виной то обстоятельство, что хотя Национальный Фронт весьма активен во Франции, сами французы по своей натуре в основном картезианцы. Вполне возможно, что их язык полон нюансов, чего, однако, не скажешь об их политическом сознании. У них хорошая память что касается того, какой ущерб был нанесен их стране по вине политических экстремистов, и хотя после

окончания второй мировой войны прошло вот уже более пятидесяти лет, некоторые из них до сих пор содрогаются при мысли, что французские парни вскоре будут служить бок о бок с немцами.

Они с трудом воспринимают тот факт, что поскольку во всех нас есть как плохое, так и хорошее — особенно в том, что касается различных философских доктрин, — то вполне возможно, отвергая плохое, держать сердце открытым для хорошего.

Увы, французы следуют иным заповедям. Они либо любят вас, либо ненавидят, а промежуточное состояние им неведомо.

Ну а поскольку имя Брижит оказалось связано с такой бякой, как НФ, то тем самым и оно оказалось запятнано.

Последствия оказались самыми неприятными. Например, Брижит превратилась в объект насмешек на пресс-конференции в Страссбурге в 1993 году, когда некоторые члены Европарламента отказались сесть с ней за один стол лишь потому, что она замужем за д'Ормалем.

Увы, ее воззрения на ритуальное заклание барашков в мусульманских общинах тотчас отступили на второй план, на первый же вышел тот факт, что она заявила о них на страницах крайне правого издания.

Вот уже несколько лет подряд она обрушивается с критикой на мусульманский мир за празднование ритуальных жертвоприношений Эйд-эль-Кебир. И каждый год возмущению мусульман нет предела.

В мае 1993 года, как раз накануне праздника, она выступила с заявлением, в котором осуждала традиционное заклание барашков. Вот ее слова: «Этот варварский обычай, доставшийся в наследство от темных веков, вселяет в меня отвращение и гнев. В понедельник на улицах прольется кровь

нескольких тысяч невинных животных, причем эта вакханалия состоится как раз накануне католической Пятидесятницы, которая теперь оказалась низвергнута, поскольку Франция превратилась в старшую дочь мусульманской религии. Но что, интересно, сказали бы мусульманские страны, если бы мы вдруг стали мешать их праздникам своими католическими процессиями?»

Поскольку протест исходил от женщины, которая замужем за человеком, которого часто — хотя и ошибочно — называли «правой рукой Ле Пена», неудивительно, что двухмиллионное мусульманское население Франции тотчас узрело в нем расистский призыв.

Президент исламского центра Ниццы вопрошал: «С каких это пор Брижит Бардо занялась политикой? Ее заявление носит откровенно политический характер. Что, по-вашему, серьезнее? Когда режут глотку барану или человеку? Почему же она молчит, когда в бывшей Югославии горят деревни или когда мусульманам режут глотки в Кашмире?»

Поскольку двумя основными пунктами политической платформы лепеновского Фронта были ограничение арабской иммиграции в страну и запрет на публичное жертвоприношение овец в мусульманских кварталах, лидеры мусульманской общины Марселя выступили с официальным заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Мусульмане не преступники, и мы надеемся, что Господь укажет Брижит Бардо истинную стезю, дабы она провела остаток дней в мире и спокойствии».

Возразив на это, что только в Марселе и его пригородах под их официальным руководством на заклание будет отправлено около десяти тысяч овец, Бардо гневно продолжала: «Если вам хоть что-то известно обо мне лично, то вы наверняка знаете, что мои взгляды — это мои взгляды и ничьи бо-

лее. Я не выжидала момента, чтобы подвергнуть критике этот омерзительный обычай. Никто не называл меня расисткой, когда я бичевала канадцев за то, что они истребляют котиков, или африканцев — за истребление слонов».

Вскоре после того как они объявили о своем браке, — что совпало во времени с бурным политическим периодом для мэра Сен-Тропеца Алена Спады, — Бернар д'Ормаль начал регулярно навещать в ратушу. Он хотел, чтобы мэру стало понятно, что они с Брижит всей душой поддерживают все его начинания. Спада, в свою очередь, заверил д'Ормалья, что по достоинству оценил их поддержку. Но даже если таковая и имела место, то надолго ее не хватило. Спада ввязался в конфликт с городским советом, те подали в отставку, и префект департамента Вар, который осуществляет политический контроль над регионом, назначил новые муниципальные выборы.

И тогда д'Ормаль заявил, что намерен баллотироваться в мэры.

Согласно принятым во Франции правилам, кандидаты обязаны представить предвыборный список, в который входит целиком весь местный совет. Иными словами, в случае избрания мэр занимает свой пост уже с готовой командой. Поскольку Спада считал основным своим соперником Жана-Мишеля Кува — которого он, кстати, сменил на этом посту, — то самовыдвижение д'Ормалья воспринималось многими не более чем желание заработать себе лишние очки в глазах местных жителей и отнять голоса избирателей у двух других.

Не исключено, что, поскольку его дружба с Ле Пеном не была ни для кого секретом, ему стоило больших трудов найти желающих работать с ним в одной команде. Правда д'Ормаль на словах дис-

танцевался от Ле Пена, уверяя, что его кампания не носит политического характера: «Мне бы хотелось вернуть в Сен-Тропез праздничную атмосферу шестидесятых. Брижит тут совершенно ни при чем. Я вообще против того, чтобы втягивать ее в эту суматоху».

Однако невозможно, будучи мужем Брижит Бардо, баллотироваться в мэры и при этом думать, что она сумеет остаться в стороне от предвыборной гонки. Брижит твердо стояла на том, что политика не ее ума дело, а без ее непосредственной поддержки д'Ормалью было не на что рассчитывать. Он был вынужден сойти с дистанции. И все-таки, даже имея он ее поддержку, вряд ли бы ему удалось добиться успеха. Дружба с Ле Пенем отравила от него многих потенциальных избирателей.

«Да ладно, — говорит он в свою защиту, — не думаю, что надо обязательно быть фашистом для того, чтобы установить музыкальный киоск и пригласить пару-тройку менестрелей. Местный политический климат просто невыносим и стоил Брижит немало нервов. А еще сильно навредил ее фонду».

Д'Ормаль далее пытался объяснить, почему он выбыл из предвыборной гонки, и причина оказывается проста. «Главное для меня — Брижит».

В конечном итоге Спада проиграл Куву, уступив ему всего 52 голоса — из общего числа 3878.

Бернар говорит, что он из тех людей, кому не сидится на месте, в то время как Брижит из породы домоседок. Он любит путешествовать, она — нет. Он пытается заставить ее выйти из дома и заняться сбором средств для фонда, ей же совершенно не хочется за это браться.

Когда в 1994 году ей подвернулась возможность появиться в большой эстрадной программе, д'Ормаль принялся ее уговаривать. И Брижит,

исключительно ради фонда, уступила его увещеваниям.

В среду вечером 26 января 1994 года около восьми миллионов французов имели возможность посмотреть специальную версию еженедельного эстрадного шоу «Sacre Soirée» на канале TF1.

Приглашенная в качестве почетной гостьи, Брижит Бардо впервые принимала участие в прямой трансляции в лучшее эфирное время после более чем двадцатилетнего перерыва.

Ведущий программы, милый и общительный бывший диск-жокей по имени Жан-Пьер Фуко, попросил ее рассказать о своей работе с животными, пригласив при этом в студию зрительскую аудиторию с заранее подготовленными вопросами, на которые ей предстояло ответить.

Первоначально продюсеры шоу рассчитывали, что Брижит предстанет перед гостями студии вместе с Фуко. Но ведь она уже вовсю снималась в кино, когда Фуко еще, то что называется, под стол пешком ходил, и уж кому как не ей было знать, как преподнести себя с выигрышной стороны. Она собаку съела на таких вещах, чтобы ей еще терпеть отвратительное освещение, неудачные ракурсы и капризы молодого честолюбивого ведущего. Нет, заявила она, если вы желаете, чтобы я участвовала в вашей программе, то вам придется принять мои правила. Ну разумеется, они хотели видеть ее в своей программе, и, разумеется, с готовностью уступили ее требованиям.

Во-первых, она отказалась сниматься в студии. Им придется притащить свои камеры к ней в ее парижскую квартиру. Таким образом, это позволит ей продемонстрировать черный жилет-болеро на фоне ее красных стен, камера при этом будет держаться на достаточном расстоянии, а освещение — в розовых тонах, которые не столь

резки и безжалостны, в отличие от огромных студийных софитов с их голубым светом.

Затем она однозначно дала понять, что в передаче пойдет речь исключительно о животных, так что, пожалуйста, никаких вопросов, никаких рассуждений относительно ее кинокарьеры и личной жизни.

Поскольку в студии она будет отсутствовать, Фуко отлично понимал, что не сможет никоим образом повлиять на нее, и случись так, что он скажет что-нибудь невпопад, то она просто поднимется со своего места, и тогда плакала его программа. Ему ничего не оставалось, как подчиниться ее требованиям, и на протяжении полутора часов он держал себя пайнкой.

В какой-то момент продюсеры, вознамерившись блеснуть оригинальностью, показали сюжет об одном жителе Аризоны, который держал дома большую коллекцию игуан. Он зарабатывал себе на жизнь тем, что фотографировал их для отыскания в самых немыслимых позах. Как только сюжет закончился, Фуко — в надежде, что Брижит воскликнет «Ах, какая прелесть!» или что-нибудь в этом роде — поинтересовался, что она думает по этому поводу.

Ни минуты не раздумывая, она обрушилась с гневной речью в адрес тех, кто вырывает своих питомцев из их естественной среды обитания. Брижит обвинила эсцентричного аризонца, что он де издевается над несчастными игуанами, содержа их в городской квартире, где им негде развернуться. Брижит напомнила зрителям, что домашние животные — это не игрушки, а живые существа, и этим все сказано.

Первое, что сделал Фуко, это начал раболепно ей поддакивать и затем поспешил перейти к следующей сцене своего шоу.

Стоило ему обмолвиться о кино, как Брижит тотчас поставила его на место. «Я ни о чем не сожалею, — заявила она, — а тем более, об этом».

Фуко тотчас решил, что будет безопаснее вновь перевести разговор на животных.

Брижит дала согласие на участие в передаче в надежде привлечь внимание к трем, по ее мнению, важным вопросам, чтобы как можно больше людей присоединилось к ее кампании.

Во-первых, она осудила женщин, которые все еще носят меха.

Затем Брижит говорила о брошенных животных и умоляла зрителей, что если тем захочется завести себе домашнего питомца, то пусть обращаются в приюты — те уже буквально переполнены, — а не к заводчикам, которые плодят никому не нужных собак и кошек, что, в свою очередь приводит к тому, что все новые и новые животные оказываются выброшены на улицу. Брижит призывала к вакцинации и стерилизации всех домашних любимцев и на чем свет ругала тех, кто, взяв домой животное, спешит избавиться от него, как только оно надоест.

Затем она заговорила о жестокости французских торговцев кониной, воистину блеснув красноречием.

Обращаясь прямо в камеру к многомиллионной аудитории, Брижит призвала французов отказаться от употребления в пищу конского мяса. Она напомнила им, что ежегодно на бойнях страны погибает около 300 тысяч лошадей, и умоляла соотечественников осознать наконец, что существует бесконечное множество других продуктов, а лошади отнюдь не предназначены на убой. Лошади — это благородные животные, на долю которых выпадают ужасные страдания, а ведь они понимают, что такое смерть.

Моментально коммутатор TF1 замигал лампочками — люди звонили со всех концов страны, чтобы выразить свою солидарность с Брижит, но одновременно сотни торговцев кониной сочли нужным заявить о своем возмущении. Страсти накалились до предела. Как ни печально, среди звонков раздавались и откровенные угрозы.

Не успел вечер подойти к концу, как к Брижит уже приставили охрану.

Через два дня в открытом письме на имя министра сельского хозяйства Брижит еще раз заявила о своей позиции, что конина вредна для употребления в пищу, а убой лошадей сам по себе безнравственен. Брижит призывала наложить запрет на торговлю кониной — «уберите ее с наших тарелок».

Последовали новые угрозы.

Бернар не на шутку встревожился.

Но Брижит лишь пожимала плечами. «Мне на них наплевать. Это лишь еще одно свидетельство низости этих людей».

Не ведая страха, Брижит бросила вызов представителям одного из древнейших ремесел во Франции, намереваясь сразаться до победного конца. И добилась кое-каких сдвигов. Через два месяца продажа конины упала в стране на 30-50%.

Представительница французского информационного центра мясной промышленности, заметив, что Бардо держит дома кошек, съязвила: «Кошки — плотоядные животные. Интересно, чем, в таком случае, она их кормит?»

Но самый недалекий ответ последовал от одного мясника, который пригрозил, что, если Бардо и дальше будет позволено выступать в том же духе, следующим ее шагом станет кампания против употребления в пищу улиток и устриц. «Чем же тогда вообще она намерена питаться? Манной небесной?» — вопрошал он.

Вряд ли кто усомнится в ее мужестве.

Бернар каждый день сталкивается с этим воочию, видя, как она разбирает почту.

По его словам, «ей приходится читать такие ужасы, такие кошмары, и всякий раз она принимает все это близко к сердцу. А затем все держит в себе. Сами понимаете, чего ей это стоит. Вот почему она так часто впадает в депрессию. Она взвалила на себя непосильную ношу. Например, ей приходит очередное письмо об издевательствах над бедными животными, и она готова тотчас нестись туда и немедленно спасти несчастное зверье. Это не может не сказаться на ее здоровье».

В самом начале, когда Брижит только взялась за это дело, французы отнеслись к этому настороженно. Мол, еще неизвестно, чем это для нее обернется. Многие люди с горечью отмечали, что годы берут свое. Однако на самом деле ее это заботит в гораздо меньшей степени, чем их.

Многие вспоминают, какой она была в молодости лишь потому, что и они сами тогда были молоды. Понадобилось время, чтобы люди начали воспринимать ее в новой роли. Нет, Брижит отнюдь не выжившая из ума старушенция, живущая в окружении пятидесяти кошек. Она, как метко подметил Ален Бугрен-Дюбур, из мифа наконец-то превратилась в реальность.

Как бы то ни было, французы теперь, хотя и с опозданием, учатся, как иметь дело с различными активистскими группами. Они питают слабость к животным, однако обделены, в отличие от представителей других национальностей, тем боевым духом, который вынуждал бы их в случае необходимости возвысить в их защиту свой голос. В Британии, например, вряд ли найдется хотя бы один член парламента, в палисаднике у которого не нашлось бы хотя бы небольшой кормушки для

птиц. Во Франции все это еще воспринимается как чудожество.

Брижит надеется, что будущее за молодым поколением, которое воспринимает ее не как кинозвезду, а скорее как «фею — крестную наших меньших братьев».

Его высочество принц Садруддин Ага Хан, чей собственный фонд «Белльрив» нередко принимает участие в акциях по защите животных, считает, что эта новая ее роль служит вдохновляющим примером для других.

Брижит и Ага Хан объединили силы в сентябре 1993 года, добиваясь принятия новых правил, касающихся более гуманного обращения с животными во время перевозки их на бойни. Это были два возмущенных голоса, громко протестующих против бесчеловечной практики, когда бычков, овец и других животных заставляли на протяжении нескольких дней томиться в тесных фургонах или трюмах без еды, питья и отдыха. Накануне того дня, когда они должны были вручить ноту протеста Европейской Комиссии, Брижит подхватила грипп и слегла с высокой температурой. Но поскольку она считала своим прямым долгом привлечь всеобщее внимание к этой проблеме, то, преодолевая нездоровье, поднялась с постели и на день отправилась в Брюссель.

По словам принца, в этом поступке вся Брижит.

«Самое поразительное в ней то, что она никогда не теряет присутствия духа. В ней через край бьет энергия. И это позволяет ей находить в себе новые силы. А еще Брижит понимает, что, в первую очередь, важна сама борьба. К сожалению, еще очень многие воспринимают ее как старившуюся кинозвезду, которая в молодости сделала себе имя смазливой внешностью. Но, похожему, люди несправедливы к ней или же их мучает

зависть, им следовало бы знать, сколько добрых дел на ее счету».

Среди ее заслуг можно выделить некую связующую нить, позволившую свести воедино совершенно разные, на первый взгляд, вещи.

«Она открывает людям глаза на ту связь, что существует, скажем, между охотничьим промыслом и транспортировкой или же транспортировкой и вивисекцией. Поначалу некоторым казалось, что сегодня она, например, занимается корридой, а завтра ее внимание перескакивает на «ночлежки» для животных. Без подсказки люди не видят между этими проблемами никакой связи. И тогда Брижит берется им это разъяснить, причем главное для нее — помочь людям осознать, что мы должны изменить свое отношение ко всем живым существам, включая животных. А для этого необходимо пересмотреть весь наш взгляд на мир.

Именно эту мысль она — причем довольно успешно — вколачивает в наши головы. Вот почему я считаю, что сделанное ею невозможно переоценить. Она не какая-нибудь там сюсюкающая добрая душа, умиляющаяся ласковым пушистым созданиям. Она — это в первую очередь — мировоззрение, человек, который не боится открыто заявлять о своих убеждениях. Беда в том, что многие этого еще не поняли».

ЭПИЛОГ

«Однажды, — сказала Бардо в 1971 году, — мне стукнет шестьдесят. Но я все равно останусь маленькой девочкой. Маленькой девочкой, которой шестьдесят лет».

Гарриг — означает кустарник. А ее «Гарриг» — это французская разновидность ранчо. Брижит построила здесь крошечный домик — типично сельский, придав ему множество разнообразных декоративных штрихов, наглядно свидетельствующих о ее четком, чуждом всякой вычурности вкусе. Вы входите в дом через низкую дверь и оказываетесь в кухне. Возле окна направо стоит стол со стульями, где они с Бернаром едят, если это невозможно сделать на открытом воздухе. А так, обычно, они накрывают на стол в саду.

За кухней расположена гостиная: здесь несколько диванов, телевизор, стереоустановка, вокруг которой разбросаны лазерные диски с записями классики. На одной стене висит портрет какого-то далекого ее предка по материнской линии — когда-то он служил префектом на Корсике. В дальнем конце гостиной — дверь в спальню.

Сбоку, на одну ступеньку вниз, примостился крошечный кабинет, где она работает — здесь стоят письменный стол и стул, а вдоль стен книжные полки. Многие из них повествуют о жизни в Провансе начала века, когда люди жили простой бесхитростной жизнью и были намного ближе к природе. Это ее любимое чтиво.

Брижит обожает писать письма — это ее любимый способ общения. В ее представлении он более душевный, нежели разговоры по телефону. У нее четкий крупный почерк с округлыми буквами, словно некая школьная учительница в свое время часами заставляла ее просиживать за партой, занимаясь чистописанием. Но и орфография в ее письмах безупречна, да и грамматика тоже. Ее словарный запас поражает своим богатством — это сочная смесь сугубо книжных слов. Такие обычно представляют идеальный материал для кроссвордов и уличного сленга.

Несколько дней назад — кажется, когда Брижит очищала ящик стола от ненужного хлама — она послала многим своим знакомым их старые фотографии. Вот так — просто взяла, разложила их по конвертам и разослала по адресам.

«Гарриг» для нее — это своеобразное воплощение полного разрыва с прошлым.

И когда она там — будьте добры придерживаться правил. Первое — никому не позволено беспокоить ее в «Гарриге» по телефону. Это место для нее — нечто вроде отшельничьего скита, убежища ото всех, в том числе и от друзей, и если вдруг телефон зазвонит, пеняйте на себя. Недавно подобную ошибку допустил один из ее близких друзей — просто набрал ее номер, чтобы спросить, как у нее дела — и нарвался на грубость. Брижит наорала на него, чтобы он больше никогда — да, да, никогда! — не смел звонить ей сюда, а затем в сердцах швырнула трубку, прежде чем ее собеседник сумел собраться с мыслями.

Но даже если она находится там, куда ей можно звонить — например в «Мадраге», — друзья знают, что по утрам, часов до одиннадцати, этого лучше не делать. И дело не в том, что она еще

спит. Наоборот, порой она встает очень рано и все утро проводит вместе со своими питомцами. Просто, по мнению Брижит, утро должно быть размеренным, оно не терпит суеты и предназначено для того, чтобы поработать, побыть одной, прогуляться с собакой. И поэтому она терпеть не может, когда кто-то вторгается в ее жизнь в утренние часы.

По всему дому и вокруг нее разгуливают собаки и кошки, а сам дом скрыт от посторонних глаз густым лесом. Рядом огороженный выпас, где Брижит держит пару лошадей, ослика, нескольких коз и овец. Тут же рядом находится кладбище домашних животных — место последнего успокоения ее четвероногих питомцев. На небольших табличках написаны их имена.

За домом, на полпути к вершине холма, неподалеку от узкой грунтовой дороги, которая прорезала лес, притулилась крошечная часовня — «Нотр дам де ля Гарриг», построенная в псевдомексиканском стиле. Вход в нее охраняет скульптура Святой Анны. Внутри — четыре молитвенных скамеечки и небольшая стопка молитвенников. Белые оштукатуренные стены увешаны изображениями святых и фотографиями животных. Здесь же фотография молодой девушки, о которой Брижит заболела, когда та умирала от рака.

В часовне только одно помещение. Но этого вполне достаточно. Ведь это не какой-нибудь там личный собор для кинозвезды, это частная модельня женщины, если и не фанатично верующей, то наверняка духовно богатой.

Никто не возьмется точно сказать, сколько всего животных обитает в «Гарриге», да и ей самой это неизвестно. Кошки забредают к ней, с тем чтобы снова куда-то пропасть, причем у некоторых из них имеется удивительная привычка заявлять о

своим присутствии к обеду. Но это не главное. Если вы собака или кошка, дом Бардо открыт для вас круглые сутки.

Единственное, что роднит всех ее четвероногих подопечных, это то, что все они так или иначе были спасены от печальной участи: лошади — от бойни, собаки и кошки — от хозяев, подвергавших их всяческим издевательствам.

Брижит знает всех своих подопечных. Все они знают ее. И когда она приезжает домой, радости их нет предела. Собаки и кошки, как обезумевшие, носятся вокруг нее. Лошади приветствуют ее ржанием, осел весело кричит, и даже козы подают голос. Они подходят к ограде и дожидаются свою хозяйку, оглашая усадьбу радостной какофонией: ржанием, блеянием и меканьем — словно желая напомнить о своем существовании. Сразу видно, что все чувства здесь взаимны.

В отличие от «Мадрага» этот ее дом хорошо защищен от посторонних глаз. Если вы спуститесь через лес вниз по тропинке с крутого холма, то окажетесь на крошечном пляже, однако с берега сам дом не виден. Брижит обожает прогуливаться здесь со своими собаками. Однако делает она это, как правило, рано утром, прежде чем на пляже начнут собираться купальщики, или же под вечер, когда берег пустеет. В наши дни она стремится, по возможности, избегать людей.

Однако все еще не перевелись любители навещать к ней без спроса. Несколько лет назад какой-то нахал даже попробовал посадить у нее перед домом вертолет.

В последние годы у Брижит вошло в привычку первую половину дня проводить в «Мадраге» — читая, разбирая почту, занимаясь делами фонда, а под вечер снова возвращаться в «Гарриг». Где она будет ночевать, в котором из своих домов — це-

ликом и полностью зависит от ее настроения на данный момент.

«Я не строю планов на будущее — говорит она. — Это самый верный способ не думать о том, что живешь настоящим».

Ольге Хорстиг-Примуц не раз приходилось объяснять окружающим, что для Брижит даже обед, запланированный на неделю вперед, подобен тюремному сроку. Она согласна жить лишь настоящим моментом.

После долгих суматошных лет Брижит наконец обрела душевное спокойствие. Перед вами та, кому выпало познать все — и головокружительные взлеты, и жестокие падения; та, которая — пусть на короткий срок — ошибочно приняла славу за реальную жизнь и которая с тех пор отчаянно пыталась обрести равновесие.

Ее сын Николя вместе с женой и дочерьми неплохо устроился в Осло.

Ее племянница Камилла живет в Париже.

В 1962 году Мижану вышла замуж за Патрика Бошо, молодого бельгийского кинорежиссера и актера. Долгие годы она держала магазинчик на левом берегу Сены. Сейчас она живет в норвежском домике своего детства, в окружении художников, чьи мольберты стоят прямо у нее в гостиной, и нескольких псов, которые приветствуют гостей, громким лаем и грязными лапами.

«После того как Брижит стала кинозвездой, то есть после фильма «И Бог создал женщину», я превратилась в сестру Брижит Бардо. Мне до смерти надоело, что меня вечно просили подражать ей. Я приехала в Голливуд, имея предложения о семилетнем контракте, и первое, что со мной там сделали, — это нарядили точь в точь, как ее. Я вернулась домой. Тогда еще я не отказалась от мысли сниматься в кино — пока как-то раз в Италии

меня не попросили дать автограф, но с условием, чтобы я расписалась «сестра Б. Б.». И все равно во многих отношениях мне повезло больше, чем Брижит. Я вечно сидела без гроша в кармане. У меня никогда не было таких бешеных денег, как у Брижит. Но зато я могла спокойно ходить по улицам, не опасаясь быть узнанной, могла при желании зайти в кафе или куда-нибудь еще. У меня, в отличие от нее, была свобода. Брижит же оказалась в ловушке собственного имени».

Бывшая агент Брижит, Ольга Хорстиг-Примуц, давно отошла от дел. Ее старая приятельница Кристина Гуз-Реналь по-прежнему снимает кино.

Роже Вадим тоже продолжает снимать кино. А несколько лет назад он женился на актрисе Мари-Кристине Барро.

«Я не видел Брижит несколько лет. Она сильно изменилась.

Когда мы жили вместе, все свой противоречия Брижит держала внутри. Она бывала просто чудо — веселая, радостная, непоседливая, но порой ее становилось не узнать — она впадала в уныние, и мы с ней начинали ссориться. Но все равно, противоречия раньше проявлялись не столь резко, как сейчас. Сегодня Брижит совершенно другой человек. Она не та женщина, вернее, не то дитя, которое я знал раньше; когда-то ее переполняла радость бытия, она была чуточку анархистка, которую не заботили земные блага, кто насмехался над твердо установленными правилами и предписаниями и, что самое главное, кто мог расхаживать повсюду с видом полнейшего безразличия. Сегодня это совершенно другой человек. За последние десять лет, если не больше, никто не сказал ей и словечка правды. Если человек не желает ей во всем поддакивать, она находит способ избавиться от него. Последние из ее друзей, те, кто не мог крикнуть душой — где они теперь? Брижит отверну-

лась от них. А те, что еще остались, боятся даже пискнуть. Они почему-то считают, будто люди приходят к ней лишь тогда, когда им от нее что-нибудь нужно, будто они делают это лишь из каких-то корыстных побуждений. А это, в свою очередь, лишь усиливает ее одиночество. Меня, правда, подобным не удивишь. Еще в былые дни, когда кто-нибудь осмеливался сказать ей правду, она и слушать не желала. Никто даже заикнуться не смел. И хотя Брижит не единственная женщина в моей жизни, но таких, как она, было трое. Две другие? Джейн Фонда и моя нынешняя жена, Мари-Кристин Барро. Под конец мне досталась самая лучшая из женщин».

Жак Шарье живет в Париже и уже успел стать дедушкой. Перестав сниматься, он ушел в продюсеры. Но в наши дни вернулся к своему первому призванию — живописи.

Гюнтер Закс с 1969 года женат на потрясающе красивой шведке по имени Мирья Ларсон. У них двое детей, к тому же у Гюнтера есть еще и сын от первого брака. Закс, как и Шарье, тоже дедушка. Живет он, главным образом, в Мюнхене, хотя проводит немало времени и в других своих домах, разбросанных по всему свету.

«Их у меня, если не ошибаюсь, двадцать пять. А может, и двадцать семь. Точно не помню. Из-за этого вечно приходится ломать голову, какой ключ подходит к какой двери». По утрам он занимается бумагами и просматривает отчеты, а вторую половину дня проводит в фотолаборатории. Его фотоработы можно увидеть в выставочных залах и на страницах книг.

Боб Загури женат на американской модели, с которой он познакомился в Париже. У них дочери-близнецы.

Ален Бугрен-Дюбур по-прежнему снимает телепередачи о животных.

Мирко, скульптор, какую-то часть года живет в Бургундии, вторую половину проводит в горах.

Старые приятели Брижит — Кристиан Бренкур, Филипп Летельер, Филипп д'Эксеа и Эдди Барклай — живы и здоровы и обитают в Париже. Как и прежде, они проводят лето в Сен-Тропезе, но Брижит они не видели уже давно.

Жикки Дюссар живет рядом с нею, неподалеку от «Гаррига». Занимается живописью. Анна Дюссар осталась в Париже. Издает журнал.

Джо де Салерн все еще пытается бороться за репутацию родного городка.

Саша Дистель счастлив в браке и по-прежнему поет. Луи Маль женат на Кэндис Берген.

Серж Маркан играет на парижской сцене. Там же — Кристиан Маркан.

Андре Пуссе уже за семьдесят, он все так же играет, все так же держит свой ресторан, все так же жалуется, если проигрывает в «pétanque», и все так же скуп.

Майк Сарн снимает фильмы в Лондоне.

Кристофер Уэдоу живет в Штатах.

Жан-Луи Трентиньян одно время был женат на сестре Марканов Надин, но затем они развелись, и теперь он пребывает на заслуженном отдыхе. Сэми Фрей все еще снимается. Сержа Гейнсбурга уже нет в живых. Многие другие просто как-то незаметно канули в небытие и живут теперь собственной жизнью. И нам не дано узнать, остались ли у них воспоминания о днях, проведенных рядом с нею.

«Каждый день я благодарю Бога — говорит она. — Не знаю, есть ли у него борода. Я вообще не знаю, кто он такой. Но каждый день я благодарю его за то, что живу на этом свете. Больше мне от него ничего не нужно».

На протяжении обеих ее жизней ей не раз

выпадал повод радоваться, что она — Брижит Бардо. Но в этой, теперешней, подобные случаи имеют место гораздо чаще, чем в той, прежней. «В моем представлении кино неразрывно связано с ужасной суматохой, и я больше не желаю о нем слышать».

По ее словам, главное для нее теперь — это та любовь, которую она читает в глазах своих собак, слышит в мурлыканье кошек, ощущает в теплом прикосновении лошадиной морды — еще бы! Ведь кто, как ни она, спасла их от страшной участи. Жизнь для нее — это ее козлята и барашки, которым не придется закончить свое существование на вертеле. Главное, говорит Брижит, она обрела любовь, причем такую, которой не страшно время.

Однажды, несколько лет назад, гуляя под вечер с друзьями в Сен-Тропезе, Брижит услышала, как кто-то из туристов, узнав, отпустил в ее адрес замечание: «*Qu'elle est moche*» — «До чего же она страшна!» Брижит сделала вид, что не расслышала, но когда турист удалился от них на достаточное расстояние, напомнила друзьям: «Я не страшна. Я — Брижит Бардо!»

Для многих таковой она и останется.

Олицетворением женственности двадцатого века.

Ей незачем переживать за свою внешность. Она потрясающе красива. Ей нет причин сомневаться в своей привлекательности. Она само совершенство, его живое воплощение. В ней совершенно все. Цвет волос. Кожа. Зубы. Ноги. Ногти. Глаза. Скулы. Походка. Улыбка. То, как она спит, как она смеется, как хмурится. Более того, она превзошла само совершенство, став единственной и неподражаемой.

Правда, найдутся и такие, кто станет утверждать, будто она — жертва Вадима. Будто много лет назад он продал ей не тот товар. Якобы при

ближайшем рассмотрении оказывается, что женщины должны вести себя как женщины, и если вы превращаете женщину в мужчину — и она начинает рассуждать как мужчина и жить как мужчина, — то вы тем самым отнимаете у нее нечто сугубо женское.

Брижит неизменно отметала подобные домыслы: «Вадим меня не создавал. Я уже существовала, как мне того захотелось, со своими собственными убеждениями, основанными опять-таки на собственных умозакключениях. И если мне что-то не нравится и я не черпаю в этом удовольствия, я просто этого не делаю. Это моя, так сказать, «детская» сторона. Вадим же ни к чему меня не принуждал. Все решения я всегда принимала сама. Так что все ошибки — тоже мои».

И тем не менее, до Вадима, настаивают многие, она уже была Брижит Бардо, подобно тому, как Микки Маус всегда оставался милой мышкой, любителем сыра. Но однажды появился Уолт Дисней. Так что Вадим лишь преподнес ее нам, причем сделал это с блеском. Он поставил на нее из-за своего честолюбия. Он стал ее Уолтом Диснеем. Спустя все эти годы, она вполне могла бы стать самой шикарной шестидесятилетней дамой в мире — носить безукоризненную прическу, шикарную одежду, дорогую обувь, — словом, все с иголочки. Но она этого не делает. Не желает. У нее до сих пор фигура — двадцатилетием узкие бедра и великолепные ноги. Лишь черты лица стали несколько тяжелее. Брижит до сих пор позволяет себя фотографировать, но обычно эта честь выпадает тем, кому она доверяет. По словам фотографов, она не разрешает им снимать себя крупным планом.

Однажды кто-то из знакомых затронул весьма щекотливую тему — подтяжку лица, правда, сказано это было о ком-то еще, но Брижит категори-

чески отмахивается, считая это величайшей глупостью. Она вообще против подобных вещей. По ее словам, она такая, какая есть, и не желает строить из себя кого-то лет на тридцать моложе.

Но с другой стороны — почему бы не рискнуть? Ее глаза все так же хороши, губы тоже, а кожа на редкость нежна.

Стоит поцеловать это лицо — хотя бы в щеку, как принято у французов, — как тотчас закружится голова и вас охватит пьянящее чувство. Что ж, оно того стоит.

Нет ни малейшего сомнения в том, что Брижит и Франция неотделимы друг от друга. Она — из разряда таких понятий, как Лувр и Эйфелева башня. 4 июля 1986 года, в ознаменование столетия Статуи Свободы, Жак Ширак, премьер-министр, преподнес в дар Соединенным Штатам небольшую статуэтку обнаженной Бардо в позе знаменитой статуи. Так что в некотором, весьма ощутимом, смысле Бардо навсегда будет символизировать Францию.

Но все это для нее — пустой звук, если только это нельзя обратить на пользу животным.

Слово «миф» приводит ее в ярость.

Теоретически она должна бы считаться королевой Сеп-Тропеза. Хотя среди местных жителей — тех, кто поддерживал бы ее фонд, — наберется чуть больше десятка. В какой-то момент таковых насчитывалось всего шесть человек, и один из них был так зол на нее, что упорно не желал возобновить пожертвования.

Если учесть, что немалое число горожан все эти годы так или иначе жили за счет ее славы, то 12 человек сочувствующих из пятитысячного населения — это ничтожно мало. Так что Брижит права, когда говорит, что жителям Сен-Тропеза давно пора устыдиться самих себя.

И тем не менее, в эти годы водить дружбу с

ней — нелегкое дело, даже когда она в настроении. Что же говорить о тех минутах, когда она не в духе. Осколками былых привязанностей, можно сказать, усеяно все побережье на многие мили вокруг. Так что люди проявляют вполне понятную осмотрительность, опасаясь, как бы, часом, не наломать дров и, не дай бог, ненароком испортить ее драгоценное настроение. Лишь те, кто на сто процентов уверен в себе, кто точно знает, что им никому ничего не надо доказывать, кто ни разу не опустился до заискивания перед ней — лишь этим стойким натурам по плечу это тяжкое испытание.

«Она умеет расположить к себе улыбкой, смехом, даже надутыми губками, — замечает кто-то из старых друзей, — и нет никакой разницы, сердиты ли вы на нее или она на вас, но люди неизменно возвращаются к ней. От Брижит невозможно долго держаться на расстоянии». В некотором роде, то удивительное приключение, что представляла ее жизнь, сводилось к поиску и обретению любви. И когда вы говорите ей, что даже те люди, с которыми она больше не видится, те, кто зол на нее из-за какого-нибудь ее фортеля или размолвки, — когда вы говорите ей, что все они утверждают: мол, даже несмотря на то, что мы больше не видим друг друга, все равно у нас в душе осталось к ней теплое чувство — когда вы говорите ей, что ее по-прежнему любят, глаза ее загораются и она спрашивает: «Правда?» А когда вы говорите: «Да-да, это правда», на какое-то мгновение вы вновь узнаете в ней ту маленькую девочку, все еще живущую в шестидесятилетней женщине, которая оказалась заложницей славы и которая в конечном итоге неизменно желала одного — чтобы ее любили.

Однажды жила-была роза.
И рука, что держала эту розу.
А на ее конце — Джеффри.

Именно так 10 декабря 1993 года я познакомилась в Сен-Тропезе с человеком, который, взявшись писать эту книгу, взвалил на себя громадную ответственность.

В тот день, в окружении бездомных псов, которых я тщетно пыталась пристроить к кому-нибудь на «Звериное Рождество», я познакомилась с Джеффри Робинсоном, которого до этого опасалась, избегала словно чумы — очередной тип, вознамерившийся писать обо мне, очередная тяжба, очередной посторонний человек, сующий нос в мою жизнь, сплетник, приспособленец.

Но затем, выслушав его, я сдалась. Он сумел рассмешить меня. Он предложил взять себе моих собак, моих кошек... он обладал редкостным обаянием и располагающим чувством юмора.

Он рассказал мне ряд историй про моего деда — Бума, словно знал его всю жизнь, он рассказал мне о моем детстве, о моей жизни. Я была заворожена правдивостью и тонкостью его замечаний.

Я доверяю ему, потому что он знает меня даже лучше, чем я сама. Я благодарна ему за его щедрость — готовность пожертвовать часть гонорара моему фонду ради дела защиты животных.

Брижит Бардо.
Сен-Тропез, март 1994 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ - БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ.....	9
Жизнь в осаде.....	11
Буржуазия.....	24
Вадим.....	49
«И Бог создал женщину».....	84
Шарье.....	115
День Рождения не в радость.....	147
Главное — не сорваться.....	171
Закс.....	206
Пора подвести черту.....	240
ЖИЗНЬ ВТОРАЯ - РОЖДЕННАЯ ЗАНОВО.....	267
Помешательство продолжается.....	269
Спасая морских котиков.....	295
Битва у Сен —Тропеза.....	316
Склочная особа.....	342
Таинственная незнакомка.....	373
В наследство потомкам.....	402
Д'Ормаль.....	434
Эпилог.....	463

Литературно-художественное издание

Джеффри Робинсон
БРИЖИТ БАРДО.
ДВЕ ЖИЗНИ

Роман

Технический редактор М. Г. Соловьева

Подписано в печать 06.08.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура «Балтика».
Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 21,43.
Тираж 21 000 экз. Зак. 1453.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.
Лицензия ЛВ 613 от 29.09.93.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ 1997 ГОДА:

Серия «Женщина-миф»

(7БЦ, 84X108/32, объемом 450 – 640 стр.)

Рассказ о судьбах женщин, чьи имена при жизни стали легендами в истории, политике, искусстве.

Э. Саммерс «Богиня. Тайны жизни и смерти Мэрилин Монро»
Единственное в своем роде произведение о Мэрилин Монро, созданное на строго документальной основе.

Дж. Уилрайт «Мата Хари»	Л. Бодар «Тень Мао»
В. Федорова «Дочь адмирала»	А. Уолкер «Вивьен Ли»
К. Келли «Жаклин»	К. Эриксон «Екатерина Великая»
Г. Вишневская «Галина»	Г. Меир «Моя жизнь»
А. И. Ваксберг «Валькирия революции»	

Серия «Белая роза»

(3А, 70X100/32, объемом 350 – 450 стр.)

Издательство «Русич» предлагает читателям новую серию любовных романов. Книги этой серии украсят любую книжную полку, станут верным спутником в дороге и прекрасным развлечением в часы досуга.

«Карманный» формат, красочная обложка.

Мадлен Бейкер «Путь Лейси»
Алекса Сمارт «Тайные страсти»

Конни Мейсон «Погоня за счастьем»
Сьюзен Вигтз «Прими день грядущий»
Вирджиния Браун «Мятежные сердца»
Кэтрин Сатклифф «Игра теней»
Сьюзен Вигтз «Дороже всех сокровищ»
Мадлен Бейкер «Запретное пламя»

Робин Ли Хетчер «Навсегда твоя, Роза»
Элизабет Чедвик «Любовь не кончается». В 2 тт.
Тамара Лей «Звезда гарема»
Розалинда Лейкер «Розы во льдах»
Дженнифер Блейк «Эхо любви»
Ширли Басби «Всегда, когда любишь»

Серия «Алая роза»

(7БЦ, 84X108/32, объемом 400 – 500 стр.)

Популярная серия любовно-авантюрных романов. Женщины мечтают о сказке и видят себя героинями романов, в которых настоящие Мужчины совершают безумные поступки во имя прекрасных Дам.

Н. Хесс «Очарование нежности»
К. Эдвардс «Восторженное сердце»
Д. Э. Пауэр «Ангел страсти»
Э. Кей «Месть и любовь»
Ж. Мартен «Поцелуй Катрионы»

Ф. Майклз «Пленительные объятия»
Ч. Бигтз «Отверженные сердца»
Н. Хесс «Луна над Теннесси»
Б. Кранн «Рай по завещанию»
К. Мейсон «Птица страсти»

Б. Кранн «Выбор страсти»
Л. Гринвуд «Виолетта»
Ж. Мартен «Сорвать розу»
Ф. Майклз «Опасный розыгрыш»

Серия «Азбука быта»

(7БЦ, 84Х108/32, объемом 450-640 стр.)

Книги серии адресованы читателям, стремящимся организовать свой быт и досуг максимально рационально и разумно. «Азбука быта» окажет практическую помощь в ведении домашнего хозяйства, приготовлении разнообразных блюд, в освоении нетрадиционных методов лечения и компьютерной техники, в организации ухода за домашними животными.

В. П. Дьяконов «Windows 95 на вашем компьютере»

А. И. Зюзин «Бытовые швейные машины»

М. М. Ильинский «Ее Величество Мода»

И. Крайнева «Отдыхаем всей семьей»

С. И. Колокольцева «Макраме»

В. Довгань «Книга о пиве»

«Книга о водке»

«Русские песни и романсы»

«Русские частушки»

«Любительская охота»

«Целительные соки»

«Секреты рыболовства»

«Золотая книга хорошего тона»

«Ремонт одежды и обуви»

А. В. Петроченков «РС – просто и ясно»

«Семейная астрология»

«Домашнее виноделие»

«Домашняя кулинария»

«Домашнее консервирование»

«Домашний кондитер»

«Книга о грибах»

«Ремонт квартиры своими руками»

«Книга о чае»

А. В. Вязанкина «Шью сама»

Серия «Азбука здоровья»

(7БЦ, 84Х108/32, объемом 400 – 608 стр.)

Справочные научно-популярные издания на медицинские темы рассматривают проблемы оздоровления человека, анализируют возможные причины возникновения различных недугов, дают рекомендации ведущих современных ученых, клиницистов, народных целителей. Книги серии послужат ценным подспорьем как для самих читателей, так и для лечащего врача.

Б. Губер, А. Шмидт-Форт «Ваш интимный партнер»

Г. Н. Ужегов «Биоритмы»

Н. Г. Сычева «Домашняя фитотерапия»

Г. Н. Ужегов «Старинные рецепты здоровья»

Г. Н. Ужегов «Секреты долголетия»

По вопросам приобретения книг, сотрудничества, а также с пожеланиями и предложениями обращаться:

Офис издательства в Смоленске: 214016, ул. Соболева, д. 7,
фирма «Русич»

тел.: (0812) 51-41-00, 51-46-98, 51-40-87, 51-41-27 (редакция), факс: (08122) 3-75-55.

Магазин-бибколлектор – тел.: (08122) 9-15-96.

Санкт-Петербург: фирма «Русич-Сан» тел.: (812) 589-12-23.

Москва: 129594, 4-я улица Марьиной рощи, 12, корп. 2

тел.: (095) 971-01-05,

тел./факс: (095) 971-69-17.

Ж Е Н Щ И Н А - М И Ф

Джеффри Робинсон «Брижит Бардо. Две жизни»

Книга Джеффри Робинсона – подробный интимный рассказ о «двух жизнях» Брижит Бардо – легенды мирового кино, знаменитой женщины и актрисы, ставшей символом Франции второй половины XX века. После шумного успеха во всем мире, в возрасте 39 лет, она решила начать новую жизнь. Отгородившись от суетного мира славы, обожания и преследований поклонников и репортеров, Бардо посвятила себя делу охраны животных.

Книга написана на основе многочисленных интервью с самой актрисой и ее близкими.

